

А. С. Пученков

**МИХАИЛ СЕРГЕЕВИЧ ГОРБАЧЁВ:
СТРАНИЦЫ ИЗ ЖИЗНИ ПРЕЗИДЕНТА
СОВЕТСКОГО СОЮЗА**

30 августа 2022 г. в Москве, в Центральной клинической больнице, на 92-м году жизни скончался первый и единственный Президент СССР Михаил Сергеевич Горбачев. Последние годы пожилой политик долго и серьезно болел, хотя и продолжал интенсивно работать, его знания и опыт были востребованы и у нас в стране и за рубежом: до конца своих дней Горбачев вновь и вновь возвращался в своих статьях, книгах и публичных выступлениях к незабываемой эпохе перестройки; в своих посланиях, обращенных к мировым лидерам, вспоминая об уникальном опыте политики нового мышления и мирного окончания холодной войны, последний руководитель советского государства призывал к снижению накала напряженности в международных отношениях.

Во всем мире М. С. Горбачев обладал поистине громадным авторитетом, воспринимаясь как политик огромного масштаба, изменивший в лучшую сторону историю человечества и отодвинувший угрозу ядерной войны. Однако, как известно, нет пророка в своем Отечестве: немалая часть соотечественников относилась и относится к Горбачеву недоброжелательно, видя в нем едва ли не единственного виновника распада СССР в 1991 г.; при этом, говоря откровенно, к моменту своего ухода в отставку Михаил Сергеевич растерял большую часть своей без всякого преувеличения небывалой популярности, которая обрушилась на него в марте 1985 г. — вскоре после того, как он был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС и объявил о начале политики перестройки, подарившей каждому советскому человеку надежду на изменение нашей общей жизни к лучшему; она была воспринята, пожалуй, всем миром как исторический *шанс*, а ее инициатору — Горбачеву — поверили миллионы и миллионы людей — в Союзе и за рубежом — во многом благодаря его феноменальной для политика

такого масштаба искренности и неистовой вере в перестройку и ее идеалы. Наверное, никто в мире, включая самого Горбачева, в начале перестроечной эпохи не мог и подумать о том, какие грандиозные перемены произойдут в СССР в ближайшие годы; вряд ли кто-то мог предвидеть и произошедший спустя неполных семь лет после прихода нового генсека к власти распад Советского Союза и образование на его месте 15 независимых государств; трудно было предвидеть и добровольную отставку Михаила Сергеевича с поста Президента СССР, учрежденного лишь за год до этого, и декретирование в СССР свободы слова, альтернативные выборы и отказ КПСС от закреплённой 6 статьёй Конституции фактической монополии на власть, и ликвидацию Организации Варшавского Договора, и объединение Германии, и многое-многое другое. Хотим ли мы этого или нет, но мы и по сию пору живем в мире, в значительной степени порожденном политической волей и смелостью Михаила Горбачева, инициировавшего перестройку — слово, которое и до сего времени является международным, то есть не нуждающимся в переводе; а за то, что последний лидер СССР когда-то подарил всем нам веру в абсолютно новую и справедливую жизнь, — глубокая и искренняя благодарность Михаилу Сергеевичу. О деятельности Михаила Сергеевича Горбачева (02.03.1931–30.08.2022) на посту главы государства — этот очерк, предвещающий антологию мемуарных и документальных свидетельств об инициаторе перестройки.

Оговорим особо, что в задачи автора этих строк не входит написание подробной биографии Горбачева в «догосударственный» период его жизни, это достаточно подробно освещено как в многочисленных версиях воспоминаний самого Михаила Сергеевича¹, так и в книгах, посвященных последнему советскому лидеру². Предлагаемый вниманию читателя очерк — лишь набросок, затрагивающий отдельные аспекты перестроечной эпохи — времени, навсегда неотделимого от неповторимой личности самого Горбачева, времени, когда глава советского государства предпринял самый масштабный в истории нашей страны реформаторский проект, времени, на которое приходится пик политической карьеры Михаила Сергеевича, родившегося и получившего образование при Сталине и пришедшего в большую политику — при Брежнев.

¹ См.: Горбачев М. С. 1) Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 1. М., 1995; 2) Наедине с собой. М., 2012.

² Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время. М., 2019. См. рецензию на эту книгу: Пученков А. С. Победы и поражения Михаила Горбачева // Российская история. 2019. № 2. С. 205–213.

Естественно, что этот очерк посвящен лишь некоторым сюжетам, связанным с фигурой Горбачева — в нем нет места анализу экономической жизни страны, военным действиям в Афганистане, изучению межнациональных конфликтов на территории Закавказья и Средней Азии, культурной, научной и спортивной жизни СССР в годы перестройки; в области внешней политики, ввиду объема издания, автор имел возможность остановиться лишь на истории советско-американских отношений, не имея возможности подробно рассказать о роли Горбачева в объединении Германии, налаживании советско-китайских отношений и укреплении советско-индийской дружбы и т. д.; наконец, в нем чрезвычайно конспективно рассмотрена акция ГКЧП и вопрос о жизни Михаила Сергеевича «после Кремля». При этом наибольшее внимание автор этих строк уделил периоду с 1989 по 1991 г. — второму и, наверное, важнейшему этапу политики перестройки. Словом, перед нами — лишь отвечающая вкусу автора подборка эпизодов из истории перестройки и жизни ее инициатора, позволяющая, на наш взгляд, составить хотя бы какое-то представление о Первом Президенте СССР М. С. Горбачеве, его стиле как крупного руководителя, особенностях характера и, главное, политическом мировоззрении одного из крупнейших политиков XX века.

Стремительный взлет Горбачева начался еще при Брежневев: с 10 апреля 1970 г., по согласованию с членами Политбюро и персонально с Л. И. Брежневым, Михаил Сергеевич был назначен первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС; с 1971 г. — член ЦК КПСС. К тому моменту Горбачев, закончивший юридический факультет МГУ и вернувшийся на родное Ставрополье, уже успел проявить себя на партийной работе. Молодой и образованный коммунист всего себя отдавал интересам дела. Еще в Москве Михаил Сергеевич познакомился с Раисой Максимовной Титаренко — женщиной, с которой он связал всю свою жизнь. Горбачев глубоко и искренне любил свою жену, ее преждевременный уход из жизни был для него тяжелейшим ударом. «Мы с Раисой были привязаны друг к другу насмерть, — признавался Михаил Сергеевич¹. Семья всегда была для Горбачева надежным тылом. Вопреки позднейшим измышлениям, никакой тяги к роскоши или чрезмерного карьеризма у Михаила Сергеевича не наблюдалось. «Михаил Сергеевич производил хорошее впечатление. Молодой, энергичный, общительный... Семья была скромной. Дочь Ирина — умная, красивая девочка-старшеклассница, Раиса Максимовна — скромный преподаватель сельхозинститута. Жили

¹ Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 402.

они без излишеств. Даже дачи — обычного финского домика — не имели. По выходным выезжали на природу. Ходили пешком по двадцать и более километров. Бражничать не любили. Правда, по праздникам собирались у друзей. По очереди...» — таким запомнился М. С. Горбачев умному и наблюдательному генералу КГБ Э. Б. Нордману, работавшему вместе с будущим генсеком на Ставрополье на рубеже 1960-х — 1970-х гг.¹ Э. Б. Нордман вспоминал, что «будучи первым секретарем крайкома, М. С. Горбачев работал много, заботился о развитии экономики края. Поддерживал и подхватывал хорошие инициативы. Интересно работал над своими докладами, статьями. Подготовит ему аппарат уйм материалы, напишет “болванку”. Он все это прочитывал, осмысливал, затем закрывался на несколько дней в кабинете и диктовал стенографистке свой текст, который затем обсуждался коллегиально. Не один раз наедине мы обсуждали проблемы в крае и стране. Уже тогда всех тревожила обстановка. Понимали, что нужны реформы. Но я не помню, чтобы у Горбачева возникали идеи, подобные тем, которые у него появились в 1986-м и в последующие годы»².

Судьбоносным моментом для последующей карьеры Горбачева было его знакомство с влиятельнейшим членом Политбюро, Председателем КГБ СССР Ю. В. Андроповым, в течение многих лет отдыхавшим на курорте в городе Железноводске Ставропольского края. Именно Андропов увидел в местном партийном лидере огромный политический потенциал и фактически инициировал идею постепенного перевода Горбачева в Москву. По словам Горбачева, Андропов искренне симпатизировал ему; несмотря на разницу в возрасте, между ними возникли товарищеские отношения. «Были ли мы достаточно близки? Наверное, да. Говорю это с долей сомнения, потому что позже убедился: в верхах на простые человеческие чувства смотрят совсем по-иному. Но при всей сдержанности Андропова, я ощущал его доброе отношение, даже когда, сердясь, он высказывал в мой адрес замечания», — пишет в книге своих воспоминаний М. С. Горбачев.³ Андропову импонировал молодой, энергичный и феноменально работоспособный Горбачев, выделявшийся на общем фоне партийных работников своим пытливым умом и деловой хваткой. Помимо Андропова, с симпатией к Горбачеву относился и «серый кардинал» брежневского Политбюро М. А. Суслов.

¹ Нордман Э. Б. Штрихи к портретам: Генерал КГБ рассказывает... [В/м.], 2005. С. 18–19.

² Там же. С. 20–21.

³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 1. М., 1995. С. 148.

Вопрос с переездом на работу в столицу мог бы так никогда и не решился, но в дело вмешался Его Величество Случай. «Дорогу в Москву» для Горбачева открыла неожиданная смерть его давнего покровителя, Ф. Д. Кулакова, отвечавшего в Политбюро за сельское хозяйство. Михаила Сергеевича, в тот момент уже не первый год руководившего Ставрополем, в Москве воспринимали в первую очередь как партийного работника, хорошо разбирающегося в сельском хозяйстве. Благодаря смерти Кулакова, образовалась именно та вакантная должность, на которую Горбачев мог и должен был претендовать. По инициативе Ю. В. Андропова, 17 сентября 1978 г., на железнодорожной станции Минеральные Воды состоялась так называемая встреча «четырех генсеков» — действующего партийного лидера, Л. И. Брежнева, ехавшего на поезде в отпуск, и трех будущих генсеков — Ю. В. Андропова, находившегося на отдыхе в Железноводске; К. У. Черненко и главы Ставропольского края — М. С. Горбачева. Фактически эта встреча была «смотрины» Горбачева как потенциального кандидата на перевод в Москву на ставшее вакантным после смерти Кулакова место секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству. Вероятно, Михаил Сергеевич произвел на генсека благоприятное впечатление: Горбачеву предложили занять освободившееся после смерти Ф. Д. Кулакова место секретаря ЦК КПСС¹. 27 ноября 1978 г. на Пленуме ЦК КПСС Горбачев был избран секретарем ЦК, а уже через год, 27 ноября 1979 г. стал кандидатом в члены Политбюро; а год спустя (21 октября 1980 г.) — полноправным членом Политбюро ЦК КПСС, попав, таким образом, в число небожителей, вождей Советского государства. Вместе с тем нельзя не признать, что в эпоху Брежнева М. С. Горбачев все еще находился во втором эшелоне высших руководителей, он не был близок к Леониду Ильичу — у власти находилось совсем другое поколение.

К началу 1980-х гг. Брежнев был уже тяжело болен, ему все тяжелее было исполнять свои обязанности главы государства; одряхление высшего руководителя сказывалось и на работе государственной машины в целом. К этому моменту Брежнев окончательно утвердился в качестве первого лица государства — возникший после отстранения от власти Н. С. Хрущева триумвират Брежнев — Косыгин — Подгорный уже стал достоянием истории, из его участников лишь один Леонид Ильич не только сохранил, но и укрепил свои политические позиции. Парадоксальным образом утверждение Брежнева в качестве фактически единоличного властителя страны совпало по времени с его стремительным

¹ Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 101.

одряхлением. В полном соответствии с российским политическим кодом болезнь главы государства предопределяла и болезнь общества — то, что потом метко будет названо «застоем», как бы не относиться к этому спорному термину.

Многие годы проработавший в аппарате ЦК КПСС А. С. Черняев, в 1986–1991 гг. — помощник генерального секретаря ЦК КПСС, а в 1990–1991 гг. Президента СССР М. С. Горбачева, — автор «Совместного исхода» — едва ли не самых известных и подробных дневниковых записей о финале советской эпохи, охватывающие период 1972–1991 гг. Ему же принадлежит и целый ряд мемуарных книг и публицистических статей. Оценки А. С. Черняева — высокопоставленного партийного работника и вдумчивого наблюдателя — чрезвычайно интересны и любопытны, его свидетельства активно используются профессиональными историками в исследовательской работе. Так, период от конца 1970-х гг. и до прихода к власти Л. И. Брежнева Черняев определил как «гниение» советской системы¹. «Гниение» это происходило на фоне развития болезни и старения Брежнева, на фоне которых стали отчетливее выступать присущие генсеку отрицательные черты. «Непомерное тщеславие делало его смешным, — писал Черняев, — абсолютная власть атрофировала самоконтроль. Снижалась дееспособность, физическое ослабление замыкалось в режиме — чтоб “поменьше беспокоили”. Это было на руку охранителям и идеологам, которые и определяли официальную атмосферу. Она становилась все более мрачной, безысходной. “Творческая интеллигенция” либо показывала кукиш в кармане, либо искала пристанище в вечных истинах любви и повседневных заботах, либо убаюкивала себя и публику напоминанием о благородстве и героизме отцов и дедов в далеком и близком прошлом. В аппаратах власти (не знаю, как в государственном, но в главном его аппарате, в ЦК, в некоторых его отделах, особенно в международных) образовался круг людей, которые соблюдая “правила игры” и смыкаясь с наиболее просвещенной и вольнодумной частью ученых в гуманитарных институтах Академии наук, в журналистике, все больше проникались чувством собственной ответственности за страну. Внутренне, духовно и нравственно (на уровне культуры) они уже отделили себя от начальства. Оно было им чуждо и неприятно даже по-человечески, в обычном общении. Однако и они продолжали жить *по инерции*. Пытались что-то подправлять, что-то улучшить, что-то навязать с помощью словесности (будучи спичрайтерами и советниками) в духе реалполитик и здравого смысла. Но не шли “на разрыв”,

¹ Черняев А. С. Был ли у России шанс? Он — последний. М., 2003. С. 10.

не зная сами выхода и повязанные привычкой, бытом, интеллигентскими сомнениями во всем и вся. Но именно в это время в их среде исподволь начало формироваться ядро кадров будущей перестройки»¹. «Перестройку, — по словам Черняева, — начала не молодежь, а шестидесятники вместе с бывшими “комбатами”. И жажда идейности, духовности, мучительный вопрос “за что боролись?!” в сгущавшейся атмосфере брежневиады сыграли свою роль»². В горбачёвскую пору все они — прошедшие войну и нашедшие свою *веру* в дни XX съезда — А. С. Черняев, А. Н. Яковлев, Г. Х. Шахназаров — будут помогать Горбачеву осуществлять, как метко ее назвал Яковлев, Реформацию в России³, — Перестройку.

«Официальная пошлость» в конце жизни генсека, восхваляющая Брежнева как «великого солдата», «выдающегося полководца» и т. д., воспринималась А. С. Черняевым, да, пожалуй, и всем Советским Союзом, как какая-то «фантасмагория»⁴, «полномасштабное национальное и международное бесстыдство»⁵, как симптом того, что «советское общество уже серьезно болело»⁶. В “империи”, по наблюдению Черняева, «дела шли с каждым годом все хуже»⁷. «Плохо слышащего и еще хуже понимающего больного человека», по выражению драматурга Э. С. Радзинского⁸, свита, которую устраивало существующее положение вещей, заставляла играть роль «короля». «Старение советского лидера было очень заметно», пишет автор крупнейшей биографии Брежнева С. Шаттенберг, отмечая, что «состояние здоровья Брежнева окончательно превратилось в политический фактор»⁹, хотя люди из окружения Леонида Ильича подчеркивали, что и голова, и политические инстинкты работали у генсека до последнего дня жизни¹⁰.

¹ Черняев А. С. Совместный исход: Дневник двух эпох, 1972–1991 годы. М., 2008. С. 81.

² Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. М., 1995. С. 398.

³ Яковлев А. Н. Николай Иноземцев — умен и удивительно современен // Николай Иноземцев: Личность и время. Воспоминания / Сост. и отв. ред. М. М. Максимова. М., 2004. С. 317–318.

⁴ Черняев А. С. Моя жизнь и мое время... С. 322.

⁵ Там же. С. 424.

⁶ Там же. С. 337.

⁷ Там же.

⁸ Радзинский Э. С. О себе. М., 2008. С. 248.

⁹ Шаттенберг С. Леонид Брежнев. Величие и трагедия человека и страны. М., 2018. С. 517, 521.

¹⁰ Архив автора. Интервью В. Т. Медведева, заместителя начальника личной охраны Л. И. Брежнева, начальника личной охраны М. С. Горбачева. Москва. 2020. 16 сентября; Архив автора. Интервью О. А. Сторонова,

Возвещенная Брежневым «стабильность» с ударением на первом слоге, как это делал не слишком культурный партийный деятель С. П. Трапезников, многие годы возглавлявший Отдел науки и учебных заведений ЦК КПСС, «свято сохранялась. Ибо это была основа самосохранения режима и власти “верха”. Нахлобучки, иногда оскорбительные, сносили, даже, бывало, ёрничали над собой, а вот чтоб прогнать — совсем другое дело!» — вспоминал Черняев¹, Номенклатура знала: до той поры, пока Брежнев жив и находится у власти, представитель партийной элиты обладает «охранной грамотой» от генсека и может не тревожиться за свое будущее. Именно поэтому партийная элита продолжала бороться за сохранение Брежнева на посту лидера партии и государства до последнего его часа². К тому же у группы высших руководителей тут был и свой вполне прагматический расчет: до ухода из жизни М. А. Суслова — фактически второго секретаря ЦК, мощной и независимой фигуры, влияние которой уравнивало все без исключения противоборствующие группы, — в начале 1982 г., ни один из наиболее влиятельных членов Политбюро — ни Андропов, ни Устинов, ни Громыко, ни Черненко, «великих стариков», как их называли в аппарате ЦК³, — не мог быть уверен в том, что именно он — лидер «президентской гонки»; на кого сам Брежнев делает ставку в качестве своего потенциального преемника оставалось тайной даже для самых посвященных. Брежнев, будучи виртуозом политической игры, эту информацию тщательно скрывал, умело порождая в Политбюро атмосферу интриг и недоверия. Старцы в Кремле, не желая терять свое положение, из всех сил поддерживали репутацию Брежнева как неутомимого и энергичного главы государства, не очень-то беспокоясь о том, какое это производит впечатление на народ. «Все в стране были возмущены, когда Брежнева под руки водили к трибуне. Мы все были возмущены, когда он не мог слова выговорить. Мы все были возмущены, когда первое лицо государства сидит в Баку и вращает перстень с бриллиантом. Но трагедия заключалась в том, что мы видели в жизни одно, а комментарии по телевидению, радио и в прессе были другие. Нас всех, видно, считали

коменданта дачи Л. И. Брежнева. Москва. 2020. 3 марта; Архив автора. Интервью В. Г. Мусаэльяна, личного фотографа Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Москва. 2020. 6 февраля.

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 9.

² Архив автора. Интервью В. Г. Мусаэльяна.

³ Архив автора. Интервью В. В. Прибыткова, помощника Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко. Москва. 2019. 10 июля.

набитыми дураками. Вот так и подорвался авторитет власти.... Когда я по-настоящему увидел эту кухню изнутри, то она произвела на меня тягостное впечатление. Я задавал себе вопрос: кто нами руководит? Что будет дальше? И, конечно, не только у меня были такие вопросы, все абсолютно обсуждали эти проблемы», — вспоминал Н. И. Рыжков¹. «Застой», неподвижность и косность политической элиты сочетались также и с «идиотской пропагандой» (определение крупнейшего журналиста перестроечной эпохи В. А. Коротича)², в лозунги которой не верила ни власть, ни армия пропагандистов, ни сам уставший от лжи народ. Унизительная и глупая цензура «текста и жизни» буквально пронизывала все советское общество, она озлобляла людей и дополняла унылую картину пережившей саму себя эпохи³.

В последние дни 1979 г. в общую кафкианскую картину существования брежневского Союза добавилась подлинная беда: Афганистан — все многолетние усилия по достижению «разрядки» полетели в тартарары. По словам А. С. Черняева, «обыденность служебного (и общественного) существования поблизости от власти, волочившей за собой великую страну непонятно куда, вдруг прорвалась в конце года нападением на Афганистан»⁴. В «афганской преступной аванюре», по словам А. С. Черняева, «сконцентрировались все пороки, вся глупость и социальная подлость режима»⁵.

До весны 1982 г. врачи все-таки ухитрились поддерживать состояние здоровья неуклонно слабеющего Брежнева. Страшная авария в Ташкенте весной 1982 г., в ходе которой Леонид Ильич едва не погиб, надломил генсека, он стал быстро угасать.⁶ Надо отдать должное Брежневу: генсек неоднократно просился на покой, однако, члены Политбюро отпускать его не желали; для них пребывание Леонида Ильича у власти *в любом состоянии* автоматически означало и продолжение их пребывания на занимаемых ими должностях. Большой Брежнев в качестве лидера государства их полностью устраивал. «Главное у нас — Леонид Ильич и его

¹ РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Запись бесед Н. И. Рыжкова с сотрудником Гуверовского института войны, революции и мира М. Макфолом. 1992. Л. 281.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР, главного редактора журнала «Огонек» В. А. Коротича. Москва. 2019. 20 июня.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР, драматурга А. И. Гельмана. Москва. 2020. 3 марта.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход. С. 387.

⁵ Там же. С. 432.

⁶ Архив автора. Интервью В. Т. Медведева. Москва. 2020. 16 сентября.

поддержка», — напутствовал Андропов только что приступившего к своей работе в Москве М. С. Горбачева¹. Просьбы генсека об отставке члены Политбюро игнорировали², опасаясь и утраты своего личного положения, и возможной провокации Брежнева а-ля Сталин. Представители ближайшего окружения Брежнева в беседах с автором этих строк подчеркивали наличие у Леонида Ильича искреннего желания оставить власть и уйти на покой; на этом же настаивала и Виктория Петровна, жена генсека³. Кого же Брежнев видел в качестве своего преемника — вопрос, по автору, открытый: генсек одновременно покровительствовал и исключительно близкому и преданному ему К. У. Черненко, подлинному «организатору работы ЦК», ключевому и незаменимому члену своей команды⁴, и 15 лет занимавшему должность Председателя КГБ СССР Ю. В. Андропову, в мае 1982 г. вновь назначенному на пост секретаря ЦК — на место умершего М. А. Суслова⁵. В последние месяцы жизни Брежнев стал называть в качестве своего преемника также и многолетнего партийного руководителя Украины В. В. Щербицкого⁶.

Охрана видела, что Брежнев очень слаб и скоро умрет⁷, хотя смерть и наступила неожиданно: накануне ухода из жизни Леонид Ильич чувствовал себя хорошо и утром собирался на работу⁸. Прямо над телом умершего Брежнева, «ореховая тройка» в составе Д. Ф. Устинова, Ю. В. Андропова и А. А. Громыко, быстро определилась с кандидатурой преемника скончавшегося руководителя партии. «Юра, ты второй человек в партии, а значит и в государстве. Заступай на место Леонида Ильича», — напутствовал Устинов Андропова, которого спустя несколько дней избрали на пост генсека⁹.

Резюмируя наблюдения над 1982-м г., годом смерти Брежнева, А. С. Черняев утверждал, что «год может быть назван преддверием перестройки»; общее состояние страны могло быть определено как «валютекущий, но малоизлечимый кризис — метастазы его

¹ Горбачев М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 256.

² Архив автора. Интервью В. Г. Мусаэльяна, В. Т. Медведева и О. А. Сторонова.

³ Архив автора. Интервью В. Т. Медведева.

⁴ Архив автора. Интервью В. В. Прибыткова, помощника К. У. Черненко. Москва. 2019. 10 июля.

⁵ Архив автора. Интервью В. Т. Медведева.

⁶ Архив автора. Интервью В. Г. Мусаэльяна.

⁷ Архив автора. Интервью В. Т. Медведева.

⁸ Архив автора. Интервью О. А. Сторонова.

⁹ Там же.

проникли во все сферы жизни деградирующего общества. Вопиющий маразм высшей власти, убожество и цинизм подавляющего большинства руководящих кадров сверху донизу исключал надежду на перемену, разве что — с приходом “нового царя” (нового Генсека после Брежнева)¹.

Имя этого «царя» стало известно советскому народу спустя считанные дни после смерти Брежнева — бывший Председатель КГБ СССР Ю. В. Андропов, несомненно самый сильный как в интеллектуальном, так и в лидерском плане, из представителей брежневской команды. На смену Брежневу пришел аскет, политик, привыкший работать в чрезвычайно напряженном ритме². В отличие от Брежнева, Андропов не терпел лести, не любил кичиться своим положением, лишь изредка, в своем кругу, употребляя такую фразу: «Я ведь тоже не самый последний человек в государстве»³. По словам помощника Ю. В. Андропова А. И. Вольского, «на фоне дряхлого, недееспособного позднего Брежнева Андропов, тоже глубоко больной человек, выглядел особенно вовлеченным в дела, думающим, по-своему прозорливым»⁴. По словам многолетнего соратника Андропова, видного дипломата В. Н. Казимирова, «ЮВЭ», как называли его в ближайшем окружении, был убежденный коммунист, но, будучи руководителем творческого, или, как сейчас говорят, креативного склада, понимал необходимость осторожных, но последовательных перемен⁵. Сколь далеко Андропов собирался зайти в своих преобразованиях, насколько они были бы радикальны, имел ли он долгосрочную стратегию развития страны — обо всем этом можно лишь догадываться. Вероятно, все эти вопросы и многочисленные недомолвки, связанные как с самой личностью Юрия Владимировича, так и с его политическим курсом, порождают так называемую загадку Андропова. «Как бы широко ни трактовать требования наведения порядка, сводить “год Андропова” лишь к этому — неверно, односторонне. У Юрия Владимировича было четкое видение перспектив развития страны, он не любил импровизации и шараханья, а на основе достигнутого ранее и творческого развития марксистско-ленинской теории

¹ Черняев А. С. Совместный исход. С. 526.

² Захаров О. О Юрии Владимировиче Андропове. Из записок бывшего секретаря трех Генсеков // Гласность. 1991. 8 августа.

³ Кирпиченко В. А. Из архива разведчика. М., 1993. С. 152.

⁴ Завада М., Куликов Ю. «Попробуйте меня от века оторвать...»: Диалоги с Аркадием Вольским. М., 2006. С. 69.

⁵ Интервью В. Н. Казимирова, чрезвычайного и полномочного посла СССР. Москва, 2019. 4 декабря

планировал обновление социализма, понимая, что социализм нуждается в глубоких и качественных изменениях», — писал Е. К. Лигачев, также выдвиженец Ю. В. Андропова, переведенный им на работу в Москву заведующим отделом ЦК КПСС, а вскоре избранный и секретарем ЦК¹.

Что же реально успел сделать Андропов? По словам секретаря Андропова О. Захарова, за короткое время правления Андропова «сделано было немало, особенно по укреплению порядка в стране, очищению партийных рядов. Вспомните всех этих медуновых, щелоковых — они слетели при Андропове. Расследование преступлений в Узбекистане тоже началось при нем. И это факт — при Андропове мы “за бесплатно”, не израсходовав ни единой копейки, лишь подтянув дисциплину, добились прироста производства на четыре процента. По сути дела, Андропов начал открывать дорогу гласности»².

Андропов находился у власти недолго, уже 9 февраля 1984 г. он скончался — к моменту своего избрания на пост Генерального секретаря Юрий Владимирович уже был тяжело болен³, хотя вряд ли кто мог предположить, сколь быстро болезнь унесет его из жизни. «Много ждали от Андропова, — писал Черняев. — Ждали не напрасно. Еще бы ему год-два, и он чего-нибудь добился бы...»⁴. Вместе с тем отношение к Андропову как к политику, который мог бы придать *системе* новый импульс, у Черняева было в высшей степени скептическое: «Приходилось слышать и читать, будто Андропов как реформатор был предтечей Горбачева. Более неправдоподобного я не могу себе представить. Андропов не был реформатором. Он хотел лишь исправить систему с помощью сугубо организационно-административных мер. Дело это — совершенно безнадежное. Система (как живой социальный организм) была уже больным уродом, если сопоставить ее с “идеалом” и *даже первоначальным замыслом* (выделено мной. — А. П.). Скелет (силовые структуры, как теперь бы сказали) еще был крепок, но тело одряхлело и местами обвисло. На сохранившихся мускулах присосались огромные паразитические наросты, которые отравляли кровь, но могли еще дать мышцам импульсы для опасных, непредсказуемых действий. Мозг сориентирован больше во вред

¹ Лигачев Е. Из воспоминаний // Аргументы и факты. 1991. № 5. С. 6.

² Захаров О. О Юрии Владимировиче Андропове. Из записок бывшего секретаря трех Генсеков // Гласность. 1991. 8 августа.

³ Чазов Е. И. Здоровье и власть. М., 2009. С. 114–117.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход. С. 549. Дневниковая запись от 12 февраля 1984.

организму, чем для нормального его обслуживания. Психика уже отдавала шизофренией. Вот что представляла собой система к середине 80-х гг. И требовалось уже не просто серьезное лечение, а длительная реанимация с расчетом на то, что организм обновится настолько, что, выздоровев, почувствует себя родившимся “второй раз”, как это бывает с безнадежно больным человеком, если его удается спасти», — писал Черняев¹.

По его утверждению, Андропов «был неспособен выйти за рамки системы»². В свою очередь, работавший под началом Юрия Владимировича Ф. М. Бурлацкий был убежден, что Андропов «считал, что страна к большим переменам не готова. Не забывай-те, Андропов был очень осторожным человеком. Преобразования хотел поэтапные, аккуратные...»³

Примечательным в Андропове была его на редкость трезвая оценка советского общества. «Понадобится определенное время, чтобы подтянуть отставшие тылы и двинуться дальше. Нам надо трезво представлять, где мы находимся. Забегать вперед — значит выдвигать неосуществимые задачи; останавливаться только на достигнутом — значит не использовать все то, чем мы располагаем. Видеть наше общество в реальной динамике, со всеми его возможностями и нуждами — вот что сейчас требуется», — писал Ю. В. Андропов⁴. А. И. Лукьянов, вспоминая беседы с Андроповым в последний год его жизни, упоминал о том, что генсек часто «сокрушался по поводу все большего экономического отставания Советского Союза, медленного обновления производственного потенциала, заскорузлости многих партийных и государственных руководителей и идеологов»⁵.

Андропов осознавал и колоссальную ошибку, допущенную в 1922 г. при разделении СССР на «национальные квартиры», осознавал то, что со временем межнациональная рознь может «взорвать» Советский Союз. Чтобы избежать этого, в 1983 г. академик Е. П. Велихов и помощник Андропова А. И. Вольский разработали карту деления СССР на штаты на основе численности населения, производственной целесообразности и так, чтобы образующая республику нация была «погашена». В итоге, по проекту Велихова-Андропова, Советский Союз должен был состоять из 41 штата.

¹ Черняев А. С. Моя жизнь и мое время. С. 450–451.

² Черняев А. Горбачев очень добрый // Московский комсомолец. 1995. 11 апреля.

³ Бурлацкий Ф. Советник // Итоги. 2013. № 4. С. 39.

⁴ Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. 2-е изд. М., 1984. С. 245.

⁵ Лукьянов А. Современные Геростраты // Правда. 1995. 22 марта.

Успей Андропов одобрить проект, «с полной уверенностью скажу: секретари ЦК, ставшие впоследствии главами независимых государств, а говоря без обиняков — националистами, стоя в Кремлевском дворце съездов, бурно аплодировали бы мудрому решению партии. И страна не вляпалась бы в то, во что спустя несколько лет по уши вляпалась», — утверждал А. И. Вольский¹.

Интересна дневниковая запись известного писателя Ю. М. Нагибина, посвященная смерти Андропова: «Странное состояние: ни скорби, ни злорадства, ни сожаления, ни надежд. Конечно, Андропов хотел что-то сделать: навести хоть какой-то порядок, изменить безобразное отношение к труду, к своим обязанностям, хотел пробудить чувство ответственности и стремление к новому, лучшему. Он не преуспел в этом, да и не мог преуспеть. Нельзя перестроить жизнь гигантской запущенной, разложившейся страны с помощью одних постановлений да ужесточения режима. Он решил “дать нам волю”, опираясь только на КГБ. Что и говорить, — мощный союзник, великий рычаг прогресса, но одного этого мало»².

Именно при Андропове Горбачев начал превращаться в одного из самых авторитетных руководителей страны. Видел ли Андропов в Горбачеве своего преемника и существовало ли, как утверждал А. И. Вольский, так называемое «политическое завещание» Андропова в пользу Горбачева, о наличии которого, якобы, не поставила в известность Пленум ЦК КПСС в декабре 1983 г. «тройка» Тихонов — Черненко — Устинов³, не столь важно — ситуацию это не изменило: после Андропова генсеком был избран брежневский ставленник, прошедший огромную «окопную

¹ *Завада М., Куликов Ю.* Попробуйте меня от века оторвать... Диалоги с Аркадием Вольским. М., 2006. С. 70, 72.

² *Нагибин Ю. М.* Дневник. М., 2009. Запись от 10 февраля 1984 г. С. 539.

³ *Вольский А.* Смотреть открытыми глазами // Неделя. 1990. № 36. (1588). С. 7. «Мы подготовили текст выступления генерального секретаря на декабрьском Пленуме 83-го года, я его отвез Андропову в больницу. Потом вернулся на работу и с трепетом увидел приписку от руки: “Учитывая то, что по известным вам обстоятельствам я не могу руководить работой Политбюро и Секретариата ЦК, предлагаю временно поручить эту работу Горбачеву Михаилу Сергеевичу”. Я был удивлен страшно, потому что “вторым” был Черненко. На Пленуме этой фразы не прозвучало. Люди, которые могли править текст, оказались сильнее большого Андропова. После Пленума я столько выслушал от Юрия Владимировича... В результате пришлось ждать до апреля 85-го, когда Михаил Сергеевич пришел к руководству партией, а значит, и страной», — вспоминал А. И. Вольский. (См.: Ты помнишь, как все начиналось? (Интервью А. Вольского Г. Урушадзе) // Смена. 1991. 19 июня.)

партийную школу»¹, К. У. Черненко, при котором маразм власти, пожалуй, достиг апогея. Конечно, избрание Черненко, несмотря на его колоссальный аппаратный опыт, было резким падением вниз, это был лидер качественно иного интеллектуального уровня, чем Андропов². Но было ли при этом возможно в начале 1984 г. попадание Горбачева на вершину политического Олимпа? Отвечая на этот вопрос, помощник К. У. Черненко В. В. Прибытков высказывал сомнения уже в самом существовании подобного «политического завещания». По утверждению Виктора Васильевича, избрание Горбачева генсеком после смерти Андропова было «абсолютно невозможно» в силу отсутствия на тот момент у Михаила Сергеевича должной поддержки в высшем руководстве страны и в аппарате ЦК³. «Старая гвардия», Устинов, Громыко и Тихонов, посчитав, что Черненко в максимальной степени отражает их интересы, сделала ставку на сохранение статус-кво. «Костя (К. У. Черненко. — А. П.) — это то, что надо», — резюмировал соображения кремлевских старцев 79-летний советский премьер Н. А. Тихонов⁴. Во главе государства оказался тяжелобольной человек, избранный на свой пост по принципу «удобнейший, а не достойнейший». По сути, партийные круги расценивали избрание Черненко как компромисс между «группой молодых» членов Политбюро (Горбачев, Романов) и «стариками», а приход Константина Устиновича к власти был в значительной степени предопределен сложившимся на тот момент в высшем руководстве страны соотношением сил⁵.

«В тот момент он устраивал и тех, и других как человек, при котором не должно быть никаких кадровых перестановок. Собственно, так и случилось», — вспоминал секретарь МГК КПСС Ю. А. Прокофьев⁶. «В жизни же, — утверждал Ю. А. Прокофьев, — Черненко был достаточно скромным человеком... Очень смущался, когда раздавались бурные аплодисменты и произносились здравицы в его честь. Он понимал свое несоответствие занимаемому месту... Если говорить о его здоровье, то он был плох. Раньше, когда я приходил к нему, он вставал с места и пытался

¹ Архив автора. Интервью В. В. Прибыткова. Москва. 2019. 10 июля.

² Архив автора. Интервью В. Н. Казимирова.

³ Архив автора. Интервью В. В. Прибыткова.

⁴ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2-х кн. М., 1995. Кн. 1. С. 249.

⁵ Печенев В. А. Взлет и падение Горбачева: Глазами очевидца. (Из теоретико-мемуарных размышлений: 1975–1991 гг.). М., 1996. С. 152.

⁶ РГАСПИ. Ф. 660. Оп. 6. Ед. хр. 18. Запись бесед Ю. А. Прокофьева в РЦХИДНИ. 1998 г. Л. 484.

придвинуть мне стул, но делать это ему становилось все труднее, тогда он сам отодвигался и садился рядом, не во главе стола. Мне это очень запомнилось. На работе он всегда был в какой-то зеленой вязаной кофте. Таким я его и запомнил. Только когда ему вручали удостоверение об избрании его депутатом, он был при всех регалиях»¹. Работник ЦК КПСС О. И. Ожерельев каждое утро мог наблюдать, как к комплексу зданий ЦК к внутреннему подъезду для первых лиц прибывал лимузин с К. У. Черненко, которого «буквально извлекали из “членовоза” (так мы называли автомобили кремлевских старцев) и под руки несли до лифта. К моменту его смерти стало невыносимо унизительно терпеть такую верхушку власти. Было очевидно, что система принятия решений по ключевым для страны вопросам и механизм обновления Престола прогнили и, если их не исправить, то конец не заставит себя долго ждать»².

Состояние здоровья Черненко было таково, что ни о каких поездках по стране, не говоря уж о зарубежных визитах и речи быть не могло: за 390 дней пребывания Константина Устиновича на посту генерального секретаря ЦК КПСС за пределы Москвы он не выезжал³. Черненко не был излишне властолюбив, свое выдвижение на пост Генерального секретаря Константин Устинович воспринимал как решение партии, а исполнение им чрезвычайно тяжелых и обременительных в связи с его состоянием здоровья обязанностей генсека, «КаУ», как называли его в ближайшем окружении, считал своим долгом перед товарищами по Политбюро, назвавшими его имя в качестве преемника Андропова. Удивительно, но ничье другое имя в качестве нового генсека кремлевскими небожителями названо не было⁴. Страну возглавил человек, которому оставалось немногим более одного года жизни. За несколько дней до смерти генсека по Центральному телевидению было показано «голосование» умирающего Черненко на выборах в Верховный Совет СССР — роль избирательного участка при этом исполняла специально переоборудованная для этого больничная палата Центральной клинической больницы. Черненко привезли в больницу с совершенно желтым лицом на инвалидной коляске, присутствовавшему при этом Ю. А. Прокофьеву показалось, что Константин

¹ Там же. Л. 483.

² *Ожерельев О. И.* Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий. М., 2016. С. 22.

³ *Прибытков В. В.* Радость встреч и боль утрат. М., 2006. С. 101.

⁴ Архив автора. Интервью В. В. Прибыткова, в 1984–1985 гг. помощника генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко. Москва. 2019. 10 июля.

Устинович «лишь волнами был в сознании»¹. Спустя несколько дней после этой постыдной церемонии К. У. Черненко скончался.

Появление смертельно больного Черненко на телеэкране вызвали у советских людей чувство жалости к немоющему человеку, вынужденному до последних дней жизни по воле недобросовестного и циничного окружения, *играть роль главы государства*, и стыда за свою страну, достойную *настоящего* лидера. Вместе с тем именно К. У. Черненко, рассматривавший М. С. Горбачева как крупного, способного и разностороннего государственного деятеля, не смотря на осторожно-неодобрительное отношение к этому старым членам Политбюро, например, Н. А. Тихонова, настоял на том, чтобы Горбачев вел в его отсутствие заседания Секретариата², тем самым фактически выдвигая Михаила Сергеевича на пост своего *заместителя*, советского «наследного принца»³.

Именно во время правления Черненко, а вовсе не в период Андропова, происходит становление Горбачева «как государственного деятеля общесоюзного и международного масштаба. Еще при больном Андропове на этой необычной для советских верхов фигуре концентрировались надежды социально и физически уставшего, идейно обесмысленного общества, которому опротивело фарисейство, ложь и показуха, давно ставшие характерными приметами режима. Разочарование, что не Горбачев, а Черненко был избран Генеральным секретарем после смерти Андропова, окончательно убедило в безнадежности и государственной безответственности высшего руководства страны, пораженного маразмом и старческим эгоизмом. Горбачев хорошо воспользовался этим, наращивая свою активность и демонстрируя интеллектуальное и политическое превосходство над «коллегами»», — писал А. С. Черняев⁴.

10 марта 1985 г. Константин Устинович Черненко скончался, а уже на следующий день М. С. Горбачев, получивший весомую поддержку чрезвычайно влиятельного и авторитетного члена Политбюро А. А. Громыко⁵, на внеочередном Пленуме ЦК КПСС «единодушно» был избран Генеральным секретарем⁶, рукоплеска-

¹ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева, в 1989–1991 гг. первого секретаря МГК КПСС, в 1990–1991 гг. члена Политбюро ЦК КПСС. Москва. 2020. 30 января.

² Архив автора. Интервью В. В. Прибыткова. Москва. 2019. 10 июля.

³ *Грачев А. С.* Кремлевская хроника. М., 1994. С. 91.

⁴ *Черняев А. С.* Совместный исход. С. 589.

⁵ *Громыко А. А.* Андрей Громыко. В лабиринтах Кремля (воспоминания и размышления сына). М., 1997. С. 82–97.

⁶ Материалы внеочередного Пленума Центрального Комитета КПСС, 11 марта 1985 г. М., 1985. С. 4.

ния зала после объявления об избрании Горбачева генеральным секретарем ЦК КПСС были искренними и овации долго не смолкали¹. «Какого-то обсуждения, альтернативных взглядов, тем более борьбы, столкновений взглядов Политбюро не было», — свидетельствовал член Политбюро В. И. Воротников². Вероятно, лишь попыткой еще раз напомнить Горбачеву о своей роли при избрании его на пост генсека может быть объяснимо высказывание Е. К. Лигачева о том, что накануне мартовского Пленума ЦК 1985 г. «были тревожные дни. Могли быть абсолютно другие решения. Была такая опасность»³. «Было ли избрание Горбачева неожиданным? Нет. Участники Пленума были готовы к возможной смене политического руководства, знали о тяжелой болезни К. У. Черненко. Первая же кандидатура, которая естественно встает в такой ситуации, — второй секретарь ЦК, а им и был Горбачев», — пояснял В. И. Воротников⁴. Что любопытно, первым, накануне, еще до заседания Политбюро, кандидатуру Горбачева на пост генсека выдвинул московский партийный лидер В. В. Гришин⁵, который, по мнению многих в те дни, и сам метил на пост главы партии и государства⁶. Однако неглупый Гришин, видимо, понимал, что историческое время «брежневских стариков» уже прошло и решил уйти в сторону. Свой выбор в пользу Горбачева сделал еще до избрания последнего генсеком и высоко котиrowавшийся Первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Украины В. В. Щербицкий. По словам помощника Владимира Васильевича В. К. Врублевского, «выбор в пользу Горбачева Щербицкий сделал однозначно еще раньше, сомнений у него на этот счет не было и альтернативной кандидатуры он просто не видел»⁷.

¹ Архив автора. Интервью В. Г. Захарова, члена ЦК КПСС и министра культуры СССР в 1986–1989 гг. Москва. 2018. 7 февраля.

² Воротников В. И. «А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС». М., 1995. С. 57.

³ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 85.

⁴ Воротников В. И. Кого хранит память. М., 2007. С. 152.

⁵ Гришин В. В. От Хрущева до Горбачева. Политические портреты пяти генсеков и А. Н. Косыгина. Мемуары. М., 1996. С. 305.

⁶ Сам Гришин, впрочем, утверждал, что у него «никогда не было» мысли стать Генеральным секретарем. (См.: Караулов А. В. Вокруг Кремля — 2 / Книга политических диалогов. М., 1992. С. 81. Интервью В. В. Гришина, 28 января 1991 г.)

⁷ Врублевский В. К. Владимир Щербицкий: правда и вымыслы. Записки помощника: Воспоминания, документы, слухи, легенды, факты. К., 1993. С. 197.

По-другому виделась ситуация Г. В. Романову, по словам которого, «Тихонов, Гришин, Романов еще в феврале 1984 года определились в отношении Горбачева, когда не проявили, скажем так, особой радости при его назначении на вторую должность в партии. Кунаев и Щербицкий, как мне кажется, тоже не были сторонниками Михайла Сергеевича. Не случайно решающее заседание Политбюро ЦК после смерти К. У. Черненко, на котором председательствовал Горбачев, прошло без их участия. Остаются четверо — Алиев, Воротников, Соломенцев (они склонялись в пользу Горбачева) и Громыко, который спокойно наблюдал за происходящим, ибо сам предложил поручить возглавить секретариат ЦК М. С. Горбачеву»¹. Вскоре после прихода Горбачева к власти и Гришин, и Романов, который, по словам бывшего министра культуры СССР и второго секретаря горкома партии в Ленинграде В. Г. Захарова, вел себя в Москве «очень ершисто и вздорно, постоянно подчеркивая свое несогласие с Горбачевым и Лигачевым», по настоянию последнего были отправлены на пенсию².

А. С. Черняев вспоминал: «Что бы сейчас не придумывали про Романова, Гришина или еще про кого-нибудь, конкурентов у Горбачева не было»³. Кардинально впоследствии разошедшийся политически с Михаилом Сергеевичем Е. К. Лигачев все же имел мужество признать, что Горбачев в 1985 г. был «идеальной кандидатурой» на пост Генсека⁴. По словам Г. А. Арбатова, «имя Горбачева было тогда уже у всех на устах, и после безрадостного опыта с Черненко не только у отдельных руководителей, но и у многих членов ЦК КПСС зрела решимость не допустить повторения этого опыта, что во многом определило мотивы выступления Громыко в пользу Горбачева»⁵. Вряд ли кто в тот момент догадывался, какие масштабные перемены ожидают не только советское общество, но и весь мир, однако, своя логика в последующих событиях несомненно была: Андропов, значительная часть правления которого пришлись на «больничный период», а затем бесцветный Черненко, вся общая обстановка эпохи «гонки на катафалках», предопределили *подготовленность общества к появлению Горба-*

¹ Романов Г. Я свято верю в эти идеалы // Невское время. 1992. 30 сентября.

² Архив автора. Интервью В. Г. Захарова. Москва. 2018. 7 февраля.

³ Черняев А. Горбачев очень добрый // Московский комсомолец. 1995. 11 апреля.

⁴ Лигачев Е. Коммунисту по плечу любая крепость // Трибуна. 2000. 29 ноября.

⁵ Арбатов Г. А. Шесть знаменательных лет // Многая лета... К 70-летию М. С. Горбачева. М., 2001. С. 71.

чева, их согласие на предложенный лидером страны крупнейший реформаторский проект в истории СССР.

«После Брежнева (и даже гораздо раньше) стране нужен был именно Горбачев. Ни новый Сталин, ни воскресший Хрущев, ни Андропов, ни кто-то подобный технократу Косыгину. А именно такой человек, как Горбачев», — утверждал А. С. Черняев в своих воспоминаниях¹.

Горбачев получил в те дни единодушную поддержку партии и всех советских людей. Партийная элита, как и весь народ, были на первых буквально опьянены новым генсеком, с азартом принявшись за обещанную Михаилом Сергеевичем большую, интересную и *нужную* работу². В воздухе, как вспоминал знаменитый телеведущий В. В. Познер, «запахло чем-то головокружительным»³. Академик А. Д. Сахаров, находившийся к моменту избрания Горбачева уже пять лет в изоляции в Горьком, сказал, выслушав выступление нового генсека, своим единственным в ту пору собеседникам — сотрудникам КГБ: «стране повезло: впервые за долгий период у нас появился безусловно умный руководитель»⁴. По словам одного из самых консервативных советских руководителей, кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС И. В. Капитонова, «жизнь подтолкнула народ к активным действиям. Новые поколения, не знавшие террора, заявили о своих правах на свободу, равенство и труд. Не только Горбачев, но и все Политбюро ЦК понимало необходимость перемен»⁵. Бывший пресс-секретарь Президента СССР Горбачева А. С. Грачев в своей заметке, вероятно, справедливо заметил, что «даже брежневское политбюро и ЦК, единодушно голосуя в марте 1985 г. за Горбачева, голосовали за перемены»⁶. Горбачев подарил людям надежду на перемены к лучшему, вдохнув в миллионы советских граждан веру в то, что их жизнь изменится к лучшему, а власть станет справедливой. По словам самого Михаила Сергеевича, «реформ с нетерпением ждала страна, она была беременна перестройкой, которая была

¹ Черняев А. С. Моя жизнь и мое время... С. 454.

² Архив автора. Интервью О. И. Ожерельева, помощника Президента СССР М. С. Горбачева Москва. 2017. 14 ноября; Из архива автора. Интервью В. А. Михайлова, заведующего отделом межнациональных отношений ЦК КПСС. Москва. 2018. 24 января.

³ Познер В. В. Прощание с иллюзиями. М., 2017. С. 357.

⁴ Сахаров А. Д. Тревога и надежда. М., 1990. С. 282.

⁵ Капитонов И. По ночам я рассказывал Брежневу анекдоты // Век. 2002. № 7 (474). С. 6

⁶ Грачев А. Человек, изменивший мир // Огонек. 2016. № 8. 29 февраля 2016. С. 11.

лучшим вариантом дальнейшего развития страны»¹. Почему поверили Горбачеву? А. С. Черняев объяснял это «природным демократизмом», «исконная его народность сидит в нем глубоко. Он нес людям свои собственные мысли и оценки, а не то, что сочиняли для генсека референты и отделы ЦК. Элементы некоторой театральности — общение “вождя” с народом — в этих встречах на улицах присутствовали. Тем не менее перемена была очевидной и разительной. И Горбачеву поверили не как мессии, а как простому и хорошему человеку, каким его поначалу считало большинство»². Было и еще одно объяснение: Горбачев начал *«говорить с людьми, этого никогда раньше не было и на людей действовало просто магнетически»*, — вспоминал В. Г. Захаров, занимавший в 1986–1989 гг. должность министра культуры СССР³. Попытка раскрепостить общество, избавить его, по словам М. С. Горбачева от «тотального контроля партии, которая пыталась управлять всем, попытка провозглашения открытости в деятельности партии и государства»⁴, началась. По какому пути пойдет перестройка и к чему она приведет и советское общество, и КПСС, и Советский Союз в целом, — не знал еще никто в мире.

Повторим, что в первые месяцы правления Горбачева вся страна была буквально влюблена в нового генсека; его обаяние, открытость, энергия, несомненные жизнелюбие и доброжелательность на первых порах вызывали всеобщее восхищение. В считанные недели Горбачев завоевал доверие народа, его фигура притягивала к себе, а интеллект и искренняя убежденность заставляли верить.

«Первое время личность Михаила Сергеевича вызывала восхищение. После многих лет болезней и полусонного состояния Брежнева вдруг — вулкан энергии. Работа — до часу, двух ночи, а когда готовились какие-нибудь документы (а их было бесконечное множество — к сессиям, съездам, пленумам, совещаниям, встречам на высшем уровне и т. д.), он ложился спать в четвертом часу утра, а встает всегда в семь-восемь. Туалет, бассейн, завтрак. Где-то в 9.15–9.30 выезжает на работу в Кремль. Машина — “ЗИЛ”. Он садится на заднее правое сиденье и — рабочий день начался. Тут же, в машине, он что-то пишет, читает, делает помет-

¹ Архив автора. Интервью М. С. Горбачева, в 1985–1991 гг. генерального секретаря ЦК КПСС, в 1990–1991 гг. Президента СССР. Москва. 2019. 11 июля.

² Черняев А. С. 1991 год: Дневник помощника Президента СССР. М., 1997. С. 322.

³ Архив автора. Интервью В. Г. Захарова. Москва. 2018. 29 июня.

⁴ Архив автора. Интервью М. С. Горбачева. Москва. 2019. 11 июля.

ки. Впереди — водитель и я. В машине два телефонных аппарата, Михаил Сергеевич просит меня с кем-то соединить. Я заказываю абонента с переднего аппарата, Горбачев берет трубку и поднимает к потолку стеклянную перегородку, отгораживая наглухо свой салон от нас. За сравнительно короткий путь до работы он успевает переговорить с тремя-четырьмя людьми. Пока поднимается от подъезда в кабинет, на ходу кому-то что-то поручает, советует, обещает — ни секунды передышки», — вспоминал охранник М. С. Горбачева генерал В. Т. Медведев¹.

В подобном же темпе Горбачев приступил и к разрешению тех проблем, которые стояли перед страной; принципиально важно, что Михаил Сергеевич требовал от своих подчиненных немедленных положительных результатов как в области внутренней, так и в области внешней политики. Рядом с Горбачевым в ту пору — преданные ему единомышленники: партийные дела Михаил Сергеевич фактически передал на откуп феноменально энергичному, что на первых порах вызывало всеобщий восторг (штурмовщина и определенная грубоватость, характерная для этого политика, стала подвергаться критике спустя пару лет, на чем, в частности, получил известность и Б. Н. Ельцин)², Егору Кузьмичу Лигачеву,

¹ *Медведев В. Т.* Человек за спиной. М., 1994. С. 207.

² Пример жесткой оценки методов Е. К. Лигачева можно встретить в докладной записке А. С. Черныяева: «Не успел закончиться «эпизод с Ельциным» — и вот Рыжков. А источник один (если не говорить об объективных причинах — противоречия и трудности перестройки) — товарищ Лигачев. Ситуация напоминает 1922 год: Вы — в положении Ленина, он — в положении Генсека, практически с теми же функциями, что тогда у Сталина. И не выходят из головы строки ленинского письма к съезду: слишком груб, нетерпим, нелоялен, невежлив и невнимателен к товарищам... этот недостаток может показаться ничтожной мелочью... но такая мелочь может получить решающее значение... Особенно в период революционных перевалов. Е. К. [Лигачев] олицетворяет собой вал, погоняловку, разность, накачки, давай-давай. Вчерашнее его выступление продемонстрировало это ярчайшим образом (и, кстати, как ни парадоксально, — совпали с оценками ситуации Ельциным!). Вы скажете: на переходе, пока сосуществует еще старое и новое, без этого не обойтись. И партии приходится выполнять нажимную роль. Да. Но «партия» должна понимать и условия рождения нового. Даже вежливый и обходительный Зайков и хитроумный Долгих вынуждены были не согласиться. А нашего премьера можно понять, он и взорвался. Все трое — компетентные в экономической перестройке люди. Они делают дело и стараются делать его по-новому. Понимают, что наскоком ничего не получится, кроме плана «любой ценой». А Лигачев олицетворяет старые критерии подхода. Отсюда и паника, отсюда и запугивание провалом, крахом пятилетки. Он во власти старых методов, старых подходов к оценке ситуации, прежних приемов активности. На

сыгравшему большую роль в обеспечении прихода М. С. Горбачева к власти¹, а кресло Председателя Совета Министров — естественно, с подачи Михаила Сергеевича², получил бесконечно трудолюбивый и хорошо известный новому генсеку еще с андроповских времен Николай Иванович Рыжков.

К моменту прихода М. С. Горбачева к власти Советский Союз, несомненно, нуждался в переменах: застойные явления затронули не только идеологию, но и экономику; падала популярность СССР и за рубежом. По утверждению известного петербургского историка М. Ф. Полынова, «начавшаяся в апреле 1985 года перестройка в СССР была обусловлена объективным ходом социально-экономического и политического развития страны. Дальше затягивать проведение реформ было уже нельзя. Апогей социально-экономического кризиса и смена руководства КПСС совпали по времени, что и сделало возможным начать реформы. В советской политической системе крупномасштабные преобразования, затрагивавшие фундаментальные основы общественного строя, мог инициировать только наделенный огромной властью Генеральный секретарь ЦК КПСС»³. Сознвая опасность, нависшую

лицо совершенно явная и еле сдерживаемая личная неприязнь, которую он вызывает (давно уже) не только у Рыжкова. А это очень опасная вещь, потому что, как правило, необратимая» (Архив Горбачев-фонда. Ф. 2. Оп. 1. Д. 930. Докладная записка А. С. Черняева на имя Горбачева. 1987. 13 ноября. Нумерация листов в делах, отложившихся в архиве Горбачев-фонда, отсутствует).

¹ Как вспоминал Е. К. Лигачев, избранный на апрельском Пленуме 1985 г. членом Политбюро ЦК — прямо из секретарей ЦК, минуя кандидатский стаж, на том же Пленуме, как только были завершены все организационные вопросы, Горбачев «достаточно громко, чтобы слышал зал, сказал: — Егор Кузьмич, предоставляй мне слово, я пошел на трибуну.

Этой фразой Генеральный секретарь по сути дела обозначил второго человека в Политбюро. Наивных людей в зале Пленума не было. Кстати говоря, на том же Пленуме прямо из секретарей ЦК, минуя ранг кандидата, был избран членом Политбюро и Рыжков. Именно нам двоим предстояло стать ближайшими соратниками Михаила Сергеевича в осуществлении нового политического курса, получившего название перестройки, занять ключевые посты в команде Горбачева. Вскоре Рыжков был выдвинут Председателем Совета министров СССР, а мне поручили вести заседания Секретариата ЦК КПСС, что на деле означало выдвижение на неофициальный второй пост в партии» (Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992. С. 68).

² *Ненашев М. Ф.* Последнее правительство СССР: личности, свидетельства, диалоги. М., 1993. С. 24.

³ *Полюнов М. Ф.* СССР: от сталинского восстановления к Горбачевской перестройке. Вторая половина 1940 — первая половина 1980-х гг. СПб., 2021. С. 701.

над страной и ее общественным строем, новый генсек приступил к решительным преобразованиям.

По старинной российской политической традиции, Горбачев с момента своего «воцарения» воспринял внешнюю политику как свой «домен»¹. Именно в этой связи стоит рассматривать состоявшееся летом 1985 г. сенсационное назначение на пост главы МИД его давнего соратника Э. А. Шеварднадзе, сменившего на этом посту патриарха мировой дипломатии А. А. Громыко. Горбачев уделял огромное внимание вопросам внешней политики, не только курируя общую линию советских международных отношений, но и ставя перед МИД вопросы на перспективу.

Отношение к участию Горбачева во внешней политике, равно как и сама оценка этой политики у кадровых дипломатов существенно различаются. Так, например, заместитель Шеварднадзе В. Г. Комплектов говорил про «общую атмосферу, и нашу внешнюю политику, несуразную публицистичную политику М. С. Горбачева»². Выдающийся советский и российский дипломат Ю. М. Воронцов, отвечая на вопрос интервьюера, «Горбачев мог стать министром иностранных дел?», заявил: «Он и есть министр. Он так глубоко занимается иностранными делами и прекрасно их знает. Я работал в Москве в очень тесном контакте с ним и видел, как он спокойно принимал любого иностранного гостя и без шпаргалок и подсказок вел разговор. Что меня удивляло, он даже вспоминал точные детали взаимоотношений, цифры, факты. Хорошая память»³.

В области внешней политики для Горбачева было очевидно, что необходимо прежде всего «пробить брешь в ледяных торосах холодной войны с США, ослабить давление проблем, связанных с нашей вовлеченностью в конфликты в разных точках земного шара»⁴. Горбачев и Э. А. Шеварднадзе были в этом отношении единомышленники, «в политическом и философском плане»⁵. По словам Э. А. Шеварднадзе, «во всем, что касалось глобальных

¹ Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 398.

² Дипломат Юлий Воронцов. Сборник воспоминаний. М., 2009. С. 28.

³ Каранетян Г., Грачев-Селих В. От Молотова до Лаврова. Ненаписанные воспоминания Юлия Воронцова. М., 2011. С. 253.

⁴ Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 72.

⁵ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М., 2010. С. 13.

проблем, наши с Горбачевым мнения полностью совпадали»¹. Назначение Шеварднадзе было тепло воспринято в Вашингтоне, поскольку дарило надежды на изменение советской внешней политики — для американцев было очевидно, что Громыко в силу своего консерватизма не будет в состоянии пойти на серьезные перемены². Сильным решением стал выбор Горбачевым в качестве помощника по международным делам Анатолия Сергеевича Черняева, с которым генсек, по его признанию, «попал в десятку»: Черняев не только отличался неутомимой выносливостью в работе, но и глубокими профессиональными знаниями³. Базовые установки нового внешнеполитического курса СССР не только разделялись им полностью; можно смело утверждать, что его взгляды, доносимые им до Горбачева через многочисленные аналитические записки и личные беседы, оказывали на Михаила Сергеевича известное влияние. По признанию многолетнего переводчика М. С. Горбачева П. Р. Палажченко, назвавшего Черняева «невоспетым героем окончания холодной войны», Анатолий Сергеевич можно охарактеризовать как «человека, абсолютно преданного идеям нового мышления во внешней политике и перестройки во внутренней»⁴. Черняев снискал уважение как профессионал высокого ранга и в среде западных дипломатов. По мнению Джека Мэтлока, занимавшего в 1987–1991 гг., должность посла США в СССР, назначение А. С. Черняева помощником Горбачева стало ключевым в достижении прорыва в советско-американских назначениях; согласно его утверждению, А. С. Черняев был, «пожалуй, наиболее критически настроен в отношении традиционной советской внешней политики», со временем он «стал оказывать сильное влияние на взгляд Горбачева на мир»⁵. «Уважать себя заставил» Анатолий Сергеевич и представителей британского Форин Офиса: скажем, английский посол в СССР Р. Брейтвейт запомнил Черняева как «веселого человека с седыми щетинистыми воло-

¹ Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М., 2009. С. 73.

² Mcfarlane Robert C. Special trust. New York, 1994. P. 313.

³ Горбачев М. К читателю этой книги // «Мы называли его Графом»: Памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Воспоминания современников, документы, публикации / Сост. Д. Белановский. М., 2019. С. 6.

⁴ Палажченко П. «Невоспетый герой» // «Мы называли его Графом»... С. 79–80.

⁵ Мэтлок Джек Ф. Рейган и Горбачев. Как окончилась «холодная война»... и все выиграли / Пер. с английского Т. Кудрявцевой. М., 2005. С. 189–191.

сами и усами, похожего на английского полковника в отставке», убежденного сторонника Горбачева¹.

Предшественник Черняева, А. М. Александров-Агентов, многие годы работавший в качестве помощника Л. И. Брежнева по международным делам, добровольно ушел в отставку, не работавшись с Горбачевым. «С приходом Горбачева к руководству сразу же хлынул поток динамичных действий, встреч, поездок в различные регионы страны и за рубеж. Но с другой стороны, наблюдая его контакты с людьми, все больше убеждался, что внешняя открытость и благожелательная приветливость — это скорее привычная маска, за которой холодный расчет. И второе. К сожалению, Горбачеву присущ очень серьезный для большого руководителя недостаток: он совершенно не умеет слушать, вернее, слышать своего собеседника, а целиком увлечен тем, что говорит сам. От Горбачева я ушел на пенсию потому, что он не имел потребности советоваться», — такую интересную характеристику Михаила Сергеевича можно встретить в интервью, которое А. М. Александров-Агентов дал незадолго до его ухода из жизни².

«Воцарение» Горбачева изначально породило в США больше вопросов, чем ответов. Видный американский политик и дипломат С. Тэлботт вспоминал, что многим в США изначально казалось, что «перестройка, гласность, новое мышление, всеобщая безопасность и другие обнадеживающие лозунги были лишь частью зловещей кампании по “дезинформации”. Считалось, что целью ее было привлечь легковерных представителей Запада — “голубей”, с которыми по традиции ведут битвы “ястребы”, — с тем, чтобы они ослабили бдительность перед лицом неизменной в своей основе и неуменьшающейся советской угрозы. Высказывалась и такая мысль, что Горбачев представляет собой даже большую, чем когда бы то ни было, угрозу, учитывая мастерское использование им пропаганды и, как опасались, методов обмана»³. Подобный скепсис был характерен, например, для министра обороны США Дика Чейни, воспринимавшего советского лидера в первую очередь как лидера *Коммунистической партии Советского Союза*. Поговорив с Горбачевым, Чейни вынес впечатление о том, что глава СССР — «не такой серьезный реформатор, как некоторые

¹ *Брейтвейт Р.* За Москвой-рекой. Перевернувшийся мир. М., 2004. С. 101–102.

² Со мной советовались четыре генсека. (Беседа Т. Замятиной с А. Александровым-Агентовым) // Аргументы и факты. 1993. № 20. С. 6.

³ *Талбот С.* Время оптимизма // Огонек. 1989. № 5. С. 11.

верили»¹. Вместе с тем в своих мемуарах признал, что Горбачев мог поступить подобно своим предшественникам, применив силу для сохранения СССР. «Тот факт, что он не сделал этого, достаточен для того, чтобы признать его одной из исторических фигур двадцатого столетия»². Аналогично рассуждал и глава ЦРУ Р. Гейтс, который в первые годы правления Горбачева не замечал принципиальных изменений в характере действий Советского Союза — как в области поддержки Анголы, Никарагуа, Афганистана, так и в милитарном характере советской экономики. *Действия Горбачева*, согласно Гейтсу, в начале перестройки также не находились в противоречии с традициями советской партийно-государственной машины. По словам Гейтса, он крайне скептически относился к тому, что Советский Союз может кардинально изменить свою внешнюю и внутреннюю политику; в силу всего этого, замечает Гейтс, риторика генсека казалась ему менее убедительной, чем его действия³.

Всегда и везде США стремились в первую очередь заботиться об интересах своего государства. Яркой иллюстрацией этому могут служить документы американского посольства в СССР, опубликованные авторитетным историком В. М. Зубоком еще в 1996 г. Так, в секретной телеграмме из Москвы, направленной в Государственный департамент США в феврале 1989 г., американский посол в СССР Джек Мэтлок писал: «Нынешний хаос во внутривнутриполитической жизни СССР предоставляет Соединенным Штатам беспрецедентную возможность повлиять на советскую внешнюю и внутреннюю политику. Наши возможности отнюдь не безграничны — мы не можем заставить их отдать нам ключи от своей лавки — но достаточны, чтобы изменить в нашу пользу баланс интересов по многим ключевым вопросам, при условии, если проявим достаточную мудрость в умелом, последовательном и настойчивом использовании нашего скрытого влияния. Данное донесение предложит общие рамки нашей политики, направленной на то, чтобы максимально увеличить степень нашего воздействия на развитие событий в Советском Союзе»⁴. Развивая свою мысль, Мэтлок писал: «К сожалению, многие обозреватели, у которых закружилась голова при виде внезапных и быстрых изменений

¹ *Cheney D.* In my time. A personal and Political Memoir. New York, 2011. P. 167.

² *Ibid.* P. 168.

³ *Gates Robert M.* From the Shadows. New York, 1996. P. 376.

⁴ Донесения посла США в Москве Дж. Мэтлока. Взгляд на перестройку М. С. Горбачева / Публ. В. М. Зубока // Новая и новейшая история. 1996. № 1. С. 107.

в обществе, столь долго остававшемся закрытым и казавшемся застывшим, исходят из неверного посыла и делают неверные выводы. Перестройка, говорят они, в интересах США; Горбачев неотъемлем от перестройки; ergo (следовательно *(лат.)* — А. П.) США должны придумать стратегию “помощи” Горбачеву. Пусть даже первая часть этого предположения верна хотя бы потому, что перестройка (покуда она продолжается) ведет к демобилизации Советского Союза, другие части неверны. В самом деле, они содержат в себе несколько в высшей степени спорных допущений: что мы достаточно хорошо знаем всю изнанку советской политики для оказания эффективной помощи конкретным личностям; что нам следует когда-либо отождествлять национальные интересы США с интересами конкретных советских руководителей; что политика уступок может на деле стимулировать радикальные реформы. Если копнуть еще глубже, то эти наблюдатели неверно формулируют саму проблему. Она состоит не в том, как нам помочь перестройке или Горбачеву, а в первую очередь в том, как обеспечить интересы Соединенных Штатов. Если преследование наших собственных целей имеет в качестве параллельного эффекта усиление позиций неких политических лидеров, которые проводят политику, согласующуюся с нашей, тем лучше. Но мы должны при этом твердо помнить, что наша задача — служить нашим, а не их интересам»¹. Мэтлок выражал уверенность в том, что Горбачев «останется советским лидером еще на значительное время независимо от успеха или неуспеха его внутренней политики»². Так или иначе, но фигура Горбачева приковывала в то время внимание не только американцев, но и всего мира.

Имя Горбачева неотделимо от легшей в основу его внешней политики концепции нового мышления. Примечательно, что некоторые идеи будущей политики нового мышления были сформулированы Горбачевым еще до его прихода к власти. По словам А. С. Черняева, с 1986 г. занимавшего должность помощника Михаила Сергеевича по международным делам, «с самого начала Горбачеву ясно было, еще до того, как он стал главой партии и государства, что ничего в России, в СССР серьезного сделать нельзя, если не изменить положение страны в мире. И прежде всего не изменить отношения Запада к нам и не прекратить гонки вооружения, а значит, не прекратить или, во всяком случае, не ослабить конфронтации. Он, конечно, тогда не думал о ликвидации, об устранении идеологического противостояния. Он считал и потом

¹ Там же. С. 107.

² Там же. С. 117.

еще несколько лет держался этого мнения, — что системы останутся разными, непохожими друг на друга. Его задача была, как он себе представлял, ликвидировать враждебность между ними. Он был противником взглядов о несовместимости систем, об их, так сказать, запрограммированной непримиримости и враждебности, которая создает угрозы мировой войны. Из этого он исходил еще до того, как стал Генеральным секретарем...»¹

Черняев определял основные постулаты нового мышления следующим образом:

«отказ от конфронтации по идеологическим мотивам, исходя из того, что любые противоречия можно теперь преодолеть, признав наличие общих ценностей у международного сообщества;

отсюда деидеологизация внешнеполитической деятельности;

диалог и переговоры как предпочтительный метод межгосударственного общения и международных взаимосвязей;

отказ от вооруженной силы как главного средства в отстаивании национальных интересов (неизбежно эгоистических по сути);

недопустимость вмешательства в дела других государств, за исключением случаев, когда оно санкционировано международным сообществом;

суверенное общение и взаимодействие каждого государства с любым другим, исходя из принципа взаимной выгоды, если это не грозит безопасности третьих стран (согласно общепризнанным нормам безопасности);

уважение самостоятельности и особенностей любого государства, признанного независимым по нормам международного права на данный момент;

многостороннее, региональное и иное взаимодействие в соединении усилий по решению проблем, порождаемых глобализацией и общими угрозами природного и «человеческого» происхождения, будь то экологическая, демографическая, энергетическая, ядерная, продовольственная, медицинская и т. д.;

оптимальное сочетание внешней политики с моралью, то есть с гуманистическими нормами, которые так или иначе отражены во всех мировых религиях»².

Сам М. С. Горбачев в своей последней крупной статье писал:

«Сердцевиной нового мышления стал тезис о приоритете общечеловеческих интересов и ценностей во все более целостном, взаимозависимом мире. Новое мышление не отрицает национальных, классовых, корпоративных

¹ Беседа А. С. Черняева с Г. М. Ханом и В. Б. Кувалдиным в рамках проекта «Устная история завершения холодной войны» // «Мы называли его Графом»: Памяти Анатолия Сергеевича Черняева. Воспоминания современников, документы. Публикации / Сост. Д. Белановский. М., 2019. С. 389.

² Черняев А. С. Новое мышление: вчера и сегодня // Перестройка: Двадцать лет спустя / Сост. В. И. Толстых. М., 2005. С. 124–125.

и иных интересов. Но оно выдвигает на первый план интересы сохранения человечества, спасения его от угрозы ядерной войны и экологической катастрофы. Мы отказались рассматривать мировое развитие с точки зрения борьбы двух противоположных социальных систем. Мы пересмотрели нашу концепцию безопасности и поставили задачу демилитаризации мировой политики. Из этого вытекает принцип разумной оборонной достаточности при более низких уровнях вооружений. Обобщенно говоря, новое мышление во внешней политике, как и во внутренней политике, означало попытку думать и действовать в соответствии с нормальным человеческим здравым смыслом»¹.

Горбачев воспринимал новое мышление не только как свое любимое детище, но и как универсальную политическую философию, которая способна изменить мир и минимизировать угрозу любых военных конфликтов. Ему казалось, что философское осмысление политиком его ранга тех проблем, которые стоят перед человечеством, может иметь не только практический смысл, но и предотвратить саму возможность возникновения такого масштабного кризиса, который поставит на грань уничтожения все живое на Земле.

К моменту прихода к власти Горбачева советско-американские находились в глубочайшем кризисе: обе сверхдержавы придерживались диаметрально противоположных точек зрения по всем ключевым вопросам мировой политики, при этом и Советский Союз, и США отчетливо осознавали всю степень потенциальной опасности для судеб мира, которую таила подобная конфронтация. Начало правления относительно молодого и динамичного Горбачева ознаменовало решительный поворот во внешней политике СССР: новый советский лидер посчитал снижение напряженности в отношениях с Западом, а в особенности с США приоритетной задачей момента. «Мы выстроили приоритеты: остановить гонку вооружений, особенно ядерных, нормализовать отношения с Западом, в разумные сроки вывести наши войска из Афганистана, добиваться урегулирования региональных конфликтов, положить конец конфронтации с Китаем. И сходились на том, что начинать надо с Соединенных Штатов. Это и супердержава, и признанный лидер западного мира, без согласия которого любые попытки добиться перелома в отношениях Востока и Запада ничего не дадут. Две главные черты характеризовали советско-американские отношения в начале 1980-х годов: практически полное отсутствие доверия и доминирование в повестке дня милитаристского

¹ Горбачев М. С. Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 10–11.

компонента»¹. «Вывести отношения из штопора, в который они попали на рубеже 70–80-х гг.» — такую амбициозную задачу применительно к межгосударственным отношениям СССР и США поставил Горбачев перед своей командой².

Список тех претензий, которые Москва предъявляла Вашингтону, а Вашингтон — Москве, был бесконечно велик; казалось, что говорить о каком-то согласии между двумя странами попросту невозможно — обе сверхдержавы ни в чем не хотели уступать друг другу; язык дипломатии был заменен языком пропаганды, прямого диалога между собой СССР и США не вели, ограничиваясь лишь взаимной критикой, с каждым следующим разом — все более резкой. Э. А. Шеварднадзе дал очень точную характеристику советско-американским отношениям в первой половине 1980-х гг.: «Все советско-американские контакты начинались со взаимного предъявления претензий и обвинений. Хорошо утоптанная дорога, которая никуда не вела. Нас и американцев разделяли стены, сложенные из глыб недоверия и булыжников идеологии»³.

Знакомство Горбачева с видными американскими руководителями произошло в первые дни его пребывания у власти. Представительную американскую делегацию на похоронах К. У. Черненко возглавляли вице-президент США Дж. Буш и государственный секретарь Дж. Шульц. Именно после церемонии прощания Шульц и Буш были представлены М. С. Горбачеву. «Горбачев начал с благодарственной записки, выразив признательность за “проявление уважения Генеральному секретарю Черненко”, а затем перешел к самому масштабному заявлению по внешней политике, которое я (Дж. Шульц — А. П.) слышал от советского лидера. <...> Горбачев посмотрел прямо на вице-президента Буша. “СССР никогда не намеревался воевать с Соединенными Штатами и сейчас не имеет таких намерений. В советском руководстве никогда не было таких сумасшедших, и сейчас их нет”, — сказал он. “Советы уважают ваше право управлять своей страной так, как вы считаете нужным. Точно так же советский народ должен принимать такие решения от имени СССР, и СССР никогда не позволит никому учить его, как управлять собой”. Он добавил: “Что касается вопроса о том, какая система лучше, об этом должна судить история”»⁴.

¹ Горбачев М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 37–38.

² Там же. С. 38.

³ Шеварднадзе Э. А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 147.

⁴ Shultz George P. Turmoil and Triumph. My years as Secretary of State. New York, 1993. P. 701–703.

На этой встрече Дж. Шульца поразила раскованность Михаила Сергеевича: он вел себя так естественно, как будто он уже давно управляет государством, а не всего несколько дней¹. «Горбачев произвел на всех впечатление, и в результате в воздухе повисла определенная эйфория от него. Люди цитировали заявление Маргарет Тэтчер: “Мне нравится этот человек. Мы сработаемся”. Я вспомнил замечание Громыко: “У Горбачева приятная улыбка, но у него железные зубы”... “Горбачев полностью отличается от любого советского лидера, которого я встречал”, — сказал я прессе в пятницу, 15 марта. “Но советско-американские отношения касаются не только личностей”, — предупредил я»².

После официальной беседы, лидеру СССР было вручено письмо от Рейгана, которое содержало в себе предложение и готовность к изменению отношений. «Горбачев ответил спустя две недели... Он поддержал идею встречи на высшем уровне, однако не обязательно в Вашингтоне. В общем, его письмо было обнадеживающим», — вспоминал Р. Рейган³.

Новый министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе оказался для Горбачева настоящей находкой, он чрезвычайно быстро вошел в курс дела, демонстрируя исключительные способности к искусству дипломатии. Летом 1985 г. именно Шеварднадзе представлял СССР на 10-летию подписания знаменитого Хельсинкского Акта и сумел добиться установления определенного взаимопонимания с Дж. Шульцем. П. Р. Палажченко вспоминает, что встреча министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе с госсекретарем Д. Шульцем 1985 г. в Хельсинки предопределила скорую встречу двух глав супердержав⁴.

Подготовка к встрече началась и в США, и в СССР. Перед встречей с Рейганом М. С. Горбачев был настроен чрезвычайно решительно: генсек не собирался идти на односторонние уступки Америке. Единственный возможный формат диалога с Соединенными Штатами — равенство партнеров. Советское внешнеполитическое ведомство, равно как и сам Горбачев готовились к встрече в чрезвычайно напряженном ритме, стараясь подойти к саммиту в Женеве во всеоружии⁵.

Дж. Шульц писал: «Я знал, что до встречи на высшем уровне осталось всего несколько недель, но иногда мне казалось, что мы

¹ Ibid. P. 706.

² Ibid.

³ Рейган Р. Жизнь по-американски. М., 1992. С. 609.

⁴ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. М., 2020. С. 94.

⁵ Горбачев М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 39.

никогда туда не доберемся. Камней на дороге было предостаточно, некоторые попали туда случайно, некоторые по расчету, некоторые в результате борьбы за сущность нашей национальной безопасности. Не споткнемся ли мы?»¹

И действительно: рассчитывать на успех первой за 6,5 лет советско-американской встречи, запланированной в Женеве осенью 1985 г., было затруднительно. «Сколько накопилось вопросов, разногласий, иногда просто недоразумений, но снять их было невозможно, не встретившись лицом к лицу. У меня и у всех членов советского руководства не было сомнений в необходимости встречи с президентом Рейганом. Мы знали, что и он этого хотел. Но в американском истеблишменте и в его собственном окружении были люди, которые этому противились всеми возможными способами», — вспоминал М. С. Горбачев². По словам переводчика последнего советского лидера П. Р. Палажченко, участвовавшего в подготовке встречи Горбачева и Рейгана, американская сторона не имела каких-то особых ожиданий в отношении встречи двух лидеров, считая, что, вероятно, главным положительным итогом саммита будет сам факт личного знакомства руководителей обеих держав; американцы, как остроумно заметил П. Р. Палажченко, относились к предстоящей встрече «менее судьбоносно, чем мы»³. При этом сам Р. Рейган, на которого со стороны аппарата Белого Дома оказывалось серьезное давление с целью убедить его не встречаться с главой советского государства, был абсолютно убежден, что его встреча с М. С. Горбачевым абсолютно необходима⁴. Москва, в свою очередь, надеялась на то, что переговоры на высшем уровне не будут простой формальностью, рассчитывая хотя бы на незначительное потепление в сложных советско-американских отношениях.

18 ноября 1985 г. М. С. Горбачев отбыл из Москвы в Женеву для встречи с президентом США Р. Рейганом. В состав официальной делегации, помимо Горбачева, входили министр иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, первый заместитель министра иностранных дел Г. М. Корниенко, посол СССР в США А. Ф. Добрынин, заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС А. Н. Яковлев, заведующий Отделом международной информации ЦК КПСС Л. М. Замятин,

¹ *Shultz G. P. Turmoil and triumph. My years as Secretary of State. N. Y., 1993. P. 775–776.*

² *Горбачев М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 38–39.*

³ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2022. 30 июня.

⁴ Палажченко П. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. М., 2020. С. 101.

помощник Генерального секретаря ЦК КПСС А. М. Александров¹. «В летопись Женевы — этой признанной Мекки международных дипломатических встреч — вписана еще одна памятная страница. 19–21 ноября здесь состоялась советско-американская встреча на высшем уровне — встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и президента США Р. Рейгана. Интерес к ней был поистине огромным. В течение трех дней внимание всего мира было приковано к событиям, проходившим в этом швейцарском городе, раскинувшимся на берегах живописного Женевского озера. Интерес определялся несколькими простыми и в то же время чрезвычайно вескими обстоятельствами. Во-первых, на сегодняшний день для человечества нет более важной проблемы, чем устранение угрозы термоядерной войны и прекращение гонки ядерных вооружений; во-вторых, решить эту проблему нельзя иначе, как путем переговоров, в первую очередь между двумя великими державами. И, наконец, именно отсутствие подобного диалога тревожило весь мир, и порождена эта тревога была тем, что за океаном в последние годы отдавали предпочтение не ограничению, а наращиванию вооружений», — писал советский журналист Б. Иванов².

Советская сторона не слишком верила в возможность достижения на переговорах какого-то прорыва, более важным представлялась возможность предоставить новому советскому лидеру своеобразное «боевое крещение», сведя его в дипломатическом поединке с президентом США. «К Женевской встрече мы подходили с реалистических позиций, не рассчитывая на крупные договоренности, надеялись заложить предпосылки для серьезного диалога. Было немаловажно, чтобы руководители сверхдержав “присмотрелись” друг к другу, поделились взглядами на сегодняшний мир и роль своих стран, подумали, что можно предпринять для ослабления враждебности и налаживания сотрудничества... Вполне понятная задача для первой встречи», — писал М. С. Горбачев³. По свидетельству Э. А. Шеварднадзе, Горбачев опасался провала переговоров, полагая, что достижения компромисса между ним и Рейганом невозможно. «Горбачев не испытывал особого желания лететь в Женеву. Он говорил, что их беседа займет не более получаса. Но встреча продолжалась почти три часа. Рейган и Горбачев вышли в сильном раздражении», — вспоминал Шеварднадзе, утверждая, что советский лидер хотел прервать

¹ Советско-американская встреча на высшем уровне, Женевы, 19–21 ноября 1985 г.: документы и материалы. М., 1985. С. 5.

² Иванов Б. Три дня в Женеве // Неделя. 1985. № 48. С. 2.

³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 12.

саммит и оставить Женеву.¹ «Переговоры и другие встречи в Женеве в общей сложности заняли около 15 часов. Пять или шесть встреч мы провели с Рейганом один на один, и каждый раз с нарушением “графика”, — вспоминал Горбачев, подчеркивая, что диалог с американским лидером был очень непростым: «мы оба, споря, с жаром возлагали друг на друга ответственность за гонку вооружений, поставившую мир на грань ядерного конфликта»².

Переговоры проходили крайне напряженно; Р. Рейган, видимо, желал выговориться перед «большевистским» лидером, вел себя крайне эмоционально. Горбачев упоминает следующий эпизод:

«Был момент, когда я почувствовал что президент Рейган стал говорить нечто напоминающее поучение. Я остановил его буквально на второй минуте. Сказал:

— Господин президент, я хочу вас прервать. Прошу извинить меня. Но хочу сказать несколько слов, чтобы внести полную ясность в нашу дальнейшую работу. Я надеюсь, вы понимаете, что вы — не учитель, я — не ученик. И вы — не прокурор, а я — не обвиняемый. И вы — не судья, а я — не подсудимый. Поэтому: если вы собираетесь меня поучать, то это неприемлемо. Мы можем вести дела только на равных. Вы — президент крупной страны, я — глава государства — вашего партнера. Если вы готовы вести дело на равных, я уверен, мы пойдем с вами далеко. Если нет, то можно считать, что наша встреча закончилась, ибо мы можем вести диалог и сотрудничество только с позиций равенства.

И надо сказать, президент реагировал без раздражения.

— Я тоже к этому готов, — сказал он. — Я только хотел разъяснить нашу позицию.

И разговор продолжился»³.

Как вспоминал чрезвычайный и полномочный посол СССР Г. М. Корниенко, в кулуарных разговорах министр финансов Д. Риган — ближайший соратник Р. Рейгана, признался, что никто из политиков не разговаривал с президентом Соединенных Штатов настолько прямо и с таким очевидным напором, как Горбачев⁴.

На следующий день, 21 ноября 1985 г., при большом стечении прессы состоялись пресс-конференции американской и советской сторон. Горбачев выступил перед СМИ и произнес: «Только что закончились наши переговоры с Президентом Соединенных Штатов Америки, впервые за последние шесть с половиной лет. <...> Мы хорошо представляли реальную обстановку и не питали ни малейших иллюзий насчет американской политики. Видели, насколько далеко зашла милитаризация экономики и даже политического мышления в этой стране.

¹ Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М., 2009. С. 88.

² Горбачев М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 460.

³ Горбачев М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 47.

⁴ Корниенко Г. М. «Холодная война». Свидетельство её участника. М., 2001. С. 359.

Но мы хорошо понимали, что обстановка в мире слишком опасна, чтобы пренебречь даже малейшим шансом исправить положение, продвинуться к более устойчивому и прочному миру. <...>

Наш вывод был таков: пришло время, когда перед угрозой всеобщей ядерной опасности надо научиться великому искусству жить вместе. <...> Мы увидели, что у нас есть, как мне кажется, то общее, что может быть отправным пунктом улучшения советско-американских отношений: это понимание того, что ядерная война недопустима, что ее вести нельзя и в ней не может быть победителей. <...>

Президенту мы сказали, что не стремились и не будем добиваться военного превосходства над США. Более того, я попытался не раз наедине и на пленарных заседаниях высказать наше глубокое убеждение в том, что меньшая безопасность Соединенных Штатов Америки по сравнению с Советским Союзом была бы нам невыгодна, так как это вело бы к недоверию, порождало бы нестабильность. Мы рассчитываем на аналогичный подход США в том, что касается нашей страны. В то же время мы сказали Президенту, что ни в коем случае не допустим, чтобы США получили военное превосходство над нами. Остановившись на разногласиях с американской стороной (планы США по выводу оружия в космос, различия в позициях в отношении 50-процентного сокращения ядерного оружия и пр.) ...

Мы считаем, что улучшение советско-американских отношений вполне возможно. Накопилось много проблем, я бы сказал, целые завалы, которые надо расчищать. У советского руководства есть политическая воля к тому, чтобы работу эту делать. Но она должна проводиться совместно с американской стороной. <...>

Американская сторона пока оказалась не готовой к крупным решениям. Но я думаю, в целом этот процесс и нельзя было в эти два дня решить, даже если бы он пошел и на такой волне. У нас есть механизм. Но в то же время состоявшаяся встреча слишком важное событие, чтобы ее можно было оценивать какими-то упрощенными категориями. Она позволила яснее понять характер наших разногласий, снять я по крайней мере так думаю и надеюсь, некоторые предвзятые оценки в отношении СССР и политики его руководства, убрать часть накопившихся предрассудков. Это может благотворно повлиять на дальнейший процесс развития событий»¹.

И в первые дни после окончания Женевского саммита, и впоследствии, современники отмечали важность встречи Рейгана и Горбачева в ноябре 1985 г. Советскую прессу, сразу по завершении саммита, буквально накрыла волна эйфории. В одной из ведущих советских газет, «Известиях», приводился текст совместного советско-американского Заявления, сделанного по итогам переговоров, в котором содержалось утверждение, что «ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней

¹ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. — М., 2010. С. 155–157.

не может быть победителей»¹. Уже названия статей говорят сами о себе: «Важный шаг в Женеве»,² «Мир стал более безопасным»³ и т. д. «Результатом встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева и президента США Р. Рейгана стала победа разума, достигнутая благодаря усилиям обеих сторон», — писал журналист «Известий»⁴. «Здравый смысл должен восторжествовать», — подчеркивалось в другой заметке той же газеты⁵. «Правда» в статье с говорящим названием «У нас одна планета» также отмечала последовательное стремление Советского Союза к миру⁶. «Правда» в своей передовой статье «Уверенность и оптимизм» также подчеркивала, что курс СССР на устранение ядерной угрозы «получает горячую поддержку советских людей, одобряется нашими друзьями и союзниками, находит широкое понимание в мире, с надеждой воспринимается всеми народами планеты»⁷.

Пожалуй, наиболее взвешенные и осторожные оценки итогов переговоров принадлежали Б. Иванову: «Итоги Женевы нельзя определить однозначно. Эта встреча слишком важна, чтобы ее можно было бы оценивать какими-то общепринятыми категориями. Лучше, конечно, если было бы достигнуто согласие по узловой проблеме — прекращение гонки ядерных вооружений. Однако этого, к сожалению, не произошло. Не произошло потому, что американская сторона оказалась все еще неподготовленной к тому, чтобы, исходя из новых политических и военных реальностей сегодняшнего дня, согласиться на радикальные предложения нашей страны. Чуда в Женеве не произошло, да если следовать логике международной политики, то оно вряд ли и могло произойти. Уж слишком различными были позиции сторон, чтобы можно было ожидать появления в ходе встречи каких-либо значительных соглашений в области контроля над вооружениями. И все же большинство из тех, кто оказался свидетелем советско-американской встречи — этого крупнейшего события международной жизни, — покинули Женеву чувством оптимизма. И основания для этого есть.... Встреча позади. Сделан лишь первый шаг на пути, который обещает быть долгим и трудным. С другой стороны, недаром говорят, что и самый долгий

¹ Совместное советско-американское заявление // Известия. 1985. 22 ноября.

² Важный шаг в Женеве // Известия. 1985. 23 ноября.

³ Мир стал более безопасным // Известия. 1985. 24 ноября.

⁴ Там же.

⁵ Горизонты Женевы // Известия. 1985. 25 ноября.

⁶ У нас одна планета // Правда. 1985. 23 ноября.

⁷ Уверенность и оптимизм // Правда. 1985. 29 ноября.

путь начинается с первого шага. И сделан он в Женеве. Хочется верить, что разум и реализм восторжествуют»¹.

В качестве очевидного положительного итога встречи в Женеве можно указать на то, что в ходе переговоров Горбачеву и Рейгану удалось «растопить лед»². Именно после саммита в Женеве в советском дипломатическом корпусе родилось убеждение, что «оказывается, с Рейганом можно работать»³. По словам А. Ф. Добрынина, «в известном смысле эта встреча Горбачева и Рейгана как бы подвела черту под определенным историческим отрезком времени, когда в Вашингтоне фактически отвергали серьезный диалог с нами, предпочитая диалоги попытки грубого нажима на СССР. Несмотря на то, что при встрече в Женеве не было достигнуто согласия по главным вопросам — о запрете на ударные космические средства и сокращении ядерных испытаний, — результаты встречи создавали предпосылки для перехода от состояния опасной напряженности к конструктивным поискам путей нормализации взаимоотношений двух стран и оздоровления международной обстановки в целом»⁴.

На встрече было выявлено стремление СССР и США к безъядерному миру, родился «дух Женевы»⁵, ее итоги обнадежили все человечество.

Главным событиям в истории советско-американских отношений в эпоху перестройку еще только предстояло произойти, однако, значение встречи в Женеве переоценить нельзя — это был первый шаг на пути к снижению международной напряженности; советские и американские дипломаты пришли к выводу о том, что работа друг с другом имеет совершенно определенные и серьезные перспективы на успех. М. С. Горбачев, достойно проведший переговоры в Женеве, уверенно занял место среди ведущих государственных лидеров мира.

Закрепляя сложившееся в мире позитивное впечатление от женевской встречи в верхах, Горбачев 15 января 1986 г. огласил рас-

¹ Иванов Б. Три дня в Женеве // Неделя. 1985. № 48. С. 2.

² Рейган Р. Жизнь по-американски. С. 635.

³ Дипломат (Беседа О. Пересина с А. Бессмертных) // Итоги. 2011. № 22. С. 49.

⁴ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М., 1996. С. 595.

⁵ Горбачев М. С. Наедине с собой... С. 466. «Дух Женевы» — выражение, укоренившееся в мировой дипломатии после саммита «большой четверки» — лидеров США, Великобритании, Франции и СССР в Женеве в 1955 г., по итогам которого произошло некоторое снижение международной напряженности в рамках «Холодной войны».

считанную на 15 лет программу, предусматривавшую поэтапную ликвидацию ядерного оружия к концу XX века¹, автором идеи которой выступили Маршал Советского Союза С. Ф. Ахромеев и первый заместитель министра иностранных дел СССР Г. М. Корниенко². В общем-то это заявление можно рассматривать как зарю знаменитого Горбачевского нового мышления, о котором скоро будет говорить весь мир. Размышляя над Заявлением Горбачева, Черняев записал в дневнике: «Заявление Горбачева. Он, видимо, действительно *во чтобы то ни стало* решить покончить с гонкой вооружений. Идет на тот самый “риск”, в котором он смело увидел отсутствие риска, потому что никто на нас нападать не будет, даже если мы совсем разоружимся, а страну, чтоб ее возродить и поставить на твердый путь, нужно освободить от бремени вооружений, истощающего не только экономику. Боже мой! Как нам повезло, что среди ПБ (Политбюро. — А. П.) нашелся такой человек, какую поистине “государеву” мудрость проявил, — Андропов, который обнаружил Горбачева и вытащил из провинции! Причем именно его: ведь в СССР, кажется, 95 краев и областей. И потом навязал его Брежневу! Если б не нашел Андропов Горбачева, с кем бы мы остались: на место Черненко претендовали Гришин, Романов и Громыко. Можно себе представить, какая судьба ждала бы Россию, если б любой из них, да еще после Черненко, встал во главе. Страшно подумать!»³

Черняева, в ту пору еще не служившего помощником у Горбачева, не было на женевском саммите. Значение этой первой за 6 лет советско-американской встречи на высшем уровне пришло к нему сразу после ее окончания: «Произошло кардинальное: гонка вооружений продолжается, в военном противостоянии ничего не изменилось, а в международных отношениях наметился перелом, приблизились к признанию, что войны никто не начнет, к пониманию того, что нельзя дальше ее провоцировать ни во имя коммунизма, ни во имя капитализма. Горбачев возродил надежды, появившиеся после XX съезда»⁴.

11–12 октября 1986 г. в столице Исландии Рейкьявике прошла вторая с момента прихода к власти Горбачева встреча на высшем

¹ Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1986. С. 242–243.

² Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 427.

³ Черняев А. С. Совместный исход... С. 669. Дневниковая запись от 18 января 1986 г.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход... С. 657. Дневниковая запись от 24 ноября 1985 г.

уровне с Р. Рейганом. С того времени прошло уже более трети века, но до сих пор итоги саммита в Рейкьявике порождают самые противоречивые оценки как в научной и публицистической литературе¹, так и в мемуаристике. Не случайно, что Горбачев в одной из своих последних книг назвал соответствующую главу «Саммит в Рейкьявике. Провал или прорыв?»², тем самым указывая на две существующие оценки этих памятных переговоров двух руководителей сверхдержав. Примечательно, что в первом издании своих воспоминаний Михаил Сергеевич писал о «драме» Рейкьявика, сравнивая ее с Чернобылем. «Разного рода драмы — Чернобыль и Рейкьявик. Но по потрясению основ, на которых строился послевоенный мир, они сопоставимы. После Чернобыля мы поняли, в каком мире живем — в каком соотношении с природой, с наукой, чего стоим, о чем должны думать. А после Рейкьявика всем стало ясно, что мир, может быть, на последнем перевале — к спасению рода человеческого или к гибели», — пояснил свою позицию Горбачев³. Ближайшие помощники генсека Г. Х. Шахназаров и А. С. Черняев в своих воспоминаниях отмечали всю степень трудности, с которой столкнулся Горбачев, приступая к реализации своей внешней политики. Шахназаров подчеркивал, что смелые шаги Горбачева в области разоружения были изначально восприняты на Западе даже не в качестве «очередной утопии», а лишь в качестве очередного «пропагандистского трюка» Кремля, однако «напористая личная дипломатия» Горбачева «позволила растопить ледяные наносы, образовавшиеся за четыре десятилетия “холодной войны”, советский лидер сумел убедить своих западных коллег, что Советский Союз не блефует, благодаря чему ему поверили руководители ведущих капиталистических держав, а с их помощью Горбачев, по Шахназарову, «расколол самый крепкий орешек — Рейгана»⁴. Г. Х. Шахназаров безусловно положительно оценивал итоги советско-американских встреч на высшем уровне, включая Рейкьявик. А. С. Черняев, назначенный на должность помощника генсека по международным делам незадолго до саммита, и принимавший непосредственное

¹ Так, покойный петербургский историк А. В. Островский в своей книге, посвященной перестройке, писал даже о «тайне» Рейкьявика, в котором, дескать, была подготовлена «капитуляция» СССР и его союзников в Восточной Европе (см.: Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 88–101).

² Горбачев М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 55.

³ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 2. М., 1995. С. 27–28.

⁴ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001. С. 296.

участие во встрече в Рейкьявике, относился к результатам деятельности своего патрона более осторожно, отмечая все же, что, хотя «формально Рейкьявик вроде сорвался, ничего не получилось», но по сути «Рейкьявик был переломным. Это был прорыв к новым отношениям»¹. Видный советский дипломат Л. М. Замятин, занимавший в те годы должность посла в Великобритании, также положительно расценивал итоги переговоров в Рейкьявике, отмечая, что, хотя «соглашение подписано не было, но взаимопонимание по многим вопросам существовало», что не могло не внушать двум лидерам совершенно определенный оптимизм². Американская сторона также отмечает, что на переговорах в Рейкьявике удалось добиться больших достижений, чем за «какую-либо предыдущую советско-американскую встречу», а сам этот саммит следует рассматривать как самый «замечательный» в истории двусторонних отношений сверхдержав³. Вместе с тем в американской мемуаристике также встречается и утверждение о том, что саммит в Рейкьявике был самым противоречивым по своему характеру за всю вторую половину холодной войны, а Горбачев предложил Рейгану чрезвычайно рискованную и авантюрную сделку, целью которой было уничтожение СОВЕТА.⁴ О том, что саммит в Рейкьявике и годы спустя продолжает оставаться загадочным и крайне спорным пишет в своей работе «Рейган в Рейкьявике» и видный американский дипломат и политик К. Адельман, убежденный в том, что октябрьская встреча 1986 г. открыла дорогу к окончанию холодной войны, в которой «Мы (США. — А. П.) победили. Они (СССР. — А. П.) проиграли»⁵. О том, что американская делегация достигла «успеха в Исландии» американский президент Р. Рейган объявил в своем обращении к нации уже 13 октября 1986 г.⁶ О том, чем был Рейкьявик — провалом или прорывом, — следует поговорить подробно.

К моменту встречи в Рейкьявике положительная составляющая, достигнутая после первой встречи генсека с американским президентом, стала сходить на нет, по словам Горбачева, женеvские пере-

¹ «Мы называли его Графом»: Памяти Анатолия Сергеевича Черныева. Воспоминания современников, документы, публикации / Сост. Д. Белановский. М., 2019. С. 400, 423.

² Замятин Л. М. Горби и Мэгги. М., 1995. С. 37.

³ Shultz George P. Turmoil and Triumph. My years as Secretary of State. New York, 1993. P. 776.

⁴ Gates Robert M. From the shadows. New York, 1996. P. 407–408.

⁵ Adelman K. Reagan at Reykjavik. New York, 2014. P. 295, 297.

⁶ Рейган Р. Откровенно говоря: Избранные речи / Пер. с англ. М., 1990. С. 288.

говоры по ядерным вооружениям были «практически в тупике», они превратились в «ширму, за которой ничего не происходит»¹. Исходя из этого, советская сторона срочно подготовила и отправила письмо Р. Рейгану, в котором содержалось предложение о встрече, которая должна была дать новые импульсы переговорному процессу. Для того, чтобы не возникло ощущение, что СССР или США идут друг другу на уступки, в качестве места встречи был выбран Рейкьявик, поскольку Исландия находилось на равном удалении от обеих стран — участниц будущих переговоров. Неожиданно быстро было достигнуто соглашение о встрече, а вскоре последовало официальное сообщение о новом советско-американском саммите — в Рейкьявике².

Встрече предшествовала напряженная подготовка: Горбачев поставил перед своими подчиненными задачу подготовить к саммиту такого рода предложения, которые могли бы открыть «путь к прорыву»³. Еще перед встречей в Женеве известный ученый и влиятельный политический эксперт академик Г. А. Арбатов в секретной докладной записке на имя Горбачева советовал последнему пересмотреть советскую позицию по вопросам разоружения, не стремиться перехитрить американцев, а уделить «больше внимания тому, чтобы своей позицией, своими предложениями, сделав их максимально привлекательными, безукоризненно честными и реалистическими, способствовать усилению и обострению этой внутренней борьбы в США и в НАТО, укреплению позиций противников гонки вооружений и “холодной войны”. Для этого в Женеву, как мне кажется, надо будет взять помимо доброй воли еще и новые позиции...»⁴. В качестве «домашней заготовки» Арбатов обратил внимание генсека на свойство характера Рейгана, в котором воинственный антикоммунизм уживался со стремлением посредством встречи с Горбачевым доказать американскому истеблишменту, что он — «большой государственный деятель и политик, даже миротворец»⁵. Рейган, — отмечал Г. А. Арбатов, — «очень популярен в США, он ощущает зависимость от общественного мнения и мнения политических кругов — в Америке и в мире. У нас цели, естественно, совершенно иные. Они не в том, чтобы сохранить существующую напряженность и гонку вооружений, а в том, чтобы попытаться сделать реальный шаг к разрядке и разоружению,

¹ Горбачев М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 53.

² Там же. С. 53.

³ Там же. С. 53.

⁴ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 227. Л. 40.

⁵ Там же. Л. 36.

не упустить даже малейшую к тому возможность. Возможно ли это? По-моему, возможно, но только если подойти к встрече очень серьезно, ответственно и смело. Это, как мне кажется, сделало бы нашу позицию бесприоритетной. Мы либо добились бы заметного сдвига к лучшему (как минимум в смысле значительного укрепления своих позиций для дальнейшей борьбы за разрядку и ограничение вооружений). Либо — но только при таком сугубо серьезном и деловом отношении к встрече — убедительно разоблачили бы политику Рейгана, сорвали с нее маску, а тем самым нанесли бы по ней очень чувствительный удар... Ключ, мне кажется, в том, что здесь вдобавок к нашим усилиям в пропаганде до, во время и после встречи, вдобавок к Вашим усилиям на самой встрече, надо еще, чтобы эти усилия были должным образом подкреплены очень сильной и в чем-то неожиданной позицией по главному вопросу — ограничению вооружений...»¹

8 октября, после подробного обсуждения, Политбюро утвердило директивы советской делегации на переговорах с президентом США. Горбачев прибыл в Рейкьявик с «пакетом» предложений, состоящим из трех элементов: сокращение на 50 процентов стратегических наступательных вооружений; полная ликвидация советских и американских ракет средней дальности (РСД) в Европе, отказ Вашингтона от СОИ. Все три составляющие части советских предложений были взаимосвязаны, они были положены на стол переговоров именно в «пакете»². «Главная цель, — отмечал М. С. Горбачев, — была такая: упростить схему договоренности, предложить сократить на 50 процентов все компоненты триады стратегических вооружений. В том числе мы готовы были пойти на 50-процентное сокращение тяжелых ракет наземного базирования, которые США с самого начала рассматривали как «наиболее дестабилизирующие». Мы были готовы пойти и на нулевой вариант по ракетам средней и меньшей дальности — т. е. на ликвидацию всех ракет этих двух классов в Европе»³. При этом Горбачев подчеркивал, что, «прекращая гонку наступательных вооружений, мы исходили из того, что не должна начаться гонка вооружений в космосе, в области противоракетной обороны»⁴, тем самым фактически признавая, что наибольшие опасения у Советского Союза вызывали знаменитая СОИ (стратегическая оборонная ини-

¹ Там же. Л. 36–37.

² *Полынов М. Ф.* Внешняя политика Горбачева. 1985–1991 гг. СПб., 2014. С. 162–163.

³ *Горбачев М. С.* В меняющемся мире... С. 54.

⁴ Там же. С. 54.

циатива), о которой речь пойдет ниже. Саммиту предшествовала целая серия совещаний, на которых предметно были обсуждены цели, которые советская сторона собиралась достигнуть на встрече в верхах. По поводу этих целей в нашей делегации царило единодушие. «Все согласились выдвинуть в Рейкьявике предложения о сокращении каждого вида СНВ (Стратегические наступательные вооружения. — А. П.) (МБР, БРПЛ, ТБ (Межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты подводных лодок, тяжелые бомбардировщики. — А. П.) обеими сторонами на 50% от существовавшего тогда у каждой из них уровня, а в качестве запасного варианта — о сокращении СНВ до уровня 1600 стратегических носителей и 6000 боезарядов. После жарких дискуссий договорились о возможности сокращения на 50% и наших тяжелых МБР СС-18 (с 308 до 154), в чем были особенно заинтересованы США, а также о засчете каждого ТБ с ракетами СРЭМ и ядерными бомбами на борту как одного стратегического носителя в число 1600 и одного боезаряда в число 6000. Эти решения были очень непростыми для нас. Мы шли на серьезные уступки американцам, уменьшая на 50% количество советских тяжелых ракет МБР СС-18. Подобных ракет у США не было. Порядок засчета ТБ с ракетами СРЭМ также был выгоден США. Одновременно было договорено твердо держаться позиции, что договор по ПРО должен строго соблюдаться сторонами в том виде, как он был подписан в 1972 году, и добиваться полного прекращения ядерных испытаний. По ракетам средней дальности наша позиция к Рейкьявику предусматривала полную ликвидацию таких ракет СССР и США в Европе при сохранении в Азии определенного их количества (около 100). Все было сформулировано в виде проектов совместных советско-американских документов, которые имелось в виду вручить Р. Рейгану (разъяснив при этом, разумеется, их суть соответствующим образом) в ходе первой же беседы. Разработка нами таких документов можно называть не без основания настоящим прорывом. Такой широкий набор важных предложений одновременно ни разу не вносился советской стороной за всю историю советско-американских переговоров по сокращению ядерных вооружений. Коллективно были определены и глубоко разработаны вопросы, по которым было нужно добиваться уступок от американской стороны. Словом, как сам М. С. Горбачев, так и все члены советской делегации к переговорам были подготовлены всесторонне», — вспоминал Г. М. Корниенко¹.

¹ *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 го-

Как «очень сильную и продуманную» расценил позицию советской делегации перед переговорами и П. Р. Палажченко, переводивший беседы советского лидера с Р. Рейганом¹.

Горбачев был прекрасно осведомлен о всей сложности предстоящего саммита: «Встреча будет очень сложная. Не исключен и провальный вариант», — заявил он коллегам по Политбюро накануне вылета в Рейкьявик 8 октября 1986 г.²

Саммит в Рейкьявике, во время которого разыгрались поистине шекспировские страсти³, действительно стал этапным и поворотным событием в международных отношениях, он во многом отличался от женевской встречи в верхах. «В Женеве нас не слышали. Так мы подошли к октябрю 1986 года, когда состоялась встреча на высшем уровне в столице Исландии Рейкьявике. Могу засвидетельствовать, что там была уже иная атмосфера: широкий диапазон обсуждаемых вопросов, интенсивные переговоры, во время которых не исключались компромиссы», — вспоминал член советской делегации академик Е. М. Примаков⁴. Переговоры между Рейганом и Горбачевым проходили 11–12 октября 1986 г. в «одинокое стоявшем у берега Атлантического океана деревянном доме, носившем название Ходфри Хауз», который, по утверждению мистически настроенных исландцев, был пристанищем привидений⁵. Маленькая страна, к которой в те дни были прикованы взоры всего мира, испытывала понятную гордость и радость и с нетерпением ожидала представителей СССР

да. М., 1992. С. 110–111. Seriously отнесся к предстоящему саммиту в Рейкьявике и Рейган, искавший свой подход к Горбачеву (см.: *Мас-си С. «Доверяй, но проверяй!» Уроки русского для Рейгана: Мои воспоминания* / Пер. с англ. О. А. Зимарин, М. Ю. Булыгина. М., 2018. С. 164–245). Вряд ли можно не согласиться с оценкой бывшего посла США в СССР Джека Мэтлока, по словам которого, «оба лидера подготовили свои позиции тщательно, хотя спешно и в глубокой тайне» (*Мэтлок Джек Ф. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза* / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и В. Мисюченко. М., 2003. С. 75).

¹ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко, переводчика М. С. Горбачева. Москва. 2020. 08 июля.

² В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. Проекта), А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 2008. С. 82.

³ *Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас*. М., 2006. С. 90.

⁴ *Примаков Е. М. Минное поле политики*. М., 2006. С. 45–46.

⁵ *Дубинин Ю. В. Время перемен. Записки посла в США*. М., 2003. С. 125.

и США¹, все гостиницы Рейкьявика были переполнены: встреча Рейгана и Горбачева вызвала невиданный интерес², в ожидании приезда высоких гостей город судорожно «прихорашивался» и украшался. Для переговоров лидеров Советского Союза и Америки город отвел небольшой двухэтажный старинный особняк «Хёвди» на берегу Атлантического океана³.

Советская делегация прилетела в Рейкьявик 10 октября и разместилась на теплоходе «Георг Отс». В составе делегации, помимо Горбачева и его супруги, были Э. А. Шеварднадзе, А. Ф. Добрынин, Ю. В. Дубинин, А. Н. Яковлев, С. Ф. Ахромеев, А. С. Черняев, академики Г. А. Арбагов, Е. М. Примаков, переводчик Горбачева П. Р. Палажченко⁴. Уже тогда, в самом начале Горбачевской эпохи, проявилась характерная особенность советского лидера: Михаил Сергеевич «невероятно много, интенсивно работал» во время переговоров на высшем уровне⁵, требуя того же от своих подчиненных. Прибыв в Рейкьявик, Горбачев выступил с небольшим заявлением для прессы, в котором подчеркнул, что «пришло время действий, действий серьезных и решительных», которые необходимо предпринять в первую очередь такими великими державами, как Советскому Союзу и США. Советский лидер подчеркнул, что он от лица СССР призывает все мировое сообщество «ликвидировать ядерное оружие к концу нынешнего века»⁶. Советский партийный официоз, газета «Правда», в заметке, посвященной саммиту, отмечала, что «сегодня Рейкьявик стал символом надежды на то, что люди во всем мире смогут избавиться от страха перед ядерным всеожжением. И эти надежды не должны быть обмануты»⁷. В действительности же, переговоры действительно проходили очень непросто: и Рейган, и Горбачев, равно как и их «команды», с опаской и недоверием относились друг к другу. Советская сторона руководствовалась в ходе переговорного процесса здоровой, понятной всему человечеству, логикой: «опустить ядерное противостояние на другой, намного более низкий уровень. На наши далеко идущие предложения у президента Рейгана сначала проявилась

¹ Можайский Н. Рейкьявик готовится к встрече // Неделя. 1986. № 41 (1385). С. 9.

² Иванов Н. Чем живет Рейкьявик // Известия. 1986. 7 октября.

³ Бовин А., Иванов Н., Палладин А. Рейкьявик ждет // Известия. 1986. 10 октября.

⁴ Черняев А. С. Избранное — 2. М., 2013. С. 74–75.

⁵ Александров-Агентов А. М. От Коллонтай до Горбачева. М., 1994. С. 288.

⁶ Известия. 1986. 12 октября.

⁷ Колесниченко Т., Масленников А. Что видится из Рейкьявика // Правда. 1986. 10 октября.

реакция, близкая к растерянности, хотя он и услышал то, чего США всегда добивались от нас, — радикального сокращения МБР. Но поскольку это подавалось в увязке с другими компонентами, у президента, видимо, возникло подозрение, что его хотят загнать в ловушку», — вспоминал М. С. Горбачев¹. «Американцы были ошарашены» советскими предложениями, — утверждал принимавший участие в переговорах генерал Н. Ф. Червов², американской стороне приходилось прямо в ходе переговоров придумывать новую «пьесу»; инициатива «Советов» оказалась для них абсолютной неожиданностью. Вместе с тем инициатива советской стороны отвечала желанию американцев. По словам руководителя американской команды военных экспертов, ветерана холодной политики П. Нитце, уникального знатока проблемы ядерного оружия, (советские переговорщики дали Нитце прозвище «дед»³, предложения Горбачева были «самым лучшим и выгодным для США советским предложением за 25 лет»⁴. На какое-то время у всех присутствующих возникло ощущение, что соглашение может быть достигнуто, осталось только доработать детали⁵. Советская и американская команда экспертов, руководимые С. Ф. Ахромеевым и П. Нитце, занимались выработкой максимально приемлемой формулы соглашения с учетом новой инициативы Москвы. В последний день переговоров, 12 октября, оба лидера добились радикальной договоренности по ядерному оружию — полном его уничтожении в течение десяти лет. Инициатива этого исходила от Горбачева, она была поддержана Рейганом⁶. Кроме того, Р. Рейган заявил о том, что «он хочет мир без ядерного оружия и готов обсудить ликвидацию “не только стратегических ракет, но и тактических, и оружия поле боя тоже”». Это был, скорее всего, экспромт, во всяком случае я уверен, что ничего подобного в заготовленных для Рейгана тезисах не было», — вспоминал работавший на тех переговорах П. Р. Палажченко⁷. Переговоры, казалось бы, плавно подходили к кульминации, которая должна была стать небывалым триумфом обоих лидеров и огромным шагом человечества на пути к крепкому

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В 2-х кн. М., 1995. Кн. 2. С. 29.

² Червов Н. Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М., 2001. С. 115.

³ Квицинский Ю. А. Время и случай: Заметки профессионала. М., 1999. С. 351, 377.

⁴ Shultz George P. Turmoil and Triumph. My years as Secretary of State. New York, 1993. P. 760.

⁵ Велихов Е. П. Мой путь. Я на валенках поеду в 35-й год. М., 2017. С. 186.

⁶ Польшов М. Ф. Внешняя политика Горбачева... С. 165.

⁷ Палажченко П. Р. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. 1-е изд. М., 2020. С. 121–122.

и прочному миру, однако, в шаге от успеха все внезапно застопорилось, эпохальные соглашения подписать не удалось¹.

В решающий момент переговоров камнем преткновения явилась знаменитая рейгановская СОИ (SDI — Strategic Defense Initiative) — стратегическая оборонная инициатива, предусматривавшая создание ПРО и размещения его элементов в космосе, вызывавшая огромные опасения у СССР. СОИ, или, как ее называла советская пропаганда, «Звездные войны», была, по словам переводчика М. С. Горбачева П. Р. Палажченко, «боле-вой точкой» для Советского Союза². «Звездные войны напугали Москву. Мы клюнули на американскую пропаганду, внушившую Кремлю определенное чувство интеллектуальной неполноценности», — утверждает выдающийся советский дипломат А. М. Белоногов³. Уже позднее в обывательских кругах стало модно говорить о «доверчивости» Горбачева сотоварищи, поверивших блефу американцев про СОИ, но тогда, в 1986 г., все казалось по-другому: «Наши переговорщики и военные были уверены, что к 1990 году американцы развернут космический эшелон», — вспоминал виднейший ученый, академик Е. П. Велихов⁴. В свою очередь, еще один крупнейший специалист, академик Р. З. Сагдеев, занимавший в то время пост директора Института космических исследований АН СССР, вспоминал, что ученые, работавшие над этой проблемой, «уделяли слишком много внимания СОИ», но делали это с самыми лучшими намерениями. «По крайней мере, — резюмирует Сагдеев, — это сэкономило для страны несколько миллиардов рублей»⁵.

«СОИ никем не воспринимался как блеф, это была реальная программа, основанная на огромном бюджете. Как идеал, СОИ был миф, но это была программа, на которую Советскому Союзу пришлось бы отвечать. СОИ могла спровоцировать серьезную гонку, которая никому бы ничего не дала», — утверждает П. Р. Палажченко, осведомленный о всех перипетиях тех переговоров⁶. По словам Палажченко, позиция советской делегации в целом сводилась

¹ Барсенков А. Политика «нового мышления» и окончание холодной войны (1985–1990) // Российская история. 2015. № 6. С. 142.

² Palazchenko P. My years with Gorbachev and Shevardnadze. The memoir of a Soviet Interpreter. Pennsylvania, 1997. P. 55.

³ Архив автора. Интервью А. М. Белоногова, в 1986–1990 гг. — постоянный представитель СССР при СБ ООН, в 1990–1991 гг. — первый заместитель министра иностранных дел СССР. Москва. 2020. 14 января.

⁴ Велихов Е. П. Мой путь. Я на валенках поеду в 35-й год... С. 184.

⁵ Sagdeev R. Z. The making of a Soviet scientist: my adventures in nuclear fusion and space from Stalin to Star Wars. New York, 1994. P. 273.

⁶ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля.

к тому, что Советский Союз в ответ на замедление СОИ был готов пойти на то, чтобы отдать 154 ракеты СС-18¹. Однако, этот расчет себя не оправдал. Предложенный Горбачевым Рейгану отказ от СОИ и перенос исследований по этой программе исключительно в рамки «лабораторий» американского президента не устраивал. Для Рейгана, по словам П. Нитце, перевод СОИ в лаборатории был равносильен превращению их в «груды мусора»². По словам Рейгана, в последние часы саммита Горбачев наконец-то раскрыл карты, стремясь добиться такого соглашения, которое позволит «убить СОИ»³. Рейган полагал, что «СОИ — это страховой полис, гарантирующий, что Советы будут выполнять свои обязательства, взятые Горбачевым и мною в Рейкьявике»⁴. По словам генерала К. Пауэлла, советника Рейгана по национальной безопасности, Горбачев «действительно боялся» СОИ⁵, также, несомненно, думал и Рейган, как следствие, американский президент был убежден в том, что СОИ является главным фактором давления на СССР⁶, отказ от СОИ был для него абсолютно неприемлем. «Участники переговоров с обеих сторон понимали, что приближается поражение — политическое и моральное. Но все попытки ничего не давали, так крепко Рейган связал себя с СОИ», — вспоминал Горбачев⁷. «Я все больше закипал, не в силах сдерживать раздражение. До меня дошло, что он (М. С. Горбачев. — А. П.) заманил меня в Исландию с единственной целью — угробить на корню стратегическую оборонную инициативу. С самого начала он, должно быть, замыслил известить нас об этом в самую последнюю минуту», — писал американский президент⁸.

«Я был сильно обманут в своих надеждах и очень разозлен», — вспоминал Рейган⁹. «Переговоры зашли в тупик и стали приоб-

¹ Там же.

² *Nitze Paul H.* From Hiroshima to Glasnost: at the center of decision, a memoir. New York, 1989. P. 435.

³ *The Reagan diaries.* New York, 2007. P. 444.

⁴ *Рейган Р.* Жизнь по-американски. М., 1992. С. 684.

⁵ *Powell Colin L.* My American journey. New York, 2003. P. 360.

⁶ *Полынов М. Ф.* Внешняя политика Горбачева. 1985–1991 гг. СПб., 2014. С. 165.

⁷ *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. В 2-х кн. Книга вторая. М., 1995. С. 31.

⁸ *Рейган Р.* Жизнь по-американски. М., 1992. С. 686.

⁹ Там же. С. 686. Любопытно, что английский премьер-министр М. Тэтчер утверждала, что отказ Рейгана принять Горбачевские предложения по поводу уничтожения ядерного оружия обладал важнейшим значением «в достижении победы над коммунизмом... Русские... проиграли игру,

ретать странный характер. Рейган попросту начал торговаться: пойдите мне навстречу, и вы почувствуете, сколько может сделать Америка в сотрудничестве с вашей страной. Я же пытался ему внушить, что всего один шаг отделяет его от того, чтобы войти в историю президентом-миротворцем. Но, повторял я, когда речь идет о безопасности, я не могу требовать от вас согласия на то, что означало бы меньшую безопасность для Соединенных Штатов, а вы, президент, не вправе требовать от меня подобного в отношении моей страны. Встреча закончилась. Мы вышли с Рейганом из дома. Уже наступили сумерки. Настроение скверное. Рейган бросил мне упрек:

— Вы с самого начала задумали приехать сюда и поставить меня в такое положение!

— Нет, господин президент, я готов сейчас же вернуться в дом и подписать документ по вопросам, которые мы уже согласовали, если вы откажетесь от планов милитаризации космоса.

— Весьма сожалею, — ответил Рейган...

Мы расстались», — вспоминал М. С. Горбачев¹.

Тем временем советская и американская делегации ожидали результатов переговоров Рейгана и Горбачева. «Оба лидера посвятили проблеме разоружения много сил и внимания. Договорились о дополнительной встрече с глазу на глаз. Она продолжалась не менее двух часов. Обе делегации ждали в коридоре. Шутили, рассказывали анекдоты... и волновались. Все понимали, что за закрытыми дверями решается проблема общечеловеческого масштаба. Наконец Горбачев и Рейган вышли в коридор с натяну-

и я не сомневаюсь, что они знали это» (*Thatcher M. The Downing street years. New York, 1993. P. 471*).

¹ *Горбачев М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 469. Ср. с записью беседы Р. Рейгана и М. С. Горбачева: «Горбачев. Мы не можем пойти на то, что Вы предлагаете. Согласитесь на запрещение испытаний в космосе, и мы через две минуты подпишем документ. На что-то другое мы пойти не можем. На что могли — мы уже согласились, нас не в чем упрекнуть. Несмотря на то, что наша встреча заканчивается таким образом, у меня чистая совесть перед нашим народом и перед Вами. Я сделал все, что мог. Рейган. Жаль, что мы расстанемся таким образом. Ведь мы были так близки к согласию. Я думаю все-таки, что Вы не хотели достижения договоренности. Мне очень жаль. Горбачев. Мне тоже очень жаль, что так произошло. Я хотел договоренности и сделал для нее все, что мог, если не больше. Рейган. Не знаю, когда еще у нас будет подобный шанс и скоро ли мы сможем встретиться. Горбачев. Я тоже этого не знаю» (Из архива Горбачева (Беседы М. С. Горбачева с Р. Рейганом в Рейкьявике 11–12 октября 1986 г.). Четвертая беседа (днем 12 октября 1986 г.) // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 8. С. 78).*

тими улыбками. Михаил Сергеевич, проходя мимо меня, шепнул: “Ничего не вышло”, — вспоминал один из ближайших соратников советского лидера А. Н. Яковлев¹. «А за дверьми произошло следующее (передаю по рассказам Михаила Сергеевича). Президент добивался от Горбачева согласия на СОИ. Много и увлеченно рассуждал о преимуществах и перспективах этой системы, о том, как она обеспечит всем мир и безопасность. Произнес также, к ужасу Шульца, что он вообще за ликвидацию ядерного оружия полностью и до конца. Выразил готовность поделиться с нами разработками по СОИ... И т. д. Горбачев возражал: СОИ позволяет обойти договоренности о сокращении и ликвидации ядерного оружия, она позволяет нанести первый и безнаказанный удар. Он, Горбачев, не может рисковать, на нем ответственность за безопасность своей страны. Рейган его упрасивал, буквально умолял, но Горбачев уперся. И вот финальная сцена в том домике. Открывается двухстворчатая дверь в комнату, где мы, делегация, ждем. По лицам двух лидеров мы понимаем: провал!», — вспоминал помощник генсека по международным делам А. С. Черняев². «СОИ заблокировала все достигнутое в Рейкьявике... Американская сторона не приняла текст (предложенный советской делегацией в качестве основы предстоящих действий сторон. — А. П.). Она не пошла на ограничение СОИ рамками лабораторий. Находясь буквально на пороге решений, которые могли бы стать историческими для всей ядерной эпохи, США остались на старых позициях, не смогли перешагнуть через свои амбициозные планы достижения военного превосходства через космос... Чего же добивался в Рейкьявике Белый дом? Заставить СССР пойти на односторонние уступки. Но для того времени это была нереальная политика. Заявленные в Рейкьявике советской делегацией уступки — это часть “пакета”. Не будет “пакета” — не будет и уступок. Такова была советская позиция, сформулированная в Рейкьявике, логичная и серьезная, отвечающая интересам безопасности СССР, США, Западной Европы и всех стран мира», — утверждал генерал Н. Ф. Червов³. В момент прощания с Горбачевым из глаз Рейгана потекли слезы. Было ли это актерством? Вероятно, нет: американский президент был, видимо, на грани нервного истощения. «Да, он плакал. Я смотрел и не верил», — вспоминал находившийся рядом со своим патроном начальник личной охраны Горбачева генерал В. Т. Мед-

¹ Яковлев А. Н. Сумерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2005. С. 586.

² Черняев А. С. Избранное — 2. М., 2013. С. 75–76.

³ Червов Н. Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М., 2001. С. 117, 118, 121–122.

ведев¹. Не в силах сдержать своих эмоций, в раздражении и досаде Рейган даже махнул рукой, выказывая этим всю степень своего разочарования от результатов переговоров; вероятно, президент США «предвкушал» шквал критики в свой адрес дома по результатам переговоров и не мог скрыть своих чувств². П. Р. Палажченко утверждал, что слезы Рейгана не были актерством; по мнению Палажченко, американский президент «реально мечтал о мире без ядерного оружия, он не хотел перехитрить и обмануть. У него была очень жесткая позиция по вопросу о Советском Союзе и его роли в мире, но он был искренним человеком, хотя и убежденным антикоммунистом. В вопросах разоружения Рейган был простодушен, он делал это не для того, чтобы обмануть русских».³ «У Рейгана, — подчеркивает Палажченко, — была мечта, он просил (выделено мной. — А. П.) о том, чтобы ему дали зеленый свет для глобальной ПРО»⁴. В известной степени Рейган был романтик в политике⁵, лелеявший мечту о безъядерном мире, отсюда и разочарование американского президента. «Мы были так близки к соглашению. Его расстройство было очевидным», — писал о чувствах Рейгана руководитель аппарата Белого Дома Д. Риган⁶. Как вспоминал Палажченко, в те минуты «элемент разочарования» в связи с неудачей таких серьезных и важных переговоров, был и у советской делегации⁷, хотя лидеры двух стран распрощались вежливо, Горбачев, проводивший Рейгана до его машины, вполне владел собой⁸. «Рейган выглядел разгневанным. Горбачев, напротив, — спокойным», — вспоминал министр иностранных дел

¹ *Медведев В. Т.* Человек за спиной. М., 1994. С. 210.

² Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева, начальника личной охраны Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Москва. 2020. 16 сентября.

³ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля.

⁴ Там же.

⁵ *Fitzwater M.* Call the Briefing! Holbrook, Massachusetts, 1995. P. 138.

⁶ *Regan D. T.* For the record. From Wall street to Washington. San Diego; New York; London, 1988. P. 351–352. Видный советский дипломат А. Ф. Добрынин вспоминал, что «начальник штаба» Рейгана Дональд Риган рассказывал ему о том, что американский президент по пути в аэропорт долго молчал, а потом сказал: «Дон, мы с Горбачевым были так близки к соглашению. Просто стыдно». Он показал при этом двумя пальцами расстояние в полдюйма. «Президент был потрясен таким исходом встречи», — добавил Риган (*Добрынин А. Ф.* Сугубо доверительно... С. 654).

⁷ *Палажченко П.* Монино — Москва через Мадрид и Женеву. (Свидетельство переводчика лидера сверхдержавы) // Независимая газета. 1992. 11 февраля.

⁸ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко.

СССР Э. А. Шеварднадзе¹. Объясняя тот факт, что два лидера так и не смогли прийти в Рейкьявике к какому-то соглашению, Шеварднадзе заметил, что Горбачев и Рейган «не смогли удержать мяч, который сами же бросили далеко вперед»².

Государственный секретарь США Дж. Шульц, выступая по горячим следам после окончания встречи, поспешил объявить всему миру о ее провале, теперь выступить перед журналистами предстояло генеральному секретарю ЦК КПСС³. Доехав до «Георга Отса», Горбачев, мрачный, ушел в свою каюту⁴. Спустя короткое время, советский лидер, видимо, сумел справиться со своими эмоциями. Позвонив заведующему подготовкой международной информации ЦК КПСС А. И. Власову, Горбачев попросил у него 30 минут времени — оно было ему необходимо: «надо продумать, что сказать» журналистам⁵. «Я думал о главном — что я должен донести до прессы, до всего мира. Пресс-конференция собралась в большом ангаре, вмещавшем около тысячи человек. Пока шел от дома, где велись переговоры, до ангара, где меня ждали журналисты, я лихорадочно все обдумывал. Меня преследовала мысль: ведь мы договорились по стратегическим и средним ракетам. Это же новая ситуация. Так неужели принести все в жертву ради сиюминутного пропагандистского выигрыша? Внутреннее чувство подсказывало — горячиться не следует. При моем появлении перед прессой все молча встали. Из зала исходила тревога... Я видел глаза сотни людей и был потрясен: передо мной предстал как бы весь человеческий род. Именно в это мгновение ко мне и пришло понимание того, что произошло и что я должен сказать. Выступление мое было откомментировано журналистами и политиками. Не буду воспроизводить его. Ключевое значение имела в нем фраза: “При всем драматизме Рейкьявик — это не поражение. Это

¹ Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Пер. с нем. Г. Леоновой. М., 2009. С. 89.

² Шеварднадзе Э. А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 158.

³ «В самые первые часы после того, как встреча завершилась, все мы не сумели по достоинству оценить тот факт, что Рейган с Горбачевым разрешили больше спорных вопросов, чем наши лидеры на любом из предыдущих американско-советских саммитов. На первых пресс-брифингах мы дали полную волю своему разочарованию и не сумели дать ясное объяснение того, что в действительности было достигнуто», — вспоминал американский дипломат Дж. Ф. Мэтлок (*Мэтлок Дж. Ф. Смерть империи*. М., 2003. С. 77).

⁴ Дубинин Ю. В. Время перемен... С. 143.

⁵ Власов А. И. Записки из рухнувшего дома. М., 1998. С. 72.

прорыв. Мы впервые заглянули за горизонт”. Зал как бы вышел из оцепенения. Бурные аплодисменты. Все вскочили с мест... Мы точно уловили господствовавшее в мире настроение и тем спасли процесс перемен», — резюмировал итоги Рейкьявика Горбачев¹. «Казалось бы, очевидный для всех провал — и именно так сказал Шульц [государственный секретарь США в 1986 г.] на авиабазе перед отлетом в США — Горбачев через двадцать минут после рукопожатия с Рейганом превратил в возрождение надежды», — с восхищением писал помощник генсека по международным делам А. С. Черняев о своем патроне².

Решение о том, чтобы не устраивать пресс-конференцию в пропагандистском ключе и не обвинять в провале переговоров «американскую военщину» (подобный сценарий, в числе прочих, был предусмотрен еще до начала переговоров), Горбачев принял спонтанно, ни с кем не советуясь³. Это несомненно было очень сильное политическое решение советского лидера.

«Не надо впадать в отчаяние. Рейкьявик вывел нас на важнейший этап понимая того, где мы находимся. Все увидели, что договоренность возможна. Из Рейкьявика мы сделали вывод, что еще больше возросла необходимость диалога. Вот почему после Рейкьявика я — еще больший оптимист... Я ни в коем случае не назвал бы Рейкьявик провалом. Это ступень в сложном и трудном диалоге, в поиске решений. Решения надо искать по-крупному. Некоторые пытались изобразить драму в Рейкьявике (а ситуация действительно складывалась драматически) так, будто дело было в одном слове, будто все сорвалось из-за одного слова. Нет, дело в принципе. Мы пошли на известные уступки, но на уступку, которая поставила бы под угрозу безопасность нашего государства, мы пойти не можем», — размышлял Горбачев в самолете на обратном пути из Рейкьявика в Москву⁴. Отвечая на вопрос одного из соратников, что, мол, следовало бы все же пойти на заключение соглашений, Горбачев ответил: «Ты, что хочешь, чтобы

¹ Горбачев М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 470. По словам присутствовавшего на конференции Маршала Советского Союза С. Ф. Ахромеева, Горбачев провел пресс-конференцию «с блеском, как бы на одном дыхании» (Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата. Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 года. М., 1992. С. 120).

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым: По дневниковым записям. М., 1993. С. 116.

³ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля; Белый лис (Беседа А. Ванденко с Э. Шеварднадзе) // Итоги. 2011. № 6. С. 33.

⁴ Отвечая на вызов времени... С. 53.

в Союзе и за рубежом мне приписали сдачу наших национальных интересов?»¹ На совещании с членами Политбюро 1 декабря 1986 г. Горбачев подчеркнул: «В Рейкьявике — да — наши предложения прозвучали как уступки. А на самом деле никакие это не уступки... Тут оселок. Если мы за мир не будем бороться — народ нас не поймет. И если мы оборону ослабим — нас народ тоже не поймет. У него — здоровый шовинизм. Тут лезвие, по которому мы идем. Ошибись, закуси удила — можно наворочать таких дел... Надо очень четко распределить, что мы должны делать тут, и что делать там. И никаких кампаний не нужно по разьяснению того, что мы заботимся об обороне страны»². А. С. Черняев, вспоминая о драме Рейкьявика, отмечал, что главным итогом саммита было то, что на встрече «состоялся диалог двух людей, которые поверили друг другу, пусть не до конца... *Что означал “выход за горизонт” после Рейкьявика и благодаря Рейкьявику?* Это выход к нормальному человеческому здравому смыслу, выход за пределы идеологических и иных враждебных установок, которые с обеих сторон диктовали порочную логику холодной войны»³. В другой своей работе Анатолий Сергеевич подчеркивал, что «красной нитью Горбачевских оценок было: мы спасли процесс перемен, дали перспективу, за Рейкьявиком пойдут, должны пойти другие шаги по преодолению конфронтации»⁴. Сразу после завершения саммита, большинство членов советской делегации воспринимали Рейкьявик скорее в позитивном ключе, как «нормальный» саммит, а вовсе не как провал⁵, хотя в среде профессиональных дипломатов встречаются и оценки, подобные позиции А. М. Белоногова, по утверждению которого, «в Рейкьявике ничего не получилось, хотя все сделали хорошую мину»⁶.

По словам П. Р. Палажченко, Рейкьявик «войдет в историю как честная попытка договориться о мире без ядерного оружия, нереализованная мечта, которая станет нашим обязательством перед миром»⁷. Чем же все-таки закончился Рейкьявик? Свою версию предложил опытный журналист, «спичрайтер» Брежнева и Андропова, а позднее — посол СССР в Израиле А. Е. Бовин:

¹ Власов А. И. Записки из рухнувшего дома... С. 72.

² Отвечая на вызов времени... С. 55.

³ Черняев А. С. Избранное — 2. М., 2013. С. 76–77.

⁴ Черняев А. С. Рейкьявик — спустя 20 лет // Избранное. М., 2011. С. 334.

⁵ Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных, в 1986 г. — заместителя министра иностранных дел СССР. Москва. 2019. 21 марта.

⁶ Архив автора. Интервью А. М. Белоногова.

⁷ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля.

«Американцы, как показали переговоры Горбачев — Рейган, были не готовы разоружаться. Формально Горбачев потерпел поражение: его предложение было отклонено. Но по существу потерпел поражение Рейган, ибо он отказался отодвинуться от края пропасти, за которым — самоубийство человечества», Горбачев же, по мнению Бовина, «заслужил высшую оценку как переговорщик»¹, хотя его попытки «уламывать» Рейгана (выражение последнего пресс-секретаря Президента СССР и его биографа А. С. Грачева)², так и не привели ни к какому конкретному результату. Из-за отказа США ограничить СОИ, констатировала respectable «Нью-Йорк Таймс», переговоры зашли в тупик³. Отметим при этом, что неуступчивость Рейгана в вопросе о СОИ в Рейкьявике, да и вообще вся его линия на саммите⁴, в целом были поддержаны большинством представителей американского общества — президент сумел убедить народ США в том, что он «сорвал» в Исландии коварный замысел «Советов».

«СОИ оказалась той лакмусовой бумажкой, которая высветила истинные — во всяком случае на сегодняшний день — намерения Вашингтона. Какими они будут завтра, покажет будущее», — резюмировал советский публицист Н. Паклин⁵. В другой заметке, написанной вскоре после саммита в Рейкьявике, Н. Ефимов писал: «Принято говорить, что на любых переговорах партнеры должны преодолеть свою половину пути. Свою половину Советский Союз преодолел. Честно, ответственно, мужественно. И если не было достигнуто соглашение, то не по нашей вине. На многие серьезные уступки пошел СССР ради того, чтобы избавить мир от миллионов “хиросим”, готовых в любую минуту испепелить все живое. Другая сторона на уступки не отважилась»⁶.

Формально не закончившийся подписанием каких-либо соглашений, Рейкьявик вызвал беспрецедентный мировой общественный резонанс, прежде всего потому, что лидеры двух сверхдержав проявили стремление к ликвидации ядерного оружия⁷, подарив тем самым людям надежду на мирную жизнь и во многом подготовив почву для последующих реальных шагов в области

¹ Бовин А. Е. XX век как жизнь. Воспоминания. М., 2003. С. 458.

² Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 199.

³ The New York Times. 1986. 13 october.

⁴ Cheney D. In my time. A Personal and Political Memoir. New York, 2011. P. 491.

⁵ Паклин Н. После Рейкьявика // Неделя. 1986. № 42. (1386). С. 3.

⁶ Ефимов Н. В Рейкьявике и после // Неделя. 1986. № 43. (1387). С. 8.

⁷ Полюнов М. Ф. Внешняя политика Горбачева. С. 168.

разоружения; в этом плане саммит в Рейкьявике действительно стал поворотом к новому мышлению в международной политике, которые позволили добиться впечатляющих результатов в области разоружения и резкого снижения уровня международной напряженности: не случайно, как справедливо отметил биограф Горбачева М. Макколи, что всего год спустя после «формального провала» в Рейкьявике на встрече 1986 г. было подписано выгодное для обеих стран соглашение в Вашингтоне¹. «После Рейкьявика, — писал по горячим следам после переговоров Рейган — Горбачев крупнейший советский эксперт по европейским делам В. М. Фалин, — народам лучше, чем когда-либо, известно: существует конструктивная альтернатива вооруженному до зубов миру, военному противостоянию держав, политике силы и насилия»². В Советском Союзе отсутствие договоренностей в Рейкьявике объяснили неуступчивостью американской стороны; вместе с тем саммит в столице Исландии с самого начала изображался как исторический прорыв, хотя бы в силу самой готовности СССР к поистине беспрецедентным соглашениям. О том, какое значение наше руководство придавало недавней встрече в верхах свидетельствует тот факт, что М. С. Горбачев счел необходимых целых два раза выступить по центральному телевидению для объяснения советскому народу того, сколь далеко обе стороны переговоров продвинулись на пути к ядерному разоружению³, не упустив возможность назвать «пресловутую СОИ» «символом обструкции всего мира» и «концентрированным выражением милитаристских замыслов»⁴. Вероятно, что подобная «разговорчивость» Горбачева в отношении недавнего саммита объяснялась не только стремлением объяснить не только советским людям, но и всему миру свою позицию по вопросу о ядерном разоружении, но также и желанием отвести от себя обвинения в срыве столь удачно, казалось бы, поначалу складывающихся переговоров.

Удивительно, но Рейкьявик не привел к ожесточению в личных отношениях Рейгана и Горбачева⁵, по мнению П. Р. Палажченко, оба лидера после переговоров в Исландии не просто окончательно зауважали друг друга, но и приобрели определенную взаимную личную симпатию⁶. Об этом же пишет и Дж. Мэтлок, занимав-

¹ *McCaughey M. Gorbachev. Edinburgh, 1998. P. 82.*

² *Фалин В. Рейкьявик: две недели спустя // Известия. 1986. 26 октября.*

³ *Правда. 1986. 15 октября, 23 октября.*

⁴ *Правда. 1986. 15 октября.*

⁵ *Brown A. The Gorbachev Factor. Oxford, 1995. P. 233.*

⁶ *Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2020. 8 июля.*

ший в 1986–1991 гг. должность посла США в СССР¹. По словам американского дипломата, встреча «все-таки принесла свои плоды — и это было чрезвычайно важно: она убедила Горбачева, что Рейган искренне желает покончить с гонкой вооружений. Однако к такому выводу Горбачев пришел не сразу. Слишком были обострены чувства и слишком сильно было у обоих ощущение предательства, не позволявшее спокойно рассуждать...»². Рейкьявик убедил Горбачева, что с Рейганом можно успешно взаимодействовать как с искренним и глубоко убежденным в необходимости отвести от мира ядерную угрозу политиком³. Никто из участников памятных переговоров в Рейкьявике — ни в США, ни в СССР, — вероятно, и не подозревал, что, как выразился М. С. Горбачев, в самое ближайшее время «история так невероятно ускорит свой бег»⁴. Печальные итоги декабря 1991 г. показали, что Советский Союз к роли спринтера на исторических бегах оказался совсем не готов.

Итак, чем же был Рейкьявик — провалом или прорывом? На взгляд автора этих строк, дать на этот вопрос однозначный ответ нельзя: Рейкьявик был и тем, и другим. Провалившийся саммит удивительным образом привел к прорыву в тупиковых, казалось бы, советско-американских отношениях. Беспрецедентный ажиотаж вокруг саммита, невиданно подробное освещение его перипетий в СМИ безусловно свидетельствовали об огромных ожиданиях, которые вызывала во всем мире встреча лидеров двух сверхдержав, а его драматическая развязка оставила у участников переговоров чувство досады, сравнимое с переживаниями шахматиста, загубившего, казалось бы, выигранную партию — ставкой в этой партии была ликвидация ядерного оружия. Помимо этого, исландская встреча в верхах подарила людям робкую надежду на то, что ядерную угрозу удастся отодвинуть, а противоречия между «большевиками» и «капиталистами» не столь непреодолимы, чтобы они никогда не смогли бы договориться; более того, и в Советском Союзе, и в США возникло ощущение, что две великие державы могут в ближайшие годы взаимовыгодно договориться практически по всем вопросам. Представить подобные ожидания

¹ Мэтлок Дж. Ф. Перестройка, как она виделась из Вашингтона (1985–1991 гг.) // Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М., 2005. С. 158.

² Мэтлок Дж. Ф. Рейган и Горбачев. М., 2005. С. 248.

³ Grachev A. Gorbachev's Gamble. Cambridge, 2019. P. 95.

⁴ Горбачев М. Я считаю ядерную войну недопустимой. Только безумец может ее начать // Известия. 2019. 18 октября.

прежде было нельзя: Рейкьявик изменил атмосферу во все еще разъединенном железным занавесом мире, в известной степени именно во время переговоров в Исландии начался подрыв тех основ, на которых покоилась холодная война¹. В этом и заключается историческое значение саммита в Рейкьявике — провальные переговоры Рейгана с Горбачевым парадоксальным образом привели к прорыву в советско-американских отношениях.

Рейкьявик действительно стал поворотом к новому мышлению, после второй встречи с Рейганом Горбачев начал делать реальные шаги, которые позволили добиться впечатляющих результатов в области разоружения и резкого снижения уровня международной напряженности. Чаще стали происходить и международные саммиты, на них, рядом с Горбачевым практически неизменно был и А. С. Черняев, в то время искренне восхищавшийся деятельностью генсека. «Хочется писать и боязно. Потому что — сколько бы ни пытался писать, времени все равно не хватит, чтоб хотя бы схематично отразить, что происходит каждый день рядом с М. С. Он на глазах вырастает в великую фигуру нашей истории. Я его вижу почти нараспашку со всеми обыденными нюансами его натуры, поведения, уровня образованности — но это никак не снижает в моих “интеллигентских” (снобистских) глазах величия этого человека», — такую запись Черняев оставил в своем дневнике 7 декабря 1986 г.² «Обращает на себя внимание феноменальная откровенность Горбачева — и в оценках ситуации, и в обозначении намерений. Он высказывает смелые, шокирующие окружающих мысли, многие из которых так и не были реализованы. Беспощаден в критике того, что имеем, что и как делается. Поощряет “раскручивание” гласности, но все еще рассматривает ее как орудие партии в осуществлении преобразований, а не как “свободу слова”, действующую по собственной логике... Он [Горбачев] не порывает с представлением об СССР как “идеологической державе”, но уже очень далеко зашел в налаживании принципиально новых отношений с Западом и формирует внешнюю политику, абсолютно исключая идеологический компонент, т. е. конфронтацию и несовместимость. Термин “новое мышление” еще не употребляется. Но на деле оно уже “работает”... Если попытаться дать формулу реформаторской эволюции Горбачева в 1986 г., она может быть такой: необычайная смелость в словах и оценке проблем и осторожность в делах», — обобщил Черняев итоги 1986 г.³

¹ Mann J. The rebellion of Ronald Reagan. New York, 2010. P. 49.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 699.

³ Там же. С. 703–704.

Характерной особенностью этого года также была еще и единая линия команды Горбачева: «действовала еще в полном согласии когорта, можно сказать, “отцов-основателей” перестройки (Лигачев, Рыжков, Воротников...) при лидирующей роли связки Горбачев — Яковлев»¹. «Идиллический» период отношений Горбачева и его соратников продлился, правда, не слишком долго. Вскоре выявилось две линии перестройки — Лигачева и Яковлева — «политические сямские близнецы. Сказав об одном, невозможно не сказать о другом», — писал о них вдумчивый и осведомленный член ЦК КПСС Н. Б. Биккенин². Каждый из них в известной мере считал и перестройку, и, главное, Горбачева, своим детищем, хитроумные политические маневры и временные тактические союзы генсека воспринимались ими с недоумением и своеобразной ревностью. «Оба боролись за Горбачева, желая его видеть в качестве лидера своей линии, а он боролся за них, чтобы объединить в работе за свою, уже тогда “центристскую” линию... Объединить эти линии не удалось, что было predetermined самой объективной логикой перестройки. В личном же плане он ошибся и в том, и в другом. Один все больше противопоставлял себя Горбачеву, убежденный, что именно его неосталинистская концепция перестройки единственно правильная, хотя руководствовался, думаю, больше “интересами дела”, как он его понимал (такая натура!). Другой, все больше разочаровываясь в способности полностью “овладеть” Горбачевым, а также обижаясь на него (“не защищает меня ни на Политбюро, ни против клеветников в газетах”), решил делать свой собственный политический “имидж”. Сначала — эксплуатируя дружбу с Горбачевым, но “давая утечки”: мол, это я истинный автор перестройки, мне принадлежат ее главные идеи, а Горбачев лишь “рупор”. Потом, когда гласность опрокинулась и против самого Горбачева, встал в оппозицию к нему, демонстративно выказывая свое несогласие, как бы говоря всем: если бы Горбачев действовал “по-моему”, все было бы в порядке. И наконец, после путча сделал вид, что “проявил снисхождение” (хотя деваться ему было некуда) и опять встал рядом с Горбачевым. В течение целого года широко пользовался крышей Фонда Горбачева для распространения мифа о самом себе. А когда почувствовал опасность, нависшую над Горбачевым и его Фондом со стороны российских властей, перебежал на службу к ним “в официальном порядке”, — вспоминал Черняев³.

¹ Там же. С. 704.

² Биккенин Н. Б. Как это было на самом деле. Сцены общественной и частной жизни. М., 2003. С. 233.

³ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 198–199.

Впрочем, в 1986 г. у советских людей, да и всего мира, появилась другая, страшная тема для обсуждения — Чернобыль — воистину зловещее предзнаменование грядущего распада страны. «Вся страна в целом распадается на чернобыльский лад. Идет неудержимый распад материи и расход духовной сути. Впрочем, одна женщина сказала, что подорожание колбасы на двести процентов пострашнее Чернобыля. Наш главный герой (Горбачев. — А. П.) хочет уподобиться Иисусу Навину, которому криком: “Остановись, солнце, и не двигись, луна!”, — удалось ненадолго возобладать над временем и выиграть битву. Но повторяются лишь библейские кошмары, а добрые чудеса неповторимы. Апокалипсис налицо, но никто не исцелил Лазаря», — писал в своем дневнике Ю. М. Нагибин¹.

Впервые заговорил о себе и межнациональный фактор, проявивший себя в дни декабрьских волнений 1986 г. в Алма-Ате, для подавления которых была применена сила. Что стало причиной этих эксцесса: недовольство казахского народа фактическим *назначением*, а не избранием, на пост партийного лидера республики, вопреки существующей традиции, не представителя титульной нации, а русского Г. В. Колбина², сменившего многолетнего руководителя Казахстана Д. А. Кунаева, или же интриги самого Димаша Ахмедовича, не столь существенно³. Главным уроком из этих событий было знамение времени: окраины уже не были готовы слепо подчиняться любому шагу Центра⁴. Печальным следствием алма-атинских событий стал появившийся

¹ Нагибин Ю. М. Дневник. М., 2009. С. 570. Дневниковая запись от 18 августа 1986 г.

² Кунаев Д. А. О моем времени: Воспоминания. Алма-Ата, 1992. С. 269.

³ «В свете последующего развития событий думаю, что мы все-таки совершили ошибку. Мы находились в начале перестройки, а действовали в какой-то мере старыми методами», — комментирует алма-атинские события М. С. Горбачев (*Горбачев М. С. Жизнь и реформы*. Кн. 1. С. 498).

⁴ «Это было первое выступление людей, искренне поверивших в демократические перемены, поверивших слову М. С. Горбачева... Декабрьские события 1986 года показали, насколько выросло самосознание казахской молодежи. Она первой преодолела страх перед тоталитарной системой, которая почти столетие заставляла жить народы в казарменном режиме», — утверждает многолетний лидер Казахстана Н. А. Назарбаев (*Назарбаев Н. А. На пороге XXI века*. Алматы, 1996. С. 36–37). Комментируя мотив людей, вышедших с протестом против назначения Г. В. Колбина, Назарбаев с возмущением пишет: «Очевидно, по мнению центральных властей, республика оставалась их вотчиной, и можно было, не советуясь ни с кем, назначать и менять руководителей по собственному усмотрению, на свой вкус. При этом ЦК Компартии Казахстана даже не ставился

на улицах городов Казахстана самодельный плакат, «Убей русского, посади дерево», который произвел на русское население республики «впечатление внезапно разорвавшейся под ногами бомбы»¹. В дальнейшем обособление республик от Центра начало принимать все более последовательный характер.

Следующий 1987-й год был, наверное, временем пика популярности Горбачева в стране, все более известным становилось его имя и за рубежом. На этот год пришлось и 70-летие Октября, юбилейная дата революции — последняя в истории советской державы. Впервые на весь Союз прозвучало имя Б. Н. Ельцина, выступившего на Пленуме ЦК КПСС с критикой «славословия» в адрес Генерального секретаря, о чем будет еще сказано ниже. По словам Черняева, «1987 год войдет в историю тем, что в небе перестройки появился опасный, своевременно “не опознанный объект” — Ельцин»². Во всем мире становится известным понятие гласность, впервые произнесенное еще при Александре II, «гласность мощно заявила о себе уже как “свобода слова”, все больше отрывалась от понимания ее как идеологического инструмента КПСС. Она создавала совершенно новую атмосферу в обществе, все больше откликаясь на столько лет подавлявшуюся потребность его в правде и честности на линии “власть — народ», — писал Черняев³. «Я считаю, что важным, если не самым главным достижением перестройки является гласность, основное оружие которой — печать, средства массовой информации. За перестроечные годы печать неузнаваемо изменилась: она стала более проблемной, острокритичной, информационно насыщенной. Появились темы, о которых не только писать критически, но даже упоминать нельзя было (военно-промышленный комплекс, КГБ). Гласность — это открытость, доступность информации, ведь каждый гражданин имеет право и должен знать все о том, что происходит в стране и за ее рубежами, знать правду, без всяких оговорок и условностей, ограничений», — писал главный редактор «Правды» в 1976–1989 гг., достаточно консервативный по своим политическим убеждениям В. Г. Афанасьев⁴. Вряд ли можно не согласиться с мнением В. Г. Захарова, министра культуры СССР в 1986–1989 гг., по утвержде-

в известность о том, кто предназначался на должность его первого руководителя» (*Назарбаев Н. А. Без правых и левых. М., 1991. С. 178*).

¹ *Полежаев Л. К. Перестройка, годы, лица... Портреты и размышления. Омск, 1996. С. 47.*

² *Черняев А. С. Был ли у России шанс... С. 65.*

³ *Черняев А. С. Совместный исход... С. 739.*

⁴ *Афанасьев В. Г. Четвертая власть и четыре генсека. М., 1994. С. 79–80.*

нию которого «от перестройки больше всего выиграла культура. Политика гласности помогла покончить с практикой запретов, некомпетентного вмешательства в творческий процесс. Это был огромный успех»¹. Запрещенные на родине многие годы книги Е. И. Замятина, Н. С. Гумилева, И. С. Шмелева обрели в те годы своего читателя. Наконец-то были опубликованы и давным-давно написанные и так и не удивившие свет при жизни авторов книги А. А. Бека «Новое назначение» и не менее резонансная, чем «Дети Арбата», «Жизнь и судьба» В. С. Гроссмана². Олицетворением гласности стала цоевская песня «Перемен!», исполнявшаяся рок-идолом перестройки в финале фильма С. А. Соловьева «Асса». «Закончил книгу Гроссмана. Состояние трудно определить. Тяжесть и безнадежность. Но не только по поводу истории страны, как она предстала после всех разоблачений за годы перестройки и в концентрированном виде атаковала меня этой книгой, заставляя иначе думать “по поводу” самого себя. Мучит бессмысленность собственной жизни. Вроде бы можно быть довольным: помощник Генсека... (и какого Генсека!), который начал по-настоящему ломать сталинизм. И вроде бы оказался при деле, подошел ему, в чем-то сумел помочь. А неудовлетворение грызет. Пытаюсь проецировать прочитанное на свою жизнь и судьбу, определить, какое же мое место было и есть во всем этом. И неужели же действительно наконец страна начинает становиться нормальной... выстрадав Горбачева», — записывал в дневнике Черняев³.

В 1987 г. вышла в свет книга М. С. Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира», ставшая мировым бестселлером и сыгравшая огромную роль в формировании нового имиджа Горбачева и Советского Союза⁴. В начале 1987 г. два американских издательства предложили Горбачеву написать книгу о своей политике. А. С. Черняеву принадлежала инициатива сделать эту книгу оригинальной, «в стилистике самого Михаила Сергеевича», а не просто объединить под одной обложкой

¹ Захаров В. Г. Культура и власть. Записки министра культуры СССР. М., 2014. С. 144. Немалую роль в этом играла и позиция самого М. С. Горбачева, который, по словам его помощника В. К. Егорова, имел «не показательный интерес к вопросам культуры, понимал ее значение и по общей гуманитарной эрудиции и кругозору превосходил своих предшественников на посту главы государства» (Архив автора. Интервью В. К. Егорова, помощника Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля).

² Медведев В. А. Прозрение, миф или предательство. М., 1998. С. 233.

³ Черняев А. С. Совместный исход... С. 742. Дневниковая запись от 7 января 1988 г.

⁴ Черняев А. С. Был ли у России шанс... С. 65.

уже опубликованные статьи и речи советского лидера, как это делали прежде¹. Анатолий Сергеевич убедил генсека в том, что такая книга станет бестселлером и лучшей рекламой миролюбивых намерений Советского Союза на Западе². Черняев был назначен руководителем «бригады», которая принялась за подготовку материала для книги. После того, как черновик рукописи был подготовлен, он был переслан Горбачеву, который определил предназначение и характер книги как попытку осмыслить философские основы политики перестройки³. С подготовленным «бригадой» Черняева ворохом материалов Горбачев уехал в очередной летний отпуск, где работа над книгой стала его главным занятием. Увлеченный интересной работой, генсек даже задержался в отпуске на лишние десять дней, «чем вызвал немалое смятение у нас и на Западе»⁴. По словам Черняева, в Крыму, на отдыхе, М. С. Горбачев «передиктовал книгу трижды. Потом все-таки послал некоторым членам Политбюро. Замечаний почти не последовало... Какое-то частное технико-экономическое возражение было у Рыжкова. Но и “восторгов одобренья” тоже не было»⁵. Иное дело — американские издатели, которые после ознакомления с рукописью книги «прибежали к Горбачеву сияющие в восторге, убежденные в том, что это его текст, его неповторимая манера выражаться, книга, сделанная им самим, а не написанная кем-то из сотрудников. Остальное известно. “Перестройка” была издана в фантастически короткий срок, разошлась по всему миру...»⁶ В книге, которую сам Горбачев определяет как изложение своего *credo*⁷, были обоснованы идеи замыслы, «положенные в основу внутренних преобразований и новой внешней политики. Теперь они общеизвестны. Но тогда воспринимались у нас непросто. Да и на Западе их встречали

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 166–167.

² «Я решил написать книгу. Поделился с коллегами. Поддержал только Анатолий Черняев. Другие (Фролов, Яковлев, Добрынин) посоветовали прочитать цикл лекций и т. п. Черняев же поддержал мое мнение — писать именно книгу, широко используя мои выступления на Политбюро и других закрытых совещаниях, не известные публике, тем более Западу. Отсюда и непонимание политики, действительных замыслов, подходов к проблемам там, где принимаются решения. На том и порешили», — вспоминал М. С. Горбачев (*Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас.* М., 2006. С. 113).

³ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 169.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Там же. С. 169.

⁶ Там же. С. 170.

⁷ Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 113.

с подозрением и сарказмом, как неоправданный идеализм или как очередной пропагандистский трюк. И мало кто верил, что за несколько лет удастся продвинуть дело ядерного разоружения, покончить с холодной войной, развязать, а не разрубать гордые узлы мировой политики»¹. Черняев не просто горячо поддержал философию нового мышления, он «ждал чего-то такого на протяжении всей своей политической карьеры. И сам, наверное, думал вот в тех категориях, которые потом оформились в политику»².

По убеждению Черняева, 1987 год «отмечен прорывом во внешний мир. Международная известность и слава Горбачева стремительно нарастают. На Западе начинают постепенно убеждаться, что “феномен Горбачева” в СССР — это не обманный маневр Кремля, что перестройка — это всерьез. Возникает новый, мощный фактор международной политики — *доверие*, который потом и позволит покончить с “холодной войной»³. 8 декабря 1987 г. в Вашингтоне был подписан Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) и Меморандум о договоренности, являвшийся составной частью Договора. По справедливому утверждению петербургского историка М. Ф. Польшова, Договор был первым в истории реальным уничтожением целого класса ядерных вооружений (4 процента ядерных арсеналов СССР и США), американские ракеты «Першинг-2», «Першинг-1А» и крылатые ракеты наземного базирования убирались с территории ФРГ, Великобритании, Италии, Бельгии и Нидерландов, советские же ракеты РСД (ракеты средней дальности) находились исключительно только на собственной территории, а РМД (ракеты малой дальности) — в ГДР и Чехословакии, откуда они выводились⁴. «Вступление договора в силу дало мощный реверс гонке вооружений», — пишет крупный российский и советский дипломат А. Л. Адамишин⁵. Американский президент Р. Рейган, отвечая на вопросы читателей советского журнала «Огонек», заявил о том, что «будущее мне видится, как мир без войн. Ядерная война никогда не должна быть развязана, в ней не может быть победителей. <...> Мы сохраняем мир, так как имеем достаточно ядерного оружия, чтобы нанести ответный удар, если другая сторона развяжет войну. Но это мало похоже на оборону. В такой

¹ Там же. С. 114.

² Черняев А. С. Был ли у России шанс? Он — последний. М., 2003. С. 121.

³ Черняев А. С. Совместный исход... С. 739–740.

⁴ Польшов М. Ф. Внешняя политика Горбачева... С. 177–178.

⁵ Адамишин А. Л. В разные годы. Внешнеполитические очерки. М., 2016. С. 138.

войне победителей не будет. Вот почему я хочу, чтобы началось сокращение ядерного оружия, наш договор по РСД служит прекрасным началом, и мы продвигаемся вперед в выработке договора о сокращении стратегических вооружений, в результате которого наполовину сократятся стратегические арсеналы США и СССР»¹. Горбачев, подытоживая итоги вашингтонского Договора, утверждает, что в нем ярко прослеживалась новая внешнеполитическая философия страны: «договор о РСМД придавал материальное содержание идее обновления международных отношений на основе принципа равной безопасности сторон, освобождения их от конфронтационности. Именно — равной безопасности. И именно из этого мы исходили в своих договоренностях с США. Повышая уровень безопасности на европейском континенте, они ни в чем не ущемляли интересов самого СССР, который к тому моменту имел превосходство по средним ракетам на европейской земле. Все соответствующие меры тщательно прорабатывались — на то есть документальные подтверждения — с активным участием не только политического, но и военного руководства страны... Подписанием Договора по РСМД мы, образно говоря, *отвели пистолет от виска страны* (выделено М. С. Горбачевым. — А. П.)»².

В свою очередь, и Америка была довольна результатами визита Горбачева, называя его без всякого преувеличения «историческим»³.

Линию Вашингтонского «доверяй, но проверяй», как назвал его, памятуя о любимой русской поговорке Рейгана, переводчик И. Д. Корчилов⁴, саммита продолжили знаменитые московские переговоры 1988 г., в ходе которого Р. Рейган объявил, что отныне не считает Советский Союз «империей зла», как прежде⁵. По утверждению Черныева, в 1988 г. «холодная война» практически сошла на нет⁶.

Звездным часом Горбачева стало его выступление на трибуне ООН 7 декабря 1988 г., которое сам Михаил Сергеевич охарактеризовал как «хартию нового мышления»⁷. При подготовке текста

¹ Ответы президента США Р. Рейгана на вопросы журнала «Огонек» // Огонек. 1988. № 22. С. 5.

² Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 127.

³ Kennan George F. Sketches from a Life. New York, 1989. P. 350–351.

⁴ Korchilov I. Translating history. The Top Russian Interpreter's Twenty-Five Years on the Front Line of Diplomacy New York, 1997. P. 41.

⁵ Горбачев М. С. Понять перестройку... С. 161.

⁶ Черныев А. С. Был ли у России шанс? Он — последний. М., 2003. С. 70.

⁷ Горбачев М. С. Наедине с собой... С. 525. Текст выступления М. С. Горбачева см.: Горбачев М. С. Годы трудных решений. М., 1993. С. 117–126.

речи Горбачев внушал своим сотрудникам, что речь в ООН должна быть «Фултоном наоборот», «анти-Фултоном»¹. Вспоминая содержание своей речи годы спустя, Горбачев свел ее к следующим основным моментам: «От всех, а тем более от сильных стран в первую очередь, требуется самоограничение и полное исключение применения силы вовне. Принцип свободы выбора как условие реализации многовариантности общественного развития разных стран. Деидеологизация межгосударственных отношений. Совместный поиск пути к верховенству общечеловеческих идей над множеством центробежных, пусть даже законных, эгоистических мотивов»². Во время выступления Горбачева в зале заседаний царила «необыкновенная, ощущаемая практически материально, тишина»³. «Я внутренне был уверен, что речь произведет впечатление. Но такого все-таки не ожидал. Час набитый зал не шелохнулся. А потом взорвался в овациях», — записывал Черняев в дневнике свои впечатления от речи советского лидера⁴. Благодаря своему выступлению, Горбачев прошел «торжественное посвящение» в «должность» «международного политика нового типа». Овации, последовавшие вслед за выступлением Горбачева, знаменовали то, что советский лидер «как бы получил “диплом” от международного сообщества государств и народов»⁵. Речь Горба-

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 131.

² Там же. С. 132–133.

³ Palazchenko P. My years with Gorbachev and Shevardnadze: the memoirs of a Soviet interpreter. P. 105.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход... С. 776. Дневниковая запись от 17 декабря 1988 г. «Совершенно оглушила реакция на речь Горбачева. Это всемирное собрание, вся эта всемирная сходка повела себя беспрецедентно. Все встали и проводили Горбачева овацией. Даже тот, кто не понял всего, что было сказано, — все почувствовали, что произошло что-то очень значительное, из чего следуют очень большие выводы», — писал Черняев (Черняев А. С. Избранное. М., 2011. С. 337). Им же вспоминалась и история создания текста этой речи: «Что касается подготовки самой речи, то началось летом в Крыму, но не на той роковой даче в Форосе, а еще в Нижней Ореанде. Горбачев сживал на веранде, размышлял, что-то помечал в блокноте, говорил — я записывал. Потом, когда появились какие-то наброски, включил мидовские “мозги”. Они представили варианты и куски для его речи в ООН. Вслед за ними были приглашены более свободные и более образованные “мозги” консультантов Международного отдела ЦК. Но творческое начало, основные смыслы, импульсы этого выступления на всем протяжении подготовки оставались за Горбачевым. Это было и при подготовке предварительного варианта. Это было и при обсуждении на Политбюро» (Черняев А. С. Избранное. М., 2011. С. 338–339).

⁵ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 264–265.

чева стала действительно крупным, знаковым событием в международной политике¹. Думается, что ее актуальность к настоящему моменту не только не исчезла, а даже скорее возросла, учитывая сегодняшние, крайне неустойчивые международные отношения.

Вместе с тем Черняев признавал, что 1988 год «стал переломным, причем не в лучшую сторону. Объявленные намерения Горбачева и его действия не смогли придать перестройке устойчивости»². «Если правомерно говорить о трагичности судьбы Горбачева (в большом, шекспировском смысле), то именно в 88-м году не только его помощник, но и сам Горбачев впервые это почувствовал. Для многих знаком свыше этой судьбы явилось страшное армянское землетрясение, завершившее 1988 г.», — вспоминал А. С. Черняев.³ Горбачев получил известие об этом землетрясении сразу после окончания своего выступления в ООН. Выйдя к советской делегации, генсек сказал: «В Армении беда, потрясло всю республику, утром вылетаем»⁴. Поясняя свою позицию, Горбачев сказал: «На родине такая беда, а мы будем гулять по Бродвею, пить виски, вести приятные беседы. Я решил прервать поездку. Полетим домой, надо помогать людям в беде»⁵. Представители СССР срочно вернулись в Москву⁶. Уже утром 10 декабря генсек был в Ленинакане, где посетил место трагедии и попытался успокоить людей⁷. На совещании, проведенном в тот же день в Ереване, М. С. Горбачев подчеркнул, что «случилась тяжелейшая человеческая трагедия. О ее масштабах мы знали и раньше, но такие разрушения и жертвы просто нельзя было представить. Скорбь армянского народа разделяет вся страна»⁸. «Давайте вспомним уроки Чернобыля. Всей страной решали тогда эти проблемы. Землетрясение — не ядерный взрыв, но такое бедствие, как в Армении, сродни ему», — сказал М. С. Горбачев⁹. Прибыв на следующий день в Спитак, Горбачев увидел горестные приме-

¹ Дубинин Ю. В. Время перемен. Записки посла в США. М., 2003. С. 278.

² Черняев А. С. Совместный исход. С. 777.

³ Там же. С. 778.

⁴ Быков В. Долгая дорога домой. Книга воспоминаний / Предисловие автора; Пер. с бел. и послесловие В. Тараса. М.; Мн., 2005. С. 407.

⁵ Карпов В. В. Большая жизнь. М., 2009. С. 709.

⁶ Банионис Д. Я с детства хотел играть. Мемуары / Пер. с лит. и запись Иолиты Димбляйте; Лит. обраб. М. Ю. Гаевской; Под ред. Б. М. Пожуровского. М., 2006. С. 159.

⁷ РГНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 240. Документы о поездках М. С. Горбачева по союзным республикам. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 6.

ты трагедии: остовы разрушенных жилых, административных и общественных зданий, а чаще — груды бетонных плит вперемешку с кирпичом, искореженные металлические конструкции, вспученные железнодорожные панели. Но подлинные масштабы беды выявились в беседах с теми, кто уцелел и кто пришел на помощь пострадавшим. «Горе такое, что ум отказывается воспринять даже увиденное своими глазами. Но надо собрать волю в кулак и продолжить спасательные работы. Это — прежде всего», подчеркнул генсек¹. По словам С. Г. Арутюняна, руководившего в те годы партийной организацией Армянской ССР, «на нашу землю обрушилось невиданное испытание. Республика оказалась в ситуации, в которой никогда не была. Армении постигла трагедия планетарного масштаба. Небывалое горе опустилось на армянский народ»². Боль армянского народа отозвалась в сердце каждого советского человека. Вероятно, в последний раз в истории СССР весь мир увидел, что понятие «братская семья советских народов» — не химера, Армения получила от Центра грандиозную бескорыстную помощь³. Энергично и слаженно, опять-таки в последний раз, работал тандем Горбачев-Рыжков, и генеральный секретарь, и премьер оказали маленькой республике огромную поддержку, практически все представители высшего руководства СССР посетили Армению в то время, испытывая чисто человеческое сочувствие при виде ужасающих картин разрушения в городах, подвергнувшихся землетрясению⁴. «Горбачев был потрясен увиденным, он сострадательный человек», — рассказывал автору Г. В. Пряхин, референт Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева, бывший вместе с Михаилом Сергеевичем в Армении вскоре после землетрясения⁵. К слову, и мир проявил по отношению к Армении, совершенно невозможный в недалеком прошлом «феномен сострадания... солидарности и реальной помощи, подтвердившими, что Запад тоже “повернулся” к нам»⁶.

В ту пору Горбачев, писал Черняев, «казалось бы, мог считать себя свободным от векселей “холодной войны” и конфронтации

¹ Там же. Л. 11.

² Арутюнян С. Г. О прошлом и настоящем. М., 2009. С. 169.

³ Амбарцумян С. А. Три года на пределе любви и смерти. Ереван, 1991. С. 67.

⁴ Архив автора. Интервью В. Т. Медведева, начальника личной охраны М. С. Горбачева. Москва. 2020. 29 декабря.

⁵ Архив автора. Интервью Г. В. Пряхина, консультанта Президента СССР. Москва. 2019. 15 апреля.

⁶ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 276–277.

“систем”. Признание его лидером первой величины на мировой арене позволяло ему “свободнее” действовать в отношении своего “ближнего” и “дальнего” окружения, явно отторгавшего его курс, его концепцию перестройки»¹, По убеждению Черняева, в ходе перестройки был необходим «рывок»². Надежды в этом плане возлагались на работу XIX Всесоюзной партийной конференции³, запомнившейся прежде всего благодаря выступлению Б. Н. Ельцина с просьбой о прижизненной «политической реабилитации» и полемикой с ним Е. К. Лигачева⁴, а также речью известного писателя Ю. В. Бондарева, сравнившего «нашу перестройку с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка?»⁵ Заключительное слово

¹ Там же. С. 277.

² Там же.

³ Знаменем нового времени был митинг движения за перестройку Литовской ССР «Саюдис», посвященный проводам делегатов на XIX Всесоюзную партконференцию. «Рядом с национальным трехцветным флагом, который долгие годы людям приходилось прятать, в руках собравшихся были портреты Михаила Горбачева. Это было весьма символично — М. Горбачев стал своеобразным щитом, которым можно было прикрыться в стремлении к новому, к более демократической жизни, в борьбе за развитие свободной мысли», — вспоминал первый секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Литвы, а в будущем — президент республики — А. Бразаускас (*Бразаускас А.* Демократия с трудом прокладывает себе дорогу... // Многая Лета. Михаилу Горбачеву — 70. М., 2001. С. 98).

⁴ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М., 1988. Т. 2. С. 61–62, 82–88. «В опубликованной стенограмме его речь даже вынуждены были поправить, уж слишком бездарно выглядел главный идеолог страны. Каких только ярлыков он на меня не повесил, чего он только про меня не насочинял, несмотря на все его бурные старания, все это было мелко, пошло, бескультурно. Мне кажется, именно после этого выступления успешно подошла к концу его политическая карьера», — утверждал Б. Н. Ельцин (*Ельцин Б. Н.* Исповедь на заданную тему. Л., 1990. С. 171.. Любопытно, что инициатива приглашения Ельцина на работу в Москву принадлежала в свое время именно Е. К. Лигачеву, увидевшего в партийном руководителе с Урала, своеобразное сходство с собой по темпераменту — тип «бульдозера» (см.: Архив автора. Интервью В. Г. Захарова. Москва. 2017. 17 декабря; *Караулов А. В.* Вокруг Кремля — 2 / Книга политических диалогов. М., 1992. С. 77. Интервью В. В. Гришина). «Факт есть факт, на каком-то этапе я его (Б. Н. Ельцина. — А. П.) активно поддерживал. Искренне», — признавался Егор Кузьмич. (См.: Лигачев Е. Жаль в Кремле не нашлось бойцов, чтобы убрать Горбачева и спасти СССР // Комсомольская правда. 2020. 25 ноября — 2 декабря.

⁵ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. Т. 1. С. 224. В интервью «Огоньку»

М. С. Горбачева, обратившегося с партией к призыву «углубить и сделать необратимой революционную перестройку... через демократизацию, экономическую реформу и преобразование политической системы»¹, к сожалению, не смогло, как оказалось, найти в партийном аппарате всеобщей поддержки. Тем не менее, для работы съезда была характерна невиданная прежде свобода дискуссии, «политическая откровенность» и широта затрагиваемых тем — уже одно это, по утверждению Е. В. Яковлева, позволяло судить о том, что «в стране свершилась нравственная революция»². Завершилась работа Всесоюзной партийной конференции столь же единодушным, как и прежде, исполнением «Интернационала». XIX Всесоюзная партийная конференция одобрила и инициированную руководством партии реформу политической системы, необходимую, по мнению Горбачева, «чтобы двигать процесс перестройки»³. Конференция постановила весной 1989 г. провести выборы и проведение Съезда народных депутатов, «на котором образовать новые органы государственной власти»⁴. Знаком прошедшего 1988 г. стало и разрастание напряженности в международных отношениях: Прибалтика, Карабах... В ближайшие годы окраины буквально «взорвут» советскую империю, а Центр перестанет попевать за событиями. Отнюдь не случайным было и появление на страницах «Советской России» знаменитого письма Нины Андреевой — своеобразного манифеста антиперестроечных сил⁵, после опубликования которой консер-

Бондарев уточнил свое высказывание, подчеркнув, что его речь не была направлена против перестройки. «Только наше общее согласие может построить эту посадочную площадку. Только согласие» (*Бондарев Ю.* Мы живем в плюрализме, черт возьми // *Огонек.* 1989. № 15. С. 13.

¹ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. Т. 2. С. 184–185.

² *Яковлев Е.* Четыре дня. Как это было // Обратного хода нет: (Перестройка в нар. хоз-ве: общие проблемы, практика, истоки) / Под общ. ред. Г. Х. Попова; Сост. С. Н. Красавченко. М., 1989. С. 22.

³ XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г. Т. 2. С. 184.

⁴ Там же. С. 186.

⁵ Грачёв А. С. Гибель советского «Титаника»: Судовой журнал. М., 2015. С. 147. По версии Черняева, Нина Андреева действительно прислала в ЦК примитивное письмо на полторы страницах в защиту сталинистских ценностей. «В ответ» к ней в Ленинград по указанию Е. К. (Е. К. Лигачева. — *А. П.*) была послана бригада, которая превратила письмо в статью величиной в газетную полосу» (*Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым... С. 205). В свою очередь, Лигачев отмечал, что его в статье Н. А. Андреевой привлекло «именно то, что меня особенно

вативная часть партийного аппарата, по словам А. Н. Яковлева, «взбодрилась. Даже лица посветлели»¹. Характер обсуждения статьи Н. А. Андреевой на заседании Политбюро свидетельствовал о существовании в советском руководстве серьезных политических расхождений. Стало понятно, что и в руководстве партии существуют не только личные трения между членами Политбюро, но и разное видение путей развития перестройки.² Все

интересовало в те дни... — неприятие сплошного очернительства, безоглядного охаивания прошлого. В ту пору многие отмечали: статья Н. Андреевой — ее реакция на мутный поток антиисторических, антисоветских материалов в нашей прессе. Убеден, что так и было». По убеждению Е. К. Лигачева, развязанная против Н. А. Андреевой кампания, была попыткой нанести удар именно по нему. «Андрееву хотят превратить в жупел сталинщины, затем пристегнуть к ней Лигачева и объявить его главным сторонником возврата к временам культа личности» (*Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992. С. 128, 131*). В. А. Медведев, один из ближайших сподвижников Горбачева, писал о том, что «статья (Н. А. Андреевой. — А. П.) была однозначно воспринята в кругах интеллигенции, как антиперестроечная акция, причем тщательно подготовленная и спланированная, как сигнал к контрнаступлению антиперестроечных сил. И все это связывалось с именем Лигачева» (*Медведев В. А. В команде Горбачева. М., 1994. С. 67–68*). «Ни для кого не тайна, — писал в те годы знаменитый журналист В. Т. Третьяков, — что Лигачев приветствовал появление знаменитой статьи Нины Андреевой» (*Третьяков В. Т. Горбачев, Лигачев, Ельцин. Политические портреты на фоне перестройки. М., 1990. С. 36*). «Весь мир сейчас анализирует, что произошло, как это могло в Москве случиться, чтобы два органа ЦК сцепились между собой? И все понимаю, что не могла такая статья появиться просто так. Слишком она тяжела для химика Нины Андреевой. Это все видят», — заявил М. С. Горбачев, выступая перед секретарями обкомов на совещании по вопросу подготовки XIX Всесоюзной партийной конференции 15 апреля 1988 г. (Архив Горбачев-фонда. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1144).

¹ Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2005. С. 412.

² В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. Проекта), А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 2008. С. 303–307. Демарш Нины Андреевой привел к еще большему раскрепощению общества, очевидной, однако, стало и то, что партия, которая должна была стать, по мысли Горбачева, локомотивом перестройки, с этой ролью не справляется или не желает справляться. «Я тоже тогда записал себе: не было бы Нины Андреевой, ее надо было бы выдумать. Пошел такой шквал антисталинизма в газетах и журналах, такая раскованность, что “до того” Лигачев и его команда этого не потерпели бы и дня. И на Политбюро уже нет такого у него апломба. Больше помалкивает... Очередной секретариат ЦК Горбачев уже “не доверил” проводить Лигачеву, вел его сам.... Потом, правда, все “вернулось”. Подумал тогда:

эти проблемы, резко обозначившиеся в 1988 г., уже в 89-м станут подлинной бедой для огромной страны.

1989 г., несомненно, следует рассматривать как поистине знаковый для перестройки, на середину 1989 г. приходится и время наивысшей популярности М. С. Горбачева. Главным событием в жизни Советского Союза в 1989 г. безусловно стал Первый Съезд народных депутатов СССР — на его фоне менее значительными представляются даже завершение эпопеи вывода советских войск из Афганистана и фактический распад Организации Варшавского договора, Второй Съезд народных депутатов СССР в декабре, в дни работы которого ушел из жизни выдающийся правозащитник академик А. Д. Сахаров, и саммит Горбачев — Буш на Мальте; 50-летие пакта Молотова-Риббентропа и акция «Балтийский путь», участие в которой приняли более двух миллионов человек, живой цепью связавшие столичные прибалтийские города — Ригу, Вильнюс и Таллинн. Наконец, на 1989 год приходится фактическое крушение социалистической системы в Восточной Европе — прямое следствие доктрины Горбачева о недопустимости вмешательства Москвы во внутренние дела государств-стран Организации Варшавского договора¹. Прискорбно, что именно

действительно начинается “разбор” и... взаимное отторжение. Позже Горбачева упрекали в том, что он сам прежде всего не извлек надлежащий “урок”: ему надо было воспользоваться этим случаем, чтобы убрать из руководства всех, кто “засветился” своей поддержкой “Нининой” статьи. Они же ведь оказались банкротами с точки зрения понимания самой сути перестройки. И это — в лучшем случае, то есть если речь шла только о том самом “потолке”, о котором мне говорил М. С. и который у них оказался не на уровне. А в худшем? Может быть, операцию по чистке Политбюро и можно было сделать. И ЦК, судя по тому, о чем я скажу ниже, мог бы поддержать. Но что из этого? Система-то оставалась. Монолит партия — государство оставался <...> Даже если бы Горбачев составил Политбюро из одних “Яковлевых”, вряд ли вся эта партийная машина заработала в его духе», — писал Черняев, ставя программный вопрос о возможности обновления партии и трансформации ее в передовую реформаторскую силу (Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 208).

¹ «Прежде всего выиграли сами народы стран Восточной Европы, освободившись от тоталитарных режимов, обретя полную свободу, суверенитет, получив возможность выбора путей своего развития, самостоятельной внутренней и внешней политики. Безусловно, выиграл и Запад. Западная Европа избавилась от нависавшего над ней бронированного кулака Варшавского пакта. Возникла реальная перспектива перестройки европейских отношений на основе добрососедства и сотрудничества. Выиграло мировое сообщество в целом. Уменьшилась угроза глобального столкновения двух военно-политических блоков, расширились возможности демократизации и гуманизации всей системы международных отноше-

в 1989 г. на горизонте, по выражению председателя Верховного

ний, ликвидации очагов международной напряженности, налаживания нормальных отношений между народами и государствами, строящихся не на идеологических догмах, а на учете действительных интересов народов и государств <...> В политическом плане СССР, а затем и Россия ничего не потеряли, избавившись от роли опекуна восточноевропейских стран, вершителя их судеб, от ответственности за то, что в них происходит, получив возможность строить с ними отношения на основе реальных интересов и потребностей», — писал соратник Горбачева В. А. Медведев в 1994 году (*Медведев В. А. Распад. Как он назревал в «мировой системе социализма»*. М., 1994. С. 393–394). Противоположной точки зрения придерживается петербургский историк М. Ф. Польшов, по утверждению которого, «реализация нового политического мышления стала одной из основных причин ухода Советского Союза из главной сферы своего влияния со времен победы во второй мировой войне — из Восточной Европы. Коммунистические режимы в этих странах в канун и период так называемых “бархатных революций” 1989 года Горбачев бросил на произвол судьбы, не проявляя ни малейшего стремления к согласованным действиям для того, чтобы сохранить власть в их руках. Вместо этого он постоянно напоминал о свободе выбора и невмешательстве во внутренние дела других государств, что на Западе и в этих же странах понималось, в первую очередь, как невмешательство СССР в дела своих союзников, <...> На первый взгляд может показаться, что в отношении стран Восточной Европы Горбачев проводил ошибочный курс. На самом же деле, его политика была хорошо продумана на мировой арене, и ни о какой ошибке говорить нельзя. Проводимый им курс вписывался в его концепцию “общеевропейского дома”, в поставленную им мессианскую и утопическую задачу объединения Северной Америки, Европы и СССР в рамках единой структуры безопасности и “общеевропейского дома” от Ванкувера до Владивостока. Создание “общеевропейского дома” предполагало преодоление политического и экономического раскола Европы, поскольку в Западной и Восточной Европе существовали различные социально-экономические и политические модели развития. Сохранение социалистической системы в Восточной части Европы противоречило созданию “общеевропейского дома”, который должен был основываться на либеральной экономической модели развития и западной политической демократии. <...> С ликвидацией ГДР невозможным стало будущее Варшавского договора. Разрушился так называемый “железный треугольник”: СССР — ГДР — Чехословакия, являвшийся основой ОВД. После ухода СССР из стран Восточной Европы вакуум в этой части Европы не образовался, вскоре все страны оказались в сфере влияния США» (*Польшов М. Ф. Внешняя политика Горбачева... С. 404–405*). Вероятно, справедливо и основательно высказался по этому поводу А. С. Черняев: «Горбачев не очень интересовался начавшимися переменами в Восточной Европе, он говорил: “Мы им порядком надоели, и они нам тоже не меньше, пусть поживут своим умом, а потом все образуется”. Образовалось, правда не так, как он предполагал. Благодарности от “братских стран” мы не получили. Они отвернулись от нас и обратились лицом к Западу...» (*Черняев А. С. Избранное — 2... С. 43*).

Совета Белорусской ССР Н. И. Дементей, «замаячил новый, политический Чернобыль — развал великой страны»¹.

15 февраля 1989 г. завершился вывод Ограниченного контингента советских войск из Афганистана. «Нас в Афганистане больше нет», — заявил советским пограничникам командующий 40-й армией генерал Б. В. Громов, последним покинувший афганскую землю. Громов, да и все воины-интернационалисты в тот момент, испытывали «радость и облегчение от того, что все завершено»². Страшной и нелепой афганской войне пришел конец. Вывод советских войск из Афганистана летом 1988 г. и в январе-феврале 1989 г. прошел очень организованно и четко, без боевых потерь личного состава и техники³. Решение афганской проблемы, которая с самого начала воспринималась Горбачевым в качестве одной из важнейших задач советской внешней политики, можно считать большим успехом нового политического мышления⁴. По мнению Черняева, «вторжение в Афганистан, эта преступная авантюра, которая нашей стране огромный моральный и материальный ущерб, обернулась тысячами убитых и покалеченных», продолжать «воевать там за афганскую армию, на что рассчитывали и Кармаль, и Наджибулла, было бы просто преступно по отношению к своей стране»⁵. В 1979 г., по признанию авторитетнейшего военного, маршала С. Ф. Ахромеева, руководство нашей страны приняло «ошибочное решение».⁶ Десять лет спустя новое руководство Советского Союза сумело с честью выйти из тупика, которым была афганская война⁷.

С 25 мая по 9 июня 1989 г. шли заседания Первого Съезда народных депутатов СССР. В эти дни к экранам телевизоров прильнула вся страна.

¹ Дементей Н. И. Уроки жизни. Мн., 2005. С. 108.

² Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., 1994. С. 346–347.

³ Афганистан: Подводя итоги. (Интервью В. И. Варенникова) // Огонек. 1989. № 12. С. 30; Овсеенко М. Я. Записки военного контрразведчика. Афганистан 1979–1989. 2-е изд. СПб., 2015. С. 243.

⁴ Польшов М. Ф. Внешняя политика Горбачева... С. 406.

⁵ Черняев А. С. Избранное — 2. М., 2013. С. 92–93.

⁶ Караулов А. В. Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М., 1990. С. 224.

⁷ Комментируя вопрос о том, почему решение вопроса о выводе войск из Афганистана растянулось при новом руководстве страны на целых 4 года, Горбачев пишет: «Холодная война еще продолжалась. Мы не могли себе позволить, чтобы уход превратился в позорное бегство. И этого мы действительно не допустили» (Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 138).

Когда мы в Боровицкие ворота
Входили депутатами надежд,
Я помню —

Мрачно каркнула ворона,
Зубец кремлевский выбрав,
Как насест,
Но СССР стал вроде стадиона,
Где все,
Как матч, смотрели Первый Съезд, —

справедливо и точно написал народный депутат СССР, поэт Е. А. Евтушенко¹.

На Съезде царила *невиданная* в нашей стране с 1917 г. свобода дискуссии, откровенно поднимались острейшие вопросы жизни советского общества. «Первый Съезд народных депутатов... — это тот самый Съезд, который, не отрываясь, смотрела по телевизору и слушала по радио вся страна, потому что такого прежде никто не видел, и не ожидал увидеть», — вспоминал народный депутат СССР, академик Ю. А. Рыжов².

Накануне Съезда у всех советских людей было радостное, приподнятое настроение, радужные ожидания³, Съезд во многом был фотографией советского общества того периода⁴, концентрацией атмосферы духовного подъема, которая была в стране, ощущения прорыва к свободе, безудержной романтики⁵, депутатам казалось, что они отряхнули прах прошлого со своих ног и начали строить царство справедливости⁶, для них дни работы Съезда были вре-

¹ *Евтушенко Е. А.* Волчий паспорт. М., 1998. С. 506.

² *Рыжов Ю. А.* Те тринадцать лет // Понимая «девяностые». М., 2013. С. 121.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. А. Коротича. Москва. 2019. 20 июня; Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. М. Оболенского. Орёл. 2021. 29 октября. Здесь и далее указываются выборные и партийные должности, которые упоминаемые в тексте лица занимали в 1989–1991 гг.

⁴ По удачному определению известного ученого, народного депутата СССР С. С. Аверинцева, «многие черты нашего общества, конечно, дали о себе знать и в Кремлевском дворце съездов» (*Караулов А. В.* Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М., 1990. С. 129).

⁵ Архив автора. Интервью Героя Социалистического Труда, народного депутата СССР и РСФСР, члена Верховного Совета СССР Н. И. Травкина. Москва. 2019. 31 января; Архив автора. Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР, государственного секретаря РСФСР Г. Э. Бурбулиса. Москва. 2019. 11 февраля.

⁶ Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. И. Алксниса. Поселок городского типа Тучково, Московская область. 2019. 2 апреля.

менем надежд¹. Отправляясь на Съезд, депутаты испытывали чувство настоящей эйфории, победив в предвыборном марафоне, они хотели проявить себя и на ниве практической деятельности, и изменить жизнь советских людей к лучшему². «В дни работы Первого съезда была всенародная эйфория, люди ждали перемен, но видели, что перестройка результатов не дает — у них была надежда, что депутаты, народные избранники все исправят. Народ надеялся на быстрое улучшение жизни, на социальную и политическую стабилизацию. Депутаты ехали принимать **нужные законы**», — рассказывал народный депутат СССР В. М. Десятов, прибавляя, что у всех «депутатов-россиян были счастливые и веселые лица», в то время как у «прибалтов, грузин и молдаван — скучные и недовольные»³. «Оковы тяжкие падут, темницы рухнут — и свобода...» — эти пушкинские строчки привел автору народный депутат СССР А. Н. Мурашёв, вспоминая свои ожидания накануне Съезда⁴. И Съезд действительно стал незабываемым событием в жизни нашей страны — ни до, ни после него ничего подобного более не происходило.

«Атмосфера Съезда была какой-то возбужденно-торжественной, и вокруг мелькали лица, которые можно было раньше видеть только по телевизору: Сахаров, которого несколько лет назад поносили все газеты и журналы, Ельцин, звезда которого возшла именно в этот период, великий штангист Власов, Попов, статьи которого читали и пересказывали, Горбачев, которого еще любили, Лигачев, имя которого связывали с вырубленными виноградниками в антиалкогольную кампанию и с нападка на Ельцина — “Борис, ты не прав”. Это была ярмарка. Никто не знал, что очень скоро все кончится и только ветер будет трепать обрывки газет и портретов наших кумиров, замечая их пылью и бросая под ноги людей уже

¹ Архив автора. Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР Ю. В. Блохина. Москва. 2019. 16 апреля.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. А. Челышева. Москва. 2020. 26 ноября; Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. А. Логунова. Московская обл., поселок Березовый парк-2. 2020. 16 декабря; Архив автора. Интервью народного депутата СССР, Президента Киргизской ССР А. А. Акаева. Москва. 2020. 26 ноября; Архив автора. Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР А. Н. Крайко. Москва. 2021. 29 апреля; Архив автора. Интервью А. В. Минжуренко, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Омск. 2021. 16 марта.

³ Архив автора. Интервью В. М. Десятова, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Санкт-Петербург. 2022. 16 февраля.

⁴ Архив автора. Интервью А. Н. Мурашёва, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2019. 20 июня.

другого поколения», — с грустью вспоминал народный депутат СССР Ю. Г. Красильников¹.

Работа Съезда, а вернее даже — атмосфера на нем и царившая в зале заседаний свобода дискуссии, перевернули страну, произошла настоящая революция², народные избранники получили возможность безнаказанно говорить о давно волновавших все советское общество проблемах — страха перед властью и лично Горбачевым они не испытывали, — уже одно это было веянием *нового времени*³. Опытнейший А. С. Черняев, помощник Горбачева по международным делам и народный депутат СССР, с изумлением отмечал «новацию Съезда» и *раскрепощение* новоиспеченных законодателей:

«Что показали три дня съезда? Прежде всего изоляцию ПБ (Политбюро. — А. П.) от государственных дел, какими они складываются в результате работы съезда. На самом съезде в зале Лигачев и К^о сидят в уголке, там, где обычно аппаратчики, выглядят наблюдателями и являются мишенью для злых, ядовитых насмешек. Горбачев вычленен из партгосервухи и в какой-то степени огражден от нее. Серая масса (по определению Ю. Афанасьева) — “агрессивно-послушное большинство” сильно сдерживает “интеллектуалов”, но не сумело задвинуть Ельцина. Сулейменов (казахский поэт) в своем выступлении употребил такой образ: чем сильнее, мол, вы гребете левым веслом, тем больше лодка идет вправо. Правильно он увидел серьезную опасность. ПБ может спросить с М. С. — куда ты всех нас завел?! Не пора ли тебе убираться? А эту публику (интеллектуалов) мы без тебя обуздаем в два счета. И серая масса, и интеллектуалы отвергают внутреннюю, особенно экономическую политику М. С. Первые — за пустые полки магазинов и кооперативные цены, вторые — за некомпетентность. Афанасьев и К^о — типичные “меньшевики”, которые упиваются своим интеллектуальным превосходством и над серой массой, и над начальством, включая Горбачева. Нахально это демонстрируют. И думаю, проиграют, как и их предшественники в 1917 г. Ибо не учитывают, что мы (и они!) имеем тот народ, который имеем... Но кто сыграет роль большевиков? Кто скажет: есть такая партия! И захочет прорваться к власти? Провинциалы,

¹ Красильников Ю. Г. Первый Съезд был проблеском света, вселившим надежду... // *Время перемен, время надежд...* М., 1999. С. 139.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР С. Б. Станкевича. Москва. 2019. 1 апреля. Противоположную мнению большинства мемуаристов оценку высказывает народный депутат СССР С. А. Амбарцумян, убежденный в том, что Первый Съезд народных депутатов «выглядел ультраконсервативно, в лучших традициях старых времен» (*Амбарцумян С. А. Три года на пределе любви и смерти.* Ереван, 1992. С. 75).

³ Архив автора. Интервью М. Н. Полторанина, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Поселок городского типа Ботаково-2. 2019. 16 мая; Архив автора. Интервью А. А. Лиханова, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2019. 8 июля.

которые показывают и энергию, и ораторство, а главное — ненависть к Москве в целом? А кто сыграет корниловцев? Лигачев, Воротников и К? Горбачев ведет дело на пределе возможного. Но и он не может справиться с последствиями своей доверчивости к аппаратным методам подготовки и ведения съезда. Тянет его “старое”, как в свое время у Никиты (Хрущева), хотя с большим коэффициентом на интеллигентность. Допускает ошибку за ошибкой в тактике <...> Недооценил он, с одной стороны, морального потенциала у таких, как, например, Заславский, Старовойтова, которые на костер пойдут за правду, а с другой стороны — непорядочности таких, как Афанасьев, Попов и К°, которых он сам вывел на политическую авансцену, а они первыми набросились на него самого <...> Вообще все до жути странно — на глазах разваливаются столь привычные авторитеты власти. Готов ли к этому сам М. С.? Он ведь накануне съезда опять собирал секретарей обкомов, инструктировал их, давал им понять, что они — опора. А эту опору на выборах в Совет национальностей прокатили, попали туда только три секретаря обкома. Это ли не сигнал для партаппарата! Им остается либо уходить, либо ошестиниться, время для них течет со скоростью горного потока... На пленумах ЦК, не говоря уже о XIX партконференции в прошлом году, все поднимались с мест, когда Горбачев входил в зал, даже хлопали. Конечно, не так, как при Брежневе или Черненко, но все же... Ленинский обычай не был восстановлен при Горбачеве (не вставать), а теперь это произошло уже по другой причине. На Съезде никто даже не пошевелился, когда Горбачев из той же угловой двери, из которой выходило, бывало, все ПБ во главе с Генсеком, появляется в зале и идет к центру президиумного стола. Это уже перемена в психологии, это уже значительно...»¹

Перемен в широком понимании этого слова в то время, вероятно, хотели, вслед за Виктором Цоем, все — народные депутаты СССР не были исключением,² — но именно после Съезда стало ясно, что грядут радикальные изменения, которые затронут все сферы жизни нашего общества — их наступление необратимо³. Примечательно, что *антисоветских* настроений у подавляющей массы депутатов (число радикально настроенных демократов, стремившихся к ликвидации *советской системы*, на наш взгляд, было не столь велико) не было, все желали достаточно радикального обновления общества, но в рамках все же *единого социалистического государства* — этим они напоминали и самого генсека, который должен был, что называется, *ex officio*, и продолжать политику реформ,

¹ Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 годы. М., 2008. С. 798–800. Дневниковая запись от 28 мая 1989 г.

² Архив автора. Интервью А. М. Оболенского, народного депутата СССР. Орёл. 2021. 29 октября.

³ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича, народного депутата СССР, в 1991–1994 гг. Председателя Верховного Совета Республики Беларусь. Минск. 2019. 30 августа.

и быть при этом предельно осторожным — на нем лежала ответственность за судьбу страны. «Горбачев хотел быть наполовину беременным», — афористически высказывается по этому поводу В. А. Коротич¹. Как в депутатском корпусе, так и в советском обществе, в целом, доминировала в этот период критическая составляющая: возможность свободно, не опасаясь последствий, осуждать негативные проявления жизни страны, казалась абсолютно самодостаточной — зачастую, что на самой высокой трибуне, что в уличном разговоре звучала критика власти ради самой критики — без призыва к конкретным действиям по улучшению ситуации. Положительная программа перестройки, на наш взгляд, воспринималась как нечто первостепенное по значению, но не первоочередное; она не была толком продумана. «Мы знали все, против чего мы, а вот за что — мы не знали», — вспоминал свои представления того времени знаменитый журналист В. А. Коротич, уточнявший, что общим для большинства депутатов была поддержка политика перестройки и неприятие всевластия КПСС². «Не было идеологии и у Горбачева», добавляет Виталий Алексеевич³.

Как можно улучшить жизнь людей и что для этого надо сделать — этот вопрос тогда не считался *самым главным*, казалось, что мудрое время и так все расставит на свои места; главное, именно сейчас — немедленно — ликвидировать то, что раздражало более всего — чиновничье ослоумие, пресловутые привилегии номенклатуры, товарный дефицит, монополию партии на власть... Боязни того, что с водой можно выплеснуть и ребенка, в общем-то ни у кого не было. От советской власти в той ее модели, гротескным воплощением которой стали последние годы застоя, люди устали. Ее хотелось каким-то образом изменить; едва ли не всем в то время казалось, что жить хуже, чем сейчас, невозможно. Съезд стал отражением тех настроений, которые существовали в самых разных слоях советского общества — уже в силу одного этого он, безусловно, был ярчайшим событием.

Как уникальное явление политической жизни Съезд безусловно оправдал возлагаемые на него надежды, вызвав беспрецедентный интерес как во время предвыборной кампании, так и в дни его работы. «Выборы, а затем Съезд народных депутатов всколыхнули общество по-настоящему», — констатировал М. С. Горбачев,⁴ оно

¹ Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. А. Коротича.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Горбачевские чтения. Вып. 7. 1989 год в российской и мировой истории / Первый Съезд народных депутатов СССР: 20 лет спустя / 1989–2009:

безудержно заговорило политически, после Съезда страна, утверждал народный депутат СССР Ю. Н. Афанасьев, стала другой, она была «уже не такая, какой она была до Съезда. Люди стали более сопричастными к тому, что происходит в стране и в обществе»¹. Произошло изменение и в положении и статусе СМИ, превратившихся в заметную политическую силу. Именно в дни работы Съезда «средства массовой информации стали заметно трансформироваться во влиятельную политическую категорию, в ту самую “четвертую власть”, о силе которой на Западе мы были слышаны более чем достаточно», — писал депутат В. И. Самарин, назвавший свои воспоминания, посвященные депутатскому корпусу Горбачевского призыва, «Незванные гости Кремля».² Тема Съезда и всего, что связано с его работой, стала главной для советской и зарубежной прессы мая-июня 1989 г.³ Огромный интерес вызывали у советских людей и сами народные избранники, наибольшим доверием среди читателей популярнейших «Аргументов и фактов» пользовался в 1989 г. А. Д. Сахаров⁴, возвращенный Горбачевым из ссылки в Горьком в декабре 1986 г. По личному распоряжению генсека трансляция заседаний Съезда шла в прямом эфире⁵, в итоге весь, без всякого на то преувеличения, Советский Союз смотрел Съезд по телевидению или слушал его заседания по радио.

«Сам съезд, конечно, явился абсолютно революционным прорывным моментом. Все остальное было потом и вытекало из этого события. Все заседания съезда транслировались и по радио, и по телевидению. Стенограммы печатались в газетах. Никакой цензуры, никаких изъятий, никаких купюр. Никто не редактировал публикуемые выступления, какими бы по содержанию они были. Ничего подобного советские люди в своей жизни не виде-

Пути Европы. М., 2010. С. 79.

¹ Афанасьев Ю. Н. Я должен это сказать... Политическая публицистика времен Перестройки. М., 1991. С. 211.

² Самарин В. И. Незванные гости Кремля. Орел, 2008. С. 66.

³ Общественное мнение о Съезде народных депутатов СССР // Аргументы и факты. 1989. № 22. С. 1, 3; Отклики зарубежной печати // Аргументы и факты. 1989. № 22. С. 1, 3; Общественное мнение о Съезде народных депутатов СССР // Аргументы и факты. 1989. № 23. С. 1; Западная печать о Съезде народных депутатов СССР // Аргументы и факты. 1989. № 23. С. 2.

⁴ Общественное мнение о народных депутатах // Аргументы и факты. 1989. № 40. С. 1.

⁵ Архив автора. Интервью народного депутата СССР, депутата Верховного Совета СССР Г. Х. Попова. Поселок Заречье, Московская область. 2021. 15 апреля.

ли. Многим, а может быть даже большинству, не верилось в происходящее. Как нам потом рассказывали, страна бросила работать и сидела у телевизоров, внимательно следя за всем происходившим в Кремле. А там происходило невероятное. Причем оно началось с первой минуты съезда», — вспоминает А. В. Минжуренко, народный депутат СССР¹. Украшением Съезда были выступления академиков Д. С. Лихачева и А. Д. Сахарова, литературоведа Ю. Ф. Карякина, знаменитого поэта Е. А. Евтушенко. Однако, помимо этих людей, давно уже хорошо известных в интеллигентских кругах, Съезд явил миру и совершенно новые имена. Это были удивительные дни: Страна Советов впервые увидела будущих демократических руководителей Москвы и Ленинграда профессоров Г. Х. Попова и А. А. Собчака, будущего подписанта Беловежских соглашений Г. Э. Бурбулиса и видного специалиста по межнациональным отношениям Г. В. Старовойтову, историков С. Б. Станкевича и Ю. Н. Афанасьева, и многих-многих других — на всех этих людей, еще вчера мало кому известных, после окончания работы Съезда смотрели как на народных героев и сложившихся политиков²; Съезд, к слову, узаконил появление в стране профессии *политического деятеля* — до этого момента в стране был один-единственный всеми признанный политик — Горбачев.

Борис Николаевич Ельцин на Съезде держался в тени³, но и без Ельцина в те дни в Кремле громко звучал голос *всего Советского Союза*. «Съезд был средоточием интеллектуальной элиты, земским собором, на котором были представлены все сословия — военное, партийная бюрократия, промышленная элита, культурная элита, научная элита. Это был реальный земский собор — от мятежной Прибалтики до суперпослушной Средней Азии», — вспоминал народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР С. Б. Станкевич⁴. «Никогда больше в истории советского и российского парламентаризма не было такой концентрации ярких личностей, умов, талантов, темпераментов, как на том Первом Съезде-соборе», — утверждает Станкевич⁵. Вряд ли можно не согласиться с известным юристом Ю. Х. Калмыковым, писавшим в своих воспоминаниях о том, что «последующие парламенты

¹ Минжуренко А. В. Командировка во власть. Омск, 2020. С. 193.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР Н. А. Куценко. Москва. 2021. 23 марта.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. В. Минжуренко.

⁴ Архив автора. Интервью народного депутата СССР С. Б. Станкевича.

⁵ Станкевич С. Съезд, съевший империю // Аргументы и факты. 2009. №22. С. 3.

по своему интеллектуальному и профессиональному уровню были ниже, чем союзный»¹. «По отбору это был очень качественный человеческий материал», — утверждает народный депутат СССР, известный журналист А. Ф. Емельяненко².

В центре внимания Съезда, да и всех телезрителей, был Михаил Сергеевич Горбачев — его можно смело называть политическим отцом Съезда. «У депутатов авторитет Горбачева в дни Первого съезда был стопроцентный, мы понимали, что он — великий человек, вскоре, правда, он стал снижаться из-за его шараханий и бессвязных речей», — рассказывал автору народный депутат СССР Н. С. Петрушенко, сопредседатель оппозиционной по отношению к линии Горбачева депутатской группы «Союз»³. «Первый съезд — пик популярности Горбачева. Он был кумир для всех депутатов», — вспоминает народный депутат СССР В. М. Десятов⁴. Феноменальная личность Михаила Сергеевича, его огромное, поистине невероятное, природное обаяние⁵, своеобразный ток власти, исходивший от генсека⁶, буквально гипнотизировали депутатов⁷; в перерывах между заседаниями вокруг Горбачева, как «возле пчелиной матки» образовывался «целый рой депутатов», желавших задать Михаилу Сергеевичу вопрос или — не боясь последствий! — поспорить о чем-то с ним. «С теми, кто прорвался поближе, он здоровался за руку, знакомым улыбался издали, со знаменитостями обменивался двумя-тремя фразами», — вспоминал свои впечатления от встречи с лидером перестройки народный депутат СССР В. И. Самарин⁸. В такие моменты охрана генсека, естественно, все время была начеку,

¹ Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы. (В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении). М., 1996. С. 19.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. Ф. Емельяненко. Москва. 2022. 19 января.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Н. С. Петрушенко. Орша, Республика Беларусь. 2019. 31 августа.

⁴ Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. М. Десятова.

⁵ Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева, начальника личной охраны Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента СССР М. С. Горбачева. Москва. 2020. 16 сентября. «Горбачев относится к разряду людей — так, по крайней мере, кажется мне, — наделенных божьей искрой неподдельного обаяния», — утверждал академик С. С. Шаталин (*Шаталин С. С. Прерванный диалог*. Тверь, 1998. С. 144).

⁶ Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. М. Оболенского.

⁷ Архив автора. Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР А. Н. Мурашёва; Собчак А. А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991.

⁸ Самарин В. И. Незваные гости Кремля. Орел, 2008. С. 56–57.

внимательно наблюдая не просто за поведением, но и за каждым шагом и жестом парламентариев, приближавшихся к главе государства — нервы при этом у чинов охраны, правда, были просто на пределе — вокруг Горбачева постоянно находилось множество депутатов. Никаких эксцессов, однако, за все время работы съездов не было — в массе своей народные избранники относились к Горбачеву с огромным уважением — «как к первому лицу», отмечал спустя 30 с лишним лет начальник личной охраны Михаила Сергеевича, генерал В. Т. Медведев¹. «Новый стиль» генсека подразумевал, в числе прочего, и постоянное общение с «народом», представителями которого считались, в частности, депутаты. Горбачев любил такое общение, соображения охраны, озабоченной в первую очередь обеспечением его безопасности, Михаила Сергеевича не интересовали².

В свою очередь, и депутаты использовали любую возможность поговорить с генсеком, видя в нем не только лидера перестройки, но и своего рода народного заступника. «Мы приехали на съезд, чтобы поддержать Горбачева. В лице Горбачева мы видели лидера, который борется с казёнщиной», — вспоминал свои настроения того времени народный депутат СССР А. Ф. Емельяненко. Депутаты понимали, что они сейчас — «любимая игрушка генсека» и пользовались возможностью донести свою позицию до главы государства³.

Несомненно, что парламентариев дурманила невероятная близость и к власти, и к ее носителю, при этом ни у кого из народных депутатов в эти дни, независимо от их отношения к генсеку, не было никакого сомнения: их приход в политику, возможность реализовать свой общественный потенциал, состоялись только благодаря советскому лидеру, по воле которого и появилась открытая трибуна, с которой можно было свободно и безбоязненно на глазах у миллионов людей обсуждать *любые* проблемы, волновавшие огромную страну⁴. В результате работа всех съездов — от Первого и до последнего Пятого — была и осталась горбачёвоцентричной, напрямую реагируя на поддержку или неприятие политической

¹ Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева. Москва. 2020. 29 декабря.

² Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева. Москва. 2021. 17 февраля.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. Ф. Емельяненко.

⁴ Архив автора. Интервью И. И. Заславского, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2021. 22 сентября; Архив автора. Интервью А. М. Оболенского, народного депутата СССР. Орёл. 2021. 29 октября.

линии инициатора перестройки: по мнению народного депутата СССР В. М. Десятова, «голосование по всем вопросам показывало количество противников Горбачева и его сторонников»¹, при этом в дальнейшем Михаил Сергеевич своей нерешительностью и просчетами «расшвыривал», как выразился народный депутат СССР, экс-чемпион мира по шахматам А. Е. Карпов, поддержку депутатов, теряя ее от съезда к съезду². Горбачев председательствовал на Первом Съезде, ему, вспоминал народный депутат СССР писатель Д. А. Гранин, пришлось «управлять огромной возбужденной разнородной аудиторией. В любую минуту она могла взбунтоваться. Горбачев проявлял искусство высшей категории. Он вел съезд, как опытный лоцман, хотя *такого рода съездов никогда еще не было* (курсив мой. — А. П.), с таким противостоянием делегаций — от Прибалтики до Средней Азии»³. Вряд ли можно не согласиться с народным депутатом СССР, известным публицистом Ю. Д. Черниченко, назвавшего Первый Съезд — «Горбачевским»⁴. Примечательно также, что Черниченко именовал Первый Съезд и — «сахаровским»⁵, что тоже имеет свое право на существование: незабываемая «дуэль» А. Д. Сахарова, стоявшего на трибуне Съезда под шум, свист и улюлюканье зала, и М. С. Горбачева, — едва ли не самый яркий эпизод тех памятных дней. Подчеркивая исключительную роль Сахарова на Первом Съезде, член Межрегиональной депутатской группы А. Н. Мурашёв писал о том, что «Съезд окавычен его (А. Д. Сахарова. — А. П.) выступлениями»⁶, Уже в декабре 1989 г., в дни работы Второго Съезда народных депутатов СССР, А. Д. Сахаров ушел из жизни. Проститься с А. Д. Сахаровым пришли десятки тысяч людей⁷. Среди них был и глава советского государства М. С. Горбачев. Позднее Михаил Сергеевич признался, что испытывал по отношению к Сахарову глубокое уважение и симпатию. По словам Горбачева, «академик оказался счастливой встречей»⁸.

¹ Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. М. Десятова.

² Архив автора. Интервью А. Е. Карпова, народного депутата СССР, 12-го чемпиона мира по шахматам. Москва. 2020. 23 декабря.

³ Гранин Д. А. Талант человечности // «Многая Лета...» Михаилу Горбачеву — 70. М., 2001. С. 144.

⁴ Черниченко Ю. Д. Дело было в России. М., 1997. С. 4.

⁵ Там же. С. 122.

⁶ Мурашёв А. Межрегиональная депутатская группа // Огонек. 1990. № 32. С. 7.

⁷ Шабад А. Е. Народное достояние (как не хоронили Сахарова) // Он между нами жил... Воспоминания о Сахарове: Сборник. М., 1996. С. 769–770.

⁸ Гутинтов П. Сахаров и Горбачев // Новая газета. 2021. 26 марта. С. 15.

Выдающийся историк, академик П. В. Волобуев утверждал, что совокупность деятельности А. Д. Сахарова позволяет утверждать, что он один «спас честь советской интеллигенции»¹.

Зачем Горбачеву вообще была нужна громоздкая конструкция Съезда? Депутаты демократического направления (Г. Х. Попов, И. И. Заславский) в беседе с автором этих строк высказывали убеждение, что, создавая Съезд, генсек рассчитывал опереться на народных избранников как на противовес партийному аппарату, который к тому моменту уже воспринимался Горбачевым как тормоз перестройки, и обрести, благодаря поддержке депутатского корпуса, новую, *не партийную*, форму легитимности². Аналогичное предположение высказывают и депутаты В. И. Карасёв и С. А. Цыпляев³. Кроме того, по словам Г. Х. Попова, Съезд задумывался Горбачевым «как противодействие Нине Андреевой сотоварищи», как ответ генсека консервативной части ЦК, противившейся реформам⁴. Основная масса народных депутатов, лояльная советскому руководству и названная Ю. Н. Афанасьевым с высокой трибуны Съезда «агрессивно-послушным большинством»⁵, для телезрителей оставалась в тени — все обсуждали выступления Собчака, Сахарова, Попова, Евтушенко, с нескрываемым неодобрением относившихся к власти партноменклатуры и яростно требовавших радикализации политики перестройки.

Депутаты как будто мысленно перенесли в атмосферу II Всероссийского Съезда Советов, искренне воспринимая себя как *высшую власть в стране* — власть партийная к этому не была, конечно, готова; не была — *в профессиональном отношении* — готова к этому и основная масса депутатов, мировоззрение и взгляды которой были достаточно хаотичны, у нардепов присутствовало «колоссальное опьянение свободой», но было, повторимся, четкое представление о себе как о народных избранниках, обязанных

¹ Волобуев П. В. Он спас честь нашей интеллигенции // Советская культура. 1991. 14 декабря.

² Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР. Московская обл., п. Заречье. 2021. 15 апреля; Архив автора. Интервью народного депутата СССР И. И. Заславского. Москва. 2021. 22 сентября.

³ Архив автора. Интервью В. И. Карасева, народного депутата СССР, советника президента СССР. Москва. 2019. 15 апреля; Архив автора. Интервью С. А. Цыпляева, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Санкт-Петербург. 2020. 26 августа.

⁴ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Г. Х. Попова.

⁵ Первый Съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. В 6 т. М., 1989. Т. 1. С. 224.

изменить жизнь *всех советских людей* к лучшему и оправдать тем самым доверие избирателей¹, действительно возлагавших на депутатский корпус огромные надежды. В соответствии с объемом своих полномочий, — вспоминал народный депутат СССР С. А. Цыпляев, — «Съезд был диктатором, он мог решить любой вопрос, он был и. о. народа, ему принадлежала вся власть — он и был вся власть»². «Полномочия Съезда были широчайшими, — констатировал народный депутат СССР С. С. Шушкевич, — он мог рассмотреть любой вопрос, касающийся СССР, и принять по нему окончательное решение»³.

Не будем скрывать: далеко не все депутаты были готовы к той роли, которую они себе предназначили — для них удачное определение нашел народный депутат СССР С. С. Сулакшин: «прекраснодушная некомпетентность». Такие депутаты пребывали в поистине эйфорическом состоянии; их эйфория была своего рода отражением удивления — «невозможное стало возможным; то, о чем все думали, стало реальным — разговоры превратились в явь»⁴. Среди новоиспеченных законодателей были самые разные люди, попадались, вероятно, и те, кто стал депутатом в известной мере случайно — такие парламентарии, попав под прицелы телекамер и обретя всесоюзную популярность, становились малоуправляемыми. Их действия были не слишком конструктивными, а яростная и не слишком содержательная дискуссия, которую они вели на глазах у всей страны, заставляла говорить о Съезде как о «балагане», как это делает, например, И. И. Заславский, член Верховного Совета СССР и в то время — один из самых молодых парламентариев. По словам Заславского, состав Съезда был не «структурирован», а депутаты были «хаотически избранными»⁵. Согласен с Заславским член Верховного Совета СССР Р. А. Медведев. «Это была толпа, пусть и народных депутатов, друг друга депутаты не знали. Члены Политбюро были растеряны и унижены, их посадили со всеми в зале. Это было какое-то хаотическое и неуправляемое собрание, которому по конституции почему-то при-

¹ Архив автора. Интервью В. И. Мироненко, народного депутата СССР, в 1986–1990 гг. — первого секретаря ЦК ВЛКСМ, члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 7 ноября.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР С. А. Цыпляева.

³ *Шушкевич С. С. Моя жизнь, крушение и воскрешение СССР. 25 лет спустя.* Дніпро, 2018. С. 122.

⁴ Архив автора. Интервью С. С. Сулакшина, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2020. 21 октября.

⁵ Архив автора. Интервью народного депутата СССР И. И. Заславского.

надлежала высшая власть в стране. Депутаты были опьянены своими полномочиями», — вспоминает Рой Александрович¹.

«Это сборище было недееспособно, оно было не в состоянии сформулировать грамотную повестку дальнейшего развития страны», — вторит Р. А. Медведеву С. С. Сулакшин². «В депутатском корпусе было целое половодье самых разных людей, случайно попавших в состав Съезда. Многие депутаты были просто не готовы к тому, чтобы быть высшей властью», — утверждает народный депутат СССР В. А. Логунов³. «Настораживали, — писал М. С. Горбачев, — чрезмерные претензии радикалов, их бешеный натиск, стремление получить все сразу...»⁴

Но были среди депутатов и такие, которые очень быстро выказали совершенно определенные ораторские способности, смогли оседлать толпу — они, по выражению народного депутата СССР С. А. Цыпляева, «смелели на ходу», в считанные недели, на глазах у всей страны, превратившись в политиков с всесоюзной известностью. Атмосфера в зале, вспоминает Цыпляев, была «наэлектризованной с первой же минуты, был собран народный форум, который *заговорил* сразу — власть, в свою очередь, увидела, что утрачивает контроль над собранием депутатов»⁵. И действительно: Съезд пошел совсем не по тому сценарию, который был задуман Горбачевым⁶. «С самого начала многое даже внешне выглядело не так, как прежде: члены Политбюро сидят не в президиуме, а среди других народных избранников. А те из них, что остались без мандатов, — среди гостей, как простые смертные. И прошел съезд не по написанному наверху сценарию, а бурно, остро. Стала складываться оппозиция...» — размышлял инициатор перестройки⁷.

«Разумеется, Горбачев продумывал сценарий Съезда. Но Съезд оказался победой нарождающейся демократии только потому, что этот сценарий, в конечном счете, писала сама история. И у Горбачева хватило воли и чутья следовать естественной силе вещей, принимать творческие, а не заранее расписанные решения...

¹ Архив автора. Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР, члена ЦК КПСС Р. А. Медведева. 2018. 21 июля. Село Немчиновка, Московская область.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР С. С. Сулакшина.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. А. Логунова.

⁴ *Горбачев М. С. В меняющемся мире.* М., 2018. С. 90.

⁵ Архив автора. Интервью С. А. Цыпляева, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Санкт-Петербург. 2020. 26 августа.

⁶ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Г. Х. Попова.

⁷ *Горбачев М. С. В меняющемся мире...* С. 89.

Горбачев с самого начала оказался внутри парламентской схватки и именно поэтому не мог выступать в роли режиссера. А там, где он все же пытался срежиссировать работу Съезда, там дело как раз и грозило провалом: мрачнел готовый взорваться Ельцин; демонстративно покидали зал прибалты; остервенев, кидались на Горбачева “правые”», — вспоминал А. А. Собчак, ставший одним из главных открытий Съезда¹.

Многие народные депутаты опасались, что партийная номенклатура сделает все для того, чтобы превратить Съезд в очередное показушное мероприятие. По всей видимости, Горбачев стремился любой ценой этого избежать, опасаясь падения своего авторитета и острой критики в адрес власти. «Если мы действительно проведем съезд формально, это вызовет глубокое разочарование в среде сторонников перестройки, неверие в то, что партия в самом деле намерена передать полноту власти Советам. Подобного рода опасения, кстати, уже проскальзывают в выступлениях в печати», — предупреждал генсека Г. Х. Шахназаров².

Ряд депутатов действительно воспринимали предстоящий Съезд как очередную «постановку» властей. «Съезд еще не открылся, а недоверие к партаппаратчикам, его готовящим, понуждало нас, депутатов, быть настороже: не позволить превратить Съезд в спектакль с заранее расписанными ролями, а нас в статистов», — вспоминал писатель, народный депутат СССР А. М. Адамович³. Опасение этого вынуждало многих депутатов рваться на трибуну — с нее раздавалась не всегда конструктивная критика власти — столь сильная, что за 2 недели работы Съезда советская власть пошатнулась, ее прежде не оспариваемая в глазах людей *сакральность* куда-то исчезла, как будто растаяла — растаяла навсегда. «С мая 1989 г., когда состоялся первый Съезд, мы 8 месяцев жили в парламентской республике и заболтали страну. Каждый Съезд превращался в разрушительный митинг. Когда Горбачев это понял, он решил ввести пост президента СССР. Но было уже поздно», — сокрушается бывший союзный премьер Н. И. Рыжков⁴. «Проведение первого Съезда показало, что это неработоспособный

¹ Собчак А. А. Хожение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991. С. 41.

² Архив Горбачев-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18252. Докладная записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачеву. «О некоторых соображениях в связи со Съездом народных депутатов». 1989. 7 февраля.

³ Адамович А. Vixi. (Я прожил). Повести, воспоминания, размышления. М., 1994. С. 238.

⁴ Долголетие по Рыжкову // Аргументы и факты. 2019. № 38. С. 3.

орган. Съезд — это митинг. В такой аудитории невозможно рассматривать и принимать конкретные решения по какому-либо вопросу», — заявил Николай Иванович¹.

«Горбачев хотел селективировать новые кадры через альтернативные выборы, — а они пришли с разрушительными идеями, в этом была беда — и Горбачева, и страны», — констатирует А. А. Акаев².

Сама идея возникновения Съезда народных депутатов принадлежала А. И. Лукьянову, опытнейшему юристу и партийному аппаратчику³. «Нет сомнения, — вспоминал помощник Горбачева Г. Х. Шахназаров, — что идея эта была навеяна Лукьянову основательным знакомством с историей Советской власти. Анатолий Иванович, мне кажется, воспринял ее первые институты в романтическом ореоле. Сами слова “Съезд Советов” звучали в его устах, как музыка, гимн подлинно народной и пролетарской демократии. Он был так очарован этим продуктом революционного творчества, что не желал вслушиваться в контраргументы. <...> Генсеку пришлось по душе концепция Лукьянова. Нигде в мире нет Съезда народных депутатов, а у нас будет!»⁴

Он же прибавлял: «Что бы отныне ни говорили и ни писали о Горбачеве, как бы его ни ругали, он навсегда останется *отцом отечественного парламента* (выделено автором. — А. П.). <...> Горбачев, как примерный родитель, заботящийся о своем чаде, ухаживал за парламентом, помогал встать на ноги, не только не ожидая благодарности в будущем, но снося брыкание депутатов, которые после овации, устроенной ему при первом появлении, начали журить, потом поругивать, а осмелев и войдя во вкус, учиняли форменные разносы, не всегда заслуженные. Президент обижался, досадовал, злился, и это порой прорывалось в резких репликах или невнятных угрозах, которые враждебно настроенная пресса, не прощавшая ему ни одного промаха, немедленно объявила покушением на демократию. *Наряду с гласностью первые выборы и первый парламент, заслуживающие этих названий, — главное дело Горбачева-реформатора* (выделено автором. — А. П.)», — справедливо писал верный соратник Горбачева Г. Х. Шахназаров⁵.

¹ Беседы Н. И. Рыжкова с сотрудником Гуверовского института М. Макфолом. 1992–1994 // РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 322.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. А. Акаева. Москва. 2020. 26 ноября.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР В. И. Мироненко.

⁴ Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 71–72, 73.

⁵ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001. С. 333–334.

Работе Первого Съезда предшествовали трагические события в Тбилиси: в ночь с 8 на 9 апреля 1989 г. в столице Советской Грузии при разгоне несанкционированного митинга погибли 17 человек. Тбилисские события очень сильно повлияли на работу Съезду и задали тон его работе: депутаты вынуждены были решать вопросы практически-политического и уголовного характера¹, резонанс от этих событий был таким сильным, что задел каждого депутата². Депутатская комиссия под руководством А. А. Собчака, расследовавшая обстоятельства тбилисской трагедии, пришла к выводу о том, что партийное руководство и правительство республики были детально осведомлены о происходящем, а армия использовала для разгона демонстрации отравляющие вещества³. В действительности почти все погибшие скончались от асфиксии (удушья), иначе говоря, нашли свою смерть в давке, попав в стихийно образовавшийся котел, как рассказывал автору бывший на месте трагедии журналист Ю. М. Рост⁴. «Работа комиссии чуть успокоила Грузию, но она неизбежно повлекла за собой вопрос о выходе республики из состава Союза», — вспоминает состоявший в той комиссии С. Б. Станкевич⁵.

Выводы депутатской комиссии раскололи Съезд — далеко не все верили им, считая их политически ангажированными. Депутаты-демократы утверждали, что «агрессивно-послушное» большинство Съезда поддержало жесткие действия власти в дни тбилисских событий. Замечательный писатель-фронтовик, народный депутат СССР Б. Л. Васильев вспоминал: «После тех событий, когда советские войска жестоко разогнали демонстрацию молодежи, я снова закурил. Мы с Егором Яковлевым попали в Грузию на второй день похорон, когда Тбилиси, веселый южный город, весь словно почернел. Вернувшись в Москву, попытались рассказать об увиденном депутатам. Если бы вы слышали, каким грохотом сапог встретили они наш рассказ в Кремлевском Дворце Съездов. Генералы, полковники — вся эта военная публика — топала ногами, не давая говорить...»⁶

События в Тбилиси, ответственность за которые не взяли на себя ни глава государства, ни кто-либо еще⁷, предельно дискредитирова-

¹ Архив автора. Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР К. Д. Лубенченко. Москва. 2019. 25 мая.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР Н. С. Петрушенко. Орша, республика Беларусь. 2019. 31 августа.

³ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 2. Д. 65. Л. 21–34.

⁴ Архив автора. Интервью журналиста Ю. М. Роста. Москва. 2022. 1 июня.

⁵ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича.

⁶ Васильев Б. Мы вечно в поисках врага // Аргументы и факты. 2005. №11. С. 3.

⁷ Лигачев Е. К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992. С. 224–237.

ли и лично Горбачева, степень информированности которого о предстоящей силовой «зачистке» митинга в грузинской столице до сих пор не до конца ясна¹, и советскую армию, и партийное руководство, дав Грузии моральное право требовать своего выхода из состава СССР. Советское общество, несмотря на безудержную кампанию по обличению государственных структур, начатую демократическим лагерем, также приняло выводы депутатской комиссии не безоговорочно. Находились силы, которые осуждали митингующих и находили оправдания для армии. Горбачев и его единомышленники извлекли из «кровавого воскресенья» в Тбилиси свои уроки: «отныне без решения Политбюро в таких делах армия не должна участвовать»². Примечательно, что А. Я. Сухарев, занимавший в те

¹ «Было ясно, — рассказывал автору про свои тогдашние ощущения народный депутат СССР Н. С. Петрушенко, — что Родионов и Язов делали все с указания Горбачева, которого они старательно выгораживали, выступая на съезде» (Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко). Аналогичной точки зрения придерживался в те дни и народный депутат СССР Р. А. Медведев (см.: Архив автора. Интервью Р. А. Медведева). Об этом в интервью писателю А. А. Проханову заявили и сами упомянутые военачальники — генерал И. Н. Родионов и его непосредственный начальник — Маршал Советского Союза Д. Т. Язов. Так, И. Н. Родионов с возмущением подчеркнул, что после его выступления на Первом Съезде народных депутатов никто не попытался его защитить, при этом «молчал Верховный Главнокомандующий, который это дело санкционировал». (См.: Армия — вершина политики (Беседа писателя А. Проханова с Маршалом Советского Союза Дмитрием Язовым и генерал-полковником Игорем Родионовым) // Завтра. 1994. Июнь. № 21 (26). С. 3.). В свою очередь, А. А. Собчак, председатель депутатской комиссии по расследованию событий в Тбилиси, утверждал, что «к «кровавому воскресенью» Горбачев непосредственного отношения не имел и не мог иметь» (Караулов А. В. Диалог с Анатолием Собчаком // Вокруг Кремля. Книга политических диалогов. М., 1990. С. 183–184). Джумбер Патиашвили, бывший первый секретарь ЦК компартии Грузии, правда, уже после отставки Горбачева и распада СССР, рассказывал в одном из интервью, что накануне кровавых событий ему позвонил генсек и в ультимативном тоне заявил: «Надо немедленно освободить площадь и этим займется армия!» Я понял, — вспоминал Джумбер Ильич, — что он (М. С. Горбачев. — А. П.) знает о намеченном плане и поддерживает его» (Кровавый апрель Тбилиси. Хочу рассказать все // Свободная Грузия. 1992. 28 февраля). Принципиально важно, что в советской газете «Известия», полугодом ранее, за три месяца до отставки Горбачева, Патиашвили заявлял о своей неполной осведомленности об истоках и причинах трагедии (см.: Патиашвили Д. Даже я не знаю всей правды о тех событиях // Известия. 1991. 16 сентября). Оговорим еще раз: на наш взгляд, вина и причастность М. С. Горбачева к решению о силовом разгоне митинга в Тбилиси в апреле 1989 г. не доказана.

² В Политбюро ЦК КПСС...По записям Анатолия Черняева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук.

дни должность Генерального прокурора СССР, расценил трагедию в Тбилиси как «спланированную криминальную провокацию»¹. При этом, с чем нельзя не согласиться, Сухарев полагал, что «Тбилисское дело приобретало сугубо политическую окраску, усиливало противоборство в обществе и структурах власти»². Как бы то ни было, но тбилисские события дали возможность оппозиции выступать на Съезде в качестве наступающей стороны.

Съезд начался очень нервно³, на нем бушевали нешуточные страсти: горячее обсуждение Тбилисской трагедии, вину за которую руководители всех уровней перекладывали друг на друга⁴; вызывающее, по мнению многих депутатов, поведение литовской делегации, приехавшей на Съезд — по откровенному признанию А. Бразаускаса, «довольно агрессивно настроенной против коммунистического “центра” и самого Горбачева»⁵; обсуждение правовой основы пакта Молотова — Риббентропа, наконец, дебаты по поводу необходимости отмены 6 статьи конституции СССР. Представить подобные дебаты еще пару лет назад было абсолютно невозможно. «То, что происходило на Съезде, вынашивалось, копилось, может быть, все 70 лет... и прорвалось!», — вспоминал народный депутат СССР Ю. Ф. Карякин⁶.

Невольно напрашивались параллели с историей последнего царствования и жаркими дебатами, происходившими в Таврическом дворце в начале века. «Съезд народных депутатов удивительным образом походил на описание в исторических источниках заседаний Первой и Второй Государственной Дум 1906 и 1907 гг. Та же непримиримость левых и правых, непримиримость демократов к существующему строю. Мистические нити связывают людей и события», — заметил народный депутат СССР Ю. А. Барашков⁷.

Проекта), А. Вебер, В. Медведев. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. М., 2008. С. 486.

¹ *Сухарев А. Я.* Генеральный прокурор СССР листает памяти страницы... Воронеж, 2010. С. 215.

² Там же. С. 215.

³ *Сулакшин С. С.* Современная российская многопартийность: видимость и сущность. Свидетельство не со стороны. М., 2001. С. 35.

⁴ *Патиашвили Д.* Даже я не знаю всей правды о тех событиях // Известия. 1991. 16 сентября; Чебриков В. Страну проиграл Горбачев // Трибуна. 2001. 27 июля; Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. И. Гельмана. Москва. 2020. 3 марта.

⁵ *Бразаускас А.* Развод по-литовски. В., 1993. С. 68.

⁶ *Карякин Ю. Ф.* Перемена убеждений. (От ослепления к прозрению). М., 2007. С. 218.

⁷ *Барашков Ю.* Народный депутат СССР. 1989–1991. [Б/м], 2019. С. 154.

Уже в первый день работы Съезда произошло нечто невероятное: народный депутат СССР А. М. Оболенский выдвинул свою кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета СССР против самого М. С. Горбачева — политика, находившегося в тот момент на вершине своей популярности. «Я прекрасно понимаю, что шансов в борьбе с Михаилом Сергеевичем Горбачевым у меня никаких. Я хочу, чтобы в нашей истории, в нашей с вами практике возник прецедент проведения выборов. Пусть это и не совсем альтернативная основа, но это — выборы», — объяснял А. М. Оболенский свое выдвижение.¹ В интервью, данном по горячим следам популярнейшему еженедельнику «Аргументы и факты», А. М. Оболенский подчеркнул, что его решение о выдвижении — «не мальчишеское решение, а продуманный, запланированный поступок»². Александр Митрофанович признался, что за время работы Съезда он получил более 500 телеграмм и не менее 100 писем, многие из них были посвящены его выдвижению. По словам Оболенского, лишь около 1% писем и телеграмм, поступивших на его имя, содержали осуждение его поступка, а «остальные поддерживают, понимают важность этого поступка. *Ведь это начало выборов, хотя мою кандидатуру и не включили в список для тайного голосования* (выделено мной. — А. П.)»³.

Даже спустя тридцать с лишним лет Оболенский не в состоянии понять: как политик уровня Горбачева не понял, что своим выдвижением на пост Председателя Верховного Совета никому неизвестный народный депутат из Апатит «сделал ему политический подарок — ведь я же не конкурент ему?» Побеждая своего противника в конкурентной борьбе, Горбачев еще больше утверждался в глазах страны. «Я бы, конечно, проиграл Горбачеву, — рассуждает А. М. Оболенский, — но моя цель была добиться, чтобы Съезд реализовал свою демократическую процедуру. Самовыдвижение было фактически по процедурному вопросу, а не ради победы...»⁴. Выдвижение Оболенского вызвало в зале оживленную полемику. Некоторым депутатам, например, казалось, что перед ними разыгрывается «некий сценарий с юморным подтекстом»⁵. «Он обещал — и сделал. Он выполнил, рискуя репутацией, наказ. Ну, да это ладно, вот что серьезно: Оболенский шел на создание прецедента. Да, на принцип шел — и всех (“и даже?” — как вскричал

¹ Первый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. В шести томах. М., 1989. Т. I. С. 96.

² От имени народа // Аргументы и факты. 1989. № 23. С. 2.

³ Там же. С. 3.

⁴ Архив автора. Интервью А. М. Оболенского.

⁵ Архив автора. Интервью В. М. Десятова.

когда-то тургеневский Павел Петрович) и “даже” президента можно выбирать! Оболенский ставил себя в ситуацию двусмысленную, на “растерзание” себя отдавал — и, между прочим, очень был похож его поход на трибуну на позицию... соперника — Горбачева, — когда последний попросил продолжать прения по обсуждению Горбачева... В этом они были походи. Осмелимся сопоставить — выглядели ОБА достойно», — писала об А. М. Оболенском одна из газет¹.

После жарких дебатов депутаты все же решили поставить вопрос о включении кандидатуры депутата Оболенского в бюллетень для тайного голосования. «За» включение кандидатуры Оболенского проголосовало 689 депутатов, против — 1415². Таким образом, кандидатура депутата А. М. Оболенского в бюллетень для тайного голосования включена не была. В глазах ряда депутатов само обсуждение вопроса — может или не может А. М. Оболенский выступить в качестве *альтернативы* Горбачеву — выглядело не слишком демократично. Оболенский «имел на это полное право, так как Конституция гласила, что депутат может объявить себя самовыдвиженцем. Однако вместо того, чтобы сделать это без всяких проволочек, вопрос поставили на голосование, а отдать свой голос за предложение Оболенского многие народные избранники почему-то не решились. С моей точки зрения это первое нарушение основного закона страны и стало началом политического краха Горбачева», — рассуждает народный депутат СССР А. Е. Карпов³. Думается, что Горбачев выглядел бы благородно, если бы, опираясь на свой авторитет, *настоял бы* на включении А. М. Оболенского в бюллетень для голосования, однако, Михаил Сергеевич, вероятно, стремился подчеркнуть безальтернативность его кандидатуры и иной, чем у остальных депутатов, уровень своего политического масштаба. «Мысленно невольно возвращаешься к I Съезду народных депутатов. Сколько раз приходилось тогда слышать полу-ехидный вопрос: “Что бы Вы делали, если бы Вас вдруг избрали Председателем Верховного Совета?” Хотя и нашел тогда, на мой взгляд, удачный ответ: “Предложил бы Михаилу Сергеевичу как Генеральному секретарю самое тесное сотрудничество”, на душе становилось беспокойно... Сейчас на подобный вопрос я уже ответил иначе: “Не боги горшки обжигают. Если идти вместе с народом, а не стоять над ним, можно горы свернуть”»⁴.

¹ До и после трансляции. М., 1989. С. 8.

² Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 99–100.

³ Карпов А. Е. Жизнь и шахматы. М., 2022. С. 207.

⁴ Оболенский А. М. Что день грядущий нам готовит? (размышления после III Съезда народных депутатов) // Через тернии / Сост. А. А. Протащик. М., 1990. С. 508–509.

Б. Н. Ельцин, выдвинутый на пост Председателя Верховного Совета СССР Г. Э. Бурбулисом, предвидя неизбежное поражение в *этом* соревновании с Горбачевым¹, взял самоотвод². В итоге фамилия Горбачева была единственной, внесенной в бюллетень для голосования. «За» кандидатуру творца перестройки на пост Председателя Верховного Совета СССР проголосовало 2123 депутата, а «против» — всего 87³. С этого момента Горбачев занимал две высшие должности в стране — он был главой и партийной, и государственной власти.

Благодаря прямой трансляции, которая шла по центральному телевидению, Съезд стал событием общенационального масштаба, «за считанные дни съезда в стране произошел гигантский сдвиг сознания. Это сделало телевидение», — констатировал Г. Х. Попов⁴. «Тринадцать дней все, кто имел возможность, провели у телевизоров. И не только потому, что на глазах миллионов происходило что-то совершенно невиданное по своей открытости, откровенности, накалу политических страстей. Телезрители ждали, заставляли себя верить, что невиданное завершится невиданным итогом. Однако чуда не свершилось. Люди нашей страны за две недели стали чуть-чуть другими. А вокруг них все осталось прежним и потому стало выглядеть еще хуже, чем раньше», — по горячим следам написал известный публицист И. М. Клямкин⁵. Это не отменяет исторического значения Съезда, главными итогами которого стали решительный и ясный поворот власти к публичной политике, открытое обсуждение любых, в том числе и самых острых проблем⁶. В результате

¹ «В итоге все проголосовали за выдвижение моей кандидатуры, было лишь четверо воздержавшихся. Не обнаружилось и сколько-нибудь серьезных соперников. Самовыдвижение А. М. Оболенского не было принято всерьез большинством депутатом. А оппозиция не решилась в тот момент оспаривать пост председателя, поскольку подобная попытка была заведомо проигранный. Поэтому и Ельцин, кандидатура которого была названа Бурбулисом, взял самоотвод», — вспоминал М. С. Горбачев (*Горбачев М. С. Понять перестройку. М., 2017. С. 232*).

² Первый съезд народных депутатов СССР. Т. I. С. 104.

³ Там же. С. 109.

⁴ Попов Г. Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 68.

⁵ Клямкин И. Трудный спуск с зияющих высот. М., 1990. С. 3.

⁶ *Надеин В.* Съезд и наши надежды // *Известия*. 1989. 13 июня. «Общее впечатление: он дал мощный импульс дальнейшему развалу “привычного авторитета власти”. Это бросалось в глаза с первых же дней хотя бы уж тем, что члены Политбюро сидели не в президиуме, а в зале, под насмешливыми взглядами тысяч депутатских глаз и изумленными телезрителями... Подвергались грубым поношениям и жалко иногда отругивались...» — вспоминал Первый съезд А. С. Черняев (*Черня-*

деятельности Первого Съезда смогли появиться не только новые

ев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 296). В свою очередь, М. С. Горбачев констатировал, что «КПСС не выдержала испытания ни демократией, ни свободой, ни гласностью. И вставала — все более явно и грубо — в оппозицию перестройке... Признаюсь, я тяжело переживал то, что обнаружившееся “недомогание” партии перешло в неизлечимую болезнь. Считаю главным делом жизни демократизацию общества, я в то же время как Генеральный секретарь КПСС искренне хотел, чтобы партия возглавила этот процесс» (*Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас.* С. 185). В последующие два года Черняев принадлежал к числу тех, кто настаивал на размежевании генсека с консервативной частью партии в интересах продолжения политики перестройки. Более того, Черняев был убежден в том, что ошибочная ставка на партию как на авангард перестройки стоила Горбачеву его политической карьеры. Комментируя осуществленную Горбачевым политическую реформу, проходившую под «историческим» лозунгом «Власть Советам!», Черняев писал: «Резко усилилось начавшееся сразу после XIX партконференции ослабление структуры и авторитета власти по всей стране. Обкомы, райкомы, парторганизации в растерянности не знали, чем им заниматься: они “всю жизнь” только и делали, что руководили хозяйством и командовали администрацией, а теперь? Советские органы не могли заменить партию ни в том, ни в другом: десятилетиями их приучали быть декорацией или послушными исполнителями. И все знали, что тут ничего не решается. То же произошло и с Центром. Раньше (и долго!) без решения Центрального Комитета (фактически Политбюро) никакие крупные дела не начинались и не продолжались. Правительства, министерства без этой авторитарной силы и без хорошо налаженных понуканий и угроз из центрального аппарата и Секретариата ЦК быстро стали терять дееспособность. И никакая “самостоятельность” предприятий, колхозов и проч., которой никто не знал, как распорядиться, не могла — в отсутствие рынка, демократических навыков и правил — заменить командно-партийную систему управления. Ну что ж, законен вопрос и ко мне тоже? Плохо, что Горбачев пошел на такую реорганизацию? Нет и нет. Это был шаг к ликвидации системы партия — государство. Без такой меры не было бы потом и более или менее свободных выборов (во всяком случае, “выборов с выбором”), не было бы и прорыва к демократии, каким стал (при всех его пороках и недостатках) Первый съезд народных депутатов СССР. Ликвидация командно-административной системы в любом варианте была бы процессом тяжелым и болезненным. Единственное, что я задним числом “посоветовал” бы Михаилу Сергеевичу, — ускорить его, сильно ускорить. И это, наверное, можно было тогда сделать. Но для этого не надо было прибегать к маневру с “красной сотней” и еще до выборов на Съезд народных депутатов уйти с поста Генсека. Тогда резко возросли бы его шансы стать “народным президентом” и получить более широкую и верную базу со стороны перестроенной общественности, и в первую очередь — интеллигенции. Но Горбачев долго уверял себя и других, что сумеет реформировать партию, сделать ее настоящим авангардом перестройки» (*Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 240–241*).

имена в политике, но и были заложены основы гражданского общества и демократии, предполагающие, сами по себе, *легальную* политическую оппозицию и *легальное* инакомыслие. Позволим себе высказать предположение, что в те дни *общество* окончательно утратило чувство страха перед властью, уверовав в возможность безнаказанно высказывать собственное мнение. «Съезды народных депутатов благодаря Михаилу Сергеевичу Горбачеву избавили нас всех от чувства липкого страха, в котором мы все жили. После съездов у всех созрела всех мысль, что необходимо перемены», — вспоминал знаменитый артист О. В. Басилашвили, в годы перестройки — народный депутат РСФСР и последовательный сторонник демократических убеждений¹. Не лишним будет еще раз повторить, что политическим отцом Съездов народных депутатов, равно как и всей политической реформы, был именно М. С. Горбачев. На Съезде проявилось и совершенно определенное отставание значительной, если не большей части советского руководства, от непрерывно ускоряющихся политических процессов, косность и догматичность мышления партийного ареопага. Именно в 1989 г. стало очевидно, что политический процесс выходит из-под контроля власти, а локомотив перестройки начинает обгонять своего машиниста. В дни Первого Съезда генсек еще контролировал и страну, и перемены, которые, вспоминая гимн перестройки, требовали сердца советских людей; в следующем, 1990 г., историческое время уже бежало впереди своего Героя. Во время работы Первого Съезда Горбачев находился на пике своей профессиональной политической формы. Его искусство как политика стояло на много ступеней выше депутатского корпуса; временами генсек напоминал шахматного гроссмейстера, который проводит сеанс одновременной игры с любителями. «На Съезде Горбачев продемонстрировал себя в качестве очень сильного политика. Его окружение, к сожалению, было совершенно недееспособно... Я убежден, что при всех недостатках в организации и результативности I Съезда народных депутатов — это историческое событие, значение которого даже трудно переоценить... Им сформирован первый в нашей истории профессионально работающий парламент. Громадное влияние оказал Съезд на политическое просвещение народа, приобщение миллионов людей к политической жизни», — рассуждал А. А. Собчак, ставший одним из открытий Первого Съезда².

¹ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили, народного артиста СССР, народного депутата РСФСР в 1990–1993 гг. Санкт-Петербург, Репино. 2022. 3 октября.

² Собчак А. От съезда к съезду: становление новой политической системы // Через тернии / Сост. А. А. Проташик. М., 1990. С. 461.

«Страна нуждалась в *прорыве* к новому качеству своего существования, для чего и предназначалась перестройка. И Съезд явился именно *попыткой* к такому прорыву. Он разбудил “народ”... Другое дело, что ни нация, ни ее “мыслящий” слой не были готовы этим прорывом воспользоваться», — писал в одной из своих работ А. С. Черняев¹. Но разве не является ли это подвигом — разбудить целый народ от многолетней спячки и вовлечь его в политику? Думается, что заслугу и Съезда, и его инициатора в этом отношении трудно переоценить.

Еще одним итогом съезда стало также возникновение в СССР первой за многие десятилетия легальной демократической оппозиции, выраженной в образовании Межрегиональной депутатской группы². «МДГ родилась снизу, самими депутатами, которые знали взгляды друг друга. На организационное собрание пришло около 300 депутатов. МДГ воспринимала себя как сторонники Горбачева», — рассказывал автору народный депутат СССР В. М. Десятов³. «Съезд должен был избрать постоянный орган — Верховный Совет, всех демократов забаллотировали. Ответом стало то, что мы объявили о создании МДГ, которая насчитывала 300–320 человек», — такую версию возникновения МДГ предлагает С. Б. Станкевич⁴.

МДГ не была монолитным в политическом отношении объединением. В своей массе члены МДГ сходились на законодательном закреплении гласности, необходимости отмены 6 статьи⁵, ликвидации всевластия КПСС и более решительного проведения демократических преобразований⁶. При этом именно по поводу отмены 6-й статьи в рядах МДГ нередко возникали нешуточные страсти: часть депутатов предлагала, не упраздняя 6-ю статью,

¹ Черняев А. С. О 20-летию I Съезда народных депутатов // Избранное — 2. М., 2013. С. 66.

² Травкин Н. Наш бумеранг, вперед лети... О народе, власти и государстве Российском (Фейсбучные хроники). М., 2019. С. 166.

³ Архив автора. Интервью В. М. Десятова.

⁴ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича.

⁵ «МДГ — это объединение депутатов, которые ратовали за отмену 6 статьи, больше ничего общего у депутатов не было. После отмены 6 статьи последующие собрания были деструктивны — люди были совершенно разные», — рассказывал автору А. Н. Мурашёв, секретарь Координационного совета МДГ (Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. Н. Мурашёва).

⁶ Архив автора. Интервью Н. А. Куценко, народного депутата СССР. Москва. 2021. 23 марта; Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. В. Минжуренко; Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. А. Челышева; Архив автора. Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР С. С. Сулакшина.

заменить ее формулировку на равенство всех партий перед законом¹. По словам члена МДГ академика О. Т. Богомолова, группа «возникла спонтанно, объединив людей, хотя и с различными оттенками демократических убеждений, но одинаково не приемлющими командно-административную систему и всевластие партийной номенклатуры. Речи и предложения этих депутатов, выступавших за более глубокую и последовательную демократизацию общества, вызвали явное неодобрение большинства сидящих в зале, что и дало повод Ю. Н. Афанасьеву назвать это большинство “агрессивно-послушным”»². Объединение депутатов происходило только по убеждениям, никакой формальной привязки к группе у межрегионалов в общем-то не было — любой народный депутат мог свободно войти в группу и выйти из нее³.

По-разному члены МДГ относились и к личности Горбачева: одни видели в нем тормоз перестройки (Б. Н. Ельцин), другие (их было большинство, в частности, академик А. Д. Сахаров) были убеждены в положительной роли Горбачева как пилота перестройки и главы государства⁴. Лишь меньшая часть МДГ хотела “давить” на Горбачева и его команду⁵. Однако по вопросу о конкретной политической программе среди «межрегионалов» возникали споры — слишком, как вспоминал влиятельный депутат М. А. Бочаров, «разношерстная это была кампания»⁶. Лозунги МДГ были очень общие, порой не слишком конкретные, каждый конкретный член МДГ преследовал какую-то свою цель, стремился к чему-то сугубо конкретному и с наибольшим ожесточением выступал против чего-то, раздражающего именно его *в наибольшей степени*. «МДГ — объединение *против*, против чего объяснить трудно — все против разного», — рассказывал автору этих строк член МДГ И. И. Заславский⁷. МДГ, по остроумному определению Г. Э. Бурбулиса, составляла «прогрессивно-активное меньшинство» — противовес «агрессивно-послушному большинству» Съезда⁸.

¹ Архив автора. Интервью В. М. Десятова.

² Богомолов О. Т. Моя летопись переходного времени. М., 2000. С. 41.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. А. Логунова.

⁴ Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. В. Минжуренко; Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. И. Гельмана; Архив автора. Интервью народного депутата СССР М. Н. Полторанина.

⁵ Попов Г. Десять лет спустя, или долги Межрегиональной депутатской группы // Московский комсомолец. 1999. 28 мая.

⁶ Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР М. А. Бочарова. Москва. 2019. 18 июня.

⁷ Архив автора. Интервью народного депутата СССР И. И. Заславского.

⁸ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Г. Э. Бурбулиса.

В 1989 г. наиболее известными деятелями МДГ являлись академик А. Д. Сахаров и Б. Н. Ельцин; отношения между ними были чрезвычайно напряженными, а взаимная антипатия была настолько сильна, что они даже не разговаривали друг с другом. Сахарова пугало неприкрытое стремление Ельцина к власти, его нескрываемая личная неприязнь к Горбачеву¹. В значительной степени именно присутствие в составе «межрегионалов» академика Сахарова, обладавшего в глазах всего демократического лагеря огромным нравственным авторитетом как правозащитника № 1², помешало Ельцину стать единоличным председателем МДГ. Кроме того, настроение большинства членов МДГ было против одного «вождя» во главе — как в КПСС; «межрегионалы» хотели возродить реальное коллективное руководство³. В итоге было принято «соломоново решение»: избрать 5 сопредседателей — и для того, «чтобы порвать с традициями КПСС», и, исходя из итогов рейтингового голосования внутри группы. В итоге сопредседателями МДГ были избраны Б. Н. Ельцин, Ю. Н. Афанасьев, Г. Х. Попов, А. Д. Сахаров и В. Пальм⁴. На собраниях МДГ Ельцин вел себя молчаливо, обособленно от других депутатов, как вождь, не разменивая в разговорах свою огромную популярность⁵. Вместе с тем тот факт, что его не избрали единоличным председателем МДГ, Ельцину очень не понравился: Борис Николаевич осознавал, что он не сумел стать лидером МДГ. Уже вскоре, увидев, что МДГ не смогла стать его послушным инструментом и серьезным подспорьем в борьбе за власть, Ельцин фактически размежевался с ней. К этому моменту А. Д. Сахаров уже ушел из жизни, его смерть, абсолютно неожиданная для его соратников⁶, стала невосполнимой потерей для демократического лагеря. Не вступая в полемику по поводу политических предложений Сахарова относительно будущего государственного устройства СССР и его публицистического наследия,

¹ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Г. Х. Попова.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР Н. И. Травкина; Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. И. Гельмана.

³ Архив автора. Интервью А. М. Оболенского. «На первом же собрании МДГ установили сразу, что единоличного лидера не будет. Борьба за лидерство ввиду этого в открытую не велась. Ельцин вел себя очень просто, выступал самоуверенно, громогласным и поставленным голосом. На него смотрели как на старшего товарища, прошедшего партийные огни и воды. Его очень уважали», — вспоминал член МДГ, народный депутат СССР В. М. Десятков (Архив автора. Интервью В. М. Десятова.).

⁴ Попов Г. Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 70.

⁵ Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. Н. Мурашёва.

⁶ Архив автора. Интервью В. М. Десятова.

нельзя не признать того, что Андрей Дмитриевич был честным, по-своему бесстрашным человеком, отличавшимся невероятным упорством в преследовании избранной цели¹, совестью демократии и живой легендой правозащитного движения, «У Сахарова было невероятное человеческое обаяние, обаяние честного человека», — рассказывает об Андрее Дмитриевиче хорошо его знавший журналист и фотокорреспондент Ю. М. Рост². Именно Сахаров и сформулировал стратегию демократов в дни Первого Съезда: пока есть возможность, необходимо использовать трибуну Съезда в качестве уникальной площадки для открытого разговора со *всей* страной.³ Наверное, не следует преувеличивать значение МДГ в работе Съезда; межрегионалы были в меньшинстве, политически они были поставлены в «патовое положение», как отмечал народный депутат СССР В. Н. Ярошенко⁴. Значение деятельности МДГ было, прежде всего, в самом факте ее существования: МДГ была *детушцем* перестройки, в иную эпоху — даже пятью годами ранее — она просто бы не смогла появиться.

«Страна нуждалась в *прорыве* к новому качеству своего существования, для чего и предназначалась перестройка. И Съезд явился именно *попыткой* к такому прорыву. Он разбудил “народ”... Другое дело, что ни нация, ни ее “мыслящий” слой не были готовы этим прорывом воспользоваться», — полагал А. С. Черняев⁵. На наш взгляд, значение Первого Съезда трудно переоценить. Достаточно сказать, что в результате деятельности Первого Съезда смогли появиться не только новые имена в политике, но и были заложены основы гражданского общества и демократии, предполагающие, сами по себе, *легальную* политическую оппозицию и *легальное* инакомыслие. Позволим себе высказать предположение, что в те дни *общество* окончательно утратило чувство страха перед властью, уверовав в возможность безнаказанно высказывать собственное мнение.

В самом Союзе в 1989 г. дела шли все хуже, абсолютно неожиданно для Горбачева мощно заговорил о себе национальный сепаратизм, все выше и выше поднимавший голову. «Национальный

¹ Фейнберг Е. Л. Сахаров в ФИАНе // Новый мир. 1994. №5. С. 179.

² Архив автора. Интервью Ю. М. Роста, в 1989 г. — обозревателя «Литературной газеты». Москва. 2022. 1 июня.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Г. Х. Попова.

⁴ Ярошенко В. Энергия распада. Очерки политических обстоятельств 1989–1990 годов // Новый мир. 1991. № 3. С. 148.

⁵ Черняев А. С. О 20-летию I Съезда народных депутатов // Избранное — 2. М., 2013. С. 66.

вопрос. Мы явно недооценили эту проблему... Как мы с вами были воспитаны? В духе дружбы и гордости за достижения. Действительно, было чем гордиться... Но одновременно саднила рана, нанесенная репрессиями против целых народов», — признавался М. С. Горбачев¹. «Центр в принципе был не готов к взрыву национального самосознания, помноженному к тому же на клановые, племенные, собственные противоречия. Это один из главных просчетов Горбачева — не был учтен национальный фактор. Считалось, что существует “советский народ”, — вспоминал помощник Горбачева А. С. Черняев².

По словам Черняева, в 1989 г. «*советское* (выделено автором. — А. П.) государство как таковое начало рушиться. Центр власти — Политбюро — утратило авторитет и возможность добиваться выполнения своих решений. Оно стало местом дискуссий о неумолимо ухудшавшемся положении в стране. Фактически раскололось на горбачёвцев и лигачевцев. Но и в каждом из этих направлений тоже не было согласия. Все более опасным для перестройки становилось упорное нежелание расколоть партию, сбросить бремя ее реакционной части. Партия на местах стремительно теряла властные функции. Советы оказались неспособными их взять на себя. Остается удивляться, как государство смогло просуществовать еще два года... В основном, видимо, за счет наработанной десятилетиями инерции горизонтальных экономических и административных взаимосвязей на значительной части страны. Советская власть вместе с КПСС теряла легитимность. Общественная жизнь вышла из-под контроля Центра. Шквальная критика (фактически разоблачение, дискредитация) советской системы и всей советской истории не встретила серьезного идеологического и политического сопротивления. Попытки Горбачева остановить этот разрушительный процесс уговорами и увещанием интеллигенции не нашли понимания. А требования своих коллег по Политбюро “власть употребить” он отверг: это поставило бы под вопрос всю его политику и “философию” перестройки, означало бы конец гласности и курса на демократизацию. В результате обвала идеологии “вынут” был один из двух главных стержней, на которых держалась стабильность советского общества. Другой — страх, репрессии — был отменен Горбачевым еще раньше. <...> Взорвалась “национальная бомба”. На Кавказе началась настоящая война из-за Карабаха между Азербайджаном и Арменией. Прибалтийские республики *de facto* вышли из подчинения Москвы. Возник самый опасный для целостности “империи” российский фактор. И вместе с ним — “фактор Ельцина”, который получил (помимо влиятельных политических сил) мощную поддержку в быстро сложившемся рабочем и забастовочном движении. Парадоксом года явилось то, что по контрасту

¹ Нет иного выхода, как поменять власть (С Михаилом Горбачевым беседует главный редактор «Российской газеты» Валентин Логунов) // Российская газета. 1993. 19 августа.

² Черняев А. Горбачев очень добрый // Московский комсомолец. 1995. 11 апреля.

с развалом государства именно он принес всемирно-исторические плоды внешней политики Горбачева: выведены войска из Афганистана, выключен навсегда экспансионистский компонент из международной деятельности СССР, пала Берлинская стена и началось воссоединение Германии, состоялась встреча на Мальте, означавшая прекращение “холодной войны”, начались исход из “социалистического содружества” стран Восточной Европы и ликвидация там “коммунистических” режимов — в результате отказа Горбачева от насильственных методов его сохранения»¹.

Главный вывод, который сделал Черняев, подводя итог 1989 г., состоял в том, что «советский строй давно, задолго до Горбачева, исчерпал свою историческую миссию в России и был обречен на исчезновение. И никто уже не смог бы остановить поток событий, который подгоняла по-русски понимаемая “свобода”, дарованная Горбачевым. И не случайно среди кадров, унаследованных от сталинистской эпохи, не нашлось людей, ответственных, компетентных и достаточно многочисленных, чтобы упорядочить движение к новому качеству общества»².

По-иному можно оценивать результаты деятельности Горбачева во внешней политике. 2–3 декабря 1989 г. проходил советско-американский саммит на Мальте. «Встреча двух лидеров сверхдержав на Мальте оказалась как-то в тени в бурном потоке международных событий эпохи перестройки. Может быть, потому, что не было подписано никаких совместных документов и даже не выпущено коммюнике о встрече. И сведения о том, что там происходило, можно было получить только от узкого круга присутствовавших там, а они не склонны были особо распространяться, поскольку встреча носила, в общем-то, закрытый характер», — вспоминал А. С. Черняев, принимавшей участие в этой встрече³.

Мальтийский саммит носил особый характер: это была первая встреча М. С. Горбачева с Джорджем Бушем как действующим президентом Соединенных Штатов. На смену романтику Рейгану, как определил его пресс-секретарь Рейгана и Буша Марлин Фитццутер⁴, к власти пришел решительный прагматик, убежденный сторонник жесткой линии ведения переговоров. Саммит проходил на фоне событий исключительного масштаба как в самом Советском Союзе, так и в Восточной Европе — меньше месяца назад пала Берлинская стена — один из самых известных символов холодной войны.

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 831–832.

² Там же. С. 832.

³ Черняев А. С. Избранное... С. 355.

⁴ Fitzwater M. Call the Briefing! Holbrook, Massachusetts, 1995. P. 138.

После ухода Р. Рейгана пауза в контактах на высшем уровне между руководителями СССР и США затянулась. Наконец, через посредничество маршала С. Ф. Ахромеева, Горбачева было передано письмо от Буша, предлагавшего провести встречу в декабре 1989 г. на Мальте — на стыке трех континентов. «Определили протокольную сторону дела. К рейду порта Валетты должны были подойти советский крейсер “Слава” и американский — “Белкнап”. На них и предполагалось поочередно встречаться. Неожиданный шторм, который разразился 2 декабря, когда мы прибыли в Валетту, нарушил весь наш протокол. И все переговоры пришлось проводить на “нашей территории” — на лайнере “Максим Горький”, который мы предусмотрительно подогнали к Валетте (полагая сделать его гостиницей для нашей делегации)», — вспоминал М. С. Горбачев¹. Всего на Мальте состоялись две больших — по 4–5 часов — беседы и две более коротких — один на один². Встреча проходила как рабочая. Она отличалась от официальной как по форме, так и по содержанию. На ней не создавались рабочие группы, так как не предполагалось подписывать никаких договоров, соглашений и даже официального заключительного документа. Поэтому беседы проходили или между делегациями (по 6–7 человек в каждой), или только между руководителями — один на один³. Обе команды проводили переговоры в «подготовленной капитаном “Максима Горького” комнате — размером не больше, как мне показалось, 20 квадратных метров. Знакомимся, шутим насчет шторма, необычности обстоятельств встречи и т. п.», — вспоминал А. С. Черняев⁴. На встрече Буша и Горбачева Михаил Сергеевич признал, что «доктрина Брежнева» — мертва. Президент США воспринял это важное заявление как фактическое заверение Горбачева не вмешиваться в происходящие в странах Восточной Европы события⁵. С момента первых саммитов, подход Горбачева к США также эволюционировал, на Мальте отношения с Бушем у советского лидера установились человеческие и личные, вспоминал государственный секретарь США Дж. Бейкер⁶. По словам американского посла в СССР Джека Мэтлока, в ходе перегово-

¹ Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 228.

² Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата... С. 248.

³ Там же. С. 249.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход... С. 819. Дневниковая запись от 10 декабря 1989 г.

⁵ Добрынин А. Ф. Сугубо доверительно... С. 664.

⁶ Baker James A. Politics of diplomacy. New York, 1995. P. 170.

воров Горбачев уверил Буша, «что сила никогда не будем применена в Восточной Европе, что он осознает необходимость вывода советских войск и что он позволит восточноевропейцам свободно избрать себе политикоэкономический строй. Он все еще надеялся сохранить в целостности Варшавский договор, но не станет для этого применять силу или грозить силой».¹ «Позиция Горбачева, — пишет петербургский историк М. Ф. Польшин, — означала, что Советский Союз отказался от Восточной Европы как от важнейшей сферы своего влияния, доставшейся ему по итогам второй мировой войны, и оставил ее на откуп США и Западу»². Принципиально важным было заявления Горбачева о том, что «СССР готов больше не считать США своим противником и открыто заявить об этом (выделено составителями книги. — А. П.)», а также о том, что Советский Союз признает «право каждой страны на свободный выбор, включая право пересмотреть или изменить первоначально сделанный выбор. Это — очень болезненно, но это — основополагающее право. Право выбирать без вмешательства извне. США привержены определенной социальной и экономической системе, которую выбрал американский народ. Пусть же и другие народы сами решают, какому, образно говоря, богу молиться. <...> Когда эти поиски протекают свободно, то можно сказать одно: на здоровье»³. По словам Дж. Буша, разговор двух политиков «шел на одной волне»⁴. Американский президент был убежден, что «переговоры показали дружескую открытость между нами и искреннее стремление выслушать предложения друг друга. Возможно, это растущее доверие помогло ему (М. С. Горбачеву. — А. П.) понять и способствовать переменам в Восточной Европе, не беспокоясь особенно, что мы воспользуемся этим в своих интересах. Все это только помогало укреплять безопасность в Европе и отвечать на новые вызовы времени»⁵. Фактически СССР и США заявили о том, что они не только не считают себя враждебными

¹ *Мэтлок Джек Ф.* Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза. М., 2003. С. 222.

² *Польшин М. Ф.* Внешняя политика Горбачева... С. 225. «Коммунистические оппоненты Горбачева время от времени разыгрывают тезис, что на Мальте произошел некий тайный сговор между Горбачевым и Бушем относительно будущего СССР. Все это выдумки. Никакого сговора не было. СССР развалили гёкачеписты», — вспоминал А. Н. Яковлев (*Яковлев А. Н.* Сумерки... С. 586.).

³ Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки. С. 243–244, 247.

⁴ *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим. М., 2004. С. 159.

⁵ Там же. С. 160.

сторонами в холодной войне, но и перешли к партнерству. «Холодная война окончилась. Это был мощный заключительный аккорд прекращения холодной войны, что бы потом ни говорили скептики и оппоненты, какие бы аргументы против такой оценки ни пускались в ход тогда и до сих пор!», — утверждал М. С. Горбачев¹. Горбачевым, по утверждению Черняева, были достигнуты истине «исторические успехи» во внешней политике: «на Мальте (встреча с Бушем в конце декабря) договорились о прекращении “холодной войны”»². Встреча на Мальте, полагал Черняев, «это и символ, это и по сути конец “холодной войны”»³. Мальта, полагал Черняев, «явилась провозвестником новых отношений между Западом и Востоком, обозначила перспективу движения к новой Европе, что подтвердилось спустя год принятием в Париже на Общеευропейском совещании Хартии для Европы от Ванкувера до Владивостока. Мальта продемонстрировала наличие потенциала продвижения к новому, мирному порядку во всем мире. <...> Встреча произошла в исторически “нужный” момент, когда процессы во многих государствах и в больших регионах мира созрели (и даже перезрели) для крупных перемен, и ситуация могла взорваться. Можно себе представить, что могло случиться, если бы эти взрывы прошли в обстановке конфронтации сверхдержав»⁴. Э. А. Шеварднадзе оценивал мальтийский саммит также в высшей степени позитивно: «На нашем корабле было заключено знаменитое мальтийское соглашение. Главы обоих государств заявляли, что США и Советский Союз больше не считают друг друга антагонистическими государствами, что эпоха вражды между ними закончена. Заявление государственных мужей, возглавлявших ядерные сверхдержавы, было в действительности равнозначно установлению мира во всем мире»⁵. Впрочем, не все в окружении Горбачева были настроены так эйфорически. Скажем, маршал С. Ф. Ахромеев был убежден, что «анализируя итоги переговоров на Мальте сегодня, прихожу к выводу, что от них тогда (в конце 1989 г.) выиграли больше американцы. <...> Во-вторых, они поняли также, что обстановка в Советском Союзе, с ее нестабиль-

¹ Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 230.

² Черняев А. С. Бесконечность женщины: Дневниково-мемуарная проза. М., 2000. С. 246.

³ Черняев А. С. Совместный исход... С. 828. Дневниковая запись от 10 декабря 1989 г.

⁴ Черняев А. С. Избранное... С. 376.

⁵ Шеварднадзе Э. А. Когда рухнул «железный занавес». Встречи и воспоминания. М., 2009. С. 119.

ностью, не улучшится. Наоборот, она будет обостряться. Это американцы в своей политике должны учитывать. Ход переговоров в районе Мальты наводил на мысль, что соотношение сил между США и СССР изменилось в пользу США. Встреча и переговоры на Мальте были первыми, в которых Советский Союз выступал уже с ослабленными позициями»¹.

¹ *Ахромеев С. Ф., Корниенко Г. М.* Глазами маршала и дипломата... С. 253–254. Видный советский дипломат Г. М. Корниенко писал о том, что «к большой нашей беде “новое мышление” в редакции Горбачева и Шеварднадзе (как и “перестройка” в наших внутренних делах) очень скоро стала превращаться в концептуальном плане в нечто, лишенное всякой логики, а в практическом — в фактическое предательство государственных интересов Советского Союза на завершающем этапе “холодной войны”, что серьезно исказило к односторонней выгоде Запада ход этого ее этапа и во многом извратило ее общий итог. Увлечшись велеречивыми рассуждениями о примате общечеловеческих ценностей и интересов, Горбачев и Шеварднадзе перестали видеть и принимать в расчет все другие интересы, в том числе и прежде всего — национальные. Выдавая желаемое за действительное, они повели себя так, будто весь мир, за исключением нас и уж во всяком случае Запад давно живет по общечеловеческим заповедям... В практическом плане бездарность и пагубность для интересов Советского Союза проводившейся Горбачевым и Шеварднадзе линии во внешних делах наиболее ярко проявилась в том, как 1) решались вопросы разоружения; 2) как произошло объединение Германии и 3) какой карт-бланш был дан Соединенным Штатам для действий в “третьем мире”» (*Корниенко Г.* Закончилась ли «холодная война»? Размышления ее участника // Независимая газета. 1994. 16 августа). Возражая Корниенко, Черняев писал: «Нет, товарищ Корниенко, “новое мышление” Горбачева тем принципиально и отличается от хрущевского мирного сосуществования, что оно предполагает совместимость общественных систем на основе общих норм и критериев, или, произнесу страшное для вас слово, — конвергенцию. Горбачеву пришлось в конечном счете выбирать: устранить угрозу всеобщей ядерной катастрофы можно было только демонтировав тоталитарный строй в Советском Союзе и покончив с “доктриной Брежнева”. Он сделал этот выбор и с этим останется в истории как величайший гуманист XX столетия... Или Корниенко и впрямь уверен, что американцы и НАТО собирались напасть на нас и завоевать? Или стали бы угрожать нам ядерной расправой, если мы, например, “не отдали” бы жизненно важную для нашего народа Анголу? То же самое с паритетом по ракетно-ядерному оружию. Ну, добились мы его, вымотав экономику страну и деформировав всю общественную психику. И что? Почему же американцы на нас не напали, пока мы не имели паритета? И вообще — для чего он нам нужен? Чтоб демонстрировать сверхдержавие, улаживать свои великодержавные амбиции, без чего наши люди будто ну просто спать спокойно не могут? Укреплять антидемократический, постсталинский режим в стране и у ее союзников? В этом что ли был наш национальный интерес? Никогда мы с вами, Георгий Маркович, тут не сойдемся» (*Черняев А.* Для него

Иное отношение к встрече на Мальте было у советского лидера М. С. Горбачева. «После Мальты у меня появилась наконец уверенность, что мы перешли наконец Рубикон. Стрелка политического барометра в отношениях с Западом впервые за послевоенные годы перестала скакать из стороны в сторону и остановилась на отметке “ясно”. Я верил, что нам удалось разорвать порочный круг, когда редкие “оттепели” сменялись долгими “заморозками”. Мы, пожалуй, сами не сразу отдали себе полностью отчет в том, что произошло. А ведь ни много ни мало начинался качественно новый этап по всей послевоенной истории международных отношений. Вместе со встречей на Мальте заканчивалась “холодная война”, хотя тяжелые ее последствия, конечно, сохранились. Мы не обманули ожиданий людей, живших в расколотой Европе», — писал М. С. Горбачев¹. Вторил своему патрону и Черняев: «При всей окружающей сенсационности события, я ни секунду не испытал придыхания. Мне (может от усталости, от постоянной заботы что-нибудь не упустить, не забыть) казалось происходящее обычным нормальным делом... И М. С. вел себя так, будто он и Буш давно приятели — откровенен и прост, и открыто доброжелателен. М. С. знает, что не переговоры о том, сколько сократить ракет сегодня или завтра — не это решающее. **Решающее — что СССР и США больше не враги. Это главное.** Хрущев тоже хотел этого, но идеология его подвела. Он хотел выиграть “войну» без войны в пользу социализма и похоронить империализм, не пролив и капли крови. М. С. не верит никаким идеологиям. Его частые заявления: что нам стреляться что-ль из-за того, что мы верим в разных богов, — это не просто смешливая метафора, это — его убеждения. Он знает, что никто против нас войны не начнет. И никакой реальной военной угрозы нет...»².

Мальтийский саммит стал историческим событием, закрывавшим важнейший во всех отношениях 1989 год. На смену 1989-му приходил 1990-й — трагический для страны и приблизивший ее к распаду.

В 1990 г. резко упали вера народа как в успех перестройки, так и в самого Горбачева. Поневоле вспоминалось высказывание Ельцина, заявившего осенью 1989 г., что «все решится в течение ближайшего года. Если за это время в стране не переменится

холодная война действительно не закончилась // Независимая газета. 1994. 3 сентября.).

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 2. С. 150.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 834. Дневниковая запись от 2 января 1990.

к лучшему, возможны самые тяжелые потрясения. Мне кажется, тогда уже ни Горбачев, ни Съезд народных депутатов, никто не сможет удержать ситуацию в стране под контролем...»¹. Время подтвердило правоту этих печальных предсказаний.

1990 год дался и Советскому Союзу, и Горбачеву нелегко. К этому моменту страна уже трещала по швам. Объединилось все разом: и экономические неурядицы, и очевидное стремление консервативной части аппарата партии размежеваться с генсеком-реформатором, и открытое стремление Ельцина играть на обособление России от Центра, и усталость народа от бытовых неурядиц. Команда Горбачева также не осталась в стороне от общей тенденции: попытки Михаила Сергеевича прыгать с «левой» на «правую» кочку («правыми» тогда называли коммунистов-ортодоксов) не встречали у нее понимания. К тому же окраины начали откалываться от Центра. Пытаясь удержать страну, Горбачев требовал для себя особых полномочий, ввиду отчетливо обозначившейся непопулярности в обществе партии, Михаил Сергеевич начинает настаивать на необходимости учреждения в СССР поста Президента — как фигуры, олицетворяющей Центр². «Я не сразу пришел к мысли о необходимости дополнить нашу новую политическую структуру должностью президента. Больше того, отклонял доводы некоторых своих соратников и специалистов, выступавших с соответствующим предложением. При этом напирал на то, что основой нашей политической системы и после реформы остается система Советов, с которой президентский пост плохо сочетается, был бы для нее чужероден. Однако буквально через несколько месяцев я убедился, что просто невозможно физически сочетать исполнение функций Председателя Верховного Совета, непосредственное руководство парламентом, с другими функциями. Был и еще один, может быть, главный довод. Как порой ни совершенны создаваемые теоретиками и политиками государственные конструкции, они могут не заработать, если не найдут понимания и опоры в политической культуре общества и психологии народа. Так что вводить пост президента надо было

¹ Беседа с народным депутатом СССР Б. Н. Ельциным. Поездка, о которой говорят // Огонек. 1989. № 41. С. 30.

² По словам Г. Х. Попова, Горбачев «решил закрепить курс “Перестройка — это Я” введением поста Президента СССР. Соответственно, лидер Перестройки выходил из-под контроля высшего звена номенклатуры и от перспективы хрущевского варианта — быть снятым в любое время Пленумом ЦК КПСС» (Попов Г. Х. «Мне на шею кидается веколкод...». Переосмысливание судеб России в XX веке. М., 2012. С. 877).

и по причинам чисто психологического свойства», — вспоминал М. С. Горбачев¹. Выступая на заседании Политбюро, Горбачев высказался предельно ясно: «институт президентства стучится — через изменение 6-й статьи»². У немедленного введения в СССР института президентства было немало сторонников. В частности, Р. А. Убайдуллаева на заседании Верховного Совета СССР 27 февраля 1990 г. убежденно говорила о том, что «не просто нужна президентская власть. Нужно скорее вводить ее, скорее собрать внеочередной Съезд народных депутатов, на котором избрать Президента»³. В поддержку этой позиции выступал первый секретарь ЦК Компартии Армении, член Верховного Совета СССР С. Г. Арутюнян, по мнению которого вопрос о президентстве также необходимо было вынести на рассмотрение внеочередного Съезда народных депутатов СССР. «Учитывая сложившуюся обстановку в стране, считаю — откладывать решение этого вопроса просто нельзя», — подчеркнул Арутюнян⁴. Авторитетный депутат Н. Н. Гриценко в своем выступлении заявил о том, что является сторонником избрания Президента «путем всенародного голосования. Но первые выборы Президента нужно провести, не откладывая, это надо сделать на ближайшем Съезде народных депутатов, конечно, посоветовавшись с избирателями»⁵. Примечательно, что за решение вопроса об учреждении поста Президента СССР на внеочередном Съезде народных депутатов выступала и С. З. Умалатова⁶, в дальнейшем — непримиримый критик Горбачева, «президента-предателя», по ее позднейшей аттестации⁷.

Другие точки зрения, также высказывавшиеся на этом заседании, услышаны не были. В частности, народный депутат СССР И. О. Бишер в записке, поданной на имя Горбачева, предлагал, чтобы избрание первого Президента СССР было произведено выборщиками «по 100 депутатов от каждого Верховного Совета союзной республики. Это значительно бы повысило авторитет

¹ Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 239–240.

² В Политбюро ЦК КПСС... По записям Анатолия Черныяева, Вадима Медведева, Георгия Шахназарова (1985–1991) / Сост. А. Черняев (рук. Проекта), А. Вебер, В. Медведев. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М., 2008. С. 605.

³ Третья сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть II. 26–28 февраля 1990 г. М., 1990. С. 137.

⁴ Там же. С. 142.

⁵ Там же. С. 153.

⁶ Там же. С. 158.

⁷ Умалатова С. З. Вне закона: мемуары. Минск, 2021. С. 14.

Президента»¹. Спустя всего 16 дней после вышеупомянутого заседания Верховного Совета СССР Горбачев был избран Президентом Союза Советских Социалистических Республик. Никто тогда не знал, что Михаил Сергеевич останется в истории как первый и единственный президент Страны Советов, а СССР прекратит свое существование спустя всего 661 день после избрания своего *президента*. Избрание это произошло на Внеочередном третьем Съезде народных депутатов СССР.

«Почему так быстро появился Президент? Ведь восемь месяцев всего прошло! Еще на Первом съезде он (М. С. Горбачев. — А. П.) говорил, что не надо Президента, а через восемь месяцев мы избрали Президента. Потом, когда мы стали разбираться (уже прошел Съезд, Верховный Совет создали, прожили несколько месяцев, стало ясно, что была заложена органическая ошибка. Нельзя было лозунгом: “Вся власть Советам!” понимать, что именно вся (!) власть Советам. Получился обратный перекося. Раньше считалось, что вся власть была у исполнительных органов, парламент не имел никакого влияния. Это все было номинально, декоративно и реальная власть была в Совете Министров. Над ним — Политбюро. Хотя Конституцией утверждено (там была шестая статья), тем не менее — это партия, общественно-политическая организация. Теперь же была осуществлена вся власть Советам, то есть в Советы — не только законодательная, представительная часть попала, но и исполнительная часть. Даже часть судебного органа взяли на себя. Получилось, что парламент, Съезд, республиканские и областные Советы, по сути дела, взяли свою власть. Смотрю, что в том же докладе Горбачева написано: “Советы будут руководить всем”. То есть они не только законы будут изготавливать, они будут руководить, например, работой предприятий, то есть, по сути дела, взяли исполнительную власть... Это и была органическая ошибка. С ней разобрались только тогда, когда все сделали, когда увидели, постоянно действующий парламент взял на себя все: и законы, и оперативное руководство жизнью страны, и даже в некоторых случаях судебные дела (например, дело Гдяля и Иванова), тогда и Горбачев, и все поняли, что произошло смешение. Он считал, что как Председатель Верховного Совета будет руководить всем, но вскоре понял, что он оказался спикером парламента. Он быстро стал понимать, (мы-то сразу поняли), что здесь “перемешаны кони и люди”, и у него стало зреть решение о разделении, о необходимости Президента. Тогда будет исполнительная отдельно, а Парламент будет заниматься своими делами. Если бы было больше времени, то можно было бы более детально и внимательно рассмотреть все вопросы. К сожалению, мы очень сильно торопились...» — вспоминал Н. И. Рыжков².

¹ Записка от 27 февраля 1990 г. // РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 615. Л. 74.

² Запись бесед Н. И. Рыжкова с сотрудником Гуверовского института войны, революции и мира Майклом Макфолом. (США). 1992–1994 гг. // РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 179–180.

Народный депутат СССР Р. А. Медведев по просьбе А. И. Лукьянова подготовил записку, посвященную введению в стране поста Президента. Соображения, высказанные Р. А. Медведевым, вкратце сводились к следующей основной мысли: Президент может стать средоточием власти и объединителем государства только в том случае, если в Советском Союзе пройдут всенародные выборы Президента, однако в этом случае нет никакой гарантии того, что народ выберет именно Горбачева, а не Ельцина, если тот также выставит свою кандидатуру¹. Кроме того, Р. А. Медведев не был уверен, если так можно выразиться, в большей, чем Председатель Президиума Верховного Совета, статусности поста Президента.

«Избирая М. С. Горбачева председателем Верховного Совета СССР, Съезд народных депутатов (и именно так сложилось в сознании народа) избирал его не как формального, а как фактического главу государства или, в сущности, как Президента.

За 70 лет народ привык к словам и понятиям Председатель ВЦИК, Председатель Президиума Верховного Совета, Председатель Верховного Совета. Фактическое образование президентского правления гораздо целесообразнее проводить без изменения привычных наименований высших государственных постов. Кроме того, совершенно нецелесообразно, но и даже опасно снова ставить на голосование вопрос об избрании М. С. Горбачева главой государства. Это будет болезненной и сложной процедурой из-за неизбежного выдвижения альтернативных кандидатур, требований отчета, выступлений не только отдельных групп, но и всех прибалтийских республик против нового института власти. Президент не может быть избран, если 3–4 республики не будут участвовать в голосовании. А новые права и полномочия можно утвердить и простым большинством Съезда, не считаясь даже с отсутствием целых делегаций. Делегаты Прибалтики уже приняли негласное решение не участвовать в голосовании за введение поста Президента. Процедура избрания Президента откроет возможности выступлений на Съезде лично против Горбачева, что только ослабит реальную власть вновь избранного главы государства. Сейчас не время для постановки на повестку для Съезда вопроса о личности главы государства. Надо исходить из того постулата, что этот вопрос на 5 лет решен в 89 году, а ныне исключительное положение в стране и несовершенство в системе высших органов власти, выявившееся в процессе ее функционирования, требуют расширения полномочий и прав уже имеющегося у нас главы государства. Надо также подчеркнуть, что партия не отказывается от своего права на государственную власть, но будет осуществлять ее более гибкими, политическими и демократическими средствами, соревновании идей и концепций и т. п. Если уже нужно будет вводить понятие “Президент”, то это можно сделать позднее, когда будет разработан новый проект Конституции СССР и поставлен на всенародное обсуждение. В этом случае принятие нового института Президентства станет гораздо более простой и почти безболезненной процедурой, так как будет опыт функционирования

¹ *Медведев Р. А. Советский Союз: последние годы жизни. М., 2015. С. 200.*

Председателя Верховного Совета с его новыми полномочиями», — писал Р. А. Медведев¹.

К избранию своего первого Президента, как видится, страна отнеслась достаточно равнодушно — к этому моменту Горбачев уже пять лет был на вершине политического Олимпа, его первенство — несмотря на критику в его адрес, звучавшую на каждом углу, казалось неоспоримым; о фактической безальтернативности фигуры Горбачева на посту Президента писала и советская пресса². «Звучит, конечно, непривычно, — писал в своей заметке под названием “Товарищ Президент” публицист “Известий” Э. Гонзалъез, — “Господин Президент” — другое дело. Но есть основания надеяться, что товарищ президент у нас скоро будет. Смее высказать предположение, что им станет Михаил Сергеевич Горбачев (верящие в приметы тут могут постучать по дереву...»³.

Удивительно, но при этом у самого Горбачева, несомненно, были опасения, что всенародные выборы могут закончиться для него неудачей. Свои соображения, в частности, были им высказаны соратнику Ельцину (ухитрившемуся, правда, сохранить приемлемые отношения и с Михаилом Сергеевичем) М. Н. Полторанину, предложившему генсеку избираться на пост президента не через Съезд, а всенародным голосованием. «Ты хочешь, чтобы Ельцин победил?» — ответил на предложение Полторанина Горбачев.⁴ Мотивацию Горбачева пояснял С. С. Шушкевич: «Горбачев чувствовал, что Съезд его изберет, а народ вряд ли»⁵. Также думает и решительный оппонент Горбачева, инициатор создания депутатской группы «Союза», народный депутат В. И. Алкснис, убежденный в том, что советский лидер боялся проиграть прямые выборы⁶; Алкснису вторит его соратник по «Союзу» Ю. В. Блохин⁷. Советник Горбачева, народный депутат СССР В. И. Карасев высказывает предположение, что генсек проиграл бы всенародные выборы, если бы таковые состоялись⁸. «К весне 1990 г. популярность Горбачева была невелика, особенно в сравнении с Ельциным.

¹ Записка Р. А. Медведева. [1990] // РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 308. Л. 88.

² Конечно, Горбачев? // Московский комсомолец. 1990. 15 марта.

³ Гонзалъез Э. Товарищ президент // Известия. 1990. 13 марта.

⁴ Архив автора. Интервью М. Н. Полторанина, народного депутата СССР.

⁵ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича, народного депутата СССР.

⁶ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса, народного депутата СССР.

⁷ Архив автора. Интервью Ю. В. Блохина, народного депутата СССР.

⁸ Архив автора. Интервью В. И. Карасева, народного депутата СССР, советника Президента СССР М. С. Горбачева.

Горбачева бы ни за что не выбрали на всенародном голосовании — он мог пройти только на Съезде», — утверждает осведомленный депутат А. Н. Крайко¹. С ним согласен и С. С. Сулакшин². К весне 1990 г. у Горбачева уже не было уверенности, что он бы победил в результате всеобщих выборов, говорит его сторонник, народный депутат СССР и известный драматург А. И. Гельман³.

Вероятно, Горбачев все же перестраховывался: в начале 1990 г. лишь он обладал *всесоюзным* политическим авторитетом. По словам хорошо осведомленного народного депутата СССР Ю. В. Голика, «фигура Ельцина тогда только росла, ее политический вес был крайне сомнителен, его поведение было не вполне адекватно, в качестве всесоюзной фигуры его не рассматривали»⁴. «Горбачев бы победил на всенародных выборах в 1990-м году, несомненно. Хотя рейтинг его падал, но Ельцин не был ему еще конкурентом», — утверждает народный депутат СССР В. Ф. Николайчук⁵.

О том, что Горбачев, опираясь на данные закрытых опросов, предполагал, что он может достигнуть победы лишь незначительным большинством — менее 60% — и тем самым умалить свой престиж как главы государства, говорил автору этих строк первый демократический мэр Москвы, Г. Х. Попов, убежденный в том, что Михаил Сергеевич допустил серьезную ошибку, не пойдя на выборы⁶. В депутатском корпусе в то время царила твердая уверенность в том, что Горбачев победил бы на всенародных выборах, вспоминает популярнейший депутат Ю. Ю. Болдырев. По словам Болдырева, Горбачев допустил «фундаментальную ошибку», пойдя на избрание на Съезде. «Михаил Сергеевич предпочел стать не президентом Союза, а президентом депутатского болота, ширмы, проголосовавшей за него», — полагает Юрий Юрьевич⁷. Народный депутат СССР и 12-й чемпион мира по классическим

¹ Архив автора. Интервью А. Н. Крайко, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР С. С. Сулакшина.

³ Архив автора. Интервью А. И. Гельмана, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2020. 3 марта.

⁴ Архив автора. Интервью Ю. В. Голика, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2019. 16 мая.

⁵ Архив автора. Интервью В. Ф. Николайчука, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2019. 16 апреля.

⁶ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР, мэра г. Москвы. Московская обл., п. Заречье. 2021. 15 апреля.

⁷ Архив автора. Интервью Ю. Ю. Болдырева, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2020. 18 ноября.

шахматам А. Е. Карпов также убежден, что «в начале 1990 г. Горбачев легко бы выиграл всенародные выборы»¹.

Как было бы на самом деле, пойди Михаил Сергеевич на всеобщие выборы, можно только гадать. Ясно одно: если бы Горбачев был Президентом СССР, избранным всенародным голосованием, то его политический авторитет был бы неизмеримо выше, чем произошло в реальности — после избрания на Съезде народных депутатов. «Горбачев и сам не был уверен в успехе и, вероятнее всего, именно поэтому не пошел на всенародные выборы, а настоял на выборах первого президента страны Съездом народных депутатов. В итоге избрание Горбачева первым Президентом Советского Союза было уже не столь триумфальным и, как показало последующее развитие событий, скорее проигрышем, чем выигрышем для него самого. Если бы в 1990 году Горбачев был избран президентом всем населением страны, как того требовала демократическая оппозиция (а его шансы на победу тогда были достаточно высоки, и, скорее всего, именно он был бы избран президентом и на всенародных выборах), то вероятность сохранения единства страны и сохранения самим Горбачевым президентских полномочий выросла бы во сто крат. Конечно, ретроспективно все выглядит намного очевиднее, чем в момент, когда все это происходило», — вспоминал А. А. Собчак, сам не избежавший крупных политических ошибок при проведении своей избирательной кампании в 1996 г.² Не менее интересна и принадлежащая ему и сделанная по горячим следам оценка Внеочередного Третьего Съезда:

«Ситуация на Внеочередном III Съезде сложилась парадоксальная. Когда заходила речь о президентской форме правления было понятно, что ее введение объективно прогрессивно и является шагом вперед по пути формирования социалистического правового государства. Когда задумывались о том, что может взять на себя груз президентства, то у всех тоже была только одна кандидатура — Горбачев. Но в ходе Съезда, когда уже был решен вопрос о введении президентской власти в стране, надо было решать, когда же избирать президента? Часть депутатов, и я в том числе, считали и считаем это святым правом народа, а не 2250 человек. Однако после решения вопроса о вводе в стране президентской формы правления сразу же возникла опасная ситуация. У правых сил появилась реальная возможность захвата власти, смещения Горбачева и все это можно было преодолеть, опираясь на закон или на силу. Военных в зале было тоже много. В такой ситуации говорить о всенародных выборах президента,

¹ Архив автора. Интервью А. Е. Карпова, народного депутата СССР, 12-го чемпиона мира по классическим шахматам. Москва. 2020. 23 декабря.

² Собчак А. А. Дюжина ножей в спину. М., 1999. С. 127.

о референдуме — становилось опасно. Рисковать мы не имели права. Обнадеживало лишь одно — Горбачева мы все знаем. Отдавать же президентский пост Егору Кузьмичу [Лигачеву] очень не хотелось. В этой ситуации был лишь один выход, выбрать Президента на съезде, ущемляя этим право народа»¹.

Итак, в силу характерной для него нелюбви к политически рискованным решениям Горбачев не решился пойти на всенародные выборы: глава государства считал, что не имеет права поставить под угрозу затеянный им перестроечный проект — в случае поражения; в случае же избрания его президентом на *Съезде* он обретет новую форму легитимности, которая будет способствовать успеху реформ². Отказ Горбачева от участия во всенародных выборах стал его крупнейшей политической ошибкой. По словам ближайшего соратника В. Н. Ельцина Г. Э. Бурбулиса, «легитимность президента Горбачева была достаточно уязвима — об этом свидетельствуют все последующие события»³, народный депутат СССР Н. С. Петрушенко даже назвал легитимность президента Горбачева «ущербной», сожалея о его решении не идти на всенародные выборы. Опасения Горбачева по поводу того, что всенародные выборы могли бы сложиться не в его пользу, Н. С. Петрушенко считает беспочвенными, а решение Михаила Сергеевича в пользу избрания на съезде называет «напрасной перестраховкой». Вместе с тем Николай Семенович полагает, что в той ситуации «всенародные выборы могли еще больше расшатать Союз»⁴. Об «ущербной легитимности» президента Горбачева также говорят и народный депутат СССР К. Д. Лубенченко, последний Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР⁵, народные депутаты СССР В. Ф. Николайчук, А. А. Акаев, Н. А. Куценко⁶. Вместе с тем авторитетный «межрегионал» А. Н. Мурашёв

¹ Собчак А. А. От съезда к съезду: становление новой политической системы // Через тернии / Сост. А. А. Проташик. М., 1990. С. 478.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. И. Мироненко; Архив автора. Интервью А. С. Грачева, в 1990–1991 гг. — члена ЦК КПСС, в августе-декабре 1991 г. — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 5 июля.

³ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, народного депутата СССР, в 1990–1992 — государственного секретаря РСФСР. Москва. 2019. 11 февраля.

⁴ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко, народного депутата СССР.

⁵ Архив автора. Интервью К. Д. Лубенченко, народного депутата СССР. Москва. 2019. 25 мая.

⁶ Архив автора. Интервью В. Ф. Николайчука, народного депутата СССР; Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. А. Акаева; Архив

имеет иное объяснение решению Михаила Сергеевича — он убежден, что «Горбачев не пошел на всеобщие выборы, так как понимал, что голосование в целом ряде республик будет не организовать»¹. С Мурашёвым в целом солидарен и народный депутат СССР И. И. Заславский, по словам которого, Горбачев не пошёл на выборы ввиду того, что в «республиках-сепаратистах» против выборов *всесоюзного президента* началась бы «бешеная кампания», а проведение подобных выборов «развалило бы Союз еще раньше срока». Подобные всеобщие выборы, убежден Заславский, продемонстрировали бы уже в 1990 г., что от Союза de-facto отошли несколько республик, которые бы просто не дали провести на их территории голосование, а значит — легитимность Горбачева как президента СССР была бы еще уязвимее, чем после избрания на Съезде; его слабость как лидера государства в этом случае была бы продемонстрирована всему миру². Уязвимость положения Горбачева подчеркивает заявление народного депутата СССР Б. В. Мирошина: «Учитывая сложную социально-экономическую ситуацию в стране, Горбачев обоснованно боялся, что на всенародных выборах его не выберут. Это была его стратегическая ошибка — без поддержки избирателей он не стал легитимным народным лидером»³.

Это обстоятельство сыграло уже в следующем, 1991-м, году для Горбачева злую шутку: его президентство, не основанное на результатах народного волеизъявления, воспринималось как президентство меньшей, что ли, пробы, чем президентство ново-явленных президентов Узбекистана, Таджикистана, Казахстана... а главное — России. Преданный соратник Горбачева, его помощник Г. Х. Шахназаров, признавал, что избрание Михаила Сергеевича на Съезде «стало своего рода ахиллесовой пятой первого Президента СССР, дало повод политическим противникам утверждать, что он побоялся народного голосования и его президентская печать не той же чеканки, что у Ельцина, возведенного в ранг главы Российского государства народной волей...»⁴.

Самолюбию депутатов льстило, что именно они избирают первого в истории страны *президента*; находились и весомые аргументы

автора. Интервью Н. А. Куценко, народного депутата СССР.

¹ Архив автора. Интервью А. Н. Мурашёва, народного депутата СССР.

² Архив автора. Интервью И. И. Заславского, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР.

³ Мирошин Б. В. Первый Съезд народных депутатов СССР: до и после // Народные депутаты СССР: 30 лет спустя. Сборник статей. М., 2019. С. 270.

⁴ Шахназаров Г. Х. С вожжами и без них. М., 2001. С. 351.

в пользу избрания Президента СССР *Съездом* — и немедленно: «Я должен вам сказать, что сейчас наша страна объята эмоциями. В этих условиях прямые выборы Президента фактически приведут к гражданской войне. Поверьте мне, поверьте моему опыту. Поэтому я против прямого выбора, выбор должен осуществиться здесь и незамедлительно, откладывать его нельзя», — выразил позицию сторонников Горбачева академик Д. С. Лихачев¹. «Только задним числом стали говорить, что Горбачева избрали на Съезде... Только что Съезд избрал весь народ, почему же ему нельзя доверить избрать президента?! Тогда это не казалось упущением», — вспоминает народный депутат СССР В. А. Логунов². «Из зала многие поддались убеждению Горбачева, что нельзя оставлять государство без управления. Многие говорили, что всенародные выборы (например, в США) нигде не проводятся. Не виделось препятствий к этому (избранию на Съезде. — А. П.) никаких», — соглашается с Логуновым видный юрист, народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР Ю. В. Голик³. Сторонник Горбачева, член Верховного Совета И. Д. Лаптев в своем выступлении на заседании Верховного Совета СССР также отмечал, что «выборы на съездах не являются каким-то необычным явлением мировой практики»⁴. Мотивацию команды Горбачева, да и самого Михаила Сергеевича, достаточно откровенно выдает в своих воспоминаниях В. А. Медведев: «За безотлагательное избрание Президента на съезде выступали скорее по прагматическим, чем по принципиальным мотивам, да и конституционная норма предусматривала всенародные выборы. С точки зрения их возможного исхода особых сомнений не возникало: должен был победить Горбачев. Просто в сложившейся в стране ситуации было крайне нежелательно проводить избирательный марафон, взвинчивать страсти, отвлекать внимание от острейших насущных проблем, усугублять нарастающий хаос. Обстановка требовала более короткого и эффективного решения, чтобы побыстрее выбраться из управленческой сумятицы и рыхлости, которую уже окрестили параличом или вакуумом власти»⁵. На эти же соображения указывает и сам

¹ Внеочередной третий Съезд народных депутатов СССР. 12–15 марта 1990 г. Стенографический отчет. М., 1990. Т. II. С. 385–386.

² Архив автора. Интервью В. А. Логунова.

³ Архив автора. Интервью Ю. В. Голика, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2019. 16 мая.

⁴ Третья сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть II. 26–28 февраля 1990 г. М., 1990. С. 148.

⁵ *Медведев В. А.* В команде Горбачева. М., 1994. С. 110.

Горбачев: «Избрание Президента Союза на съезде, а не путем прямого всенародного голосования диктовалось острой политической и социально-экономической ситуацией, которая не давала времени на подготовку и проведение избирательной кампании. Ведь недаром сам III съезд был конституирован как чрезвычайный. За избрание президента именно съездом высказалось абсолютное большинство депутатов...»¹. Итак, ввиду трудности политической обстановки и риска утраты управления над страной, демократическую процедуру выборов первого в истории страны президента было решено заменить на более предсказуемую, консервативную и очень, что ли, аппаратную. Сейчас, конечно, легко давать умные советы, но иногда возникает ощущение, что именно эта ошибка стала роковой для судьбы Союза.

15 марта 1990 г. на Внеочередном Третьем Съезде народных депутатов СССР Горбачев был избран Президентом СССР². Народный депутат СССР С. Б. Станкевич рассказывал автору, что избрание Горбачева президентом СССР «прошло без скрипа»³, однако Р. А. Медведев считает, что победа Михаила Сергеевича, напротив, не выглядела убедительной, «да и сам избранный президент отнюдь не выглядел победителем. Он казался мне и удрученным, и усталым», — вспоминал Р. А. Медведев⁴. «Горбачев стал президентом страны, получив 59,2 процента от списочного состава съезда, 66,45 — от числа получивших бюллетени, 70,7 — от принявших участие в голосовании. Словом, результаты выборов не обещали спокойного будущего ни обществу, ни президенту», — констатировал член МДГ народный депутат СССР В. Н. Ярошенко⁵. «Произошло существенное изменение ситуации. Если прежде великая гора проблем стояла перед всеми нами, то теперь — конкретно перед Горбачевым. На Президента ложится вся персональная ответственность за положение в стране. И ему не позавидуешь: все претензии, которые и прежде сыпались в изобилии, сегодня будут иметь совершенно определенное направление. Горбачеву придется отвечать даже за правительство, которое не было дееспособным и таковым не будет, если он не решится, в чем я сомневаюсь, заменить его. Будущее мне представляется таким:

¹ Горбачев М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 542.

² Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 12. 21 марта. С. 241; Первый Президент СССР // Аргументы и факты. 1990. № 11. С. 1.

³ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича.

⁴ Медведев Р. А. Советский Союз: последние годы жизни... С. 201.

⁵ Ярошенко В. Энергия распада // Новый мир. 1991. №3. С. 164.

положение народа в обозримое время наверняка не улучшится, а положение Горбачева заметно ухудшится», — писал в те дни народный депутат СССР, член Верховного Совета СССР, ленинградский ученый А. А. Денисов, которому нельзя было отказать в прозорливости¹. «Если бы Михаил Сергеевич Горбачев рискнул согласиться на всенародные выборы, можно было бы опираться хотя бы на это волеизъявление народа. В теперешней же ситуации авторитет президентской власти по понятным причинам будет невысок», — резонно замечал народный депутат СССР А. М. Оболенский.² «Всенародное избрание давало бы Президенту и право в крайнем случае вынести на референдум вопрос о роспуске законодательного органа и проведении досрочных парламентских выборов. Всех этих возможностей лишился Михаил Сергеевич Горбачев, отказавшись от всенародных выборов», — подчеркивал Александр Митрофанович³. Он же писал вскоре после избрания Горбачева Президентом СССР:

«Вот и закончился очередной Съезд народных депутатов. Благодаря телеэкранам его зрителем стала вся наша огромная страна, жители которой затаив дыхание наблюдали за развитием событий во Дворце Съездов. Ждали и надеялись, что вот-вот что-то произойдет, и избранные ими народные депутаты смогут наконец отстоять их право самим решать свою судьбу, право, которое и делает человека свободным. Их ожиданиям, увы, не суждено было сбыться. Подобное развитие событий не было запланировано в четко разыгранной очередной сцене спектакля, бессменным, и, следовательно, незаменимым сценаристом и режиссером которого выступает вот уже 73 года коллективно правящая элита КПСС. Занавес опустился, и, как это у нас вошло в традицию, под “бурные, долго не смолкающие аплодисменты”, страна вступила в новую эпоху своего развития — эру президентского правления. Без лишнего шума, мирно отправилась на заслуженную пенсию (все-таки возраст не малый, 73 года) идея о власти Советов как высшей форме осуществления демократии. Наспех переправлен сценарий, и вот уже первый Президент избран. Что день грядущий нам готовит? Риторический и далеко не праздный вопрос. Шутка ли, первого Президента избрали без программной речи и даже без ответов на каверзные вопросы, прозвучавшие с трибуны. Да и зачем было тратить драгоценное в буквальном смысле время Съезда, ведь выбора все равно не было... Итак, занавес опустился, можно перевести дух и не спеша проанализировать достоинства и недостатки состоявшейся премьеры. Главным ее героем, безусловно, является Михаил Сергеевич Горбачев. При всей неоднознач-

¹ Денисов А. Глазами народного депутата СССР. СПб., 1994. С. 60–61.

² Оболенский А. М. Что день грядущий нам готовит? (размышления после III Съезда народных депутатов) // Через тернии / Сост. А. А. Протащик. М., 1990. С. 492.

³ Там же. С. 508.

ности оценки его позиции и отдельных поступков не может не восхищаться виртуозность, с которой он ведет политическую игру...»¹.

Отметим, что власть (т. е. фактически М. С. Горбачев) решила перестраховаться и не решилась на конкурентные выборы *даже на Съезде*. По каким-то причинам несомненная приверженность М. С. Горбачева демократическим процедурам не распространялась на выборы, в которых он сам находил возможным принимать участие лишь в качестве *единственного кандидата* — соревноваться с кем бы то ни было лидер перестройки почему-то не желал. По словам одного из виднейших сподвижников Михаила Сергеевича А. Н. Яковлева, Горбачев «явно побаивался за результаты. Обстановка на съезде оказалась более сложной, чем на заседании Верховного Совета»². Потенциальных кандидатов, претензии которых на высший пост в стране не казались бы беспочвенными, было не так мало — Н. И. Рыжков, В. В. Бакатин, Б. Н. Ельцин, А. Н. Яковлев, А. А. Собчак и др. Боялся ли конкуренции с ними Горбачев? «Если он побоялся проиграть какому-то Оболенскому на Первом съезде, то уж Ельцина, Рыжкова, Назарбаева или Лукьянова, он точно боялся в случае их участия в выборах», — утверждает народный депутат СССР А. М. Оболенский, выставивший, как мы помним, свою кандидатуру на пост Председателя Верховного Совета СССР в день открытия Первого Съезда³.

На наш взгляд, истолкование мотивов поведения Горбачева — задача чрезвычайно затруднительная, а объяснение, предложенное Оболенским, — предельно упрощенное. Можем предположить, что по каким-то причинам участие в выборах Рыжкова, Бакатина, Лукьянова, не говоря уже о Ельцине, казалось Михаилу Сергеевичу нежелательным, хотя, на наш взгляд, победа в борьбе с кем бы то ни было — что в случае с выборами на пост Председателя Верховного Совета СССР, что при избрании на должность Президента СССР, — придала бы Горбачеву дополнительный политический вес. Почему Горбачев не желал побеждать в конкурентной борьбе — неизвестно, вряд ли в нем сидел какой-то комплекс или тайная фобия. Но факт остается фактом — конкуренции при избрании на *свои*, как ему казалось, посты Горбачев не терпел.

Теперь уже, спустя столько лет, трудно ответить на вопрос — были ли у потенциальных оппонентов Горбачева в борьбе за пост Президента СССР какие-то шансы на успех. Известно лишь, что

¹ Там же. С. 482.

² Яковлев А. Н. Сумерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2005. С. 424.

³ Архив автора. Интервью А. М. Оболенского.

В. В. Бакагин и Н. И. Рыжков, выдвинутые на пост Президента СССР, взяли самоотводы. «У любого соперника не было тогда никаких шансов», — утверждает М. С. Горбачев. По его словам, ему «крайне не хотелось остаться единственным кандидатом и, честно говоря, я рассчитывал, что межрегионалы все-таки выдвинут, если не Ельцина, то кого-то другого из своих предводителей. Но этого не произошло»¹. В действительности же, Горбачев не решился на внесение в избирательный бюллетень альтернативных кандидатов, в итоге — вроде бы, из опасения раскола, а фактически по просьбе=приказу Михаила Сергеевича — Н. И. Рыжков и В. В. Бакагин сняли свои кандидатуры. В момент произнесения Рыжковым и Бакагиным речей об их самоотводе многим депутатам было неловко, всем было понятно, что они снимаются с голосования, подчиняясь воле Горбачева, мотивировавшего свое предложение несостоявшимся кандидатам на пост Президента СССР *высшими государственными интересами*. Сейчас, задним числом, Н. И. Рыжков утверждает, что он мог бы выиграть у Горбачева, если бы не снял кандидатуру. «Если бы захотел, я мог бы стать президентом. На третьем съезде народных депутатов проходили выборы главы государства. Кандидатура Горбачева за два дня до съезда была поддержана на пленуме ЦК. Но на съезде совершенно неожиданно мою кандидатуру выдвинули группа “Союз” и аграрии. Если бы я согласился, в результате тайного голосования я бы победил. Дело тут не в моей нескромности: поверьте, так бы и было на самом деле. Но я очень боялся раскола и взял самоотвод. Одни пойдут за Горбачевым, другие — за Рыжковым. Я был правоверным коммунистом. Моя совесть чиста. Возможно, что страна, согласись она на предложение депутатов, пошла бы по другому пути. А возможно меня бы просто убили. Я этого не исключаю...»². «Мне кажется, — предполагает Н. И. Рыжков, — у Горбачева была какая-то ревность к тому, как ко мне относятся в стране и партии».³ О том, что депутаты могли бы поддержать достаточно популярного и авторитетного в то время Рыжкова, говорил автору и известный писатель, народный депутат СССР, член Верховного Совета А. А. Лиханов⁴.

Думается, что шансов у Николая Ивановича было не слишком много — авторитет Горбачева все еще оставался очень высоким,

¹ Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 238–239.

² Премьер перестройки / Беседа Д. Бабиченко с Н. Рыжковым // Итоги. 2010. № 22. С. 34.

³ Там же. С. 34.

⁴ Архив автора. Интервью А. А. Лиханова.

к тому же пять лет перестройки приучили всех воспринимать Рыжкова исключительно в связке с генсеком, а не — в *противопоставлении* ему. Эта инерция продолжала еще действовать и в период внеочередного Третьего Съезда. К слову, на упомянутом в интервью Н. И. Рыжкова Пленуме ЦК, единогласно проголосовавшего за выдвижение кандидатом от КПСС на пост Президента СССР М. С. Горбачева¹, сам Николай Иванович в своем выступлении 14 марта 1990 г. подчеркнул, что «надо бороться за Михаила Сергеевича, — только он сегодня может вести страну», особо оговорив, что они «с Михаилом Сергеевичем друзья и единомышленники»². На следующий день, как известно, Съезд проголосовал за избрание Горбачева Президентом СССР.

А если бы МДГ выставила бы в качестве альтернативы Горбачеву фигуру Ельцина? Прошел бы он Съезд? Г. Э. Бурбулис, едва ли не самый осведомленный соратник Ельцина тех лет, был убежден, что у Бориса Николаевича в марте 1990 г. шансов на избрание Президентом СССР не «было абсолютно точно. Горбачев не мог проиграть эти выборы, если бы они состоялись, так как габаритной фигурой был только Ельцин, он был народным героем, но не в пространстве съезда, где доминировало агрессивно-послушное большинство»³. «Все депутаты, — вспоминает Ю. Ю. Болдырев, — в тот момент были в полной уверенности, что если Горбачев пойдет на всеобщие выборы, то он победит». Характеризуя депутатский корпус, Юрий Юрьевич прибегнул к сравнению с Национальным конвентом времен Великой Французской революции: «1600–1700 депутатов были болотом, поддерживавшим линию Горбачева. Не решившись пойти на всеобщие выборы, Горбачев стал не президентом Союза, а президентом болота, ширмы. Это была его фундаментальная ошибка. В итоге он мог манипулировать Съездом, ширмой, болотом, но его легитимность в рамках Союза была ущербной...»⁴. В свою очередь, народный депутат СССР В. М. Десятов высказал предположение, что «Горбачев хотел побыстрее быть избранным. Движение в стране уже приобретало отрицательный характер. Всенародное голосование было рискованным... Не столько Горбачев, сколько партия боялась, что Михаил Сергеевич проиграет всенародные выборы. Народные низы уже выступали нередко с критикой в адрес Горбачева»⁵. В бе-

¹ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 11, 14, 16 марта 1990 г. М., 1990. С. 74.

² Там же. С. 73.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Г. Э. Бурбулиса.

⁴ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Ю. Ю. Болдырева.

⁵ Архив автора. Интервью В. М. Десятова.

сиде с автором этих строк осведомленный Г. Х. Попов высказал предположение, что Горбачев боялся ощутимого щелчка по самолюбию в период конкурентной борьбы на всеобщих выборах: «Он бы победил, ему надо было идти на выборы, но он боялся — не хотел не разгромной победы — это была ошибка. Он боялся победить с незначительным перевесом голосов — думал, что это уронит его престиж как главы государства»¹.

Несомненно, что в тот момент именно М. С. Горбачев был самым достойным претендентом на президентское кресло; скажем более, на наш взгляд, именно Горбачев, с его талантом политика и мировым политическим авторитетом, был той фигурой, которая имела *наибольшие шансы* в условиях 1990–1991 гг. на удержание государства от распада. Словом, Президентом СССР был избран тот человек, с которым страна имела все основания связывать большие надежды. Эти ожидания иллюстрирует заметка известного публициста П. Гутионтова:

«Я тоже считаю, что Президент должен избираться всем населением страны. Как показывает история, пренебрежение принципами в угоду сиюминутным удобствам слишком легко приводит к отказу от принципов вообще. Но ситуация у нас сейчас действительно чрезвычайная, другого лидера, кроме Горбачева, у перестройки все равно нет — и Съезд вновь показал это в высшей степени наглядно. Ведь всем нам ясно, что безальтернативность выборов Президента была обусловлена не кознями аппарата или закулисной возней сил, противодействующих демократизации общества. Конечно, сама по себе эта безвариантность не повод для гордости, но тайное голосование народных депутатов, подтвердившее на Съезде роль и место Горбачева в нашей жизни, мне кажется, было необходимым. Дело в том, что наше президентство рождалось в беспрецедентно драматической борьбе, и в процессе этой борьбы нападки на лидера небывало усилились, приобретая порой беспощадный характер “огня на уничтожение”. “Горбачев стал тормозом на пути к демократии”, — провозгласили одни. “Горбачев ведет к развалу страны”, — заявили другие. И представители обеих точек зрения, многократно усиленных конъюнктурно-предвыборными соображениями, по сути объединились, объективно толкая наш “автобус” в пропасть. Съезд показал, что ни у “правых”, ни у “левых” нет серьезной программы вывода страны из кризиса, а также политических лидеров, которые могли бы подобную программу осуществить. По-прежнему и у тех, и у других, и у многострадального нашего общества в целом есть один Горбачев, его программа, его фантастическая воля, решимость, его умениестоять на своем, нравится это кому-то или не нравится. И все, что мы увидели за эти четыре дня на экранах телевизоров, стало еще одной констатацией этого факта. Вариантов, повторяю, не было, выбор был из единственно возможной кандидатуры, и тем не менее, это был ВЫБОР, ибо выбирали мы не только личность — мы выбирали определенную ПОЛИТИКУ»².

¹ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова.

² *Гутионтов П.* Шаг важный, но первый // Известия. 1990. 18 марта.

Вместе с тем, даже с учетом всего сказанного, необходимо еще раз обозначить свою позицию: даже с учетом всех вышеприведенных аргументов и действительно существовавших рисков, Михаил Сергеевич все же роковым образом просчитался, не решившись пойти на избрание в результате всенародных выборов. Именно тогда Горбачев, по словам народного депутата СССР поэта Е. А. Евтушенко, «совершил свою *главную* (выделено мной. — А. П.) ошибку: он испугался всенародных прямых выборов, стал Президентом в обход народа, потеряв свой последний шанс»¹. По определению крупного юриста Г. В. Атаманчука, Горбачев стал «практически нелегитимным Президентом СССР, что весьма сказалось в будущем»². «Избранный народным депутатом СССР от КПСС, а затем Съездом народных депутатов СССР Президентом СССР (в столь любимом у нас “порядке исключения”) М. С. Горбачев *юридически* (подчеркиваю) не получил никакого доверия народа», — отмечал ученый³. С. М. Шахрай, работавший в ту пору в команде Б. Н. Ельцина, убежден в том, что если бы «Горбачев, как мы ему советовали в 1989 году, избирался не Съездом депутатов, а на прямых выборах, его легитимность была бы выше, чем у президента каждой из республик. И он имел бы право либо не допустить подписания Беловежского соглашения, либо дезавуировать этот документ. Хотя, пожалуй, на тот момент юридические инструменты уже не могли справиться с фактически состоявшимся распадом...»⁴. Отказ Горбачева от участия во всенародных выборах С. М. Шахрай рассматривает как «трагическую ошибку», высказывая предположение о том, что к 1990 г. Михаил Сергеевич «больше не чувствовал прежней поддержки людей и не хотел рисковать»⁵. «Президент, избранный депутатами, всегда политически слабее, чем президент, избранный населением», — констатирует С. М. Шахрай⁶.

Американский биограф Михаила Сергеевича У. Таубман считает, что опасения Горбачева проиграть прямые президентские выборы были в 1990 г. безосновательны, «весной 1990 года он по-прежнему являлся самым популярным советским политиком.

¹ *Евтушенко Е. А.* Волчий паспорт. М., 1998. С. 167.

² *Атаманчук Г. В.* Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996. С. 19.

³ Там же. С. 19.

⁴ *Шахрай С.* Фундамент для страны // Санкт-Петербургские ведомости. 2017. 12 декабря.

⁵ *Шахрай С.* Выборы Президента // Историк. 2018. № 3. С. 70.

⁶ Там же. С. 70–71.

Он уступит эту позицию Ельцину немного позднее»¹. Окружению Горбачева его решение *не идти* на всеобщие выборы и по сию пору кажется непонятным. «То, что Михаил Сергеевич не пошел на избрание народом — трагическая ошибка. Авторитет его был громадный — и в Союзе, и за рубежом. Вряд ли Ельцин бы ему составил конкуренцию. Какие-то опасения были только у самого Горбачева, в его окружении нет. Ельцин делал только первые шаги», — недоумевает В. Н. Шевченко, возглавлявший протокольную службу и у Горбачева, и у Ельцина². Сам же Михаил Сергеевич в 2004 г. в интервью журналисту В. Соловьеву, комментируя историю со своим избранием на Съезде, заявил: «я допустил просчет, времени не хватало. И надо было провести выборы через народ, через страну»³. К слову, став Президентом страны, Михаил Сергеевич продолжал оставаться генеральным секретарем ЦК КПСС, что вызывало к нему целый ряд вопросов, из которых главный был следующий: насколько этично Горбачеву быть «в двух лицах» — генсеком и Президентом, допустимо и приемлемо ли совмещение этих двух постов? Несмотря на продолжающиеся в этой связи выпады в его адрес, Горбачев продолжал по-прежнему отстаивать необходимость подобного совмещения. «Видимо, такое совмещение, как полагал он, помогает занимать не только центристскую, но и просто центральную позицию. Но для решения каких задач? Вот вопрос... ответ на который, впрочем, дает на мой взгляд, то самое, ключевое для него понятие — **власть**», — писал осведомленный В. А. Печенев, некогда работавший помощником у генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко⁴. Отвечая на заданный А. М. Оболенским в дни работы Четвертого Съезда народных депутатов СССР вопрос, намерен ли он оставить пост генерального секретаря и «защищать как Президент интересы всего народа?», Горбачев еще раз подчеркнул, что не видит в совмещении ничего предосудительного. «Такое сочетание необходимо, оно не искусственное, оно естественно», — заявил Президент СССР⁵. Отстроить здание своего президентства Горбачев не успел: история отвела ему на это слишком мало времени. Однако, была

¹ Таубман У. Горбачев. Его жизнь и время. М., 2019. С. 479.

² Архив автора. Интервью В. Н. Шевченко, руководителя службы протокола Президента СССР М. С. Горбачева. Москва. 2019. 18 декабря.

³ Соловьев В. Р. Русская рулетка. Заметки на полях новейшей истории. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2006. С. 455.

⁴ Печенев В. А. Взлет и падение Горбачева: Глазами очевидца. (Из теоретико-мемуарных размышлений: 1975–1991 гг.). М., 1996. С. 143.

⁵ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. М., 1991. Т. 2. С. 373, 377.

и другая, более весомая причина — обострившееся противостояние с Б. Н. Ельциным, избранным в конце мая 1990 г. Председателем Верховного Совета РСФСР. Занятый борьбой с Ельциным и сепаратистскими устремлениями республик, одновременно с этим пытаясь избежать раскола в собственной партии, Горбачев был «нетипичным» президентом — фигурой в политическом отношении уязвимой и зависимой от слишком большого количества факторов. «Президентство появилось на “одной шестой” как-то буднично и незаметно. Избрание М. Горбачева президентом СССР на Съезде народных депутатов 15 марта 1990 г. мало что изменило в системе власти. Казалось, он просто подкрепил девальвированную партийную легитимность новой, полученной от высшего представительного органа, впервые в советское время более или менее свободно избранного всеми гражданами страны. Будничность события, непрямой характер избрания, ожесточенные нападки справа и слева, вялость в создании новых структур управления не позволили президенту СССР реально использовать потенциал нового института. Правда, к этому времени почва стала уходить из-под ног советского лидера. Поэтому сами по себе институциональные изменения мало что значили. Нужно было создать новые точки опоры, расширить и укрепить базу поддержки. Но в разворошенном, поляризованном обществе сделать это трудно. А без этого президентская власть повисла в воздухе, беспомощная и уязвимая... К моменту вступления М. Горбачева на новый пост республиканские элиты начали выходить из повиновения и все более открыто игнорировали волю Кремля. Ситуация осложнилась до предела, когда через два с половиной месяца во главе Российской Федерации оказался основной соперник союзного президента — Б. Ельцин. Горбачев был вынужден вести изнурительную борьбу сразу на нескольких фронтах. В таких условиях доводить до кондиции институт президентства было невозможно. Во многом он так и остался нереализованной возможностью», — писал политолог В. Б. Кувалдин, работавший в «команде» президента Горбачева¹. Став Президентом СССР, Горбачев оставил должность Председателя Верховного Совета, «поспособствовав» избранию на этот пост своего старинного приятеля А. И. Лукьянова, надежно, как ему казалось, обезопасив тем самым свой тыл... Полтора года спустя стало известно, что и Лукьянову не удалось пройти испытание «огнем, водой и медными трубами», сохранив верность многолетней дружбе с Горбачевым.

¹ Кувалдин В. Б. Президентство в контексте российской трансформации // Россия политическая. М., 1998. С. 18–19.

На том же Третьем Съезде была отменена знаменитая, или «пресловутая», по определению Горбачева¹, 6 статья Конституции СССР, в стране официально возникла многопартийность, а статус КПСС, формально правящей, но крайне непопулярной партии, стал все более неопределенным: «партия отказывается от монополии, но не отказывается от того, чтобы бороться за сохранение своего положения правящей партии», — так резюмировал отмену 6 статьи на Пленуме ЦК КПСС генсек². Было, однако, непонятно: готова ли партия успешно вести политическую борьбу в новых политических условиях — условиях, когда страна продолжала неудержимо быстро распадаться. Пожалуй, в 1990 г. многие уже понимали, что Горбачев начинает *не поспевать* за событиями, происходящими в стране. «Проблема Горбачева, — вероятно, справедливо отмечает А. Н. Мурашёв, — заключалась в том, что он все делал правильно, но все с запозданием...»³.

Знаковым событием для судьбы СССР стало избрание 29 мая 1990 г. Бориса Николаевича Ельцина председателем Верховного Совета РСФСР. Ельцин победил в острейшей борьбе, была серьезная опасность его поражения⁴. Ельцин был избран на должность председателя с третьего захода⁵, по словам народного депутата РСФСР М. Н. Толстого, Борис Николаевич долго «бодался-бодался» со ставленником генсека И. К. Полозковым. По словам Михаила Никитича, «атмосфера голосования заключалась в противостоянии истовостей», силы сторон были примерны равны⁶, чаша весов долго колебалась то в одну, то в другую сторону. Затем Полозкова сменил другой «кандидат власти» — председатель правительства РСФСР А. В. Власов, в соперничестве с которым Ельцин и набрал необходимое для избрания на должность количество голосов. Выдвижение Власова вместо Полозкова было, несомненно, проявлением политической слабости, свидетельствовало о колебаниях и неуверенности со стороны Горбачева⁷. Ельцин мог бы и не пройти

¹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 478.

² Пленум ЦК КПСС — 5–7 февраля 1990 г. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1990. № 3 (302). С. 52.

³ Архив автора. Интервью народного депутата СССР А. Н. Мурашёва.

⁴ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР Б. А. Курковой. Санкт-Петербург. 2019. 4 марта; Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР П. С. Филиппова. Санкт-Петербург. 2019. 18 февраля.

⁵ Выбор сделан // Аргументы и факты. 1990. № 22. С. 2.

⁶ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР М. Н. Толстого. Санкт-Петербург. 2018. 25 октября.

⁷ Архив автора. Интервью И. В. Константинова, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 3 ноября.

на эту должность, если бы Горбачев предложил ему в качестве оппонента по-настоящему сильную фигуру¹. Такой фигурой мог бы быть, скажем, Н. И. Рыжков, однако, Горбачев в тот момент не был готов расстаться с Николаем Ивановичем, считая более важным сохранить за ним пост союзного премьера. Власть, несомненно, испытывала кадровый голод, рабочие материалы встреч Горбачева с членами Политбюро по вопросу о выборах Председателя Верховного Совета РСФСР демонстрируют растерянность союзной политической элиты²; и Иван Кузьмич Полозков, и Александр Владимирович Власов не слишком были рады предстоящей схватке с Ельциным, они проявляли нервозность в непривычной для них атмосфере ожесточенной политической борьбы, им явно недоставало бойцовских качеств. А других кандидатур у Горбачева, пожалуй, и не было. «Вносилось предложение баллотироваться на выборах таким лицам, как Рыжков, Лукьянов, Бакатин и некоторые другие. Сами они отнеслись к этому негативно, а должной настойчивости проявлено не было. В результате кандидатур, которые могли бы на равных бороться с Ельциным за пост Председателя Верховного Совета РСФСР, не оказалось», — вспоминал один из ближайших соратников Горбачева В. А. Медведев³. Для победы кандидата власти в борьбе за этот пост Горбачеву «нужен был второй Ельцин», как утверждает С. В. Степашин, в то время — народный депутат РСФСР⁴.

По большому счету, *серьезного противника* у «смутьяна» Ельцина при голосовании не было, «голосование шло внутри Съезда, а не за кого-то», — вспоминает Н. И. Травкин, народный депутат СССР и РСФСР; «сражение» затянулось лишь потому, что депутаты с трудом преодолевали свое настороженное отношение к Борису Николаевичу⁵. В конечном итоге, отмечает опытейший В. П. Лукин, в борьбе за кресло спикера «выиграл не Ельцин, а проиграли его противники»⁶.

А что же Кремль и Старая площадь? Они продолжали надеяться на то, что все будет благополучно, а при проведении голосования

¹ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР Л. А. Пономарева. Москва. 2020. 6 июля.

² Воротников В. И. А было это так... М., 1995. С. 378–386.

³ Медведев В. А. В команде Горбачева. М., 1994. С. 138.

⁴ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР С. В. Степашина. Москва. 2021. 18 февраля.

⁵ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Н. И. Травкина.

⁶ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР В. П. Лукина. Москва. 2019. 22 марта.

сработает инерция рекомендации, исходящей от власти. Жесткого давления на депутатов РСФСР-коммунистов Горбачев не оказывал, лишь порекомендовав им не избирать Ельцина, вместе с тем в форму *приказа* в рамках партийной дисциплины *пожелание* генсека облечено не было¹. Впоследствии это породило своеобразную «конспирологическую» теорию, связанную с тем, что Горбачев якобы в действительности хотел, чтобы Ельцин стал Председателем Верховного Совета РСФСР, и вел, дескать, двойную игру.

И действительно: многим кажется, что история о том, как Ельцина все же избрали председателем Верховного Совета РСФСР и о том, какая при этом была реальная позиция Горбачева, весьма непростая. При желании в поведении Михаила Сергеевича действительно можно найти какие-то не вполне ясные моменты, на что указывают многочисленные свидетельства участников событий. Так, в частности, по словам народного депутата СССР М. Н. Полторанина, «Горбачев **не хотел**, чтобы Ельцин **не победил**, были специально подставлены блеклые фигуры — Полозков, Власов...»². «Выступление Горбачева в поддержку Полозкова было неуклюжее, возникало ощущение, что Горбачев не хочет избрания Полозкова... Горбачев сделал ставку на слабую кандидатуру — это была историческая ошибка. Было ощущение, — утверждает народный депутат РСФСР И. В. Константинов, — что Горбачев играет на две стороны»³. «Было очевидно, — вспоминает народный депутат РСФСР П. А. Лысов, — что Ельцин на голову выше, чем его соперники — маленький Полозков и абсолютно никакой Власов...»⁴. У народного депутата РСФСР христианского демократа В. В. Аксючица, также участвовавшего в борьбе за кресло спикера российского парламента, этому есть свое объяснение: «партийный аппарат не производил других, кроме таких, как Полозков — ниже низшего. Отрицательный отбор...»⁵. Рассудив, что «кандидат коммунистов Полозков большее зло, чем Ельцин», а «времена для христианской политики еще не наступили», Аксючиц снял свою

¹ Архив автора. Интервью В. Б. Исакова, народного депутата РСФСР, Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР. Москва. 2019. 2 октября.

² Архив автора. Интервью М. Н. Полторанина, народного депутата СССР.

³ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР И. В. Константинова. Москва. 2020. 3 ноября.

⁴ Архив автора. Интервью П. А. Лысова, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 19 мая.

⁵ Архив автора. Интервью В. В. Аксючица, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 6 июля.

кандидатуру¹. «Если бы я не снял свою кандидатуру, то за меня наверняка проголосовало бы несколько человек (мне об этом говорили более десяти депутатов) — антикоммунистов, — и все могло бы пойти по-другому», — отмечает в своих воспоминаниях В. В. Аксютин².

«На собрании перед выборами, где были все коммунисты, Горбачев призвал не избирать Ельцина, не называя никого взамен. Горбачев, предлагая Полозкова, играл как будто бы нарочно: высокий и красивый Ельцин, и плюгавый, и низкий Полозков», — удивляется С. Н. Бабурин, в 1990 г. — народный депутат РСФСР³. «Ельцин — харизматик, высокий, красивый мужик. Он был фигурой, другого такого не было. Полозков — вероятно, неплохой мужик, но без авторитета», — вспоминает А. Н. Медведев, народный депутат РСФСР⁴. Помимо совершенно очевидной трудности в борьбе с Ельциным — отсутствие у власти «второго Ельцина», который мог бы успешно соперничать с Борисом Николаевичем, — была еще и личная причина: Горбачев, по всей видимости, не слишком верил в победу «смутьяна». Народный депутат РСФСР Ф. В. Шелов-Коведяев высказывает твердое убеждение, что Горбачев специально выдвинул слабого кандидата в качестве противовеса Ельцину, чтобы унижить последнего проигрышем «человеку» генсека и лишний раз указать Борису Николаевичу на его реальное место и значение в политике. Михаил Сергеевич был убежден, что депутаты подчинятся партийной дисциплине и проголосуют за навязанного властью кандидата⁵.

Как с ним нередко бывало, генсек вел себя чрезмерно самоуверенно, до последнего момента не сомневаясь в проигрыше Ельцина. «По тем острым дискуссиям, которые велись в преддверие съезда, он вполне мог полагать, что Ельцин не пройдет в Президенты Верховного Совета. Горбачев пришел на первое голосование по этому вопросу вместе с Лукьяновым, явно предвкушая поражение Ельцина. Он сидел наверху, на маленьком балкончике, и какая-то туманная ухмылка гуляла по его лицу», — вспоминал

¹ Аксютин В. Русский маятник. От коммунистического тупика через либеральный обвал. Заметки очевидца. М.; Берлин, 2017. С. 227–228.

² Там же. С. 228.

³ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР С. Н. Бабурина. Москва. 2019. 8 июля.

⁴ Архив автора. Интервью А. Н. Медведева, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 19 мая.

⁵ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР Ф. В. Шелова-Коведяева. Москва. 2021. 3 июня.

приверженец Ельцина С. А. Филатов¹. «Горбачев и Лукьянов очень неверно повели себя, их сидение на балконе заседаний не вызывало ничего, кроме раздражения. Их обработка депутатов и фракций вызвала всеобщее неприятие», — рассказывал автору Г. Э. Бурбулис, пояснявший, что в том числе и благодаря грубому давлению на депутатский корпус, Ельцину удалось «избраться миллиметровым преимуществом»².

От встречи с группой наиболее авторитетных народных депутатов РСФСР непосредственно перед голосованием Горбачев откасался, не согласился он и прийти на встречу со всем депутатским корпусом, опасаясь, что ему устроят обструкцию. В качестве «противоядия» Ельцину Горбачев увидел разъяснительную беседу с депутатами-коммунистами, на которой им объяснялась нежелательность избрания Ельцина. На встрече Михаил Сергеевич растолковывал депутатам, что перед Ельциным «нам тоже не надо как кролик перед удавом. Феномен. Какой тут феномен? Феномен-то вообще гнилой, понимаете?»³ «Нужно было более гибко работать с депутатами, а Горбачев и его сторонники работали с ними очень кондово, по-старому», — вспоминает И. В. Константинов, народный депутат РСФСР⁴. Команда Горбачева не делала, по сути, никаких серьезных попыток расположить к себе депутатов — не-коммунистов. В свою очередь, демократически настроенные депутаты не могли забыть того пренебрежения, которое выказал им Президент СССР накануне; в итоге, когда Горбачев появился на балконе, раздались «свист, улюлюканье, крики, депутаты обиделись»⁵. Почувствовав столь недоброжелательное отношение к себе, Горбачев покинул съезд, обидевшись на то, что его даже не пригласили в президиум, а посадили на гостевой трибуне — вместе с послами⁶.

Демократически настроенным депутатам казалось, что «с самого начала было очевидно, что Полозков — неизбираем»⁷. В те

¹ Филатов С. А. Совершенно несекретно. М., 2000. С. 51.

² Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса.

³ Стенограмма встречи М. С. Горбачева с народными депутатами РСФСР. 22 мая 1990 // РГАНИ. Ф. 89. Оп. 7. Д. 7. Л. 22.

⁴ Архив автора. Интервью И. В. Константинова, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 3 ноября.

⁵ Архив автора. Интервью А. Ф. Дунаева, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 4 декабря.

⁶ Медведев Н. П. «Новые» на Старой площади: Кремлевско-провинциальные истории. М., 1997. С. 43.

⁷ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР В. Л. Шейниса. Москва. 2018. 4 июля.

дни народный депутат РСФСР А. Ф. Дунаев, стоя в окружении парламентариев, подчеркнул, что он будет голосовать за «красавца-богатыря Ельцина», так как именно такой лидер и должен быть у России, а вовсе не никому не известный Полозков. Комизм ситуации заключался в том, что в этот момент в группе депутатов находился и сам Полозков, который благоразумно промолчал¹.

Иначе смотрит на ситуацию сам И. К. Полозков. В беседе с автором этих строк Иван Кузьмич подчеркнул, что Ельцин еще в свою бытность секретарем ЦК считал, что должен занимать место Горбачева, был крайне обижен тем, что его не ввели в состав Политбюро, и рвался к власти. Полозков убежден, что в ситуации с выборами Председателя Президиума Верховного Совета РСФСР Ельцин и Горбачев «играли в одну игру, как бы плохо они друг к другу не относились», у них, по уверениям Ивана Кузьмича, был «общий дирижер». Ельцин, вспоминал И. К. Полозков, «органически не переносил Горбачева, это шло у него еще с 1985-го года». Горбачев же всерьез Ельцина не воспринимал, хотя Полозков и говорил генсеку, что тот «скоро Вас вышвырнет из Вашего кабинета»². Полозков вовсе не считает себя «непроходным кандидатом», напротив, Иван Кузьмич уверен в том, что он мог и должен был победить Ельцина. «Когда меня выставили бороться с Ельциным, мне не дали выиграть, хотя я выиграл 2 раза, были подтасовки в голосовании, а потом меня заставили снять кандидатуру, иначе бы я победил. Кто-то очень хотел, чтобы победил Ельцин, ведь Горбачев мог снять его кандидатуру одним решением президента. Горбачев мне сказал, что Верховный Совет не сможет со мной работать, а я дал понять Горбачеву и [А. Н.] Яковлеву, что распущу этот Верховный Совет, если он не даст мне работать. После этого меня попросили снять кандидатуру в рамках партийной дисциплины...»³. В своих воспоминаниях И. К. Полозков пишет, что в дни голосования В. И. Воротников, прежде занимавший пост Председателя Верховного Совета РСФСР якобы доверительно признался Полозкову, что «Михаил Сергеевич видит на этом посту Ельцина. Он думает, что и этот шаг добавит ему веса в глазах Рейгана (Ошибка: в 1990 г. Президентом США был Джордж Буш-старший. — А. П.), Тэтчер, Коля»⁴.

¹ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР А. Ф. Дунаева.

² Архив автора. Интервью И. К. Полозкова, члена Политбюро ЦК КПСС, народного депутата СССР и РСФСР. Москва. 2019. 26 ноября.

³ Там же.

⁴ *Полозков И. К. Обманутые надежды, или как разрушали страну.* М., 2014. С. 430.

Отношение к Ельцину даже у российских депутатов было достаточно настороженным, но было и понимание, что «неизбрание Ельцина грозило смутой — уровень харизматичности Ельцина в восприятии народа был огромный»¹, к тому же многие депутаты, даже не поддерживавшие Бориса Николаевича, готовы были голосовать за него исключительно для того, чтобы насолить Горбачеву². Символично, что «проработка» депутатов, проведенная Президентом СССР, привела прямо к противоположному результату — сторонников у Бориса Николаевича прибавилось³. После окончания выступления Горбачеву близкий к Б. Н. Ельцину народный депутат РСФСР С. Н. Красавченко подошел к генсеку и поблагодарил его: «Спасибо, Михаил Сергеевич, Вы добавили своим выступлением голосов десять Ельцину»⁴. «То преимущество, с которым Ельцин победил, — голоса тех депутатов, которых неудачно обхаживал Горбачев в Кремле», — утверждает народный депутат РСФСР В. Г. Степанков⁵. «Многие из тех, кто был против Ельцина, после проработки Горбачева, проголосовал за Бориса Николаевича», — соглашается со Степанковым С. В. Степашин⁶. Известный ученый, академик Ю. С. Сидоренко в мае 1990 г. был председателем счетной комиссии по подсчету голосов депутатов, голосовавших за избрание Председателя Верховного Совета РСФСР. Сидоренко, опубликовавший свои воспоминания об этих событиях, спустя всего несколько месяцев, назвал «обработку» депутатов «начальством» «тайной вечерей» и рассматривал ее в качестве одного из важнейших факторов, сыгравших на руку Ельцину. «Часть правых и колеблющихся депутатов была глубоко шокирована самим фактом и процедурой “тайной вечери”. Теперь

¹ Архив автора. Интервью М. А. Бочарова, народного депутата СССР и РСФСР. Москва. 2019. 18 июня.

² Архив автора. Интервью С. А. Филатова, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта; Архив автора. Интервью В. В. Аксюцица, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 6 июля; Архив автора. Интервью В. Г. Степанкова, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 3 июня.

³ Архив автора. Интервью С. В. Степашина, в 1990–1993 гг. народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 18 февраля; Архив автора. Интервью С. А. Полозкова, в 1990–1993 гг. народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 29 апреля; Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР С. А. Филатова.

⁴ Архив автора. Интервью С. Н. Красавченко, народного депутата РСФСР, члена Президиума Верховного Совета РСФСР. Москва. 2022. 31 марта.

⁵ Архив автора. Интервью В. Г. Степанкова, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 3 июня.

⁶ Архив автора. Интервью С. В. Степашина, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 18 февраля.

они не только собирались голосовать за Ельцина, изменив свое первоначальное решение (некоторые из них на первых двух турах голосовали против Бориса Николаевича), но еще и участвовать в коллективном протесте»¹.

Был и еще один эпизод, и грустный, и комический одновременно, возможный, вероятно, только в эпоху тотального дефицита позднего СССР, о котором упоминает в своих воспоминаниях приверженец Ельцина, один из первых легальных (?) российских миллионеров, А. М. Тарасов, народный депутат РСФСР. «К разочарованию многих в буфете Кремлевского дворца цэковских пайков не обнаружилось: видимо, администрация Горбачева решила оградить российских депутатов от излишеств, ограничив их рацион стандартными сосисками. Это обстоятельство тоже было нами использовано. В день голосования я закупил в “Березке” семь ящичков баночного пива и привез их на своем “Мерседесе” прямо до кремлевского подъезда. Потрясенные милиционеры не задали ни одного вопроса, поскольку никогда не видели такой роскошной машины в Кремле. Мы поставили ящики при входе в буфет и спрашивали: за кого голосуешь? Если за Ельцина — тогда банка пива бесплатно! Об этом написали все газеты... Ельцина избрали с минимальным преимуществом», — писал А. М. Тарасов².

В третьем туре голосования, 29 мая 1990 г., Ельцин все же был избран, хотя и «со скрипом», Председателем Верховного Совета РСФСР³. «Под аплодисменты зала (хлопала ровно половина), Ельцин шел занимать главное место в президиуме съезда», — вспоминал известный тележурналист, народный депутат РСФСР, поддерживавший в то время Б. Н. Ельцина А. Н. Тихомиров⁴. Недавно ушедший из жизни влиятельный депутат СССР и РСФСР М. А. Бочаров, сыгравший немалую роль в победе Ельцина, а впоследствии разошедшийся с ним, рассказывал автору: «Это буквально случайность, что Ельцина избрали председателем Верховного Совета. Чуть больше половины депутатов в зале были против Ельцина, но 90% людей на улице были за него... Судьбу голосования решили всего четыре голоса...»⁵. Он же, ссылаясь на собственные

¹ Сидоренко Ю. С. От потрясенного Кремля до... (Записки председателя Счетной комиссии). Ростов-на-Дону, 1990. С. 16.

² Тарасов А. М. Миллионер. М., 2004. С. 186.

³ Архив автора. Интервью В. Л. Шейниса, в 1990–1993 гг. народного депутата РСФСР. Москва. 2018. 4 июля.

⁴ Тихомиров А. Н. Человек укусил собаку. М., 2021. С. 121.

⁵ Архив автора. Интервью народного депутата СССР и РСФСР М. А. Бочарова.

источники информации, признавался в том, что с голосами в пользу Ельцина была определенная «игра»¹. Утверждение Бочарова не подтверждается Ю. С. Сидоренко, в категорической форме подчеркнувшего в беседе с автором, что выборы были «честнейшими» и итоги голосования отражали реальные результаты выборов². «У всех на языке был Ельцин. Он был баламут, алкаш, но он был *Ельцин*. Даже без “тайной вечери” депутаты проголосовали бы за него. За Ельцина были все абсолютно. Он имел вес больший, чем кто-либо. В ту пору это был спокойный, уравновешенный человек, который мог поддержать любую беседу. Он очень притягивал к себе, был очень открытый в то время. Он был таким сильным руководителем, что мог организовать любой рабочий процесс, охотно помогал людям, не зная ни на что обеспечивал результат, если брался за какое-то дело», — рассказывал Юрий Сергеевич автору³. «Народ чувствовал, что Ельцин хочет, чтобы мы стали жить лучше. За ним была почти вся страна. Какими путями он это сделает — народ не знал, однако доминировала точка зрения, что дальше так жить нельзя. От Ельцина исходила эманация силы власти. Он как будто в капсуле сидел, от которой была оболочка сверхволевого начальника. При этом Ельцин искренне хотел добра людям, которые живут в России — народ это чувствовал и поддерживал его», — эмоционально рассказывал автору народный депутат РСФСР О. В. Басилашвили⁴. «В настроении москвичей Ельцин пользовался абсолютной поддержкой. Его фигура была абсолютно выигрышной. Ельцин обыграл Полозкова в одни ворота», — прибавляет М. Г. Астафьев, уточняющий, что, по слухам, один из голосов в пользу Ельцина был подделан⁵. Однако, все это, с точки зрения истории, не имело никакого значения: Ельцин был *избран*, именно с момента его *избрания* на пост Председателя Верховного Совета РСФСР началась эпоха Ельцина в российской политике, наконец-то он обрел власть, стал *первым лицом* — пускай пока лишь в РСФСР. «Улица была за Ельцина, ветер дул в его паруса», — вспоминает народный депутат РСФСР В. П. Лукин⁶.

¹ Там же.

² Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР Ю. С. Сидоренко. Ростов-на-Дону. 2022. 18 июня.

³ Там же.

⁴ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили.

⁵ Архив автора. Интервью М. Г. Астафьева, народного депутата РСФСР. Москва. 2022. 11 мая.

⁶ Архив автора. Интервью В. П. Лукина, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

Ближайшее в то время доверенное лицо Ельцина, Г. Э. Бурбулис, вспоминал ликование, охватившее сторонников Бориса Николаевича, когда 29 мая 1990 г., «сложнейшая позиционная борьба буквально за каждый голос», дала свой результат. В тот момент не скрывал своего торжества и Ельцин¹.

Между тем результаты голосования показывают, что почти половина народных депутатов была против избрания Ельцина. 29 мая 1990 г. председатель Счетной комиссии Ю. С. Сидоренко огласил итоги третьего тура голосования. Б. Н. Ельцин набрал 535 голосов при необходимом минимуме 531 голос. «Бурные, продолжительные аплодисменты. Депутаты стоя приветствуют избрание Председателя Верховного Совета РСФСР», бесстрастно фиксирует стенографический отчет заседаний I Съезда народных депутатов РСФСР.² «За» кандидатуру А. В. Власова было отдано 467 голосов³. Таким образом, перевес Б. Н. Ельцина, несмотря на весь его несомненный политический авторитет, был не столь значительным, лишь с огромным трудом он сумел набрать необходимые для избрания голоса депутатов. «5 голосов — полпроцента депутатов Съезда определили избрание Ельцина», — констатирует в своих воспоминаниях народный депутат РСФСР М. Б. Челноков⁴. «Эти и последующие выборы Ельцина президентом России показали, что у него никогда не было устойчивого поддерживающего его большинства», — отмечает один из виднейших представителей «команды» первого Президента В. Ф. Шумейко⁵. Положа руку на сердце, надо признать, что в то время даже в противостоянии с противником не столь великого калибра, как И. К. Полозков, Ельцин мог бы и уступить, его звезда только лишь восходила, однако, с каждым месяцем он все в большей и большей степени превращался в главную альтернативу Горбачеву: будучи, быть может, к тому моменту менее ловким и искушенным, что ли, в политических играх, чем Михаил Сергеевич, Борис Николаевич уже воспринимался народом как настоящий герой, как свой, как простой и настоящий мужик. «Народ любил простые приемы: высокий, здоровый, не речистый мужик, стал в народном сознании героем. У него была харизма. Он воспринимался как единственная

¹ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Г. Э. Бурбулиса.

² Первый Съезд народных депутатов РСФСР. 16 мая — 22 июня 1990 года. Стенографический отчет. М., 1992. Т. II. С. 445.

³ Там же. С. 445.

⁴ Челноков М. Б. Россия без Союза, Россия без России... (Записки депутата расстрелянного Парламента). М., 1994. С. 35.

⁵ Шумейко В. Ф. Россия: какой народ — такая власть. М., 2010. С. 210.

альтернатива Горбачеву», — вспоминал народный депутат РСФСР М. Г. Астафьев, отнюдь не симпатизирующий Ельцину¹.

Решающую роль сыграл переход на сторону Бориса Николаевича нескольких десятков депутатов, хотя и не поддерживавших Ельцина, но проголосовавших за него в пику Горбачеву. По правому предположению петербургских историков И. В. Узловой и В. В. Калашникова, значительная часть коммунистов, составлявших 86% депутатского корпуса российского парламента, «сочувствовала взглядам Ельцина на проблему российского суверенитета и на необходимость борьбы с привилегиями партийной и советской номенклатуры. Многие были крайне недовольны политикой М. С. Горбачева и видели в Ельцине возможного нового лидера страны и партии. Эта позиция многих депутатов помогла Ельцину занять пост Председателя Верховного Совета (ВС) РСФСР»². В общем-то, полагает народный депутат РСФСР С. А. Полозков, «Ельцина избрали благодаря Горбачеву», иначе говоря, за Бориса Николаевича проголосовали лишь из неприятия политики Президента СССР, его непоследовательности, любви к хитроумным маневрам, нежелании размежеваться с «правыми» из верхушки КПСС, хотя сам Михаил Сергеевич в тот момент, вероятно, этого и не осознавал³. Примечательно, что в своих воспоминаниях Михаил Сергеевич возложил ответственность за провал власти на выборах Председателя Верховного Совета РСФСР на КПСС, допустившей «крупные просчеты в выдвижении своих кандидатов»⁴. «Она (КПСС. — А. П.) проиграла выборы Председателя Верховного Совета РСФСР. Я предостерегал депутатов, причем открыто, от избрания на этот пост Б. Ельцина, поскольку предвидел — это приведет к опасной конфронтации с Союзным центром. Но, видимо, “в пику Горбачеву” или польстившись на карьерные соблазны, ряд депутатов из фракции “Коммунисты России” в последний момент проголосовали за Ельцина с перевесом в четыре голоса»⁵.

К моменту своего избрания на пост Председателя Верховного Совета РСФСР вчерашний первый секретарь МК КПСС Ельцин уже воспринимался в народном сознании не просто как политик, а как определенный символ — в первую очередь символ спра-

¹ Архив автора. Интервью М. Г. Астафьева. Москва. 2022. 11 мая.

² Калашников В. В., Узлова И. В. Первый Президент и первая Дума. СПб., 2016. С. 19–20.

³ Архив автора. Интервью С. А. Полозкова, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 29 апреля.

⁴ Горбачев М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 548.

⁵ Там же. С. 548.

ведливости и надежды на счастливое будущее и благополучное завершение перестройки. Как известно, такая известность была приобретена Борисом Николаевичем после его изначальной «борьбы с привилегиями» в качестве первого секретаря МГК КПСС, изгнания с партийного Олимпа и распространения по всей стране сфальсифицированного текста «выступления» Ельцина на Пленуме ЦК КПСС 21 октября 1987 г., где присутствовала резкая критическая составляющая в адрес Горбачева и его окружения — подлинным автором его был М. Н. Полторанин, занимавший в ту пору пост главного редактора «Московской правды». С реальным текстом выступления Ельцина, действительно имевшим место на Пленуме и содержавшим гораздо меньший объем критики *именно в адрес Горбачева*, подготовленный М. Н. Полтораниным соотносился очень мало, однако именно он сыграл немалую роль в обретении Ельциным того образа народного заступника, который и позволил ему в конце концов сесть «царем на Москве». В беседе с автором этих строк Полторанин объяснил мотивы своего поступка: «В выступлении Ельцина было предсказано, что если мы будем обманывать генерального секретаря, то мы далеко не уедем. Люди ждали реальный анализ, куда мы можем и должны идти. Через Ельцина я дал свое выступление, свою программу — меня достали партийные чиновники. Через Ельцина я мог это сказать»¹. Официальный стенографический отчет Октябрьского Пленума 1987 г., содержащий те слова, которые Ельцин *действительно* произносил с высокой трибуны, власть догадалась опубликовать в партийной печати лишь в начале 1989 г.² К этому времени Б. Н. Ельцин обладал уже неслыханной популярностью, каждому его слову внимали миллионы, а его деятельность находила огромную поддержку. Были у него, безусловно, горячие сторонники и в депутатском корпусе. Российский депутат И. И. Андронов, впоследствии ставший политическим противником первого Президента России, вспоминал, что в дни голосования на пост Председателя Верховного Совета РСФСР он, «подобно миллионам россиян, считал Бориса Николаевича мудрым, прогрессивным и добропорядочным политиком... Ельцин был тогда антиподом сегодняшнего “царя”, как он называет себя теперь... Он был доступен, демократичен, обожаем рядовыми людьми и ненавидим чиновными аппаратчиками. Мало кто подозревал, что нас дурачит

¹ Архив автора. Интервью народного депутата СССР М. Н. Полторанина.

² Пленум ЦК КПСС — Октябрь 1989 года. Стенографический отчет // Известия ЦК КПСС. 1989. № 2. С. 209–287.

выдающийся лицедей»¹. При всей субъективности подобного свидетельства, в нем содержится важное признание: в 1990 г., по мнению его многочисленных сторонников, именно Ельцин, а отнюдь не осторожный Горбачев, был олицетворением перемен и наступления новой эпохи.

Оппоненты Ельцина выглядели в глазах депутатов-демократов как отголосок прошлого: Полозков — как олицетворение «командного прошлого», а Власов как традиционный «наместник от Политбюро над Россией». «Выбирая Председателя, выбирали не человека, а направление», — отмечал сторонник Ельцина Н. И. Травкин². К тому же лишь Ельцин, а вовсе не Полозков и не А. В. Власов, казался в тот момент сильной самостоятельной личностью, настоящим политическим лидером³. Вспоминая борьбу за пост Председателя Верховного Совета РСФСР, В. Б. Исаков писал:

«Депутаты через микрофоны выдвинули полтора десятка кандидатов, но все понимали, что реальная кандидатура одна — Ельцин. Практически непрерывно вокруг него дежурили фото- и телекорреспонденты, ловя в объективы взгляд, жест. Каждый перерыв и даже проход по Кремлю после заседания превращались в импровизированную пресс-конференцию. Когда начались выступления кандидатов на пост Председателя Верховного Совета, Ельцин напрягся, напружинился — в бойцовских качествах ему не откажешь — выступил и вновь сумел покорить зал... Когда табло высветило результаты по постановлению об избрании (оно утверждалось открытым голосованием), раздался гром оваций и десятки телекамер, сотни глаз обратились на Ельцина. Он встал с места — две-три секунды растерянности — и, сопровождаемый аплодисментами, прошел в президиум и занял место председательствующего. Вот он, сладкий миг победы, преодоления еще одной ступеньки на пути к вершине высшей власти! Впоследствии многие из тех, кто агитировал за Ельцина или голосовал за него, раскаялись, взяли свои слова обратно. Лично я ни о чем не жалею. В обстановке надежд, ожиданий, эйфории, которая царила тогда в обществе и на съезде, победа Ельцина была предрешена. Если бы он не победил на этом съезде, победил бы на следующем. Ельцин был символом грядущих перемен, которых боялись, но и которых ждали»⁴.

Удивительно, как Михаил Сергеевич просмотрел превращение Ельцина из «секретаря обкома», стоявшего навытяжку перед

¹ Андронов И. Моя война. М., [2000]. С. 136.

² Травкин Н. Как избирали Председателя // Огонек. 1990. № 24. С. 2.

³ Абдулатипов Р. Г. Власть и совесть: политики, люди и народы в лабиринтах смутного времени. М., 1994. С. 64; Архив автора. Интервью С. М. Шахрая, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 12 февраля.

⁴ Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники. 1990–1991. Екатеринбург, 1997. С. 119–120, 125.

генсеком¹, в настоящего лидера-харизматика, своего *прямого и непосредственного конкурента в борьбе за высший пост в стране*. Остается только, вслед за Г. Х. Поповым, догадываться, почему Горбачев фактически не стал препятствовать избранию Ельцина на высший пост в России, не воспользовавшись в полной мере всей своей властью². «Горбачев мог помешать избранию Ельцина, если бы он сделал на это всю ставку. Избрание Ельцина означало превращение Ельцина в альтернативу Горбачева, по-настоящему сильную фигуру», — недоумевает И. В. Константинов³. Иными словами: если бы Горбачев распорядился, то итоги голосования могли бы быть другими — в пользу его кандидата. Правда, подобное утверждение не учитывает специфики характера последнего советского лидера: затеявший *по своей воле* грандиозный перестроечный проект, Горбачев не любил использовать в политической борьбе откровенно *грязные* технологии, природное, а отнюдь не наигранное демократическое начало, на наш взгляд, *действительно* было частью его натуры — как в период его пребывания на посту главы государства, так и в последующее время. Кроме того, а это, вероятно, — самое главное, Президент СССР продолжал недооценивать своего противника, считая его фигурой ограниченной, а в политическом отношении чрезвычайно примитивной и недалекой; вряд ли Горбачев мог представить, что именно Ельцин сыграет решающую роль в уходе Михаила Сергеевича из Кремля.

Время показало, что Горбачев ошибался: чего-чего, а политического инстинкта, сильнейшей интуиции и воли Ельцину было не занимать. Не будем также забывать и об огромной популярности Ельцина, рост которой происходил на фоне падения доверия народа к лидеру перестройки Горбачеву: люди верили, что Борис Николаевич — единственный, кто может изменить их жизнь к лучшему. «К моменту выборов Ельцин был бешено раскручен, считался оппозиционером, популярность его по стране была огромной... Рядом с Ельциным никого близко не было — его авторитет был огромен», — вспоминает вдумчивый наблюдатель и участник тех событий, народный депутат РСФСР М. Б. Челноков⁴.

«Горбачев и его ближайшие сотрудники не придали должного значения проблеме Ельцина: им было не до того. Кадровый ре-

¹ История от Горбачева / Интервью В. Рудакова // Профиль. 2010. № 12. 5 апреля. С. 23.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР Г. Х. Попова.

³ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР И. В. Константинова.

⁴ Архив автора. Интервью М. Б. Челнокова, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 2 ноября.

зевр был ограничен, а дифференциация в высшем политическом руководстве еще не проявилась в полной мере. Цену Лукьянову не знали, использовать Полозкова не погнушались. А главное, недооценили стратегическое значение главного государственного поста России, так как исходили из того, что командные высоты в любом случае останутся за Союзом. Ельцин выиграл, поставив лозунг суверенитета России в центр борьбы за пост председателя ВС РСФСР. На этой платформе удалось объединить разнородные силы», — правомерно полагает В. Л. Шейнис, в 1990 г. — народный депутат РСФСР¹. После избрания Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР амбиции Бориса Николаевича получили политическое подкрепление; в демократическом лагере избрание Ельцина «на Россию» было воспринято как «историческое событие»², а в его ближайшем окружении — как сигнал к началу открытой борьбы с Горбачевым за первый пост в стране³. И действительно: значение перехода к Ельцину контроля над крупнейшей государствообразующей республикой Союза невозможно переоценить: к началу лета 1990 г. в СССР появился второй, *параллельный* центр власти⁴. Началась схватка Горбачева и Ельцина за положение первого человека в стране. Поражение Кремля — а именно так следует расценивать выигрыш Ельциным борьбы за кресло Председателя Верховного Совета России — в немалой степени было предопределено фундаментальным недостатком Горбачева — его излишней самоуверенностью. Прозорливый помощник Горбачева Г. Х. Шахназаров, предвидя нежелательный для власти исход предвыборной борьбы за кресло Председателя Верховного Совета РСФСР, предложил генсеку кандидатуру Н. И. Рыжкова, убеждая, что именно у него есть «наибольшие шансы выиграть этот раунд». «В конце концов, — обосновал свою позицию Шахназаров, — премьера найти легче»⁵. Горбачев, как вспоминал Шахназаров, отрицательно покачал головой: «Николай Иванович нужен мне здесь, — сказал он. — Это ключевой пост. А там... нечего бояться, все будет как надо. Вот увидишь»⁶.

«Оптимист по натуре, которому в жизни всегда везло, он неизменно был уверен в благополучном для себя исходе всякого дела и, соответственно,

¹ Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). М., 2005. Т. I. С. 305.

² Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР Л. А. Пономарева.

³ Архив автора. Интервью С. А. Филатова, народного депутата РСФСР.

⁴ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича.

⁵ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них... С. 367.

⁶ Там же. С. 367.

не готовился к худшему. За время нашей работы я почти не видел его в состоянии страха перед будущим и даже опасений, побуждающих принять дополнительные меры предосторожности. Так и на этот раз: он спохватился лишь тогда, когда изнурительный выборный марафон подходил к концу и чаша весов склонялась явно в пользу оппозиции, правильно сориентировавшейся в обстановке и кинувшей в бой все свои не столь уж великие в то время силы. Горбачев к тому же сделал неверный шаг, отправившись в Верховный Совет России, чтобы лично убедить депутатов в нежелательности избрания Ельцина. В окружении ему настойчиво рекомендовали не делать этого. Он никого не послушал и только раздражил российских депутатов, которые до того воздерживались, а теперь, как говорится, из принципа, решили проголосовать за лидера оппозиции... В шахматах довольно обычная история, когда выдающийся гроссмейстер проигрывает партию мастеру средней руки, потому что не принял его всерьез. Так и Горбачев проиграл эту важную партию Ельцину. Благоразумный гроссмейстер, потерпев неожиданное поражение, пристальной присмотрится к прогивнику, сделает домашние заготовки и при очередной встрече возьмет реванш. Увы, несмотря на чувствительный удар по его положению и самолюбию, Михаил Сергеевич продолжал ни во что не ставить и Ельцина, сам себя убеждал, что потенциал соперника исчерпан, и пытался убедить в том же общество. Обида брала верх над политическим расчетом, гордость заслонила здравомыслие», — сокрушался Шахназаров¹.

Победа Ельцина была встречена Горбачевым с крайним раздражением. Президент СССР не нашел в себе сил, чтобы поздравить Бориса Николаевича с избранием². К этому моменту отношения Ельцина и Горбачева были уже не просто чрезвычайно напряженными, а прямо враждебными. Можно утверждать, что Горбачев, который, по словам народного депутата СССР писателя А. А. Лиханова, «недонаказал» Ельцина³, относился к последнему терпимее, чем Борис Николаевич относился к последнему советскому лидеру⁴. «Ельцин сначала боготворил Горбачева, неся на всех парах к телефону, когда ему звонил генсек... Но от любви до ненависти, как известно, один шаг. После своей отставки с поста Первого секретаря МГК он возненавидел Горбачева», — вспоминал генерал А. В. Коржаков, начальник Службы Безопасности Президента России⁵. Личный фактор — иначе говоря резкая неприязнь

¹ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них... С. 367–368.

² Воротников В. И. А было это так... Из дневника члена Политбюро ЦК КПСС. М., 1995. С. 387.

³ Архив автора. Интервью А. А. Лиханова.

⁴ Архив автора. Интервью В. Г. Захарова. Москва. 2018. 7 февраля.

⁵ Архив автора. Интервью А. В. Коржакова, начальника службы охраны Первого Президента России Б. Н. Ельцина. Село Молоково, Московская область. 2021. 8 декабря.

друг к другу лидеров СССР и России — сыграла огромную роль в судьбе страны.

Борьба за власть между Горбачевым и Ельциным происходила на фоне продолжающегося распада Союза. В этот момент для части окружения Президента СССР уже было очевидно, что Горбачев начинает *не поспевать* за событиями, происходящими в стране. Ряд представителей команды Михаила Сергеевича убеждали его в необходимости избавиться от непопулярной КПСС; для них (например, А. С. Черняева) необъяснимым выглядело то упрямство, с которым Горбачев продолжал цепляться за партию. «Я все больше прихожу к тому же (с моим-то опытом, в котором вся жизнь и политика упирается в Горбачева): пока он не сбросит с себя “коммуниста, верного социалистическим ценностям”, перестройку ему больше не двинуть, ибо общество далеко ушло от этой концепции, а “партия” цепляется за нее, чтобы тянуть все назад — к социализму без Сталина и репрессий, к “тому самому”, что был “в основном построен” еще в 30-х годах», — писал Черняев¹.

Большое значение придавалось Михаилом Сергеевичем работе досрочно созванного XXVIII съезда КПСС. Генсек считал своим долгом «сделать все возможное, чтобы партия, пройдя путь внутренней демократизации, заняла достойное место в новой политической структуре»². Согласно воспоминаниям В. А. Медведева, перед съездом Горбачев сказал ему: «Нам надо вместе держать партию, без которой вообще ничего не получится (выделено мной. — А. П.)»³. В итоге съезд, к которому команда Горбачева серьезно готовилась⁴, «стал схваткой реформаторского и ортодоксально-консервативного течений в партии»⁵. Никто в тот момент не мог и предположить, что съезд, проходивший 2–13 июля 1990 г., окажется последним в истории КПСС⁶. Депутатский корпус съезда кардинальным образом отличался от предыдущих съездов: «делегаты прошли через выборы, иной раз многоступенчатые, часто на альтернативной основе <...> Многие делегаты уже не были

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 835. Дневниковая запись от 3 января 1990.

² Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 263.

³ Медведев В. А. В команде Горбачева. М., 1994. С. 133.

⁴ Доклад Горбачева съезду партии генсеку помогали составлять А. С. Черняев, А. Н. Яковлев, В. А. Медведев, Г. Х. Шахназаров, И. Т. Фролов, В. И. Болдин, Н. Б. Биккенин, Н. Я. Петраков (см.: Черняев А. С. Совместный исход... С. 860. Дневниковая запись от 1 июля 1990).

⁵ Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 242.

⁶ Медведев В. А. В команде Горбачева... С. 135.

пассивными статистами как ранее»¹. Был изменен Устав КПСС, в который, в частности, было внесено положение, что только съезд партии может избирать Генерального секретаря². Однако все же главным в новом Уставе КПСС было то, что во внутрипартийной жизни были проведены такие преобразования, которые придавали КПСС более демократический характер, а в центр партийной жизни ставился коммунист³.

Сам ход работы съезда никак не напоминал отлаженную и доведенную до автоматизма за десятилетия работу классического партийного форума: чинное течение съезда постоянно прерывалось то тем, то другим эксцессом, никак не предусмотренным заранее. Атмосфера в зале стала накаляться уже с первых минут работы партийного форума⁴. «Идет съезд партии. Скопище обезумевших провинциалов и столичных демагогов. Настолько примитивный уровень, что воспринять что-то кроме ВПШовского “марксизмаленинизма” они просто не в состоянии. Все иное для них предательство. В лучшем случае — отсутствие идеологии», — записывал Черняев в дневнике⁵. На съезде Горбачев уже не царил над толпой делегатов, как это было прежде: из выступлений многих ораторов прорывался уже не только их сомнение в успехе перестройки, но и критика самого главы государства⁶. «Съезд был горячим, бурным, неорганизованным», — вспоминал Н. И. Рыжков⁷. И действительно, если верить свидетельству И. К. Полозкова, то иногда атмосфера съезда напоминала «неорганизованное, сумбурное и бестолково крикливое сборище, напоминающее ярмарочный балаган. В многочисленные микрофоны, расставленные по всем рядам, орал каждый кто что хотел. Выкрики, заявления, ультиматумы, возмущения и призывы к благоразумию... все тонуло

¹ Бузгалин А. В. Белая ворона. Последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри. М., 1993. С. 60–61.

² Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1990. С. 119.

³ Разумов Е. З. Крушение и надежды. М., 1996. С. 91.

⁴ Воротников В. И. А было это так. М., 1995. С. 395.

⁵ Черняев А. С. Совместный исход... С. 861. Дневниковая запись от 8 июля 1990 г.

⁶ По-другому запомнился съезд писателю-фронтовику, члену ЦК КПСС В. В. Карпову: «Все по-старому: выборы президиума съезда, доклад генсека Горбачева, выступления зарубежных гостей и делегатов съезда. Отмечаются какие-то успехи, ведется умеренная критика. Какая-то игра голых королей, не видящих своей наготы!» (Карпов В. В. Большая жизнь. М., 2009. С. 826).

⁷ РГАСПИ. Ф. 553. Оп. 1. Д. 519. Л. 378.

в общем гуле»¹. Уставший от критики в свой адрес, Горбачев сказал Черняеву после встречи с секретарями райкомов и горкомов: «Шкурники. Им, кроме кормушки и власти, ничего не нужно». На слова Черняева «Бросьте вы их. Вы — президент, вы же видите, что это за партия, и фактически вы заложником ее остаетесь. Мальчиком для битья», генсек ответил: «Знаешь, Толя, думаешь, не вижу? Вижу <...> Но нельзя эту паршивую собаку отпускать с поводка. Если я это сделаю, вся эта махина набросится на меня»².

Споры и баталии, раздиравшие партию, в немалой степени были порождены тем, что партия не была готова к борьбе за власть в новых условиях; партия отучилась от того, чтобы бороться с кем бы то ни было — ее закрепленный в Конституции СССР 1977 г. *государственный статус* развращал КПСС, порождал самоуспокоенность; начатые по магию руки Горбачевы перемены порождали нервозность и опасения потерять и власть, и положение в обществе, а кроме того — утратить идеалы. Руководство партии опоздало на десятилетия для разговора со страной и с рядовыми коммунистами, предметом которого должен был быть вопрос не только о тех прерогативах, которые общество желало бы закрепить за партией, но и вопрос о ее лозунгах в новых условиях, принципах избрания руководство — от низшего до верхнего звена и т. д. Попытки начать такой разговор в условиях, когда люди выдвигали к государству, *предводимому по-прежнему партией*, все новые и новые требования, указывая на очевидный кризис сложившейся к тому времени системы управления, успеха не имели.

Примечательны в этой связи наблюдения известного политолога А. В. Кивы:

«Предпринимаемые в последнее время нашим руководством попытки выработать оптимальный вариант выхода страны из экономического тупика можно образно сопоставить с поведением всадника, сбившегося с дороги в сильную пургу. Опытный, умный всадник отпустит вожжи, лошадь сама найдет путь. Неумный же будет шпорить и шпорить свою выбивающуюся из сил лошадку, направляя ее, как ему кажется, по правильному маршруту, и в конечном итоге и ее загонит, и сам замерзнет... Кто же в нашем обществе возьмет на себя роль мудрого всадника? Съезд народных депутатов? Верховный Совет СССР? Местные Советы? Несмотря на то, что в состав Верховного Совета вошло много не подготовленных к работе на высоком государственном уровне людей, наш парламент оказался вполне работоспособным, хотя, понятно, он еще только набирается опыта.

¹ Полозков И. К. Обманутые надежды (или как разрушали страну). М., 2014. С. 464.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 862. Дневниковая запись от 8 июля 1990 г.

Ключевым же элементом политической системы пока все еще остается КПСС. Она-то и призвана, по замыслу инициаторов перестройки, стать консолидирующей силой общества. Очевидно, однако, что партия к этой роли не готова... Нужен серьезный разговор о партии, которого у нас, по существу, еще никогда не было. И не в кулуарах или закрытых совещаниях, а в обществе. Разговор открытый, откровенный, честный. Был бы партаппарат более требовательным к себе, более самокритичным, более скромным, не являл бы он сегодня во многих своих звеньях растерянную политическую организацию, не знающую, как вести себя в новых условиях, вокруг каких задач консолидировать общество. Но способен ли аппарат быть таким? В ловко пущенном кем-то в оборот словосочетании “нападки на партию” слышался угрожающий окрик из прошлого. Неужели же мы такой забитый народ, что за все должны благодарить власть предрежащих? Будем же последовательными. Вина за все то, что случилось с нашей страной и ее народом, прежде всего ложится на правящую (и единственную!) партию. Она определяла стратегию развития, она формировала все звенья управления сверху донизу. Партия ответственна за все, что делалось в нашей стране после ее прихода к власти. Иная постановка вопроса просто безнравственна. Дело, конечно, не в плохой работе каждого отдельно взятого коммуниста. Те же работники партаппарата нередко трудятся много, с полной отдачей, порой на износ. Но ведь результаты-то этой работы для общества зачастую просто разрушительные. Дело в системе, в несовершенстве, порочности ее модели. Жесткая, сродни армейской, партийная дисциплина при однопартийной системе, принцип назначения если и допустимы, то лишь в экстремальной обстановке. В нормальных же условиях назначение неизбежно прорастает приятельскими, свойскими, родственными, клановыми, иногда корпоративными отношениями, более ориентируется не на способности, компетентность, нравственные качества того или иного работника, а на его личную преданность вышестоящему и в конечном итоге приводит к обеднению интеллектуального и морального потенциала кадров. Те, кто пришел к власти в соответствии со сталинскими критериями подбора руководящих кадров и уцелели, делали погоду в политике еще многие десятилетия. Это была их власть... Если такая элита укрепляется, то потом уже как бы автоматически идет воспроизводство ее примерно на том же уровне: все, что не усреднено, оригинально, нетрадиционно, выбраковывается. Утверждается принцип отрицательного отбора. Приход к руководству партией посредственного и безнравственного Брежнева — драма для страны, а во всех отношениях серого, бездарного Черненко — ее финал. Это уже позор для всех коммунистов. Но в то же время это и закономерный результат антидемократизма в партии, торжество института назначения. Впрочем, назначение — только следствие. Порок коренится уже в самом монопольном положении партии, в том, что она устранила всех своих конкурентов и критиков и тем самым лишила себя условий для нормального развития, которое невозможно без борьбы, без столкновения мнений, без естественного отбора в ходе комплектования ее руководящих звеньев. Закрытость работы партийных аппаратов, в особенности вышних, планомерное интенсивное раздувание официальной пропагандой культа партийной верхушки и самой партии в духе идолопоклонства, языческого фанатизма было направлено на то,

чтобы выработать в массах стереотип бездумного, апологетического отношения к партии, вывести ее из-под критики, оставить ее деятельность вне серьезного научного анализа. Противоестественным для партии, созданной во имя борьбы за интересы трудящихся, явилось закрепление в конституции ее статуса в качестве правящей на веки вечные. Оставим в стороне признанные нормы международного права, партийную этику. Не будем касаться и того, что такой подход отдает душком нашего исторически недавнего монархического прошлого... Принципиальная ошибка состоит в следующем: вместо того чтобы каждый раз доказывать трудящимся правоту своей политики и соответственно повышать уровень работы по всем направлениям, партия могла почивать на лаврах, будучи заранее уверенной, что она опять придет к власти. Ссылки на то, что в октябре 1917 г. партия завоевала право быть правящей, отдают политической демагогией худшего толка. (И партия тогда была другая, и общество другое, и мир другим). Ведь от внесения в конституцию положения о вечно правящей партии до провозглашения ее лидера пожизненным руководителем государства, а сына, дочери или жены лидера наследниками его поста — один шаг. Не отсюда ли берет начало, с точки зрения социальной психологии, практика пожизненного пребывания на своих постах наших партийных и государственных лидеров?»¹

Генсек понимал, несомненно, всю огромную силу партии как сложившейся СИСТЕМЫ управления ГОСУДАРСТВОМ, которое также создавалось именно вокруг ПАРТИИ; государственные структуры «накручивались» на уже существующую СИСТЕМУ, как нитки накручиваются на катушку. Вряд ли Горбачев вынашивал план ликвидации партии — это было слишком самонадеянно и самоубийственно для него, человека осторожного и в высшей степени разумного. Вероятно, Горбачев до последнего момента мечтал о превращении партии в свою подлинную опору и своего рода таран для дальнейшего углубления своих реформ.

К лету 1990 г. как в партийных кругах, так и в рядах консервативно настроенных депутатов союзного съезда уже можно было услышать критику в адрес Михаила Сергеевича: Горбачева критиковали за слабость, нерешительность, мягкость по отношению к националистическим движениям в том же самом Закавказье и Прибалтике, требуя от него принятия максимально жестких мер по подавлению центробежных сил. «У нашего Президента есть все. Мы вправе были ожидать от него более решительных мер. И говорить приходится прежде всего о недостатке воли у Президента», — говорил в интервью один из лидеров депутатской группы «Союз» народный депутат СССР полковник Советской Армии Н. С. Петрушенко, прибавляя, что для более успешной

¹ Кива А. Кризис «жанра» // Новый мир. 1990. № 3. С. 211–212.

борьбы с сепаратистами «всю полноту ответственности надо перекладывать на местные власти, а если местные власти не справляются или не хотят справляться, тогда можно уже и Президенту ударить кулаком по столу — проявить характер»¹.

Накануне открытия XXVIII съезда КПСС в окружении Горбачева шли оживленные дискуссии — не было ясно, какую линию генсеку следует избрать в отношении собственной партии — следует ли видеть в ней свою главную опору, или, напротив, выявив политические настроения в ее рядах и убедившись в фактически уже состоявшемся разделении партии на группы и фракции, стремиться к созданию собственного политического объединения — партии сторонников перестройки и ее лидера, тем самым, положив начало расколу в КПСС? К тому же команда Горбачева не исключала того, что консерваторы из партийного аппарата подготовили какую-то каверзу. В окружении Михаила Сергеевича высказывалось опасение, что его переизбрание на пост генсека может встретить серьезные затруднения, однако Горбачев, как всегда, излучал уверенность в своем успехе.

«9 июня 1990 года, в субботу, работали в Волынском над докладом к съезду. Были Яковлев, Фалин, Петраков и мы с Черняевым. Зашла речь о необходимости принять новый гимн, а М. С. вспомнил, как в детстве распевали:

Союз нерушимый
Залез под машину
И лопают кашу
За Родину нашу.

Посреди дискуссии поднял руку, требуя тишины, М. С. спросил меня в упор:

— У тебя, Георгий, какая идея?

Я не понял.

— В каком смысле?

— Ну, за что ты?

— Я социал-демократ по убеждению.

— А в какую партию пойдешь, если расколемся?

— В ту же, что и вы, Михаил Сергеевич, — ответил я без всякого намерения расписаться в преданности. — Я умру в нашей партии. Перебегать мне уже поздно, а вот переделать ее изнутри — этого хочу, не скрою. Убежден, что только в этом ее спасение. Народ не верит больше в коммунизм. Надо возвращаться к РСДРП. Только без приставочки «б».

Черняев возразил, что большинство в партии не позволит ее переименовать, «поднимут бунт на съезде и вынесут нас на свалку». Поспорили, но без страсти, потому что все понимали, что коммунистическое будущее не светит, и дело сейчас не в теории, а в политике.

¹ Петрушенко Н. Не хочу развала страны... // Аврора. 1991. № 2. С. 22.

Потом Горбачев рассказал, как в Штатах какой-то церковно-служитель сказал, что на его долю выпала миссия Христа. Мир пребывал во грехе, катился в пропасть, надо было остановить его, произнеся слова надежды, любви, единения.

— Понимаешь, — зыркнул он на меня, — единения, а вы меня на раскол толкаете. Все равно пророков в конце концов распинают. Вот и я думаю, не настал ли мой час быть распятым?

Он не подозревал, насколько близко окажется от креста на XXVIII съезде КПСС. Многие и у нас, и за рубежом спорили, закончился ли победой или поражением Горбачева. Были и такие, кто считал, что сражающейся стороны разошлись, как при Бородино, с тяжелыми потерями, но не выяснив, кто взял верх. Причем за стороны брали не Демократическую платформу и консервативное крыло, а Центр во главе с Горбачевым и партийный аппарат, хотя это было явное упрощение.

В преддверии съезда вновь остро встал вопрос, не следует ли ему передать руководство партией в другие руки, чтобы не просто «сосредоточиться» на выполнении президентских обязанностей, а встать над партиями, приобрести моральное право считаться президентом всех советских людей, независимо от их политических пристрастий и партийной принадлежности. За две-три недели до съезда я написал ему на сей счет очередное послание, которое предложил подписать Черняеву и Петракову, что они с удовольствием, почти без поправок, сделали. Мы, можно сказать, наперевоз уговаривали Горбачева пойти на непростой для него шаг, доказывая, что это будет полезно и для самой партии — очнется от головокружения, связанного с постоянным присутствием во власти, начнет заниматься выборами, постарается восстановить авторитет в массах. Говорили, что его влияние на КПСС сохранится, кроме того, можно подыскать надежного человека, который останется верен идеям перестройки. Но, выслушав все эти доводы, М. С. сказал, что мы его не убедили, он остается при мнении, что партия — это слишком важная политическая сила, чтобы отдавать ее на откуп кому бы то ни было.

— Поймите, — увещевал он, — ведь если, не дай бог, она попадет не в те руки, это грозит не просто двоевластием. Будет положен конец всему, что мы сделали, по существу, похоронит наши реформы. Вы недооцениваете запасов энергии, которые таятся в глубинах партийного организма, недооцениваете и силу аппарата. Почувствовав себя покинутыми, эти люди могут решиться на самые отчаянные шаги.

Был нами приведен и такой довод: а если на выборах генсека партократы, которых на съезде будет предостаточно, провалят его кандидатуру? На это он возразил, что имеет представление о расстановке сил. Даже отъявленные его недруги отдают себе отчет, что без Горбачева партии грозит быть отгесненной от всякого участия в политической жизни, произойдет огромный отток из ее рядов. Фактически, вставил Яковлев, речь пойдет о создании другой партии, горбачевской, за что я все время агитирую. Действительно, он давно носился с идеей разделить КПСС на две партии, которые работали бы в режиме двухпартийной системы», — вспоминал Г. Х. Шахназаров¹, добавляя, что в «предсъездовские дни ситуация от-

¹ Шахназаров Г. Х. С вождами и без них... С. 426–428.

личалась крайней напряженностью. Чуть ли не ежедневно приходили сообщения об очередных своевольных шагах Ельцина, продолжалось противостояние с Литвой, накапливался горючий материал для очередного взрыва в Закавказье, неспокойно было в Средней Азии, грозили забастовкой шахтеры. Словом, надвигалась гроза, и мало кто сомневался, что она грянет. Вероятно, впервые в нашем кругу стали высказываться опасения, что обаяние Горбачева и его умение убеждать окажутся бессильны перед крайней озлобленностью, которая ощущалась уже на российском съезде и должна была еще сильнее проявиться на всесоюзном. Съезд должен был внести ясность в вопрос, сумеет ли партия образумиться. Впрочем, партия в широком смысле была здесь ни при чем, речь шла о делегатах, представлявших руководящий ее состав, который сумел правдами и неправдами заполучить значительную часть делегатских мест, составляя каких-нибудь полтора процента от 20-миллионной КПСС. Да простится мне такое сравнение, но с самого начала съезда его агрессивная антиперестроечная часть напоминала хищников, готовых броситься на своего дрессировщика и растерзать его, но удерживаемых звонкими ударами бича. Время от времени Горбачев вынужден был прибегать к угрозам, приводившим в чувство «рыкающих» ретроградов, а увещания, доводы рассудка предназначались «середине» зала, откликающейся на серьезные доводы», —

писал Г. Х. Шахназаров¹.

В этом момент даже критики генсека признавали безальтернативность его фигуры на посту лидера партии, учитывая всесоюзный и мировой авторитет Михаила Сергеевича — 1990 г. был, как известно, временем пика «горбимании» и всеобщего восхищения деятельностью советского руководителя на внешнеполитической арене². Отказаться в этот момент от такого политического тяжеловеса как Горбачев партия не могла, к тому же не вполне понятен был и иной способ действия, отличный от того, как действует Михаил Сергеевич — что нужно сделать для того, чтобы остановить дезинтеграцию республик? Неужели танки?

10 июля 1990 г. состоялись выборы Генерального секретаря ЦК КПСС, на которых действующему главе партии противостоял мало кому известный Т. Г. Авалиани. Горбачев легко победил: за него отдали свои голоса 3411 делегатов съезда, за кандидатуру

¹ Там же. С. 428–429.

² Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, члена КПСС в 1990–1991 гг. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня. «Общий развал системы был виден, но что проблема в Горбачеве — так не казалось. Было ощущение, что система устала, как бетонная конструкция «устает»», — утверждает А. В. Бузгалин, избранный на XXVIII съезде в состав ЦК КПСС (Архив автора. Интервью А. В. Бузгалина, члена ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2017. 18 декабря).

Авалиани проголосовал 501 человек¹. Последний партийный лидер Москвы Ю. А. Прокофьев утверждал, что переизбрание Горбачева на XXVIII съезде было «огромной ошибкой» со стороны делегатов², однако результаты голосования показывают — реальной альтернативы фигуре Горбачева на посту генсека в 1990 г. не было. Для Михаила Сергеевича этот съезд был тяжелым, генсеку пришлось мобилизовать все свои уникальные бойцовские качества, чтобы выиграть большую часть тех баталий, в которых он участвовал: Михаил Сергеевич перетаскивал делегатов на свою сторону, используя все свое ораторское искусство, логику аргументации, природное обаяние, а подчас и ставя участников партийного форума перед необходимостью незамедлительно принять предложенное генсеком решение.

«На съезде практически не было увертюры, противостояние развернулось сразу в полную силу. Одним из первых голосований было отвергнуто предложение о названии резолюции, в которой присутствовали слова “регулируемый рынок”. Хотя провали его с небольшим перевесом, могло показаться, что съезд пройдет по сценарию правого крыла. В действительности у него набралось 1200–1400 надежных голосов. Примерно столько же оказалось на левом фланге. А всякий раз, когда позиции полюсов сходились в рукопашную, решали оставшиеся примерно полторы тысячи. Шла борьба за них, и здесь вновь обнаружилось умение Горбачева овладевать массой, угрожая отставкой, добивался принятия напа и заключения Брестского мира, так и Горбачев с помощью крайне резких заявлений трижды настоял на своем. Так было, когда ему удалось снять предложение о вынесении “школьных” оценок членам бывшего руководства; когда выбирали заместителя генерального секретаря и Лигачев пытался получить это место вопреки ясно выраженному желанию Михаила Сергеевича видеть своим замом Ивашко; когда решался вопрос о включении в состав ЦК 14 кандидатов, которых дружно стремилось забаллотировать консервативное крыло. Вся эта драма разыгрывалась на глазах миллионов зрителей, но значительная часть работы делалась за кулисами. Многие решалось в многочисленных беседах Горбачева с делегатами — фактически все одиннадцать дней с утра до поздней ночи он убеждал, доказывал, предостерегал, просил... Убежденность Горбачева в своей правоте невольно передавалась его слушателям. Но очередные победы, вырванные им у рока, сыграли не лучшую роль в последующих событиях. Они укрепили его уверенность в свою звезду, в способность при любых обстоятельствах навязать свою волю и тем самым притупили бдительность. Занятый бесплодной, в общем, борьбой за реформирование партии, он на несколько месяцев полуотключился от государственных дел... Горбачев ощущал “подземные толчки” в глубине партийного организма,

¹ РГАНИ. Ф. 1. Оп. 10. Д. 14. Л. 88.

² Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева, члена Политбюро ЦК КПСС, в 1989–1991 гг. — 1-го секретаря МГК КПСС. Москва. 2020. 17 февраля.

хотя делами партии почти не занимался. После съезда он целиком погрузился в государственные заботы, почти не бывал на Старой площади, всецело доверившись Владимиру Антоновичу Ивашко, Александру Сергеевичу Дзасохову, Олегу Семеновичу Шенину и другим вновь избранным членам Политбюро. Помощников президента, естественно, перестали приглашать на заседания нового коллективного руководства КПСС, и мы неделями не получали оттуда никакой информации. А там постепенно формировалось мнение, что КПСС пора переходить в оппозицию», — вспоминал Георгий Хосроевич¹.

По традиции, одним из важнейших моментов съезда стал доклад Генерального секретаря. В докладе Горбачева был решительно поставлен вопрос о пересмотре дел «всех жертв беззакония времен сталинских репрессий»². Генеральный секретарь заявил о необходимости обновления партии, которая виделась ему партией «социалистического выбора и коммунистической перспективы, добровольным союзом единомышленников, выражающим в своей политике интересы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции» и в то же время «партией, приверженной общечеловеческим, гуманистическим идеалам, чуткой к национальным традициям и чаяниям и вместе с тем непримиримой к шовинизму, национализму и расизму, любым проявлениям реакционной идеологии и мракобесия».³ В итоге XXVIII съезд высказался, по мнению М. С. Горбачева, «в поддержку политики перестройки»⁴. Съезд «продемонстрировал, что все в партии начало двигаться — пусть с трудом, на малой тяге, с сильнейшим сопротивлением, но пришло в движение», — полагал Михаил Сергеевич⁵. Партия на своем последнем съезде «осудила тоталитаризм и присягнула демократии, свободе, гуманизму. Это был разрыв с большевизмом, первый крупный шаг по реформированию КПСС. Но дался он тяжело, несколько раз все висело на волоске. А после съезда осталось тревожное впечатление хрупкости достигнутого прогресса. Ступив одной ногой на “новый берег”, КПСС другой ногой оставалась на старом. В таком переходном состоянии застали ее последовавшие бурные события, и это сыграло роковую роль в ее судьбе», — вспоминал М. С. Горбачев⁶.

¹ *Шахназаров Г. Х.* С вождями и без них... С. 429–431.

² Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза... С. 28.

³ Там же. С. 38–39.

⁴ Двадцать вопросов Михаилу Горбачеву накануне 70-летия // *Многая Лета...* С. 15.

⁵ *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 563.

⁶ *Горбачев М. С.* Остаюсь оптимистом... С. 242.

В состав ЦК КПСС, предварительный вариант списка которого генсек составлял вместе с А. Н. Яковлевым¹, было введено немало новых людей, зачастую неизвестных рядовым коммунистам — такие радикальные изменения в составе партии и Центрального комитета настораживали, в партийной среде, как вспоминал А. С. Дзасохов немедленно поползли слухи, что «кандидаты подбираются наспех, что это люди без необходимого опыта, особенно если дело касается идеологии пропаганды, взаимодействия с другими партиями и движениями. Я понимал, что отчасти такой кадровый радикализм вызван стремлением показать, что КПСС серьезно обновляется и в ЦК приходят новые люди. Но что получится в результате? Этого никто не знал. И потому в тотальной замене членов ЦК чувствовалась некая спонтанность, которая, полагаю, была видна не только мне»². И действительно: можно утверждать, что руководство партии кардинально изменилось: кроме Горбачева, в Политбюро ЦК КПСС остался из прошлого состава лишь В. А. Ивашко³; серьезные изменения произошли и в составе Секретариата, секретарями ЦК стали, например, Г. В. Семенова, О. С. Шенин, Г. И. Янаев. В состав ЦК был введен целый ряд инициативных и энергичных коммунистов, выдвинувшихся в годы перестройки — например, В. В. Калашников, И. И. Мельников, Б. П. Гуселетов, А. С. Грачев.

При этом руководство партии покинули два антипода, начинавшие вместе с Горбачевым перестройку: А. Н. Яковлев и Е. К. Лигачев⁴. Каждый из них обладал яркой и поистине неповторимой индивидуальностью, каждый из них дополнял Горбачева, без каждого из них нельзя представить ту эпоху. «Лигачев — честный и порядочный человек. Если Яковлев был западник, то у Лигачева чуть ли не кирзовыми сапогами не пахло... Лигачев — смесь вольтерьянства с приспособленчеством. Все они хотели полусоветской власти, никто из них не хотел выглядеть дураком», — рассказывал автору этих строк В. А. Коротич⁵. Лишившийся в одночасье всех своих постов, Лигачев, тем не менее, не утратил своего авторитета, став знаменем тех сил, которые не принимали

¹ Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2005. С. 451.

² Дзасохов А. С. Человек и политика. 2-е изд. М., 2017. С. 133–134.

³ Лошак В. Новые люди на Старой площади // Московские новости. 1990. 22 июля.

⁴ Яковлев Е. Возрождение партии в руках левых сил // Московские новости. 1990. 22 июля.

⁵ Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. А. Коротича. Москва. 2019. 20 июня.

политику Горбачева, знаменем «правых», как их называли в ту пору. «На выборах генерального секретаря реакция не смогла дать бой, потому что Лигачев не решился на выдвижение своей кандидатуры, а другого сильного противовеса консервативная партия не имела. Лигачев бросил вызов Горбачеву косвенным образом: вопреки ясно выраженной воле Горбачеву, выдвинувшего в заместители Генерального Владимира Ивашко, Лигачев баллотировался в заместители. Но в этом качестве он уже не интересовал и своих единомышленников — он мог быть им нужен только как альтернатива Горбачеву», — писал известный публицист О. Р. Лацис, один из представителей либерального направления в КПСС¹. Сам факт выдвижения Лигачевым своей кандидатуры уже после того, как М. С. Горбачев предложил на пост заместителя генсека В. А. Ивашко, по тогдашним партийным понятиям был вопиющим нарушением партийной дисциплины со стороны Егора Кузьмича. «Для КПСС 1990 года это была неслыханная дерзость, да нет, даже не дерзость, а, скорее, курьез», — вспоминал С. С. Шаталин². «Я был невольным свидетелем последней сцены, завершающей взаимоотношения Е. К. Лигачева и М. С. Горбачева. Генсек возвращался после голосования за своего “зама” и неожиданно в узком переходе из Георгиевского зала Кремля во Дворец съездов столкнулся с Е. К. Лигачевым. Лишь на мгновение он растерялся, но неожиданно сказал:

— Я голосовал против тебя, Егор.

— А я, Михаил Сергеевич, — ответил Е. К. Лигачев, — голосовал за ваше избрание генеральным секретарем...

И они разошлись в противоположные стороны. Разошлись навсегда», — вспоминал народный депутат СССР, руководитель Аппарата Президента СССР В. И. Болдин, в августе 1991 г., как известно, также «разошедшийся» с Горбачевым³.

Новый состав ЦК КПСС в политическом отношении был разнородным. Если верить А. С. Черняеву, ЦК КПСС «теперь в подавляющем большинстве состоял из лигачевцев и полозковцев...»⁴. Несколько иную картину рисует в своих воспоминаниях А. В. Бузгалин, избранный на XXVIII съезде КПСС в ЦК:

«Борьба на съезде была нешуточной и не только между демократически настроенной частью делегатов и президиумом, поддерживаемым

¹ *Лацис О. Р.* Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 296.

² *Шаталин С. С.* Прерванный диалог. Тверь, 1998. С. 150.

³ *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 364.

⁴ *Черняев А. С.* Шесть лет с Горбачевым... С. 357.

конформистами в зале... На съезде ясно определились два крыла, которые затем сохранялись на протяжении всей деятельности избранного тем летом ЦК. Одно — “Горбачевско-яковлевское”, второе — “лигачевское”. Деление это касалось, естественно, не столько приверженности тем или иным лидерам, сколько иных, более фундаментальных вопросов. “Горбачевцы” были представлены делегатами, поддерживавшими, как ни странно, два противоположных курса, объединенных только одним, но существенным общим лозунгом: реформы должны развиваться, назад пути нет. Но за этой формальной общностью были скрыты содержательные разногласия. Для рядовой интеллигенции (а именно она составляла массовую базу реформаторов) и секретарей первичных партийных организаций Горбачев и Яковлев были символами необратимости демократических перемен, слома тоталитарного государства и неясной, но светлой перспективы, контуры которой выделялись то ли в виде двух слов “демократический социализм”, то ли как перенесенная на советскую почву шведская действительность. Для “руководящего звена”, поддержавшего реформаторов (а это в основном были “новые люди” в центральном партаппарате, часть хозяйственной бюрократии, элитарные интеллектуалы и т. п.), линия Горбачева — Яковлева была последней надеждой сменить форму своей власти, оставив неизменной суть: власть номенклатуры и обслуживающей ее интеллектуально и материально камарильи. Что же до “лигачевского” лагеря, то здесь так же оказались очень разные силы, объединенные опять же формальным, но значимым единством: не отдадим социалистических завоеваний, не допустим капиталистической эволюции страны. Споры нет, лозунг куда как актуальный (как, впрочем, и яковлевский — нет возврата в прошлое), вот только что за ним стояло по существу? А по сути это был призыв сохранить в неприкосновенности власть местного партийного чиновничества, которое, конечно, и привилегиями пользовалось (кто больше, кто меньше) и взятки брало (да и поди разберись, где взятка, а где подарок от чистого сердца), но и дело свое знало, худо-бедно посевную и уборочную кампанию всегда проводило, и жилье народу какое-никакое строило, и предприятия план выполнять заставляло... Куда же без этих людей-то? Развалится все...»¹.

По сути, съезд зафиксировал и в известном плане закрепил идейную растерянность партии². Обозревая исторические итоги съезда, А. Н. Яковлев писал: «Под давлением общественности была изменена редакция 6-й статьи Конституции СССР. Монополии партии на абсолютную власть в стране был положен конец. Отныне КПСС могла действовать только в рамках Конституции и законодательства, наравне с другими партиями. И пусть соизмеримых соперников не оказалось, важен сам принцип. В юридическом

¹ Бузгалин А. В. Белая ворона (последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри). М., 1993. С. 63–64.

² Косолапов Р. И. Идеи разума и сердца. М., 1996. С. 54.

и политическом отношении КПСС совершила акт “отречения от престола”»¹.

Проведение съезда не привело к стабилизации положения в Союзе. «Страна словно взгромоздилась на вулкан. Стремительное развитие событий уже на другой день после XXVIII съезда дало почувствовать, что этот партийный форум ничего путного не принес ни партии, ни обществу, разве что засвидетельствовал расклад сил в КПСС. Выбитая из колеи перестройкой, полулишенная власти, но все за нее судорожно цепляющаяся, безнадежно отстающая от разворачивающихся в стране социальных и национальных движений, партия находилась в состоянии полураспада. В ней неизбежно должны были вызреть силы, которые отринут Горбачева как отступника от марксизма-ленинизма (в действительности — от сталинизма) и предпримут отчаянную попытку спасти советский строй с его решающим элементом — монопольным господством коммунистической партии. Как женщина, которую разлюбили и бросили, партия была способна на самый безумный поступок», — писал Г. Х. Шахназаров².

Секретарь ЦК и будущий президент Молдовы П. К. Лучинский вспоминал:

«Он (Горбачев. — А. П.) постепенно отходил от обязанностей лидера партии. А резкий поворот от них сделал тогда, когда КПСС прошла заметный рубеж на пути своего реформирования. Я этот процесс связываю с последним съездом, который в корне отличался от всех предыдущих. Впервые делегаты на съезд были избраны демократическим путем. Раньше список кандидатов предварительно согласовывался с аппаратом ЦК и рассылался на места с тем, чтобы именно их парторганизации областей, краев, республик направили на съезд... Все первые секретари ЦК республиканских компартий теперь входили в Политбюро. Я стал его членом, так как возглавлял компартию Молдовы. Еще раз высшие партийные органы обновились и на этот раз кардинально. Новые люди пришли с иными взглядами чем те, которые исповедовал генсек. Аппарат фактически потерял власть. Горбачев лишился в нем главной своей опоры. Аппарат всегда был мощной силой, с помощью которого секретариат и Политбюро проводили политику Генсека. Горбачев впервые почувствовал себя неуютно и стал терять интерес к партийным делам. Этот факт нельзя объяснить лишь загруженностью его как президента. Словно грибы после дождя росли вокруг него разные советы исполнительного и совещательного характера. Они брали на себя большую часть работы, которую, кстати, плохо исполняли. А новые руководители высшего партийного эшелона далеко не во всем следовали указаниям генсека, что нередко вызывало его крайнее недовольство. Революция “сверху” в своей трагической незавершенности сделала попытку впервые уравнивать “первое

¹ Яковлев А. Н. Сумерки. М., 2005. С. 457.

² Шахназаров Г. Х. С вождями и без них... С. 431.

лицо” в партии с другими ее руководителями. Горбачев смириться с этим не смог. Что из этого вышло, говорят сами за себя события трех дней августа. Нас удручало незнание президентом истинного положения дел в стране. Уже ни для кого не было секретом, что он пренебрегает обязанности Генерального. В ЦК зрело намерение от этого поста его освободить. Собственно от Горбачева это и не скрывали. В его адрес шли тысячи писем, телеграмм с требованием отчитаться перед партией за развал страны. Это его настораживало. Проблема с заменой генсека широко обсуждалась. Выступая на Пленуме перед XXVIII съездом, я предложил ввести партии две должности: председателя и первого секретаря. За Михаилом Сергеевичем оставить пост председателя, а на второй избрать нового человека. ЦК смог бы действовать более самостоятельно и независимо от президента. Реакция Горбачева была мгновенной: “Это что же, почетным председателем?” — Дал всем понять, что эта роль не для него. Вопрос сняли, а могли его решить. Тогда обстановка позволяла. Как показали августовские события, решение было бы верным, но верх одержал расчет, хоть и прискорбно об этом говорить. Как рассуждали? Горбачев президент. У него в руках необъятная власть. На местах к руководству партийными организациями пришли новые люди без опыта, необходимых знаний и навыков хозяйственной деятельности. А чем всегда занимались партийные работники? Да отними у них хозяйственные функции, и партий останется как русалка из подводного царства. В одной идеологической дымке. И надеялись, что президент укрепит престиж партии. Но он все чаще уходил с пленумов обиженным. Не раз говорили первым секретарям: “Ну не надо его столько критиковать! Он все же человек. Ему надо помогать”. Я неоднократно замечал, что М. Горбачев переоценивает свои способности. К тому же смотрел на жизнь с позиции наблюдателя. Мол, время все расставит на свои места. Не в этом ли истоки его личной драмы?! Понимал ли он, в какую сложную ситуацию себя поставил? Если понимал, на что надеялся? Ведь процесс, который “пошел” — так он предпочитал говорить — сметет в первую очередь его. Мне думается, что драма Горбачева как политика в том, что ему не удалось освободиться от груза старых представлений. Когда-то трудная борьба за власть — сначала Сталина, а позже Хрущева — склонили Центральный Комитет к единственному выбору: сохранять в партии единодушие и споконствие. Чувство полного удовлетворения ее делами. На этом фоне, скорее аморфном, Горбачев пришел к власти. Этой системой он был выращен. Статус “первого лица” в партии и государстве официально воспринимался в одном качестве — как исключительности его дарования. Это всегда афишировалось как с помощью легенд, так и манипуляций общественным мнением. Едва ли Михаилу Горбачеву досталась малая толика хвалебных слов, что щедро раточали Брежневу. И все же! Человек психологической консервативен. Генсек до последнего мгновения не расставался с заблуждением, что он может сделать с обществом *все!* Именно как “первое лицо”. “Достаточно определить линию и процесс пойдет!” — так он убеждал себя. Но многих в этом убедить не смог. Почему так рисковал? Он не мог не видеть, что люди от него отходят. В его новаторство перестают верить. Я вижу в этом главную причину. Слышать другого человека Горбачев так и не научился...»¹.

¹ Лучинский П. К. Заложники. Кишинев, 1993. С. 7–8. Глава советского правительства Н. И. Рыжков также предлагал в 1990 г. Горбачеву стать

«Горбачев колебался вместе с линией партии, более того, прилюдно заигрывал с оппозицией, а кулуарно ее проклинал. Под ним закачалось не только кресло генсека, но и кресло президента. Сам же он просто не решался, боялся оставить пост генсека. Другой политической опоры у президента не было. Дальнейшие метания, как стало ясно многим, вели к краху партии, Союза ССР, самого Горбачева», — такой взгляд на отношения партии и ее генсека в 1990 г. предложил в своих воспоминаниях видный партийный деятель В. В. Рябов¹. Помощники Горбачева А. С. Черняев и Г. Х. Шахназаров в то время неоднократно предлагали Горбачеву расколоть ЦК КПСС на «демократическое» меньшинство и «консервативное» большинство. Предполагалось, что Горбачев в этом случае смог бы возглавить всех «демократов» и потеснить в этой роли Б. Н. Ельцина. Но Горбачев воспринимал эти советы как политическую авантюру, и решиться на этот шаг не мог². Советский лидер понимал, что партия при всех ее недостатках продолжает оставаться фундаментом государственного механизма СССР, а ее раскол, с одной стороны, безусловно усилит дезинтеграционные процессы, а с другой — ослабит влияние Москвы на республики.

Черняев писал:

«...в “лучших” ленинско-сталинских традициях Горбачев с самого начала провозгласил партию авангардом перестройки. И если возможно было бы подсчитать процент времени, нервов, усилий, потраченных на то, чтобы этого добиться, то, наверное, будет около 80. Но, поскольку у самого Горбачева менялись представления о сути перестройки и поскольку общество быстро менялось, заглатывая все больше свободы, задача эта оказалась неразрешимой. Не то чтобы он не принимал в расчет разницу между почти 20-миллионным членским составом КПСС и партийным аппаратом, который фактически олицетворял силу и роль партии, был по существу государственной структурой. Он отчетливо видел эту разницу. Но до последнего момента полагал, что в ходе демократизации общества коммунисты изберут руководителями тех, кто искренне станет превращать партию в нормальную общественно-политическую организацию, и даже помогут новым гражданским властям научиться править демократически. Он упорствовал в этом убеждении, несмотря на то, что от этапа к этапу в ходе перестройки, от пленума к пленуму ЦК, от выборов к выборам в партийных органах, где только за 1985–1990 годы сменилось три состава секретарей, враждебность номенклатуры в эпоху перестройки нарастала и становилась все более открытой. Не убеждало его и то, что

почетным председателем партии, однако получил от него отказ (см.: Премьер перестройки / Беседа Д. Бабиченко с Н. Рыжковым // Итоги. 2010. № 22. С. 33).

¹ *Рябов В. В.* Жизнь в ЦК, или ЦК изнутри. М., 2005. С. 163.

² *Медведев Р. А.* Советский Союз: Последние годы жизни. М., 2015. С. 197.

бурно пошел процесс отторжения общества от партии, и не только в среде интеллигенции, но и в рабочем классе <...> Но почему же он не ушел с поста генсека. Не только я — многие из его близкого окружения настаивали на этом. Позже довольно зло он отреагировал: «Сначала потому, что хотел реформировать партию и поставить на службу перестройке, а потом — чтобы держать при себе этого монстра, который, если спустить с цепи, мгновенно разрушил бы все мое дело!» Какое-то объяснение в этом есть. Но несколько упрощенное. Думаю, что было несколько мотивов:

— синдром человека, вся политическая жизнь которого и вся карьера были обязаны партии;

— идеологический мотив: Горбачев долго, до 1992 года, продолжал клясться верностью социалистическому выбору. А значит, нужна была и партия с социалистической доктриной. Никакой другой у нас не было. Я уже не говорю о мифологии, которая срослась с общественным сознанием, что без партии вообще ничего невозможно сделать, немыслимо само существование государства;

— третий мотив прагматический: реальная, особенно на местах, власть в значительной степени до самого августа 1991 года сохранялась в руках секретарей обкомов и райкомов. Отвернуться от них значило бы окончательно утратить важнейшие каналы управляемости обществом. Замены им так и не возникло.

По этим же причинам он не посягнул всерьез на КГБ, на министерство внутренних дел, на Министерство обороны: там по-прежнему царили партократы самого худшего толка. Он полагал, что эти структуры еще пригодятся (на всякий случай!) — без силовых опор власть существовать не могла. Потеряв их в августе, он утратил и реальное влияние на ход событий. Спорят до сих пор, следовало бы и тогда Горбачеву отказаться от генсекства. Думаю, он до сих для себя не решил, **была ли тут роковая ошибка с его стороны, или он все равно не смог бы осуществить свой разрыв с партией** (выделено А. С. Черняевым. — А. П.). Что этого нельзя было сделать в первые 4 года перестройки, для меня очевидно — через неделю, не позже, он стал бы «пенсионером союзного значения». Но осенью 1990 года, мне кажется, уйти было возможно и необходимо. Партаппарат тогда был уже достаточно деморализован, чтобы открыто восстать. Во всяком случае — в контексте нашей темы о лидерстве — отношении Горбачева с партией, пожалуй, решающий пункт, где надо искать причину того, что он не смог довести преобразования до какого-то приемлемого рубежа и вынужден был уйти»¹.

Развивая свою мысль, Черняев писал:

«Все *внешнеполитические* (здесь и далее в цитате курсив принадлежит А. С. Черняеву. — А. П.) условия были налицо, чтобы *политически* порвать со старым строем, именно тогда — в конце лета и осенью 1990 года. Порвать с партией, с социалистической идеологией, с прежним порядком осуществления власти, назначить выборы в новый парламент, отказаться от Советского Союза и начать в этот момент (а не через полгода) «ново-

¹ Черняев А. С. 1991 год... С. 325–327.

огаревский процесс”. Иначе говоря, признать, что перестройка — это революция, означающая *смену строя*. Этого, как известно, не произошло... При переходе от разрушительного этапа перестройки, когда рейтинг Горбачева шел вверх, к созидательному он совершил внутренне роковую ошибку... Вопреки тому, что сам неоднократно провозглашал: задача перестройки — высвободить естественную логику развития общества, а не навязывать ему очередную схему, — он взял на себя роль главного конструктора, а в придачу еще и прораба “в строительстве” нового общества. Но это стало объективно невозможно, не говоря уже о том, что при всей своей старенности он (да и никто другой) не был “компетентен” для такой роли»¹.

«Реформы не имели никакого шанса увенчаться успехом без того, чтобы к руководству страной пришли новые люди. Каким бы отчаянным реформатором ни был сам президент, он, естественно, ничего не мог сделать в одиночку, без единомышленников, соратников, без им же избранных и назначенных руководителей на всех ответственных постах, своих сторонников во всех регионах. В целом — без партии. Но у Горбачева уже была своя партия, и он слишком кровно с ней связан, чтобы бросить ее на произвол судьбы. Эта партия, ее руководство доверили ему роль лидера, и, сознавая свой долг перед ними, он намеревался не просто отбросить КПСС от власти, а перегруппировать ее ряды и подготовить к политической борьбе, в которой она могла бы подтвердить свое право управлять страной дальше — только уже на конституционной, легитимной основе. Здесь сказались и сознание ответственности перед миллионами партийцев и далеко еще не преодоленная вера в целесообразность системы, которой он преданно служил всю сознательную жизнь. Да и боязнь быть обвиненным в ревизионизме, то самое горделивое нежелание “поступиться принципами”. Не случайно в речах на протяжении первых лет перестройки он не устает напоминать о своей приверженности социализму, о том, что для него это генетическое — отец и дед были коммунистами. Но после избрания президентом его уход с поста генсека стал необходим со всех точек зрения. Этим актом, которого требовала демократическая оппозиция и ожидали все мыслящие люди, он выводил себя из-под шквального огня со всех сторон и занимал позицию арбитра. Причем в тот момент достаточно было сложить полномочия генерального, сохранив партийный билет, — и в партии, и в обществе большинство отнеслось бы к этому с пониманием. Больше того, нельзя исключать, что для самой партии это имело бы благотворные последствия. Во-первых, она перестала бы возлагать все надежды на одного вождя, соответственно ему покоряясь и его же коря за все свои неудачи. Во-вторых, генсек практически только своим авторитетом удерживал в одной организации два четко заявивших о себе течения — ортодоксально-коммунистическое и социал-демократическое, искусственно, продлевал состояние единства, и его уход мог, вероятно, уже тогда привести к разделению КПСС на две жизнеспособные политические партии, что положило бы начало формированию действенной многопартийной системы. В окружении Михаила Сергеевича сформировалось тогда общее мнение на этот счет. Мы настойчиво убеждали его решиться,

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 375.

приводили множество аргументов. Увы, без успеха. Неточный расчет помешал ему принять решение, которое могло изменить дальнейший ход событий. Он отводил все доводы, ссылаясь на то, что мы недооцениваем опасности сопротивления консервативных элементов, нельзя “отдавать власть этой публике”, в принципе такой шаг неизбежен, но не настало еще время», — вспоминал Г. Х. Шахназаров¹.

Один из самых важных эпизодов последнего съезда в истории КПСС — выход из партии Б. Н. Ельцина. Упорные слухи о возможности выхода Ельцина из КПСС ходили еще до съезда,² однако никто не мог и представить себе, насколько решительно и эффективно Борис Николаевич сделает это, зафиксировав тем самым свой окончательный разрыв с Горбачевым и его курсом. По словам народного артиста СССР О. В. Басилашвили, бесповоротно разорвав с партией, Ельцин доказал, что он готов всю свою жизнь положить на служение простому народу и еще раз продемонстрировал свой подлинный демократизм³. После оглашения своего заявления о выходе из КПСС, Ельцин медленно пошел к выходу из зала. «Традиционный для него спектакль одного актера», — резюмировал народный депутат СССР С. С. Сулакшин⁴. «Реакция была многоликой, кто-то аплодировал стоя, раздавались всевозможные выкрики и громкий свист, а когда дверь за Ельциным захлопнулась, по залу пошел ропот», — вспоминал делегат съезда А. С. Дудырев⁵. Если верить воспоминаниям А. В. Коржакова, то Ельцин, бывший в рядах партии около 30 лет, выйдя из ее рядов, испытывал, по его словам, огромное чувство облегчения — как будто бы избавившись от сброшенного с плеч тяжелого груза⁶. Близкий соратник Ельцина, С. Н. Красавченко, вспоминает, однако, обратное: в день выхода из партии, Борис Николаевич сидел у себя в кабинете, схватившись за голову, приговаривая: «Представляете, вся жизнь в партии прошла...». «Было видно, что он очень пере-

¹ Шахназаров Г. Х. С вождами и без них... С. 424–425.

² Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в 1990–1991 гг. — члена ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

³ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили, народного артиста СССР, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург, Решино. 2022. 3 октября.

⁴ Сулакшин С. С. Современная российская многопартийность: видимость и сущность. Свидетельство не со стороны. М., 2001. С. 95.

⁵ Дудырев А. С. Технологический институт. Воспоминания ректора. СПб., 2010. С. 266.

⁶ Архив автора. Интервью А. В. Коржакова, начальника службы охраны Первого Президента России Б. Н. Ельцина. Село Молоково, Московская область. 2021. 8 декабря.

живал», — рассказывал автору С. Н. Красавченко¹. Но Ельцин не был бы Ельциным, если бы не решился в тот момент на выход из КПСС, точно рассчитав, что этот шаг принесет ему большие политические дивиденды. Способность принимать решения и не уклоняться от ответственности за них была едва ли не самой сильной стороной Ельцина как политика; вероятно, как раз этого качества и не доставало Горбачеву. По мнению Горбачева, сидевшего в президиуме съезда и наблюдавшего за тем, как происходил «картинный выход Ельцина из зала», того эффекта, на который «рассчитывали постановщики этой сцены, не получилось»². Думается, что Михаил Сергеевич ошибался. Красноречивая запись содержится в дневнике А. С. Черняева:

«Сегодня Ельцин театрально с трибуны съезда заявил, что он уходит из партии, и покинул зал под редкие выкрики “Позор!” М. С. вечером позвонил мне. Стал пояснять, что это “логический конец”. Я ему в ответ: “Нельзя недооценивать этого шага”. Такие вещи производят сильное впечатление:

Во-первых, эмоционально. Человек позволил себе, и это вызывает уважение и интерес к нему.

Во-вторых, сигнал общественности и Советам, что можно с КПСС отныне не считаться. А с партаппаратом отныне — поступать вот так.

В-третьих, сигнал коммунистам. Можно уже не дорожить партбилетом и оставаться на коне.

В-четвертых, (Горбачеву тогда я этот пункт “не сказал”): это вы довели дело до того, что могут происходить такие вещи.

В-пятых. Вы тут две недели из-за запятых спорите. Перед всей страной болтовню разводите, разрушая свой авторитет. А урожаем на полях сыщется. И вообще все останавливается.

В-шестых, и главное (тоже оставил при себе). Вы зубами рвали, чтобы сохранить за собой пост Генсека в партии. А он (Ельцин) плюнул ей в лицо и пошел делать дело, которое вам надлежало делать.

Обиделся, когда я стал расхваливать команду министров и парламентариев, которых Ельцин с Силаевым набрали. Бурно, по-Горбачевски, стал предрекать им провал. Мол, соприкоснутся с жизнью... Вот-вот, отвечивал я: думаю, что с Россией они справятся быстро. Ух, как он взвился, обвинил меня в профессорстве, в аплодисментах, в эйфории и т. д. Конечно, не очень это я деликатно... после “музыкального момента” с выходкой Ельцина на съезде»³.

Итак, Горбачев сохранил за собой пост генерального секретаря, но в партийном аппарате продолжало нарастать сопротивление

¹ Архив автора. Интервью С. Н. Красавченко, народного депутата РСФСР.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1. С. 562.

³ Черняев А. С. Совместный исход... С. 863–864. Дневниковая запись от 12 июля 1990 г.

линии перестройки. Горбачев понимал, что воспринимается многими как «полу-президент, полу-генсек», раздражала его и критика его политики в партийных кругах; «Со Старой площади (Старая площадь, дом 4 — здание ЦК КПСС. — А. П.), — вспоминает В. Н. Игнатенко, — Горбачев приезжал весь какой-то постаревший и пожухлый»¹.

«Обстановка в ЦК была смятенная, тревожная. Горбачев слишком стремительно взошел на самый верх, этого не понимали, его в аппарате не любили: старики ушли из ЦК глубоко недовольные, молодые не понимали интересы Горбачева, а он понимал, что партия уже не может быть руководящей и направляющей, искал пути к демократизации, а в партии уже не видел основную свою опору», — рассказывал автору референт Михаила Сергеевича Г. В. Пряхин². Горбачев стал «уставать» от партии, все меньше и меньше веря в трансформацию ее в свою *главную политическую опору, тыл и базу*. С конца 1990 г. и партия, в свою очередь, почувствовала, что Горбачев утратил к ней интерес как к политическому инструменту³. Отметим при этом, что, несмотря на определенное охлаждение к партии, Горбачев, вплоть до своей отставки с поста Генерального секретаря, предпринимал огромные усилия для обновления КПСС. Если так можно выразиться, то Михаил Сергеевич пытался превратить «роман» с партией в «брак по расчету», считая это необходимым для политического самосохранения и себя, и КПСС.

Центральным вопросом жизни Советского Союза в 1990 г. был вопрос о подготовке к подписанию нового Союзного договора. «15 неизвестных и президент» — такое название получила статья известного журналиста В. Т. Третьякова. «Это уравнение с пятнадцатью неизвестными называется СССР. Решить его взялся президент страны с тем же названием. Если взглянуть в конец задачника, где обычно печатаются правильные ответы, то решение ясно — новый союзный договор», — писал В. Третьяков, отмечая, что «все дальнейшие шаги 15 неизвестных на самом деле давно уже известны. И поэтому решение в виде нового союзного договора — это еще не правильный ответ, потому что в политике правильный ответ нужно дать вовремя. Иначе “литовский синдром” оконча-

¹ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко, в 1990–1991 гг. — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 17 октября.

² Архив автора. Интервью Г. В. Пряхина, консультанта Президента СССР, руководителя пресс-службы ЦК КПСС. Москва. 2019. 15 апреля.

³ Архив автора. Интервью Б. П. Гуселетова, в 1990–1991 гг. члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 19 декабря.

тельно превратится в комплекс политической неполноценности или, хуже того, манию величия. *Не рассчитанный на перспективу союзный договор республики уже не подпишут* (выделено мной. — А. П.). Поэтому Центру нужно наконец взглянуть дальше, чем сумела маленькая Литва...»¹. В 1990 г. аналитическую записку, в которой были обозначены основания, которые могли бы лечь в основу принципов существования обновленного Союза, подготовил крупный ученый академик В. А. Тишков.

«Важно определить заново аргументы в пользу сохранения Союза. Старые, преимущественно обращенные в прошлое (победа в войне с фашизмом, вековая история создания Российского государства и т. п.) или эмоциями («мы еще не жили в настоящей федерации», аморально покинуть Союз в тяжелое время) фактически не работают. В современных условиях сохранения Союза оправдано прежде всего по трем причинам:

- А) исторические:...
- Б) хозяйственные:...
- В) политические:

В сохраняющейся социальной неоднородности мира вопросы безопасности не снимаются и общая оборона нужна. «Балканизация» Союза может привести к «ливанизации» — и превратить целые регионы в очаги гражданских, религиозно-этнических конфликтов... Разумно и тактически верно занять следующую исходную позицию: Центру выгоднее и легче, и он этого искренне желает — передать как можно больше полномочий республикам или другим составляющим Союза. Основная ответственность за организацию гражданской (не только национально-культурной) жизни от федеральной власти должна быть передана республикам... Центр — это прежде всего высший гарант общегражданских начал, арбитр и модератор, это структура, облегчающая функционирование Союза, это пересечение республиканских связей, средоточие добровольно делегированных полномочий. Центр — это не железный обруч, а скрепляющаяся втулка в колесе республик, позволяющая прикрепить его к быстро двигающейся повозке мирового сообщества. Только такая исходная философия (хотя и не самая идеальная с точки зрения мирового опыта и науки) может сейчас быть воспринята. Мы вынуждены учитывать и наследие империи, и негативную часть советского опыта. Пределы свободы в условиях сохранения единства далеко не исчерпаны. Даже если дать уровень суверенитета, как у штатов в США и земель в ФРГ, это будет огромным шагом вперед... Центр должен искать новые источники и рычаги своей целесообразности», — писал В. А. Тишков².

Декларация о государственной независимости РСФСР в момент ее принятия I Съездом народных депутатов РСФСР 12 июня

¹ *Третьяков В.* 15 неизвестных и президент // Московские новости. 1990. 5 августа.

² *Тишков В. А.* К позиции союзной делегации на переговорах по новому договору. 4 июля 1990 // ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1062. Л. 13–15.

1990 г. не воспринималась большинством депутатов как торпеда, пущенная в борт кораблю союзной государственности, однако в практико-политическом смысле она сыграла для судьбы СССР поистине роковую роль¹, выступив в роли главного катализатора процесса суверенизации и открыв легальную возможность борьбы с союзным центром для других республик,² тем самым спровоцировав грозный «парад суверенитетов» и появление похожих деклараций Узбекистана, Молдавии, Украины, Белоруссии, Молдавии, Туркмении, Армении, Таджикистана, Казахстана и Киргизии, а еще прежде — Грузии, Латвии и Эстонии. Не видя иного способа остановить распад страны, руководство Союза видело шанс на спасение союзной государственности в скреплении республик в новой форме государственного объединения. Параллельно набирал силу и процесс суверенизации автономных республик, которые заявили о необходимости повышения своего статуса до уровня союзных. Реагируя на эти требования, Ельцин бросил знаменитую фразу о том, что народы РСФСР могут взять «столько самостоятельности, сколько сумеют обеспечить»³.

¹ «Реализация идеи независимости России предполагала разрушение союзного федеративного государства. И это сразу же стало очевидно после принятия Декларации о госсuverенитете России. Россия была ядром союзного государства, а также уменьшенной копией Союза ССР. И ее декларация инициировала парад деклараций о суверенитетах в других республиках, а затем и в российских автономиях. К концу 1990 года война законов и суверенитетов была уже в полном разгаре. Новое руководство России шаг за шагом выбивало у Центра рычаги власти, добываясь преобразования Союзного государства в Союз государств, то есть речь шла о сознательном стремлении заменить федеративное устройство конфедеративным. О том, во что это обойдется самой России, тогда новые лидеры не думали», — писал видный петербургский историк В. В. Калашников (*Калашников В. Право — искусство добра и справедливости // Правда. 1992. 18 ноября*). «Вообще нелепость, понимаете, когда Россия и Союз спорятся. Союз убивает не Литва, не Грузия, Союз убивает Россия. Смешно говорить о суверенитете России — в принципе смешно, понимаете? <...> И нелепо России заявлять: я не подпишу Союзный договор, я не сяду за стол переговоров. С кем? Ведь все это создано, по идее, Россией. А теперь она сама говорит: я не буду. Она что, выходит из Союза? И что там тогда останется? Я это не понимаю, ей-богу. По праву сильного Россия должна быть более снисходительной, если уж на то пошло. А то мы все: вот, ее раздели, ее разули — кто ее раздел и разул? Центр. Минуточку, а что есть Центр? Это же Россия», — удивлялся член Совета Безопасности СССР В. В. Бакагин (*Караулов А. В. Вокруг Кремля — 2 / Книга политических диалогов. М., 1992. С. 156–157. Интервью В. В. Бакатина, 29 марта 1991 года*).

² Лукьянов А. И. Август 91-го. Был ли заговор. М., 2010. С. 134.

³ Московские новости. 1990. 19 августа.

К концу 1990-го г. декларации о суверенитете приняли все автономные республики, автономные округа и автономные области, входившие в состав РСФСР¹. Борьба Ельцина с Горбачевым «за Кремль» вступила в «горячую» фазу. Б. Н. Ельцин в ту пору заявлял даже на официальных совещаниях: «Во-от столько прав надо дать Союзу. — И на сантиметр-полтора раздвигал расстояние между большим и указательным пальцами. — Пускай берет то, что мы делегируем». Ему подражали, завороженные непривычной строптивостью, дерзостью... Впрочем, безудержный напор, с которым Ельцин добивался суверенитета РСФСР, был вызван не одними личными мотивами. Да. Личная — главная — цель была. Скинуть Горбачева. Но не только это двигало Борисом Николаевичем. Россия, как и остальные республики, находилась в бесправном положении по отношению к Центру. Что не могло устраивать Ельцина, избранного в мае 1990 г. председателем Верховного Совета РСФСР. Зависимый статус России (России!) вкупе с накопившимся ожесточением ее лидера против тех, кто в свое время скинул его с властного олимпа, желанием отомстить, эгоизмом, гордыней создавали гремучую смесь. Спешное объявление РСФСР о своем суверенитете стало определенной точкой невозврата. Россия всегда была стеновым хребтом, стержнем СССР. И теперь сломавшийся позвоночник вызвал тотальное обрушение. Бурная суверенизация начала набирать обороты. Узбекистан, Украина, Белоруссия, Казахстан, да что там эти титаны — автономные республики заговорили о суверенитете», — писал Р. Н. Нишанов². Вторил Нишанову и Н. И. Рыжков: «Я считаю, что начало разрушения Союза было заложено именно тогда, летом 1990 года. Я не против суверенитета, особенно России. Я считаю, что России надо было дать больше прав, *но нельзя было переступить грань, по которой дальше пошло разрушение* (выделено мной. — А. П.)...»³.

По справедливому утверждению петербургского историка В. В. Калашникова, «борьба двух лидеров за власть откликнулась борьбой законов и суверенитетов и во многом способствовала развалу и Союза, и России»⁴. Но можно ли сводить все лишь к фи-

¹ Калашников В. Демонтаж СССР: взгляд четверть века спустя // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 12 августа.

² Деревья зеленеют до метелей: Рафик Нишанов рассказывает Марине Заваде и Юрию Куликову. М., 2012. С. 322–323.

³ Записи бесед Н. И. Рыжкова с сотрудниками Гуверовского института войны, революции и мира. (США). 1992–1994 // РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 176.

⁴ Калашников В. Право — искусство добра и справедливости // Правда. 1992. 18 ноября.

гуре Ельцина? «Драли Советский Союз на куски все, а не только Ельцин. Каждый первый секретарь республики хотел полный комплект полномочий. Никто не думал ни о каких последствиях, и никто не хотел больше выходить на ковер для отчета перед Горбачевым», — вспоминал народный депутат РСФСР М. Н. Толстой¹.

Страна рассыпалась, но к чести Президента СССР Горбачев вплоть до своей отставки неутомимо работал над идеей сохранения единого государства. Почин задала Литва, провозгласившая 11 марта 1990 г. себя независимым государством и объявившая о прекращении действия Конституции СССР на территории республики². III съезд народных депутатов СССР, избравший Горбачева президентом СССР, квалифицировал действия парламента Литвы как незаконные, а принятый акт как недействительный³. Центр фактически начал таможенную войну против Литвы, надеясь этим «вразумить» маленькую республику; вместе с тем по-настоящему решительных, силовых мер Горбачев не предпринимал, ограничиваясь призывами к голосу разума и взаимной выгоды. По словам посла США в СССР Джека Мэтлока, в отношении Литвы, провозгласившей государственную независимость, Горбачев ограничился «ответными мерами экономического давления», при этом «сделал меньше, чем мог, но больше не захотел...»⁴. В ближайшие месяцы «прибалтийская модель» послужила образцом для подражания в других республиках СССР, в той или иной мере воспроизводилась в них⁵.

По наблюдению личного переводчика Президента СССР П. Р. Палажченко, Черняев в некоторых вопросах был «намного

¹ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР М. Н. Толстого. Санкт-Петербург. 2018. 25 октября.

² «Литва “упала с неба” как испытание... Через отношение к Литве обостряется общая ситуация, она испытывает Горбачева по имперскому вопросу. Сохраняя целостность страны любыми средствами, он принимает наследство старой империи. Он должен винить себя сам, что года два назад сделал вид, что не слышит прибалтийской идеи о заключении нового Союзного договора и создании конфедерации. Теперь этот вариант кажется непостижимым», — записывал в своем дневнике работавший в «бригаде» Черняева по подготовке доклада Горбачева на XXVIII съезде КПСС литературный критик И. А. Дедков (*Дедков И.* Дневник. 1953–1994. М., 2005. С. 525–526. Дневниковая запись от 11 апреля 1990).

³ *Калашников В.* Демонтаж СССР: взгляд четверть века спустя // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 12 августа.

⁴ Выступление последнего посла США в СССР Джека Мэтлока // Труды кафедры Нового и новейшего времени СПбГУ. 2013. №11. С. 254.

⁵ *Чешко С. В.* Распад Советского Союза. Этнополитический анализ: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. С. 40.

либеральнее Горбачева»¹, проявлялось это и в вопросе о сохранении территориальной целостности Советского Союза. А. С. Черняев категорически выступал против попыток Горбачева удержать Прибалтику в составе Союза. По словам Анатолия Сергеевича, «Горбачев был искренне убежден, что литовцам невыгодно разваливать Союз. Он не понимал, что литовцы готовы были затянуть пояса, пожертвовать чем угодно, но отстаивать независимость. И эта недооценка национального инстинкта — иррационального, конечно, но который превышает все) это видно не только на постсоветском пространстве) — сказалась»². Ощущение несправедливости нахождения Прибалтики в составе Союза шло у Черняева еще с войны: «Когда мы пересекли старую русскую границу в Псковской области и вошли в Прибалтику, я сразу почувствовал, что мы в чужой стране. Все эти рассказы о том, что нас повсюду встречали с цветами — вздор. Когда 13 октября 1944 г. мы брали Ригу, я не видел ни одного цветка, люди прятались в домах, жались в подъездах. Уже тогда я записал в блокнотике, что Прибалтике надо вернуть все, что она имела до 1939 г., вот тогда мы будем освободителями. Я говорил Горбачеву: Михаил Сергеевич, отпустите Латвию, Литву, Эстонию. У нас с ними сложатся прекрасные отношения, и с Западом, с Бушем отношения быстрее наладятся. М. С. промедлил с этим, и в Прибалтике образовался националистический нарыв, который оказал влияние и на Среднюю Азию, и на Закавказье. Я много раз бывал после войны в Прибалтике и каждый раз убеждался, что с самого начала я был прав... [Горбачев] был убежден, что всем будет плохо, если разойдемся... Я возражал: есть вещи, которые этим (показываю на живот) не измеряются. Там, в Прибалтике, живут на порядок лучше, чем в любой другой области Советского Союза. У них богатейшие колхозы и совхозы, сам видел. Но они хотят уйти, потому что есть это иррациональное, но непреодолимое чувство независимости и суверенности»³. «В его (М. С. Горбачева. — А. П.) подходах к национальной проблеме был один “изъян”, оказавшийся решающим. От двойного происхождения: от доброты характера и от марксистско-ленинского первоначального образования. Он не учитывал иррациональной природы, огромной силы и сокрушительного потенциала национализма. И это особенно проявилось в его подходе к Прибалтике.

¹ Архив автора. Интервью П. Р. Палажченко. Москва. 2017. 23 августа.

² Черняев А. Горбачев очень добрый // Московский комсомолец. 1995. 11 апреля.

³ Черняев А. Хочу сказать правду // Еврейское слово. 2005. № 18 (241). 11–17 мая.

Он искренне не мог понять, встречаясь с литовцами, латышами, эстонцами, как это они, которые живут много лучше, чем любая российская, кавказская, зауральская область или республика, хотят, тем не менее отделиться... явно себе во вред. Он упорно не хотел верить тому, что люди готовы затянуть пояса на самую последнюю дырку, даже еще несколько дырок проделать в поясе, лишь бы обрести национальную независимость!»¹ Развивая свою мысль, Черняев подчеркивал, что Горбачев

«внутренне не мог примириться с уходом Прибалтики. И искренне считал, что, если это произойдет, будет нанесен огромный вред прежде всего самим народам этих республик. Отсюда у него было убеждение, что людям там заморочили голову экстремисты и сепаратисты. <...> А информация “по каналам” — то есть КГБ и компартии республик — поддерживала его в этом убеждении. Хотя я должен сказать, что он имел информацию и из других источников. Он не раз встречался и часто говорил по телефону с Бразаускасом, Горбуновым, Прунскене, Велемом, к которым питал даже симпатию. Они давали объективную картину, потому что хотели “развестись” по-хорошему. Он не раз принимал у себя народных депутатов СССР от этих республик, в частности, Вульфсона, Неймана, людей интеллигентных и очень доброжелательно настроенных к нему лично, к русским, к России. Тем не менее внутренняя установка у него сохранялась: ни в коем случае нельзя допустить выхода Прибалтики из СССР. Часто “заводился” на этом, “подавался эмоциям” (его терминология). На людях бросал неосторожные фразы, вроде: “Я их все равно дожду”, “Развала империи не допущу”, “Будем заниматься риторикой, законотворчеством сколько влезет, но — чтобы образумились”»².

По словам Черняева, Литва в ту пору была самой болевой точкой для Горбачева, в вопросе о необходимости сохранения этой маленькой республики в составе СССР «Горбачев говорил в унисон с Маслюковым, Лигачевым, Рыжковым, тем же Воротниковым... Словом, происходит отрыв от реальности, который грозит тем, что останется один аргумент — танки»³. Президент СССР отказывался «отпустить» Литву, полагая, что «время еще не созрело»⁴. «Я им (литовцам. — А. П.) не могу уступить», — говорил Михаил Сергеевич Г. Х. Шахназарову, обещая их «дожать»⁵. В беседе с Горбачевым Черняев признался:

¹ Черняев А. С. Избранное. М., 2011. С. 491.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 339.

³ Черняев А. С. Совместный исход... С. 845. Дневниковая запись от 3 марта 1990.

⁴ Шахназаров Г. Х. С вождами и без них. С. 348.

⁵ Там же. С. 348.

«Я перестаю понимать. Я ведь привык разбираться — где у вас цель, а где тактика. А с Литвой — запутался. Если Вы думаете удержать Литву с помощью запугивания, без применения войск, то — это нереально. А все Ваши успехи в перестройке всегда связаны с тем, что Вы умели считаться с реалиями, как Вы любите выражаться. Если же Вы “не исключаете”, как вчера заявили на ПБ, “вариант Варенникова” (чрезвычайное положение, президентское правление, ввод трех полков, “изоляция” вильнюсской верхушки, использование марионеточных литовцев, которые “призовут” наши войска, как в Праге в 1968 году), то тогда — крах. Тогда гибель всего Вашего великого дела. И из-за чего — из-за великодержавного комплекса, потому что экономически мы ничего не теряем: они все скрупулезно выполнят, если договоримся, да им и деваться некуда! <...> Словом, ситуация неопределенности для меня: я перестаю понимать М. С. С одной стороны, он вроде уходит от “партийной власти”, с другой — в особенности по Литве, действует в духе Лигачева-Язова-Воротникова-Крючкова... и сугубо на идеологической основе. Без всякого разумного рассуждения и объяснения. Цель всех их очевидна и не подлежит даже обсуждению, несмотря на Конституцию, закон о выходе и т. п. — не пущать! Причем, когда в Грузии каждый день разрушают по 1–2 памятника Ленину, и на всех перекрестках кричат о выходе, отменяют все советские и коммунистические символы и признаки, когда в открытую копят массу оружия и набирают боевиков — это ничего... Никакой верховной реакции. А против Литвы — один указ за другим! Хотя здесь опасность угробить “великое дело” очевидна: США, Европа, демократический мир не признают литовское дело внутренним, а Грузию, как и Азербайджан считают нашим делом!»¹

Примечательно, что в глазах США Прибалтика обладала особым положением: Штаты никогда не признавали законность вхождения Прибалтийских государств в состав СССР².

Черняев был в ту пору убежден, что распад «империи» необратим, попытка ее сохранить может привести только к новым вспышкам насилия, которые предопределены тем, что республики больше не хотят быть под Центром. «Прогноз мой, — писал А. С. Черняев, — спасение в рутинизации перестройки, национализации народа, при условии, если хоть чуть-чуть будет улучшаться с едой в России. Но Союз начнет “сокращаться”. Прибалтика станет “договорной” частью Союза... А Россию будут изнутри расшивать татары, башкиры, якуты, коми и т. д.»³.

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 846–847. Дневниковая запись от 25 марта 1990.

² Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. М., 2004. С. 134; Мэтлок Дж. Товарищ посол // Итоги. 2011. № 30. С. 29; Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных, в январе-августе 1991 г. — министра иностранных дел СССР. Москва. 2019. 21 марта.

³ Черняев А. С. Совместный исход... С. 836. Дневниковая запись от 4 января 1990.

«Я вспомнил, — записывал Черняев в дневнике, — “концепцию” Астафьева-Распутина (к тому же читаю В. Соловьева “Русский вопрос”) — и стал склоняться к тому, что многонациональную проблему СССР можно решить только через “русский вопрос”... Пусть Россия уйдет из СССР и пусть остальные “как хотят”... Правда, если уйдет и Украина, мы на время перестанем быть “великой державой”. Ну, что же — переживем! И вернем себе это “звание” через возрождение России»¹.

К осени 1990 г. в президентском окружении появилось ощущение, что власть ускользает из рук Горбачева; при удивительном равнодушии соотечественников распадался и Советский Союз: амбиции местных партийных лидеров порождали и искусно раздували национализм и сепаратистские течения. Центр запаздывал с решением национального вопроса, из-за начавшегося «национального оползня» почва в буквальном смысле начала уходить из-под ног Горбачева², к тому моменту центробежным тенденциям, как вспоминал консультант ЦК КПСС по национальным вопросам Э. А. Баграмов, уже не могли помешать «ни ученые речи», ни «бесконечно правильные постановления народных депутатов СССР»³. Позднее последний советский лидер впрямую признал свою вину, заявив, что «Мы опоздали с реакцией на проблемы, связанные с межнациональными отношениями и стремлением республик к большей самостоятельности. Прямо надо сказать — недооценили масштаб и глубину этих проблем. Опоздали с программой реформирования Союза на принципах добровольного объединения суверенных государств. Это дало возможность сепаратистам взять в руки инициативу, привлечь на свою сторону немало людей»⁴.

В то время ключевое для советского общества понятие «советский человек» все в большей и большей степени становилось абстракцией. По словам Д. А. Гранина, «понятие советский человек было объединяющим понятием, достаточно общим и соединяющим людей. До перестройки в национальном вопросе все было достаточно пристойно, русские считались старшим братом и это раздражало республики, но это было не так существенно. Потому что прибалты жили гораздо лучше, чем Россия, Украина жила лучше, чем Россия, Грузия, Азербайджан, ну и так далее...

¹ Там же. С. 838. Дневниковая запись от 21 января 1990.

² Грачев А. С. Гибель советского «Титаника»: Судовой журнал. М., 2015. С. 194.

³ Баграмов Э. А. Как делалась национальная политика. Воспоминания консультанта ЦК КПСС // Независимая газета. 1992. 24 января.

⁴ Горбачев М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 199.

Они жили лучше. Национализм в 80-х взорвался, если судить по-житейски, потому что местные вожди были обуреваемы жадой власти, их культ развивался, они усердно пропагандировали свои заслуги... Прежде еще понятие советский народ уравнивало всех, а в 80-е годы жажда власти цековских лидеров разделило этот народ, ими владела исключительно жажда власти — отвратительное качество, присущее в основном советскому режиму, потому что на Западе сотни лет худо-бедно существовали и демократия, и выборы. Когда же пришла советская власть, то никаких выборов, все навечно, один кандидат — и навсегда»¹.

Власть не успевала реагировать на казавшееся необратимым разрушение страны, естественно, что наибольшая порция критики доставалась главе государства. В те месяцы Г. Х. Шахназаров нередко звонил Черняеву и говорил: «Горбачев опять опаздывает»: Президент СССР, казалось ему, пребывает в какой-то странной апатии.

«Мы теряем день за днем, отказавшись, по существу, от инициативной позиции и рассчитывая только на то, что сепаратисты в Литве, Латвии, Эстонии, а также готовящиеся к ним примкнуть их собратья в Грузии, Армении и Азербайджане пойдут на попятную. Теперь уже очевидно, что этого не произойдет, потому что им терять нечего. И трезвым, нормальным людям эта публика тоже не даст голоса, поскольку в их руках уже находится реальная власть.

В этой связи было бы целесообразно буквально в ближайшие дни выступить с крупной политической инициативой, которая перемешала бы все карты сепаратистов.

Речь идет о выступлении Президента СССР в Верховном Совете СССР с заявлением о решении собрать в Москве авторитетные делегации всех союзных республик для выработки и заключения нового союзного договора. Подтвердить, что при этом имеется в виду возможность установления дифференцированных связей республик с Союзом по их собственному выбору — федеративных или конфедеративных.

Таким образом, будет фактически дан старт переговорному процессу, и доводы литовцев (а теперь и латышей), что с ними, дескать, не хотят разговаривать, лишатся всякой силы. Хотите переговоров — пожалуйста, приезжайте в Москву, разговаривайте со всеми остальными союзными республиками», — писал Шахназаров М. С. Горбачеву².

Позиция самого Михаила Сергеевича также претерпевала определенные изменения, Горбачев в общем-то признавал существова-

¹ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Д. А. Гранина. Санкт-Петербург. 2014. 30 сентября.

² Архив Горбачев-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 17968. Докладная записка Г. Х. Шахназарова М. С. Горбачеву о сепаратизме союзных республик. 1990. 7 мая.

ние новых реалий и исходил из того, что новый Союзный договор должен быть прежде всего *выгоден* и для Центра, и для республик. Беда в том, что с каждым последующим месяцем именно *выгода пребывания в составе Союза* становилась все менее очевидной.

«Начал он в свое время с “ленинского понимания федеративности”, которое-де мы должны восстановить, потом речь пошла об “обновленной федерации”, затем — о конфедерации. Появилась идея “союза суверенных республик” и, наконец, “союз суверенных государств”. Но это тогда, когда некоторые республики уже заявили о намерении выйти из СССР... Горбачеву пришлось уже взывать и уговаривать: не уходите! Хуже вам будет! Но на его аргументы уже переставали обращать внимание, как того, казалось бы, требовало положение президента», — вспоминал А. С. Черняев¹.

При этом Горбачев и его команда интенсивно работали над проектом Союзного договора — в условиях, с одной стороны, разрастания дезинтеграционных процессов, а с другой — тотального дефицита всего и вся, снижения уровня населения, и, как следствие, проклятий в адрес власти.

«Дни, дни, недели. Все острее ожидание, когда же все обрушится. Жизнь в службе каждый день напоминает, что произошла смена строя, и я, как и мне подобные, в положении, в котором оказались “бывшие” после 1917 г. Все, что я имел или заработал, все это — от прежнего строя. Это вознаграждение за службу ему. И теперь я уже не могу козырять: я всю жизнь работал! Спрашивать? Но с кого? Ответят: вот с того и спрашивай, кому служил. Вообще-то справедливо... Грядет революция. Та самая, которую вызвал Горбачев. Но он не ожидал такого и долго не хотел называть это сменой власти, тем более сменной строя. Да и сейчас продолжает говорить лишь о смене экономической системы. Нет, то, что происходит, действительно ровно 1917 г., пусть “наоборот”», — пессимистично записывал в дневнике Черняев².

Иллюстрацией острейшего кризиса, переживаемого советской государственностью, стал Четвертый съезд народных депутатов СССР 17–27 декабря 1990 г., в первые же минуты работы которого состоялось знаменитое выступление Сажи Умалатовой, предложившей внести в повестку съезда вопрос о вотуме недоверия Президенту страны М. С. Горбачеву. «Руководить дальше страной М. С. Горбачев просто не имеет права. Нельзя требовать от человека больше, чем он может. Развалив страну, столкнув народы, великую державу пустил по миру с протянутой рукой... Под аплодисмен-

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 364.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 875. Дневниковые записи от 22 и 23 сентября 1990 г.

ты Запада М. С. Горбачев забыл, чей он Президент, и абсолютно не чувствует пульса страны. А авторитет, уважаемый Михаил Сергеевич, должен быть с порога родного дома», — такую оценку деятельности Горбачева дала в своем выступлении С. З. Умалатов¹, к слову, включенная в свое время генсеком в число народных депутатов СССР в составе так называемой «красной сотни», как удачно назвал утвержденный на Пленуме ЦК список народных депутатов от КПСС омский парламентарий А. В. Минжуренко². Большинство голосов предложение, внесенное Умалатовым, даже не было поставлено в повестку дня³, однако, для сторонников Президента, и, безусловно, для самого Горбачева, было очевидно, что выступление имеет совершенно очевидную политическую подоплеку, а Сажи Зайндиновна выступила лишь в качестве выразителя воли гораздо более влиятельных сил. Каких?

«Предательство этой суки Умалатовой, чеченки, теперь члена ЦК КПСС, которую Горбачев сам лично вписал в “красную сотню”, чтобы она попала в народные депутаты. Его выдвиженка, именно она открыла съезд истерикой с трибуны, требуя отставки Горбачева, который “развалил страну и пустил народ по миру”. “Работа полозковцев”, — заметил по этому поводу М. С. Нам вскоре стало известно, что Лукьянов, председательствовавший на съезде, специально выпустил ее первой, зная, что она предложит», — эмоционально записывал реакцию на демарш Умалатовой А. С. Черняев⁴. К декабрю 1990 г. «правые», как тогда называли ортодоксальных коммунистов и убежденных сторонников сохранения Союза в составе 15 республик, включая Прибалтику, подвергали Горбачева беспощадной критике; им казалось, что Президент фактически бездействует, попав под дурное влияние «либералов» — А. Н. Яковлева,

¹ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. М., 1991. С. 12–13.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР А. В. Минжуренко. Омск. 2021. 16 марта. «Выборы депутатов (народных депутатов СССР. — А. П.) проходили на Пленуме ЦК. Избирали 100 депутатов из 100 кандидатур. Ни одной “лишней”. Предложение о выдвижении большого числа кандидатур было отвергнуто с порога. Как и следовало ожидать, все намеченные в состав “красной сотни” оказались избранными. Номер удался, однако ущерб авторитету партии был нанесен непоправимый», — вспоминал член ЦК КПСС Е. З. Разумов (*Разумов Е. З. Крушение и надежды. (Политические заметки)*. М., 1996. С. 86).

³ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 34.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход... С. 890. Дневниковая запись от 19 декабря 1990.

В. В. Бакатина и Э. А. Шеварднадзе. Незадолго до съезда Горбачев фактически получил ультиматум, высказанный ему от имени влиятельнейшей депутатской группы «Союз», в состав которой входили такие известные народные избранники, как Ю. В. Блохин, Н. С. Петрушенко, В. И. Алкснис. Политическая программа «Союза» была выражена уже в названии — члены объединения стремились, по словам В. И. Алксниса, «спасти страну, а потом уже разбираться, что в ней строить — капитализм или социализм, а пока — отказаться от “измов”»¹. Именно Алкснис и был создателем «Союза», идея которого зародилась осенью 1989 г. номере гостиницы «Москва», который занимал депутат Е. В. Коган². «Союз» воспринимался как патриотическая и государственническая сила, как своего рода противовес МДГ. Группа единомышленников, составивших организационное ядро «Союза», полагала, что М. С. Горбачев не справляется со своими обязанностями Президента СССР и сделала ставку на Н. И. Рыжкова как возможного преемника Горбачева. Через доверенных лиц Рыжкову было сделано предложение о его выдвижении на Четвертом съезде народных депутатов СССР, однако, Николай Иванович, преданный Горбачеву и связанный с ним узами личной дружбы, категорически отказался даже рассматривать этот вопрос³. Негласным куратором «Союза» от власти был О. Д. Бакланов⁴. Депутатская группа «Союз» насчитывала порядка 400 депутатов и представляла собой внушительную политическую силу. Отношение к Горбачеву у лидеров группы было противоречивым: предельно резкую критику в адрес Президента СССР позволял себе, по его признанию, лишь сам В. И. Алкснис, а также Н. С. Петрушенко и Е. В. Коган; Ю. В. Блохин был гораздо осторожнее и умереннее.⁵ В определенный момент «Союз» стал притчей во языцех, воспринимаясь как собрание «черных полковников» и партия военного переворота, не только Горбачевым и его окружением, но и всем демократическим лагерем. В. И. Алкснис уверяет, что подобные оценки несправедливы.

«Беда группы “Союз” заключалась в том, что она так и не смогла стать монолитом, каким ее изображали в прессе, пугая общество “объ-

¹ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса.

² Алкснис В. И. Депутатская группа «Союз» и отставка Шеварднадзе, 1990. Из неопубликованных воспоминаний «черного полковника» // Русский сборник. XIX. М., 2016. С. 584.

³ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса.

⁴ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса; Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко;

⁵ Алкснис В. И. Депутатская группа «Союз» и отставка Шеварднадзе, 1990... С. 587.

единившимися реакционерами”. То, что мы были рупором определенных идей и настроений общества, — это факт. Мы были второй по величине, после коммунистов, депутатской группой Съезда. Но за нами не стояло организации. В ходе “осеннего наступления” 1990 года, когда мы отправили Бакагина и Шеварднадзе в отставку, на Съезде была произведена поименная регистрация депутатов, и нас оказалось более 400 человек. Это намного больше, чем в МДГ, у которой к декабрю 90 года количество членов начало резко уменьшаться. Но реально нас — людей, чьи позиции определяли в сознании общества облик группы “Союз”, было немного. Это наша тройка — полковник Петрушенко, депутат из Эстонии Е. В. Коган, я. Остальные — Блохин, руководитель интердвижения Молдавии, зам. директора Института Госплана из Кишинева, А. Г. Чехов — бывший первый секретарь Южно-Осетинского обкома КПСС, Г. И. Тихонов — ответственный работник Совмина СССР, Комаров из Фрунзе, доктор медицинских наук, нынешний главный редактор “Медицинской газеты” и другие — все-таки старались высказываться помягче, особенно, когда дело касалось критики Горбачева», — вспоминает В. И. Алкснис¹.

Выходец из Риги, Алкснис, постоянно сталкивался с деятельностью местных националистов; по мнению Виктора Имантовича, власть бездействовала, фактически закрывая глаза на возникновение на окраинах государства «горячих точек». В присущей ему эмоциональной манере Алкснис пытался донести до Президента СССР свою позицию: власть незамедлительно должна твердо и решительно обозначить свою позицию, иначе страна может оказаться перед угрозой распада; если власть будет по-прежнему индифферентна к происходящему на территории национальных республик, она будет сметена с политической сцены сторонниками «сильной руки». «Ситуация меняется каждый день. Мы постоянно отстаем от событий, которые происходят в стране. Вчера состоялась встреча Президента СССР с депутатами-военнослужащими. К сожалению, средства массовой информации не дадут вам объективной информации об этой встрече. Произошла страшная вещь — вчера Президент СССР остался без Вооруженных Сил. Если до этого шла речь о том, что консервативный генералитет выступает против политики перестройки, то вчера произошло следующее: состоялся диалог “слепого с глухим”. Президент ничего не сумел ответить представителям армии. Лично для меня это была страшная картина, и поэтому еще раз хочу сказать, что сложившаяся ситуация, в том числе и в Вооруженных Силах, непредсказуема. Народ пугают угрозами военного переворота. Могу сказать, что армия не пойдет против своего народа, но армия сейчас доведена

¹ Там же. С. 587.

до предела националистами в Эстонии, Грузии, на Украине. Когда издеваются над офицером, когда лишают прав его детей, люди вынуждены будут защищать своих детей. Если мы сейчас не примем определенные меры, то люди выйдут на улицы с оружием. И это будет отнюдь не военный переворот — люди будут защищать свои человеческие права. Хочу, чтобы вы поняли это правильно», — заявлял В. И. Алкснис, выступая в Верховном Совете СССР 14 ноября 1990 г.¹ Еще более определенно Алкснис высказался через три дня, 17 ноября 1990 г., обращаясь к самому Горбачеву: «Михаил Сергеевич, да у нас с Вами был конфликт. Но могу Вам сказать, что лично я, мои избиратели, армия поддерживают любые Ваши действия, направленные на сохранение Союза, на укрепление нашей государственной власти, на спасение страны. Я буду максимально содействовать всему этому. Но одновременно скажу следующее: кредит доверия к Вам исчерпан. У Вас осталось 30 дней: если к четвертому Съезду народных депутатов СССР не будет коренного перелома в положении дел, что, очевидно, будет решаться вопросом персонально о Вас. Прошу понять, что это не угроза. Необходимо, чтобы Вы осознавали: мы все несем такую же ответственность за страну, как и Вы. Мы тоже переживаем за нашу страну, и нам необходимо тоже принимать определенные меры»². По сути своей, Алкснис выдвинул ультиматум Горбачеву. Именно так это обращение к Президенту страны — как «ультиматум в мягкой форме» — расценивалось и самим Виктором Имантовичем, и его товарищами по «Союзу»³.

Резкая атака на Горбачева была спровоцирована крайне неудачным выступлением Президента СССР на заседании Верховного Совета с докладом о положении в стране 16 ноября 1990 г. Значительной части членов Верховного Совета СССР доклад Горбачева показался неудачным и бессодержательным. «Ничего нового, конструктивного, в докладе Президента не было. Такое ощущение, что Президент находился в долгой эмиграции, долго отсутствовал в Советском Союзе, был в политической ссылке, а сейчас вернулся и говорит о том, чего не сделали мы — все сидящие в зале, и в том числе Правительство Советского Союза», — такое заявление по поводу выступления Горбачева позволил себе член

¹ Четвертая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть VIII. М., 1991. С. 11.

² Там же. С. 166.

³ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса; Архив автора. Интервью Ю. В. Блохина; Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко.

Верховного Совета Г. С. Игитян¹. В докладе Горбачева, по мнению члена Верховного Совета Ю. В. Блохина, не содержалось упоминания о «конкретных, чрезвычайных мерах, которые должны выводить страну из кризиса»².

Слабым выступлением Президента страны не замедлил воспользоваться главный оппонент Горбачева Борис Николаевич Ельцин.

«Экономический, политический кризис в стране достигает наивысшей остроты, терпение народа на пределе, все мы с вами убедились в этом, побывав на местах. В любой момент может произойти просто срыв. Задуманные реформы фактически остановлены, более того, намечился откат назад. Хочу заверить, что причины такого положения не в каких-то личных отношениях отдельных руководителей, тех или иных политиков, в том числе Горбачева и Ельцина, не в какой-то собой позиции России или отдельных республик, причины гораздо глубже. По сути дела, мы имеем кризис тоталитарного строя, который до сих пор существует в нашей стране, и он должен все-таки сдать свои позиции. Сегодня острейшим его проявлением является кризис, а точнее, параллель власти, прежде всего власти старого центра, и одновременного его стремление любой ценой сохраниться, не дать возможности республикам (России в том числе) заниматься своими делами самостоятельно. Центр в прежнем своем виде явно стал дестабилизирующим, даже тормозящим фактором, он пытается сохранить унитарный характер Союза и бюрократических структур, чего республики, думаю, не допустят и Россия тоже. Сегодня можно сказать однозначно, что для старого центра неприемлем главный принцип суверенитета — делегирование республиками центру части строго определенных функций. Делается обратное: под разговор о расширении прав суверенных республик осуществляется концентрация максимальной власти. И не надо терять время, воевать с ней — надо просто уважать народ суверенных республик или государств. Если есть сомнения, мы можем быстро организовать референдум — мнение народа будет тогда определенное и ясное. Центр, по сути, сползает к перманентной конфронтации со многими республиками, причем конфронтация (по мере борьбы за реальный суверенитет республик) нарастает. Особенно это проявляется во взаимоотношениях с Россией. Поэтому развал старого центра объективен и исторически неизбежен. Преступно держаться за систему, при которой катастрофически падает уровень жизни людей. Центр неоднороден, и наиболее консервативная и оторванная от жизни его часть — это союзное правительство. Особенность сегодняшней ситуации в том, что оно перешло в наступление, перешло за ту черту, которую нельзя переступать. Исполнительная власть выходит из-под контроля союзного парламента и, более того, Президента страны... Чрезвычайная обстановка, сложившаяся в последние дни, требует принятия срочных мер. Не надо видеть в этом борьбу за власть ради власти. Нужно создать условия, в которых

¹ Четвертая сессия Верховного Совета СССР. Стенографический отчет. Часть VIII. М., 1991. С. 50.

² Там же. С. 53.

все республики могли бы реализовать интересы своих народов, решить их проблемы. Именно для этого нам нужен полнокровный суверенитет. Обвал старого центра, который уже идет, может сильно задеть союзные республики, поэтому нужно, чтобы процесс не пошел, как неуправляемая цепная реакция. Нельзя выпускать его из-под контроля. Важно в максимально сжатые сроки провести глубокую реконструкцию центра...»¹.

Группа «Союз» в течение какого-то времени добивалась встречи с Президентом в Кремле. Наконец, она состоялась 2 ноября 1990 г. «Союз» был представлен группой из семи депутатов, в том числе В. И. Алкснис, Н. С. Петрушенко, Е. В. Коган. На прошедшей в Кремле встрече с Горбачевым, Лукьяновым и Рыжковым, В. И. Алкснис, по его собственному признанию, сорвался на крик, требуя от Президента, незамедлительных мер по восстановлению конституционного порядка на территории союзных республик. Кроме того, члены группы «Союз» потребовали от Горбачева «головой» В. В. Бакатина и Э. А. Шеварднадзе. Как вспоминал Е. В. Коган, «разговор был довольно жесткий. Михаилу Сергеевичу мы заявили, что, если он не будет принимать решительных мер, мы будем считать это достаточным основанием для того, чтобы поставить на съезде вопрос “О доверии к Президенту”»². По словам Алксниса, «Горбачев боялся, что на съезде будет поставлен вопрос об отставке» и был готов идти на уступки³. «На самом деликатном языке как подобное назвать, если не давлением, не шантажом, не предложением сделки главе государства и главе правительства? В частных встречах подобные беседы принято либо прекращать в самом начале, либо указывать визитерам на дверь. Понимаю, что с народными депутатами СССР так не поступишь», — возмущался обозреватель «Огонька» Г. Рожнов⁴. В прессе того времени полковников Алксниса и Петрушенко, последовательно выступающих с острой критикой Горбачева и его реформ, нередко называли «черными полковниками», по аналогии с режимом военной диктатуры в Греции в 60-е — 70-е гг. XX века.

Выступление Умалатовой, совершившееся, по словам Алксниса, слишком поспешно, смешало «Союзу» все карты, превратив угрозу импичмента Горбачеву из вполне реальной опасности — в что-то комичное и не слишком серьезное. По мнению Виктора Имантовича, С. З. Умалатова фактически «заслонила» Горба-

¹ Там же. С. 61–62.

² Рожнов Г. Диктат // Огонек. 1991. № 2. С. 1–2.

³ Архив автора. Интервью В. И. Алксниса.

⁴ Рожнов Г. Диктат... С. 2.

чева от удара «Союза», спасая его от потенциальной отставки¹. Об этом же В. И. Алкснис рассказывал и петербургскому историку А. В. Островскому². В депутатском корпусе сразу же появилось ощущение, что выступление Умалатовой — не ее инициатива и ее кто-то ведет³; депутатам казалось, что за Сажи Зайндиновой проглядывает могущественный политический тяжеловес — Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов.⁴ Член Верховного Совета СССР С. С. Сулакшин в беседе с автором этих строк с уверенностью заявлял, что «Умалатова выступает сама, это был ее жертвенный акт, Лукьянов ее не наускивал...»⁵. В своих воспоминаниях С. З. Умалатова подчеркнула, что ее требование об уходе Горбачева понималось ею как «долг перед Отечеством и народом», а Председатель Верховного Совета СССР А. И. Лукьянов как раз-таки просил ее не выступать с предложением об отставке Горбачева: «Если мы сейчас уберем Горбачева, придет к власти Ельцин», — заявлял Анатолий Иванович⁶.

Желая успокоить оппозицию, за две недели до съезда Горбачев решил на поспешное расставание с Бакаτιным, одним из наиболее ярких представителей либеральной части президентской команды. «О том, что работать мне осталось недолго, я догадывался. Был на этот счет разговор с Горбачевым, и не один. Ох, не хочется мне все это снова ворошить, дурной у меня характер, раз все-таки отвечаю. Я сам, первый пошел к Горбачеву — говорю, что-то нависает надо мной, стягивается вокруг меня, ощущение, что я в пустоте. Надо что-то делать! Он коротко, спокойно: работай. В конце ноября Горбачев меня вызвал, говорит: я принял решение. Тебя нужно освободить. Я ответил: Михаил Сергеевич, это ошибка. Вот и весь разговор. Но я никогда не думал, что это будет так скоро, почти мгновенно», — такой рассказ экс-министра об отставке поместил на своих страницах «Огонек»⁷. В. В. Бакатин вспоми-

¹ Там же. С. 2.

² *Островский А. В.* Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 502.

³ Архив автора. Интервью Н. А. Куценко, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2021. 23 марта; Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича.

⁴ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко; Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы. (В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении). М., 1996. С. 39.

⁵ Архив автора. Интервью С. С. Сулакшина, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2020. 21 октября.

⁶ Умалатова С. З. Вне закона: мемуары. Минск, 2021. С. 6, 8–9.

⁷ Реакция отторжения. (Беседа Г. Рожнова с В. Бакатиным) // Огонек. 1991. № 8. С. 6.

нал: «Горбачев продолжал метаться между либералами, которые обвиняли его в половинчатости и партийцами, призывавшими его остановить развал социализма. Перелом произошел в ноябре 1990 г. Его тогда вынудили выступить с отчетом на Верховном совете. Отчет не был принят, и на следующий день он выступал уже с короткой речью. А ночью он советовался с товарищами из Политбюро. Фактически, как мне рассказывали, ему предъявили ультиматум. Одним из пунктов которого было укрепление руководства МВД. Некоторое время я еще поработал, а потом Горбачев переместил меня в Совет безопасности»¹.

Место В. В. Бакатина занял Б. К. Пуго, в августе 1991 г. примкнувший к выступлению ГКЧП и добровольно ушедший из жизни после его поражения. А вот Э. А. Шеварднадзе ушел в отставку сам, заявив на съезде, что его решение является «протестом против наступления диктатуры»². Ссылаясь на нападки в его адрес «ребят» — полковников Алксниса и Петрушенко, Шеварднадзе констатировал, что «товарищи демократы в самом широком смысле этого слова разбежались, реформаторы ушли в кусты. Наступает диктатура, заявляю со всей ответственностью. Никто не знает, какая это будет диктатура и какой диктатор придет, какие будут порядки. Хочу сделать следующее заявление: я ухожу в отставку. Пусть это будет, если хотите, моим протестом против наступления диктатуры. Выражаю глубокую благодарность М. С. Горбачеву. Я его друг и единомышленник. Я всегда поддерживал и буду до конца моих дней поддерживать идеи перестройки, идеи обновления, идеи демократизации. Мы сделали великие дела на международной арене, но считаю, что это мой долг как человека, как гражданина, как коммуниста. Я не могу примириться с теми событиями, которые происходят в нашей стране, и с теми испытаниями, которые ждут наш народ. Я все же верю, что диктатура не пройдет, что будущее за демократией и свободой»³. В своих воспоминаниях Шеварднадзе подчеркнул, что он имел информацию о готовящемся правом перевороте, и задумал свое выступление «как удар грома. Как сигнал тревоги».⁴ «Заявление Шеварднадзе о том, что он уходит в отставку, было поразительным

¹ Бакатин В. Спецслужбы любят раздувать щеки... // Коммерсантъ-власть. 2001. 4 декабря. С. 46.

² Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 410.

³ Там же. С. 409–410.

⁴ Шеварднадзе Э. Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания. М., 2009. С. 192–193.

актом. Непричесанность выражений, сбивчивость, крайняя эмоциональность лишь подчеркивают, что рука постороннего — даже ближайших помощников — текста не касалась и окончательные формулировки рождались прямо на трибуне. По человеческим меркам это достойно всяческого восхищения», — писал популярный публицист А. Пумпянский¹.

Выступления таких уважаемых депутатов, как академик Д. С. Лихачев и Ф. М. Бурлацкий, просивших Шеварднадзе изменить его решение и вернуться к исполнению своих обязанностей², результата не принесли. Часть депутатов приняла отставку Шеварднадзе как реакцию Эдуарда Амвросиевича на острую критику в его адрес со стороны В. И. Алксниса и Н. С. Петрушенко. Так, известный писатель А. М. Адамович просил Шеварднадзе не обращать внимание на «тучи подонков», клеветущих на его деятельность³. При этом, по свидетельству А. С. Черняева, в ответ на стенания демократической части съезда по поводу угрозы диктатуры, Алкснис и Петрушенко напротив «подливали масла в огонь»⁴. Алкснис, блестящий оратор, парировал критику в свой адрес: «Мы часто задаем себе вопрос: кто есть левые, кто есть правые? Сегодня появилось определение “реакционеры”, прозвучало даже — “подонки”. Ну что ж, перед вами стоит “реакционер”, перед вами стоит “подонок” — я принимаю эти обвинения. Да, когда грудного ребенка бросают в огонь горящего дома, я реакционер. Я “ястреб”, когда беременную женщину выбрасывают с девятого этажа дома, я “ястреб”, когда со старика живьем сдирают кожу, — я “ястреб”»⁵. Вторил своему соратнику Н. С. Петрушенко: «Я согласен с Э. А. Шеварднадзе только в одном. Да, угроза диктатуры есть — угроза диктатуры Тбилиси над Осетией и Абхазией; Кишинева — над Приднестровьем и Комратом; Вильнюса, Таллинна и Риги — над русскоязычным населением и инакомыслящими в прибалтийском регионе...»⁶.

Шеварднадзе покинул зал. Его решение было совершенно неожиданно для Президента СССР, Горбачев был попросту шокирован. Спустя годы, он вспоминал, что «демонстративное заявление

¹ Пумпянский А. Несказанное // Новое время. 1991. № 2. С. 23.

² Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 440–441.

³ Там же. С. 443.

⁴ Черняев А. С. Совместный исход... С. 891. Дневниковая запись от 21 декабря 1990 г.

⁵ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 445.

⁶ Там же. С. 451.

Шеварднадзе об отставке, сделанное без какого-либо предварительного разговора со мной, ошеломило всех»¹. Выступая сразу после заявления, сделанного Эдуардом Амвросиевичем, Президент СССР признался, что «для меня явилось неожиданностью заявление Эдуарда Амвросиевича об отставке. Это меня, откровенно говоря, больше всего задевает...»². Та форма, в которой состоялась отставка Шеварднадзе, была неожиданной и для Алксниса. «Я знал, что он должен уйти, но не ожидал, что это произойдет так скоро», — вспоминал В. И. Алкснис³. В одном из интервью Э. А. Шеварднадзе признался, что отношения с Горбачевым у него были «товарищескими и доверительными, пока году в 88-м я не почувствовал: Горбачев не то что ревнует, но потихоньку отодвигает меня в сторонку. Может, ему не нравилось, что я напрямую общался с мировыми лидерами, пользовался авторитетом внутри страны. Не знаю...»⁴. При этом Шеварднадзе подчеркнул, что решение он принял не спонтанно — «все к тому шло»⁵. Кроме того, Шеварднадзе намекнул, что Горбачеву было известно о готовящейся отставке своего министра иностранных дел, а его удивление, высказанное им на трибуне съезда, было попросту актерской игрой⁶. В упомянутом интервью Шеварднадзе объяснил мотивы своего поступка: «Обстановка вокруг меня продолжала нагнетаться, пока я не почувствовал: дальше молчать и терпеть нельзя. Если министра иностранных дел не хотят услышать, надо уходит. Об отставке решил объявить на IV съезде народных депутатов СССР, проходившем в Кремле и транслировавшемся на всю страну»⁷. В первой версии своих воспоминаний, рукопись которых была подготовлена спустя 8 месяцев после отставки, Шеварднадзе писал: «Платон мне друг, но истина дороже». А она состоит в том, что я не покинул друга, точнее — не я покинул его. Скажу больше: своей отставкой я хотел помочь ему спасти дело. Другой вопрос, как мы распоряжаемся выпадающим на нашу долю шансом...»⁸.

¹ Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 285.

² Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 453.

³ Алкснис В. И. Депутатская группа «Союз» и отставка Шеварднадзе, 1990... С. 595–596.

⁴ Белый лис / Беседа А. Ванденко с Э. Шеварднадзе // Итоги. 2011. № 7. С. 26.

⁵ Там же. С. 26.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Там же. С. 27.

⁸ Шеварднадзе Э. А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С. 328.

Выдающийся советский и российский дипломат А. М. Белоногов, занимавший в 1990–1991 гг. пост заместителя министра иностранных дел СССР, рассказывал автору: «Президент Горбачев очень много сделал для того, чтобы Шеварднадзе ушел в отставку. Горбачев никогда не заступался за Шеварднадзе, шишки падали на его голову — Эдуард Амвросиевич отдувался за внешнюю политику в Верховном Совете и перед съездом. Горбачев сталкивал буквально лбами — Примакова и Шеварднадзе, отправляя частенько Евгения Максимовича за границу в качестве своего эмиссара по международным делам. Это не нравилось Шеварднадзе: он думал, что Примаков его подсиживает, подобная ситуация стоила Шеварднадзе больших нервов. Решение об уходе в отставку Шеварднадзе принял единолично, ни с кем не советовался. Замы не знали, он сообщил об отставке только двум своим помощникам. Мотивы для отставки у него были, Шеварднадзе все тщательно взвесил. Он никогда не поступал скоропалительно»¹. Еще одно объяснение предложил ветеран советской дипломатии Г. М. Корниенко: «Пришло время, когда Горбачеву Шеварднадзе осточертел, потому что на Горбачева сыплются все шишки, в стране его все проклинают, авторитет на Западе пошел вниз, а Шеварднадзе купается в лучах славы. Его прославляют и говорят, что он готов идти дальше Горбачева. При одном из разговоров Горбачева с Добрыниным по прямому телефону я присутствовал. Дело шло к подписанию афгано-пакистанских соглашений, отчего зависел вывод войск. Горбачев звонит и говорит: “Это что ж получается, скоро должно быть подписание, все лавры получит Шеварднадзе, а Горбачев вроде ни при чем. Ты там с Корниенко подумай, как мне включиться в этот процесс”. Мы придумали. Организовали его встречу с Наджибуллою в Ташкенте, как будто бы для решения тупиковых вопросов, хотя никакой нужды в этой встрече не было. Но это мало его удовлетворяло. Настал момент, когда он решил отделаться от Шеварднадзе. Шел съезд, и Горбачев собирался публично предложить Шеварднадзе новый пост вице-президента, от которого трудно было бы отказаться. Агентура Шеварднадзе донесла ему об этом. Поэтому ночью он вызвал помощников, сочинил сумбурное выступление и на съезде опередил Горбачева с заявлением о своей отставке»².

«Для меня отставка Шеварднадзе, конечно, не могла быть полной неожиданностью. Я знал о его предыдущей попытке уйти и видел его психологическое состояние в последние месяцы и особенно недели

¹ Архив автора. Интервью А. М. Белоногова. Москва. 2020. 14 января.

² *Корниенко Г.* Горбачев был готов на все / Беседа с М. Калашниковой // Коммерсантъ — Власть. 2005. № 8. 14 марта. С. 48.

1990 года. Но его решение подать в отставку именно в этот момент меня шокировало. Первый раз он подал в отставку в 1989 году, после решения съезда народных депутатов рассмотреть доклад Главной военной прокуратуры о событиях в Тбилиси в апреле того же года, когда при разгоне мирной демонстрации погибли люди. Доклад прокуратуры полностью оправдывал решение властей, и получалось, что в гибели людей виноваты они сами. И это — после доклада комиссии съезда во главе с А. Собчаком, которая пришла к противоположным выводам. После оглашения доклада прокуратуры возмущенная грузинская делегация взяла в кольцо Горбачева, и он с огромным трудом успокоил их, уговорив не покидать съезд. А Шеварднадзе заявил Горбачеву, что уходит в отставку, вышел из зала и поехал на дачу. В тот раз министра уговорили не объявлять о своем решении и остаться. Ему в автомобиль звонили Горбачев, Яковлев, Крючков... Я не знаю, что они ему говорили — я вообще узнал об этой истории только в феврале 1990 года ... и моя первая реакция была близка к испугу. Союз Горбачева и Шеварднадзе казался мне нерушимым, во всяком случае мне очень хотелось, чтобы он был нерушимым. 1990 год должен был завершить эпопею договоров СНВ и ДОВСЕ (по обычным вооруженным силам). Но вместо этого он в конце концов развел президента и министра иностранных дел. И произошло это именно тогда, когда на Горбачева началась публичная атака со стороны консерваторов», —

вспоминал выдающийся советский и российский переводчик П. Р. Палажченко, многие годы работавший и с Э. А. Шеварднадзе, и с М. С. Горбачевым, прибавляя, что в тот момент у него сложилось мнение, которое он высказал только двум самым близким ему людям — маме и жене:

«Оно заключалось в том, что своим решением — именно в этот момент — Шеварднадзе оставил Горбачева один на один с “диктатурой”, с теми не названными им людьми, которые готовили поворот назад и, видимо, уже тогда были готовы либо заставить Горбачева возглавить этот поворот, либо от него избавиться»¹.

В личной беседе с Палажченко, которая состоялась спустя несколько дней после отставки, Шеварднадзе заявил: «Я трудно шел к этому решению, и для меня оно трагедия. Дело не в двух полковниках, я их не боюсь, и сил у меня достаточно. Я в силе, чувствую себя хорошо и способен теперь на больше, чем когда начинал... Хотелось бы ошибиться, но вижу: дело действительно идет к диктатуре. Мы так затащили с несколькими важнейшими решениями, что ситуация уже неуправляема. Вот сегодня Россия приняла решение отказать союзному бюджету в нескольких десят-

¹ Палажченко П. Р. Профессия и время. Записки переводчика-дипломата. 1-е изд. М., 2020. С. 265.

ках миллиардов. Это уже не какие-то окраины. Поэтому трудно представить себе, какие меры могут потребоваться, если все это будет продолжаться, произойдет кровопролитие и т. д. А репрессии уже не позволят нам сохранить тот уровень отношений с цивилизованными странами, которого мы достигли. И я не смогу быть министром иностранных дел в таких условиях... Развал создает почву для диктатуры, и я не знаю, что нас спасет. Единственная надежда — народ, его здравый смысл. Но хватит ли его — неизвестно. И поэтому я решил на такой шаг, потому что в случае наступления диктатуры все, что мы сделали за эти годы, будет разрушено...»¹ «Мне казалось, — рассказывал Э. А. Шеварднадзе в интервью корреспонденту “Независимой газеты” А. В. Караулову, — что своим заявлением об отставке я сильно помог Горбачеву. Другой вопрос, согласовал там... или не согласовывал. Но какая сейчас разница? Не согласовал, потому что Горбачев бы не согласился, я знаю... Но я был глубоко убежден, что делаю шаг в пользу перестройки. И если он инициатор перестройки, настоящий демократ и действительно реформатор (а он начинал как реформатор), тогда... Но мне кажется, Михаил Сергеевич плохо принял отставку...»² В своих воспоминаниях, посвященных внешней политике перестройки, Горбачев так прокомментировал этот сюжет: «Темперамент у него (Э. А. Шеварднадзе. — А. П.) был, конечно, кавказский, хотя он всегда стремился сохранять самообладание. Но иногда взрывался, приходил ко мне и заявлял: “Больше с ними не могу”... На одном из крутых поворотов перестройки с ним случился срыв, что привело к его отставке. Я был против этого, очень жалел, что он не выдержал»³.

В общем, на наш взгляд, до сих пор остается неясным, что же было первопричиной отставки Шеварднадзе и что же скрывается за его выступлением, на что указывал в своей объемной книге и известный петербургский историк А. В. Островский⁴. Недоумение немалой части депутатского корпуса выразил Р. А. Медведев: «Я внимательно слушал, что он говорил о критике в свой адрес. Но должен сказать, что среди всех государственных деятелей, которые составляют “костяк” нашей правящей группы, товарищ Шеварднадзе до сих пор меньше всего подвергался критике. И если

¹ Там же. С. 268.

² Караулов А. В. Вокруг Кремля. Т. 2. 2-е изд., переработ. и доп. М., 1993. С. 358.

³ Горбачев М. С. В меняющемся мире. М., 2018. С. 24.

⁴ Островский А. В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М., 2011. С. 503.

каждый, кто сидит за столом президиума или в правительстве, будет поступать так легко с отставками, то тогда Н. И. Рыжков давно должен был повеситься, Б. Н. Ельцин — застрелиться. А какую смерть избрал бы для себя М. С. Горбачев, я даже и придумать не могу. Вопрос этот настолько важен, что мотивы, которые изложил нам Э. А. Шеварднадзе, кажутся мне микроскопическими по сравнению с тем громадным вредом, который он своим заявлением нанес и нашей внешней политике, и перестройке, и Президенту. Как можно доверить внешнюю политику такого государства, как наше, человеку, который проявил слабость в столь ответственный момент?»¹ «Мы так и не знаем до сих пор, какую диктатуру он (Э. А. Шеварднадзе. — А. П.) имел в виду», — констатировал И. Д. Лаптев². Как бы то ни было, но отставка Шеварднадзе свидетельствовала о глубоком кризисе, сложившемся в президентской команде, которая вовсе не была каким-то единым и монолитным целым. В поисках опоры оглядывался вокруг и Горбачев, понимая, что количество противников его линии Горбачева увеличивается месяц от месяца; их настроение выразил в своем выступлении на съезде все тот же В. И. Алкснис. «17 ноября [1990], выступая на сессии Верховного Совета СССР, я сказал о тридцати днях. Я верил в то, что Президент имеет программу выхода из кризиса и нам ее предложит. Но сегодня, к сожалению (и в этом наша трагедия, трагедия Съезда, общая трагедия страны), у **Президента программы выхода из кризиса нет** (выделено мной. — А. П.). На нас всех лежит историческая ответственность за судьбу этой огромной страны. Каждый из нас, сидящий в этом зале, отвечает за страну. Надо что-то делать...»³.

Развивая свое выступление на сессии Верховного Совета, крайне резко на съезде выступил и Б. Н. Ельцин:

«Со времени прошлого Съезда обстановка в стране резко ухудшилась. Речь идет о принципиально новом качестве кризиса, когда определяющей стала тенденция разложения и распада. И это итог не только последних полутора лет. Эти процессы вырвались из-под контроля. Иногда кажется, что их невозможно удержать и катастрофа неминуема... Нужно откровенно признать: союзное руководство сегодня не имеет четкого политического курса на обновление страны. Внешние его действия носят характер импровизации, нереагирования на возникающие обстоятельства, бесконечного лавирования. Но за ними жесткая политическая логика, направленная

¹ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 451–452.

² Лаптев И. Д. Власть без славы. М., 2002. С. 194.

³ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. М., 1991. С. 126.

на срыв суверенитетов республик, на саботаж радикальных реформ. В результате мы имеем сегодня союзный центр "народного недоверия". Так называемая революция сверху закончилась. Кремль перестал быть инициатором обновления страны и активным проводником нового. Процесс обновления, заблокированные на уровне центра, переместились в республики... Серьезность намерений республик была продемонстрирована принятием деклараций о суверенитете. Эти во всех отношениях конституционные действия встретили бешеное сопротивление. Мы хорошо почувствовали это в России, где позиции центра традиционно были самыми мощными... В последнее время в позиции центра возникли новые существенные моменты. Союзное руководство осуществляет значительную перегруппировку сил с тем, чтобы любой ценой удержать свои прежние позиции неограниченного хозяина всех республик. Перегруппировка сил в центре идет по нескольким направлениям. Первое. Неограниченными полномочиями наделяется Президент страны. Уже сегодня предполагаемый масштаб полномочий Президента не имеет себе равных в советской истории. Такого объема законодательно оформленной власти не имели ни Сталин, ни Брежнев. Крайне опасно то, что президентская власть у нас формируется под личные качества и гарантии конкретного человека. Фактически центр стремится сделать конституционное оформление неограниченного авторитарного режима, что может привести в конечном счете к конституционной оправданности любого произвола. Второе. Игнорируя декларации о суверенитете, союзное руководство приступило к реанимации командно-бюрократической вертикали сверху донизу, но только в более жестких формах, чем прежде. Усиливается неприкрытое вмешательство в дела союзных республик, в сферу их компетенции с опорой при этом на консервативные силы. Третье. В недостойные политические игры пытаются втянуть армию, органы КГБ и МВД. Четвертое. Реанимируется деятельность партийно-аппаратной структуры. Убежден, что путь, избранный союзным руководством, ведет в тупик. Ужесточение позиций центра по отношению к республикам будет стимулировать только отрицательную ответную реакцию. Кнут уже перестал быть реальным фактором во внутренней политике, а Союз уже, кажется, потерял в результате такой политики давления минимум шесть республик. Объективные процессы невозможно остановить силой. Недопустимо игнорировать реальность, ставшие всем очевидными, кроме тех, кто хочет сохранить систему. Можно обсуждать проблему усиления центра, если у него есть хоть какие-нибудь конструктивные предложения, кроме сверхцентрализации. Но их просто нет ни у Президента, ни у правительства... Как Председатель Верховного Совета РСФСР хочу заявить: Россия не согласится с восстановлением диктатора Кремля, который к тому же не имеет реального курса возрождения страны. В сегодняшней обстановке выход из кризиса возможен только на основе честного и равноправного диалога между центром и республиками. В этом не развал Союза, а, наоборот, его единственный путь, его спасение... Время команд из Кремля прошло. Республики уже не боятся грозных окриков. И никакой указ (даже самый жесткий) не будет действовать, если для его выполнения нужно приносить в жертву интересы республики. Но если эти интересы сходятся, результаты проявятся незамедлительно. Второй внеочередной Съезд народных депутатов РСФСР

принял целую систему мер, особенно по продовольственной программе, о реформе земли и так далее. И другим республикам есть что предложить своим народам, многие из них (Казахстан, Узбекистан) уже начали крупные преобразования, о чем говорили на Съезде президенты этих республик. Главное теперь не мешать, не ревновать, не блокировать инициативу, а помогать. Только на такой основе можно сегодня стабилизировать обстановку, выйти из кризиса и построить новый Союз суверенных государств»¹.

Речь смутяна Ельцина традиционно лояльный, как считалось, по отношению к Горбачеву съезд встретил громкими аплодисментами.

Политическая подоплека этого выступления была очевидна: по сути своей, Ельцин обращался именно к Горбачеву, а ни к кому иному, уведомляя Михаила Сергеевича о том, что единственный шанс союзного Президента заключается в принятии подавляющего большинства условий республик; в противном случае союзные республики оставляют за собой право на принятие самостоятельных решений. Подобные предложения выглядели для Горбачева как приглашение к капитуляции, что, естественно, было неприемлемо для Президента СССР. В выступлении Ельцина содержалась и неприкрытая насмешка над Горбачевым: Борис Николаевич зафиксировал свое внимание на парадоксальном, но очевидном для всех моменте: чем больше союзный Президент принимал на себя властных полномочий, тем быстрее сокращалась его *реальная власть* над страной, тем уязвимее становились позиции союзного Центра, тем быстрее падала популярность Горбачева, а Ельцин и другие лидеры республик, напротив, становились все популярнее и авторитетнее и именно в их руки перетекал тот объем власти, которого лишался глава СССР.

В этой ситуации Горбачев сделал попытку изменить свой курс, ориентируясь на поддержку правого крыла. Возможно, именно так можно расценивать и трагическое по своим последствиям выдвижение Г. И. Янаева на пост вице-президента СССР. Янаев не выглядел как политический тяжеловес, Геннадий Иванович и сам достаточно скромно оценивал свой потенциал как руководителя высокого ранга. Однако, выбор Горбачева остановился именно на нем. «Что это ошибка, было ясно многим уже тогда», — вспоминал один из ближайших сотрудников Горбачева В. А. Медведев². От более сильных в политическом отношении фигур, кандидатуры которых на этот пост рассматривались Горбачевым — А. С. Дзасохова, Н. А. Назарбаева, Е. М. Примакова — Михаил Сергеевич

¹ Там же. С. 294–298.

² Медведев В. А. В команде Горбачева. М., 1994. С. 169.

отказался, решив выдвинуть именно Г. И. Янаева¹. «Янаев, возможно, будет Вам помогать, но он не прибавит Вам политического капитала. Весьма широка поддержка и у Дзасохова», — такие аргументы приводил Горбачеву В. А. Медведев². В. А. Медведев предложил и кандидатуру совсем неожиданную: «Предложите Ельцина. Потерь для Вас в любом случае не будет. Согласится — хорошо, не согласится — тоже будет какая-то ясность»³.

Горбачев не принял доводы своих советников, сделал ставку именно на Янаева, по-видимому, посчитав необходимым опереться на фигуру заведомо более слабую, чем он сам. Мысль об утверждении поста вице-президента пришла в голову Горбачеву, исходя из его непомерной загруженности на посту Президента СССР. «Горбачев думал, — рассказывал автору пресс-секретарь Президента СССР В. Н. Игнатенко, — что вице-президент разгрузит главу государства и будет заниматься “вермишельными вопросами”. У Янаева тогда была нормальная репутация, хотя он был политик меньшего масштаба, чем Горбачев. Вице-президент понимался Михаилом Сергеевичем как своего рода полупроводник между ЦК и Президентом»⁴. Несмотря на активную поддержку Горбачевым его кандидатуры, Янаев был избран вице-президентом СССР лишь при повторном голосовании, в последний день работы съезда⁵. Решение это было в известной степени роковым для Президента СССР: вряд ли можно представить ситуацию, при которой Дзасохов, Назарбаев или Примаков смогли бы пойти на предательство Горбачева, подобно тому, как это сделал Янаев в августе 1991 г. В достаточно характерной для него манере Михаил Сергеевич не посоветовался и с самим Янаевым, уведомив его о предстоящем избрании лишь накануне заседания съезда. «Буквально накануне заседания меня вызвал Горбачев: “Я решил рекомендовать тебя вице-президентом”. Я говорю: “Михаил Сергеевич, ну хоть обдумать нужно это, посоветоваться”. А он: “С кем тебе советоваться надо? С партией тебе советоваться? Партия тебя рекомендует”. Политбюро, наверное, собиралось. Но без меня», — рассказывал Г. И. Янаев⁶. В своей последней крупной статье М. С. Горбачев

¹ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова.

² *Медведев В. А.* В команде Горбачева... С. 170.

³ Там же. С. 170.

⁴ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко, пресс-секретаря Президента СССР в 1990–1991 гг.

⁵ Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. М., 1991. Т. 3. С. 269.

⁶ Журналист. 2001. № 7. С. 19.

признал выдвижение Г. И. Янаева на пост вице-президентом «грубым просчётом» с его стороны, оговорив, что «тогда далеко не все было очевидно»¹.

В дни работы Четвертого съезда народных депутатов СССР пережил тяжелый инфаркт глава советского правительства Николай Иванович Рыжков — пожалуй, наиболее критикуемый в то время соратник Горбачева. «Пора наконец Н. И. Рыжкову, вспомнив долг чести, уйти в отставку», — с таким призывом к Рыжкову обращался на Четвертом съезде народный депутат СССР А. М. Оболенский². Рыжков и сам собирался уйти в отставку после съезда, о чем заблаговременно уведомил Президента СССР, воспринявшего, по словам Н. И. Рыжкова, это решение своего премьера с облегчением³, но сделать этого не успел — 25 декабря 1990 г., ровно за год до отставки Горбачева, Николай Иванович попал в больницу с инфарктом. К этому моменту соотношение политических сил в советском государстве изменилось: по сути, во второй половине 1990 г. в СССР сложился своего рода властный триумвират — Горбачев — Рыжков — Ельцин. «Я в этой конструкции оказался, что называется, третьим лишним. Силы, которые стояли за Ельциным, обрушили весь удар на меня, оставляя Горбачева на сладкое», — вспоминал Николай Иванович⁴. И действительно: Рыжков в это время подвергался ожесточенным нападкам демократического лагеря, главу правительства представляли в образе консерватора и ретрограда, умышленно тормозившего переход к столь необходимой для советской экономики реформе. Товарный дефицит, очереди, пустые прилавки — все это молва связывала в ту пору не только с Горбачевым, но и с Рыжковым, выполнявшим функции своего рода громоотвода, защищавшего Президента от наиболее острых выпадов. В обмен на подобную лояльность Рыжков фактически требовал от Горбачева невмешательство последнего в экономику; именно поэтому премьер так негативно воспринимал нескончаемые дебаты по поводу путей перехода к рыночным отношениям, в которых союзный Президент выполнял одновременно роль и арбитра, и третейского судьи. Кроме того, Н. И. Рыжков считал себя личным другом

¹ Горбачев М. Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 34.

² Четвертый съезд народных депутатов СССР. Стенографический отчет. Т. I. С. 305.

³ Рыжков Н. И. Перестройка: история предательства. М., 1992. С. 27.

⁴ Премьер перестройки / Беседа Д. Бабиченко с Н. Рыжковым // Итоги. 2010. № 22. С. 30–31.

Президента СССР, требуя, в этой связи, чтобы Горбачев заслонял его от возможных нападков и острой критики; если Михаил Сергеевич не делал этого, то Николай Иванович «заводился» и порой сбивался на истерически-ультимативный тон, угрожая уйти в отставку. «Люди были уверены, что мы с Горбачевым всегда едины. Но это было далеко не так. Между нами происходили серьезнейшие стычки, разногласия, иногда мы дрались до полусмерти. Я просил его попридержаться политические ураганы, чтобы они не разнесли до конца экономику. Я понимал, что разваливать легче, чем строить. Понимал, что с насюда, за 500 дней, рыночную экономику не создашь. Это будет дискредитацией идеи рынка в глазах народа. Однако существовавшая в то время этика не позволяла вынести разногласия, эту “кухню” на всеобщий обзор», — вспоминал Н. И. Рыжков¹. Горбачев, считавший необходимым иметь на посту главы правительства «своего» человека, вынужден был мириться с особенностями характера своего премьера.

Наиболее ожесточенные споры шли в ту пору вокруг знаменитой программы «500 дней», которую Николай Иванович считал нежизнеспособной.

«Программа “500 дней” была чисто политической... Она была абстрактной, нежизнеспособной, но ее подхватил Ельцин и другие, как политический способ борьбы против власти. Первое, что они наметили, — убрать меня. Они понимали, что я держусь на определенных позициях. Я не сворачивал с них и говорил, что я против развала Союза, я за единое государство, за то, чтобы давать суверенитет республикам, но нужно брать ответственность на себя и делать все постепенно. Мы не готовы к быстрому прыжку к рынку, хотя я первый выступил за переход к рынку. К сожалению, это превратилось в острую политическую борьбу и первым решили убрать того, кто стоит сегодня на пути. На пути стоит Рыжков, потому что он занимает непримиримые позиции. Меня быстренько превратили в консерватора...»².

В значительной степени именно осторожная позиция Рыжкова тормозила переход советской экономики к радикальной экономической реформе; этот спор препятствовал наметившемуся во второй половине 1990 г. поиску согласия между двумя крупнейшими и влиятельнейшими политиками — Ельциным и Горбачевым. Наметившееся сближение Ельцина и Горбачева до крайности раздражало Рыжкова, испытывавшего по этому поводу своего рода «политическую ревность»; Николай Иванович опасался, что для

¹ Гримасы судьбы. (Беседа Н. Желноровой с Н. Рыжковым) // Аргументы и факты. 1993. № 15. С. 3.

² РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 188.

сглаживания своего давнего конфликта с Борисом Николаевичем Горбачев пожертвует союзным премьером; кроме того, ни для кого не было секретом, что Ельцин и Рыжков еще со свердловских времен испытывали друг к другу сильнейшую антипатию¹. Защищая себя и свой пост, Рыжков взывал к благоразумию Горбачева, напоминая Президенту СССР, что после расставания с преданным ему главой Правительства, Михаил Сергеевич останется один на один с Ельциным. При этом программа «500 дней» применительно к союзной экономике воспринималась Рыжковым как своего рода троянский конь, преподносимый Ельциным и его командой с целью погубить страну. «В апреле материал у нас еще был сырой. Нам дали месяц на доработку, и мы за месяц все сделали: представили 18 мая в президентский аппарат материал. Хотя и на этот раз было много замечаний, но в принципиальном плане с материалом участники заседания согласились. Было принято решение с концепцией перехода к рынку выступить мне на Верховном Совете СССР. Тот, кто готовил это решение, опубликованное в газетах (Петраков, Шаталин и Примаков) отношения Президентского Совета и Совета Федерации не опубликовали, т. е. скрыли одобрение, высказанное на заседании этих двух важнейших государственных структур. Они специально схитрили. В то время Горбачев поддерживал нашу концепцию перехода к рынку. В дальнейшем, при столкновении двух программ, а вернее в условиях жесткой политической борьбы, он заявил, что ему больше “импонирует” программа Шаталина. Это было его политическое маневрирование, а не экономическая убежденность. Он не такой дурак, чтобы не понимать простых истин. У него, как известно, были очень плохие отношения с Ельциным. Он понимал, что Ельцин начинает все выше подниматься по лестнице власти, став Председателем Верховного Совета ведущей республики страны. Как всегда, он стал маневрировать, чтобы найти с ним какое-то согласие, может быть, даже временное. Совершая уступки по нереальной программе “500 дней”, он подыгрывал Ельцину, жертвуя при этом Правительством страны. Маневры его закончились через год, когда его выгнали из кабинета Президента страны. Если бы он занимал твердую позицию, то, по крайней мере, ушел бы не с таким позором», — утверждал Н. И. Рыжков². Рыжков считал необходимым отстаивать именно более осторожный вариант экономической реформы, подготовленный заместителем Рыжкова академиком Л. И. Абалкиным. Согласие Горбачева на переход к программе

¹ Петраков Н. Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 138.

² РГАСПИ. Ф. 653. Оп. 1. Д. 519. Л. 370–371.

«500 дней» Рыжков расценивал как капитуляцию Президента СССР перед противостоящим ему лагерем и предопределение собственного политического краха, фактически саботируя распоряжения Горбачева и Ельцина по разработке единой программы перехода к рынку¹. Воспринимая советскую экономику как свою зону ответственности, Рыжков отстаивал именно свой вариант экономической реформы, представлявший симбиоз плановой экономики, регулирования ценообразования и рыночных отношений. Критикам Рыжкова предлагаемые им меры казались архаикой и бегом на месте, однако, премьер занимал в этом отношении непримиримую позицию, считая своих оппонентов дилетантами и политическими интриганами. Кроме того, Николай Иванович считал, что руководитель альтернативного абалкинскому проекту — академик С. С. Шаталин, введенный Горбачевым в Президентский Совет и в состав ЦК КПСС, «подсигивает» Рыжкова, претендуя на его место; нетрудно догадаться, что в случае принятия проекта Шаталина — Явлинского за основу, Шаталин мог бы быть назначен на пост премьера². Принимая во внимание этот фактор, становится понятной нервозность Рыжкова и его нежелание идти на компромиссы. Резоны Рыжкова встречали понимание и у Горбачева, считавшего необходимым приступить к экономической реформе, опираясь на *свою* программу. Несомненно, Горбачев не мог не прислушиваться и к следующим словам своего премьера: «Я нахожусь в передовом окопе, — говорил Рыжков, — весь обстрел направлен против меня. Я — олицетворение центра, но не будет меня, и все стрелы полетят прямо в Вас, Михаил Сергеевич. Так что не сдавайте передовые рубежи»³.

«Горбачев не хотел ни под каким видом, чтобы была российская программа экономики, а Ельцин не хотел принятия программы Абалкина. Горбачев не понимал течения социальных процессов, пытался решить политические проблемы прежде экономических. Если бы принималась программа Ельцина, то что бы тогда означал Президент Горбачев? Горбачев понимал, что его начинают отодвигать от серьезной политики. Абалкинская программа была реалистичнее, чем “500 дней”, но Ельцин не хотел уступить», — рассказывал автору Председатель Совета Республики в парламенте РСФСР В. Б. Исаков⁴. «Я и сейчас считаю, трезво

¹ *Петраков Н. Я.* Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 149–150.

² *Шаталин С. С.* Прерванный диалог. Тверь, 1998. С. 153.

³ *Петраков Н. Я.* Русская рулетка... С. 157.

⁴ Архив автора. Интервью В. Б. Исакова, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 2 октября.

оценивая ситуацию 1990 года, что шанс на благоприятный исход в развитии событий у правительства был. Повторяю: очень многое зависело от Президента СССР Горбачева. Он многое мог изменить осенью 1990 года, если бы проявил твердость и последовательность во взаимоотношениях с Советом Министров. К несчастью, именно в это время он начал суетиться, не знал, к кому присоединиться. Заявил о поддержке программы Шаталина, которую не читал и даже не видел... За программой «500 дней» стояли те силы, я это говорю совершенно откровенно, которые готовили развал Союза ССР. Ибо в этой программе не только в августе 1991 года, но еще в августе 1990 года была предрешена ликвидация Союза», — говорил в 1993 г. академик Л. И. Абалкин¹.

В своих беседах с Горбачевым Рыжков неоднократно давал понять, что в случае принятия решения о переходе к радикальной экономической реформе в рамках программы «500 дней» он не видит своего места в команде Президента. Горбачев уделял огромное внимание разработке программы экономической реформы, ежедневно созваниваясь с ее разработчиками и внимательно ознакомившись с ее итоговой версией. «По всему чувствовалось, что программа [500 дней] ему нравится, и он увлекся самой идеей и подходами к реализации этой программы», — вспоминал академик Н. Я. Петраков². И. Д. Лаптев в письме на имя Горбачева предлагал Президенту СССР «избрать позицию равного отношения к обоим проектам (Шаталина-Явлинского и Абалкина. — А. П.), сколь это не будет для Вас непривычно. Я предвижу здесь разворот громадного спора, и для страны очень важно, чтобы этот спор был не с Вами (подчеркивание принадлежит И. Д. Лаптеву. — А. П.)»³. В сентябре 1990 г. *совместный — для Союза и России* — проект экономической реформы, подготовленный при участии представителей команд Ельцина и Горбачева, был внесен на утверждение в Верховный Совет. Наметилась серьезная перспектива обоюдого выгодного сотрудничества лидеров СССР и России. Программа «500 дней» стала своего рода мостиком от Горбачева к Ельцину, заставившим их на время забыть о конфронтации друг с другом⁴. Однако все случилось по-другому, возможно, это был решающий

¹ *Ненашев М. Ф.* Последнее правительство СССР: личности, свидетельства, диалоги. М., 1993. С. 52–53.

² *Петраков Н. Я.* Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 155.

³ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 308. Записка И. Д. Лаптева М. С. Горбачеву. 1990. 28 августа. Л. 81.

⁴ Архив автора. Интервью Г. А. Явлинского. Москва. 2020. 2 марта.

момент: накануне голосования, ночью, Рыжков позвонил Горбачеву и поставил вопрос ребром, уведомив Президента СССР о своем уходе в отставку в случае принятия программы Шаталина — Явлинского, доработанной А. Г. Аганбегяном, попытавшимся объединить ее с положениями программы Л. И. Абалкина¹. Горбачев не решился принять отставку Рыжкова, что было его серьезной политической ошибкой². По признанию С. С. Шаталина, поражение программы «500 дней» «было самым страшным ударом моей судьбы»³. В свою очередь, в команде Абалкина господствовало представление о том, что программа «500 дней» совершенно точно вела «к полному разрушению страны»⁴.

Команда Ельцина истолковала неудачу совместной работы над экономической программой как иллюстрацию неадекватности Центра, лично Горбачева и советского правительства⁵. Спустя годы, Ельцин не мог, по его признанию, простить Горбачеву, «что он так легко похоронил программу “500 дней” — единственную нашу экономическую надежду тех лет»⁶. Тот факт, что к исходу 1990 г. Горбачев так и не смог решиться на переход к экономической реформе, был тяжело воспринят не только политическими кругами, но и в широких слоях общества — уровень жизни народа продолжал снижаться, в этом плане провал программы «500 дней» лишь усилил позиции Ельцина и его команды. «Если бы Шаталин — Явлинский — Петраков и иже с ними не написали программу “500 дней”, ее стоило бы придумать для того, чтобы Борис Ельцин сделал еще один крупный шаг вперед», — вспоминал осведомленный И. Д. Лаптев⁷.

К этому моменту, как вспоминал заместитель Рыжкова академик Л. И. Абалкин, «судьба правительства Н. Рыжкова была предрешена»⁸, и демократический лагерь, и значительная часть депутатского корпуса требовали ухода Николая Ивановича в отставку. До поры до времени сдерживал этот натиск лишь Горба-

¹ Архив автора. Интервью академика А. Г. Аганбегяна. Санкт-Петербург. 2021. 24 мая.

² Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича.

³ Шаталин С. С. Прерванный диалог. Тверь, 1998. С. 126.

⁴ Щербаков В. И. Катастрофы могло и не быть. Гибель СССР: взгляд изнутри последнего Союзного правительства. М., 2016. С. 182.

⁵ Согрин В. Политическая история современной России. 1985–1994: От Горбачева до Ельцина. М., 1994. С. 79–80.

⁶ Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 39.

⁷ Лаптев И. Д. Власть без славы. М., 2002. С. 155.

⁸ Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве. М., 1991. С. 275.

чев, испытывавший к Рыжкову искреннюю симпатию, но и он к исходу 1990 г. осознал, что часы прежнего правительства сочтены. «На мой взгляд, уходить в отставку надо было Николаю Ивановичу, и не в 1990-м, а на два-три года раньше, когда стало обнаруживаться, что его взгляды несовместимы с радикальной экономической реформой», — утверждал член Политбюро ЦК КПСС В. А. Медведев¹. Николай Иванович был премьером, замечает известный экономист О. И. Ожерельев, помощник Президента СССР по экономике, «все и всегда замыкавшим только на себя. Лично тащил огромный воз проблем. Работал как проклятый и днем, и ночью. Все старался держать в своей голове. Мимо него не мог пройти ни один документ. Такая излишне жесткая система и на большом-то заводе должна работать с пробуксовкой. А уж в масштабах страны, СССР — она не могла работать вовсе!»²

Тяжелый инфаркт Рыжкова, лишивший его возможности продолжать руководство Советом Министров, лишь ускорил развязку. Горбачев был по-настоящему шокирован испытаниями, выпавшими на долю его ближайшего соратника, продолжая и после отставки воспринимать Рыжкова как члена своей команды; Михаил Сергеевич понимал, что теперь, после ухода Николая Ивановича с его поста, и правительство не может восприниматься им как личный домен и надежный тыл.

Несмотря на беспощадную критику, которой подвергался Н. И. Рыжков со стороны представителей демократических кругов, М. С. Горбачев не решался на расставание с Николаем Ивановичем. Вероятно, Горбачев был по-человечески привязан к Рыжкову, но было и еще одно, не менее важное, обстоятельство: Рыжков везде и всюду подчеркивал, что считает себя обязанным Михаилу Сергеевичу и не упускал случая подтвердить свою абсолютную лояльность союзному Президенту. Возможно, если бы Горбачев отправил Рыжкова раньше в отставку, судьба страны могла бы сложиться иначе. Учитывая то обстоятельство, что Горбачев полностью передал Рыжкову все руководство экономикой, не залезая в прерогативы премьера, можно утверждать, что своему бедственному положению, сложившемуся к концу 1990 г., страна обязана Николаю Ивановичу ничуть не меньше, чем Михаилу Сергеевичу. Как бы то ни было, тандем Горбачев-Рыжков прекратил свое существование. Таким образом, к концу 1990 г.

¹ Идеолог / Беседа Д. Бабиченко с В. Медведевым // Итоги. 2011. № 52. С. 33.

² Ожерельев О. И. Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий. М., 2016. С. 45.

рядом с Горбачевым не осталось никого из тех, с кем он начинал перестройку: по разным причинам свое сотрудничество с Президентом СССР прекратили или приостановили Лигачев, Яковлев, Рыжков и Шеварднадзе. Команда Горбачева, как, впрочем, и ее капитан, находилась в совершенно очевидном кризисе. В наступающем году значение этого обстоятельства станет очевидным для всех. Каждый из этих людей, в разное время либо отставленных Горбачевым, либо ушедших по своим соображениям с занимаемой ими должности, сохранял обиду на Михаила Сергеевича, считая, что тот *был обязан* заступиться за своего преданного соратника, но не сделал этого, никак не препятствуя его травле со стороны прессы, телевидения, радио, Съездов народных депутатов, Пленумов ЦК и т. д. Это нетрудно заметить, знакомясь с высказываниями Лигачева, Рыжкова, Яковлева, Шеварднадзе, того же Бакатина. Пришедшие им на смену политики, не считали себя связанными с Горбачевым *личными отношениями*, что и сказалось в роковые для судьбы страны дни августа 1991 г. В качестве примера можно указать В. С. Павлова, сменившего на посту главы Правительства Н. И. Рыжкова. Валентин Сергеевич, вне всякого сомнения, в высшей степени профессиональный финансист, сработаться с Горбачевым не сумел, считая Михаила Сергеевича некомпетентным руководителем. В результате Михаил Сергеевич предпочитал общаться не с Павловым, оставшимся в истории главным образом благодаря неуклюжей денежной реформе и участию в ГКЧП, а с его первым заместителем В. И. Щербаковым¹. О. Б. К. Пуго, сменившем на посту главы министерства внутренних дел В. В. Бакатина, мы уже говорили; не сумел проявить себя в дни путча и преемник Э. А. Шеварднадзе А. А. Бессмертных... Словом, набрать верных себе людей в новую судовую команду «капитан» Горбачев не сумел; не всегда ему удавалось и использовать уникальные политические ресурсы, находившиеся в его распоряжении, должным образом. По старой номенклатурной традиции, глава государства делал ставку не на максимально ярких, а на максимально удобных и управляемых людей — подобная модель показала свою несостоятельность в трагическом для страны августе 1991 г. «Как мог Горбачев отыскать для себя, даже если бы ставил перед собой такую задачу, первоклассное окружение из затасканной номенклатурной колоды, из которой, как не тасуй, ничего стоящего не выберешь. Потенциальные таланты, самородки из народа, обладавшие совестью и честью, не имели возможности проявить себя в качестве общественных деятелей, стать сколь-либо

¹ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября.

известными. Даже допустив, что на стороне нашелся талантливый и достойной высокой должности человек, кто бы позволил Горбачеву или другому партийному лидеру сделать подобный выбор. Предпочтение традиционно отдавалось тем, что был удобен, послушен, не опасен в качестве конкурентов. Оказавшиеся наверху бесцветные, ординарные личности типа Крючкова, Лукьянова, Павлова, Рыжкова, Янаева, Язова могли только загубить сугубо творческое дело перестройки», — сокрушался народный депутат СССР, академик О. Т. Богомолов¹.

Завершался 1990 год, потерянный для страны, приближившейся к обрыву. Именно в этом году процесс распада СССР стал необратимым.

*«Этот год стал поистине трагичным и для страны, и для Горбачева (здесь и далее в цитате курсив принадлежит А. С. Черняеву. — А. П.). Стало совершенно ясно, что великая и благородная идея — увести страну из сталинского тоталитаризма и построить некое новое, действительно народное общество — оказалась неостребованной. Дарованные с этой целью гласность и свобода развязали разрушительную силу, протестная и хаотическая энергия которой копилась десятилетиями. И она вырвалась наружу, захватив к 1990 году практически все сферы жизни страны. Вместе с тем оказалось, что нация, истощенная потрясениями XX столетия, уже не обладает творческой энергией для созидания достойного самой себя нового общества. Имперский ресурс, на который был источником и импульсом возвышения и развития России, превращения ее в великую державу, был уже исчерпан. А другого не было, ибо на протяжении почти пяти веков российская нация — во всех своих характеристиках, положительных и отрицательных, складывалась и набирала жизнеспособность именно как имперская. Поэтому, кстати, и была так податлива и терпима к тоталитарному правлению — будь то самодержавие или большевистская диктатура. Но, оставаясь европейской, она уже не могла сохранить себя в этом режиме к концу XX столетия — в условиях вступления христианской цивилизации в новую эру. На долю Горбачева выпало понять это. И он предложил правильный, единственно возможный выход — включить страну в наиболее перспективное русло современного мирового развития, отказаться от “особности”, противопоставлявшей ее Западу, который оставался главным очагом этого развития. Для этого надо было преодолеть тоталитарное прошлое. В этом импульсе вот главная миссия “Перестройки”. Горбачев попытался реформировать советский, по сути, сталинистский строй. Но оказалось, что он не поддается реформированию. И в 1990 году это выявилось со всей очевидностью... Вот тут-то и образовалось трагическое противоречие между целями и средствами. Очистить общество (советское, российское, русское общество!) от сталинского наследия и *навязать* ему новые законы жизни можно было только через революцию, сравнимую по размаху и мощи с Октябрьской. Однако, чтобы ее совершить, у нации*

¹ Богомолов О. Т. Моя летопись переходного времени. М., 2000. С. 84–85.

(и у Горбачева как лидера, который для этого должен был располагать соответствующей социально — политической массовой “армией”), не было ни сил, ни возможностей. А путь медленного изживания тоталитаризма — с использованием к тому же унаследованных им кадров, органов, “правил игры”, средств и методов — привел к развалу государства и в конце концов к исчезновению страны... Перетягивание Горбачевым авторитета высшей власти от Политбюро и ЦК КПСС в советские инстанции начато было с роковым опозданием, как и учреждение президентской системы. Иллюзии относительно “КПСС — авангард перестройки”, а потом страх перед отторжением партии, оттеснением ее на обочину политического процесса помешали Горбачеву своевременно создать новый, эффективный центр власти. И он оказался бессилем перед националистическим взрывом и распадом экономической базы государства. Хотя — я убежден — и то и другое было неотвратимо *объективно* при отказе от тоталитарных методов сохранения империи и централизованного государства... Горбачев метался в поисках альтернатив, компромиссов, “оптимального” сочетания прежних и новых методов руководства и управления. Были здесь промахи, ошибки, просчеты, запоздания, *faux pas*, просто нелепости. Но не в них причина начавшегося в этом году разложения общества и государства. Оно было неизбежно по самой природе совершенно уникального в мировой истории перехода общества, закомплексованного и развращенного долгой диктатурой, к свободе, которую демократически и добровольно не организованный народ понял по-русски — как “все позволено”. Для него искони свобода — это воля, сродни анархии. Началось хаотическое движение без всяких действенных правил. *Процесс распада Советской державы начался, он стал неудержимым и необратимым именно в этом, 1990 году...* Со свободой советский народ не справился и... сошел с исторической сцены. Правители России, узурпировавшие власть, имели дело уже не с народом, не с великой нацией, а с разношерстным населением. И, видимо, такая именно судьба была предопределена моей стране к началу третьего тысячелетия своего пребывания в этом мире... 1990 год связан также с заметными переменами в отношениях между автором записок и великим Горбачевым. Но это уже частность»¹.

Наступал 1991-й год — последний в судьбе страны и фактически последний в политической карьере М. С. Горбачева. По словам Михаила Сергеевича, «весь девяносто первый год шли ожесточенные бои, которые вскрывали и друзей, и врагов».² Бои завершились уходом в отставку инициатора перестройки. На взгляд автора этих строк, никакой предопределенности не было ни в падении Горбачева, ни в распаде Советского Союза — события могли обернуться совсем по-другому, хотя, справедливости ради, стоит признать, что положение как самого государства, так и его руководителя, к началу 1991 г. было достаточно нелегким.

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 894–896.

² Архив автора. Интервью М. С. Горбачева. Москва. 2019. 11 июля.

По словам А. С. Грачева, «К девяносто первому году вся конструкция перестройки начала разъезжаться, как ноги у лыжников, сошедших с лыжни»¹, — было очевидно, что Советский Союз могут спасти только чрезвычайные меры. Как, кто и когда пойдет на них — это составляло основу проблемы. Команда советского президента понимала, что Горбачев теряет власть, у него, по словам министра иностранных дел СССР А. А. Бессмертных, «была легкая паника, под ним дымилась земля»². К этому времени у Президента СССР было ощущение, что общество не переварило перемен в таком объеме, а демократический лагерь не в состоянии адекватно оценивать обстановку с точки зрения государственной мысли и тем самым выступает против линии Горбачева. Именно поэтому Горбачев сделал ставку на «правую» часть своего окружения, убеждавших его в необходимости продемонстрировать «жесткую руку»³. «Горбачев сделал выбор. Не все и не сразу это заметили. Он вновь качнулся от “так называемых демократов” к “товарищам по партии”», — вспоминал В. В. Бакатин⁴. И так, к концу 1990 г. Горбачев взял резкий крен вправо, сделав ставку на консерваторов. Логика событий и казавшиеся в ту пору верными соратники — В. И. Болдин, В. А. Крючков, О. Д. Бакланов, Д. Т. Язов — фактически подталкивали его к возвращению в сталинскую матрицу. Доверившись им, Горбачев, как писал известный писатель А. М. Адамович, «заскользил в сторону генералов и полковников»⁵.

«Новый курс» Президента СССР вызывал крайнее неприятие у демократической части команды Горбачева, раздосадованной поправением линии Михаила Сергеевича и видевшей в ней не только измену совместно выстраданным идеалам перестройки, но и предопределение политического одиночества главы государства. Особо оговорим, что поправление Горбачева воспринималось рядом соратников Михаила Сергеевича как крупная политическая ошибка. «Сдвиг Горбачева и его политики не имел видимых причин. Политический курс перестройки и развития демократии пользовался поддержкой. В экономике было немало трудностей и проблем, но они, скорее, сохранялись, хотя

¹ Архив автора. Интервью А. С. Грачева, в 1991 г. — члена ЦК КПСС, в августе-декабре 1991 г. — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 5 июля.

² Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных. Москва. 2019. 21 марта.

³ Там же.

⁴ Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. М., 2015. С. 218.

⁵ Адамович А. Vixi. (Я прожил). М., 1994. С. 313.

частично и нарастали. Единственное, о чем можно говорить как об источниках давления справа, — это усилившаяся критика Горбачева со стороны консервативных сил на пленумах ЦК, в парламенте, в некоторых органах печати. Против моих ожиданий, Горбачев оказался очень чувствительным и уязвимым для этой критики, более чувствительным, чем к критике со стороны демократов. Кто-то в связи с этим весьма точно сформулировал: он был верен тем, кто его предал, и предавал тех, кто в него верил и был ему предан», — заметил в этой связи многомудрый Г. А. Арбатов¹.

А. С. Черняев, один из самых видных представителей либеральной части команды А. С. Горбачева записывал в дневнике 2-го января 1991 г.: «Год моего 70-летия. И последний шанс Горбачева, последние усилия перестройки. Новогоднее послание советскому народу. Яковлев звонил сегодня. Говорит: “Знаешь, вроде и слова какие-то не очень банальные, и все такое. Но не производит...!” И я тоже ловлю себя на том, что бы Горбачев теперь ни произносил, действительно, “не производит”. И когда на съезде сидел, я ощущал это очень больно. Его уже не воспринимают с уважением, с интересом, в лучшем случае жалеют. Он пережил им же сделанное. А беды и неурядицы усугубляют раздражение по отношению к нему. Он этого не видит. Отсюда еще большая его драма. Его самонадеянность становится нелепой, даже смешной»². В Черняеве нарастало раздражение в отношении патрона: ему казалось, что Горбачев, не осознавший в полной мере своей исторической роли, поддался давлению правых и стал на рельсы «охранительства» и великодержавия. Такой Горбачев не был героем «его романа», скорее наоборот; особенно обидным для Черняева было очевидное, на его взгляд, охлаждение Президента СССР к внешней политике. «Первое официальное Рождество — по указанию Ельцина и Силаева, на всей территории России. Но в ЦК работали. И М. С. демонстративно приехал на работу. И мне пришлось. Просидел весь день на службе. Скукота. Ощущение бессилия и бессмысленности. Даже внешние дела, которые при Шеварднадзе шли благодаря нам, теперь начинают нас обходить. Мы все больше оказываемся на обочине, в офсайде, в мифологии великой державы. М. С. уже ни во что не вдумывается по внешней политике. Занят “структурами” и “мелкими поделками” — беседами то с одним, то с другим, кого навязут: то Бронфмана примет, то японских парламентариев,

¹ Арбатов Г. А. Жизнь. События. Люди: Автобиография на фоне исторических перемен. М., 2008. С. 179.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 897.

то еще кого-нибудь. Не готовится ни к чему. Говорит в десятый раз одно и то же»¹.

Апогеем «нового курса» Президента СССР стал вильнюсский инцидент — штурм войсками здания телецентра в Вильнюсе и образование в Литве комитета национального спасения.

Вильнюсские события января 1991 г. потрясли не только весь Советский Союз, но и весь мир. Какой Михаил Горбачев — настоящий: пламенный борец за мир, блестящий проповедник нового мышления, или тот Горбачев, имя которого будет связано с трагедией у Вильнюсского телецентра? Этот вопрос волновал в те дни миллионы людей, у многих было ощущение, что все то славное, что прежде было сделано Горбачевым, было перечеркнуто в начале второй декады января девяносто первого... «События последних месяцев и недель, в том числе ввод воздушно-десантных войск в Прибалтику (совсем как в августе 1968-го в Чехословакию), кажется, дорисовали портрет лидера КПСС и главы государства, окончательно излечивая многих из нас от затянувшихся иллюзий... Итак, что же такое Горбачев, если постараться в нескольких словах подытожить содержание его почти шестилетней политической (внутриполитической) деятельности? Это один из тех нередких в истории реформаторов, которые, начав за здравие, кончают за упокой; услышав голос времени и откликнувшись на него, не находят в себе, однако, достаточно любви и мужества, чтобы твердо ему последовать, на полпути пугаются, сворачивают, отступают и в результате не только портят благое дело, но и сеют новое зло», — такой «приговор» инициатору перестройки вынес публицист популярнейшей «Независимой газеты» Юрий Буртин².

«Для политического деятеля утрата доверия к нему равносильна смерти. Но утрата может быть разной: диктатор может потерять его в народе, но сохранить власть, если ему верит его окружение, верит стальной строй штыков, поддерживающих его трон или президентское кресло. Но никаких шансов на продолжение политической деятельности нет у того, кому перестали верить и структуры власти, и генералы. А именно это сегодня и происходит. Президент так и не сумел стать настоящим Президентом своего народа, а остался Генеральным секретарем ЦК КПСС, партии, которая утратила доверие и поддержку народа, так как не смогла предложить стране реалистический выход из экономического и политического тупика, созданного ее же собственной политикой и деятельностью. Что бы ни произошло с нами дальше,

¹ Там же. С. 898–899. Дневниковая запись от 7 января 1991 г.

² Буртин Ю. Горбачев // Независимая газета. 1991. 17 января.

народам нашей страны уже не забыть Тбилиси (апрель 1989-го), Баку (январь 1990-го), Вильнюс (январь 1991-го)», — писал в те дни А. А. Собчак¹.

Вильнюсские события привели к резкому падению популярности Горбачева. Демократические круги вообще стали представлять его чуть ли не олицетворением сталинщины. Примером этому стала написанная в те дни Юрием Шевчуком песня группы «ДДТ» с недвусмысленным названием «Горбатое зло».

Плечом к плечу, сердце в руке
Юная кровь на черном снегу
Руки по локоть в родной земле
Капли любви ползут по штывку
Горбатое зло бредёт по Литве.
Теперь уже Рига, а завтра что?
Танцует броня, а танцор кто?
Командир где? Сержант кому?
Реальна лишь кровь на кулаке.
Горбатое зло идёт по Неве.
Маленький фюрер накормит страну,
Установит порядок, отпустит грехи,
Маленький фюрер очистит войну
За 600 секунд промоет мозги.
Горбатое зло идёт на Москву.

Вероятно, что так тогда думал не только известный рок-музыкант, но и многие представители интеллигенции, да и простого народа. Помощник Горбачева по экономическим вопросам академик Н. Я. Петраков был в числе представителей интеллигенции, подписавших заявление, осуждающее литовскую трагедию². В тот же день в рабочем кабинете Николая Яковлевича раздался звонок по «президентскому» телефону, звонить по которому мог только Горбачев. «Что же, Николай, записал своего Президента в преступники?» — начал разговор Михаил Сергеевич. Выслушав аргументы Н. Я. Петракова, Горбачев сказал: «Ты ничего не понимаешь. На мне лежит огромная ответственность, я должен вытащить страну из хаоса, я должен ее сохранить, ты ничего не знаешь и не понимаешь...»³. Несомненно, что Горбачев был искренен в тот момент, высказывая в беседе с помощником свое политическое кредо *на тот момент времени*. «То, что меня подо-

¹ Собчак А. А. Хождение во власть. Рассказ о рождении парламента. М., 1991. С. 269.

² Московские новости. 1991. 20 января.

³ Петраков Н. Я. Русская рулетка... С. 182.

зревала в отходе от демократического выбора, — это была эмоциональная реакция... Я находился в тяжелейшей борьбе и схватке с антиреформаторскими силами в самом ближайшем окружении, в КПСС, по всей стране. Я нес огромный груз, выдерживал удары и не получал необходимой поддержки от демократов. Они одно считали правилом — подталкивать, торопить Горбачева, вместо того, чтобы понять реально, в каком обществе проводятся преобразования и какие препятствия стоят на пути. И, вообще говоря, не мог быть Президент, генсек КПСС самым левым в стране. Эти крайности — суть нашей политической культуры, ее специфика. Нам все время или красных или белых навязывают, а мой замысел состоял в том, чтобы люди стали гражданами и получили для этого правовую базу и чтобы не ретрограды и не лихие наездники вели нашу страну, чтобы не ломали ее по-ковбойски, через колено», — заявил Горбачев спустя пять лет после вильнюсских событий, накануне президентских выборов-1996¹. В воспоминаниях Михаил Сергеевич назвал трагедию в Вильнюсе провокацией, которая была устроена, чтобы «подставить Президента. Не только дискредитировать его власть в стране, но и подорвать его авторитет за рубежом, где поверили в его политику “нового мышления”, отвергавшего применение силы в политических, гражданских конфликтах»². «Я был убежден, что проблему сохранения и реформирования Союза можно решить политическим путем, без применения силы, без кровопролития. Но уже в первой половине января (1991 г. — А. П.) разразилась гроза. Кровь пролилась в Литве. Пришедшее к власти в результате выборов руководство Литвы во главе с Витаутасом Ландсбергисом пошло по пути обострения отношений с Союзным центром, решило добиваться независимости любой ценой. Я, тем не менее, предлагал компромисс, был готов к переговорам. 12 января 1991 г. я сделал заявление, что кризис будет разрешен конституционными средствами. Но в ночь с 12 на 13 января в Вильнюсе был осуществлен захват телевизионной башни и радиостанции с участием советских войск, приведший к гибели людей. Разумеется, президент СССР не отдавал и не мог отдать приказ о подобных действиях. Произошедшее было провокацией против меня как президента — со временем, особенно после августовского путча, это стало совершенно ясно. Есть и документы, подтверждающие это. После кровопролития 13 января все усилия предотвратить выход Литвы, да и других прибалтийских респу-

¹ Горбачев М. Страну нельзя ломать по-ковбойски через колено // Общая газета. 1996. 4–10 апреля.

² Горбачев М. С. Понять перестройку... С. 292–293.

блик из состава Союза оказались тщетными. Но борьба за Союз продолжалась», — писал Михаил Сергеевич в своей последней крупной статье¹. В действительности же Горбачев, видимо, пытался нащупать какой-то приемлемый способ сохранения страны и удержания контроля над ситуацией. Кровь, пролитая на улицах Вильнюса и единодушное осуждение всем миром методов союзного руководства, по-настоящему шокировали Горбачева — вероятно, «силовики» обещали ему бескровное подавление смуты в Литве.

«С утра мы с Е. М. Примаковым и А. Н. Яковлевым были у него в приемной. По телевидению шла трансляция заседания Верховного Совета. Депутаты кипели от негодования. Требовали Горбачева. Не знаю, чем таким важным он занимался, но из кабинета не вышел. Нас принял где-то через час. Мы, перебивая друг друга, прямо от двери, даже не садясь, стали убеждать его в том, чтобы он немедленно выступил и отмежевался от авантюры, которую организовали в Литве коммунисты, немедленно поручил расследовать беззаконие и виновных предать суду. Горбачев не был похож на себя. Вроде бы и возмущался вместе с нами, но чувствовалось, что у него на этот счет свое мнение. Он не мог “отмежеваться”, ибо, конечно, не мог не знать того, что замышлялось в Литве КГБ и армией. Выступил он с оценкой вильнюсских событий по телевидению только через неделю. Оценки были весьма расплывчаты. Политика “сильной руки” начала давать сбой, продемонстрировав бездарность организаторов. Ночью танками захватить телецентр. Неужели других вариантов не было? Без танков? Как покажет позже путч, у этих “спасителей отечества” танк был самой любимой игрушкой... Короче говоря, М. С. Горбачев сам, поворотом к политике “сильной руки”, на что он *абсолютно не способен по своему характеру* (выделено мной. — А. П.) и которая, как и следовало ожидать, провалилась после появления первых жертв, сам организовал начало конца перестройки. Ибо перестройка — это демократия и закон, но никак не спецназ и не тайные операции», — вспоминал В. В. Бакатин, лишь за месяц до событий в Вильнюсе отставленный с поста министра внутренних дел СССР².

В итоге, как метко заметил оппонент Горбачева, народный депутат СССР Н. С. Петрушенко, «Горбачев испугался собственной решительности»³.

Танки на улицах Вильнюса были восприняты сторонниками углубления перестройки как предупреждение о грядущей диктатуре, как репетиция возможного правого (читай — ортодоксаль-

¹ Горбачев М. С. Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 32.

² Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. М., 2015. С. 227–228.

³ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко, народного депутата СССР. Орша. 2019. 31 августа.

но-коммунистического) переворота в Москве. Январские события в Прибалтике резко усилили дезинтеграционные процессы, показав слабость Центра¹. Авторитет союзных властей и лично Горбачева был подорван, в то время как популярность местных национальных «вождей» возросла неимоверно: окраины увидели в поддержке своих политических лидеров единственную возможность защититься от потенциальной карательной акции Москвы. Вильнюсские события потрясли и Черняева.

«Не думал я, что так бесславно будет заканчиваться так вдохновляющее начатое Горбачевым. Утомляют растерянность и, увы, беспорядочность в занятиях, какая-то “спонтанность” в делах, а главное — склонность верить “своим” и в конечном счете именно у них искать поддержку (у КПСС!). Все это привело к “спонтанным” действиям десантников и танков в Прибалтике и кончилось кровью... Депутат ВС СССР Вульфсон рыдает по телефону: “Анатолий Сергеевич, спасайте! У нас (в Риге) завтра будет то же самое (что в Вильнюсе). Куда смотрит парламент? Где депутаты?” ... Литовское дело окончательно загубило репутацию Горбачева, возможно и пост. Да... это так, хотя он и презирает “паникеров”. По радио идут стихи Пушкина, Лермонтова, Маяковского, которые напоминают о зверствах властей по отношению к своему народу, об ответственности царей... Словом, опять передо мной ситуация 1968 года — Чехословакия. Но тогда была проблема рвать с Брежневым, с которым я был едва знаком. А теперь — с Горбачевым, с которым связано великое историческое дело, хотя он и губит его собственными руками. В печати, по радио у нас и на Западе гадают: с ведома Горбачева предпринята вильнюсская акция или вообще события в стране уже вышли из-под его контроля? Или это самодеятельность литовских коммунистов и военных? Меня тоже мучают сомнения. Но подозреваю, что Горбачев в тайне даже от самого себя хотел, чтобы что-то подобное случилось. Спровоцировала демонстрация рабочих перед Верховным Советом в Вильнюсе, приведшая к уходу Прунсене. Однако, если бы этого не было, наверное, “пришлось бы выдумать” что-нибудь другое. Предавать Бурокаявичуса и Шведа (секретари ЦК КП Литвы) для М. С., мне кажется, немислимо. Видимо, они с самого начала пестовались как “5-я колонна” в компартии Бразаускаса»².

Несмотря на убеждение Черняева в том, что Горбачев «не мог дать приказ громить телебашню и давить танками людей»³, его

¹ Ялышев Р. А. СССР на пути к распаду: январские события 1991 года в Прибалтике и новый Союзный договор // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной конференции: сб. науч. тр. / Под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2021. С. 343.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 900–902. Дневниковая запись от 13 января 1991.

³ Черняев А. Хочу сказать правду // Еврейское слово. 2005. № 18 (241). 11–17 мая.

раздражали уклончивые ответы Президента СССР о вильнюсских событиях во время речи в Верховном Совете, «фарисейское влияние»: «Нет ответа на главный вопрос. Речь недостойна ни прошлого Горбачева, ни нынешнего момента, когда решается судьба всего его пятилетнего великого дела. Стыдно и жалко было все это слушать. Игнатенко утром заговорил со мной об отставке. Пришел Андрей Грачев с заседания Верховного Совета, попросил не утверждать его заведующим международным отделом при президенте. “Хватит с меня 1968 и 1979 г. Непереносимо”. А что я?»¹ Новый «имидж» президента вызвал осуждение у демократической части его окружения: не только А. С. Грачев, но и В. Н. Игнатенко изъявили намерение подать в отставку. «Общее впечатление от произошедшего в Вильнюсе было ужасное», — вспоминал В. Н. Игнатенко, занимавший в ту пору пост пресс-секретаря Президента СССР². К тому моменту Горбачев постоянно получал сигналы о готовящихся выступлениях как против целостности союзного государства, так и против высших руководителей советской власти, включая его самого. Видимо, его нервы были на пределе. «Если человеку каждый день приносят папки с надписью “вскрыть лично” и там написано о каком-то возможном штурме кремлевской стены скалолазами, о том, что из Твери подтягиваются какие-то боевые дружины, а из лесов выходят специальные террористические группы, то станет не по себе. Учтите, что это каждый день, а иногда и по несколько раз в день. То же самое с Горбачевым делали во время Сумгаита, его полностью дезинформировали по литовским событиям. Нас, кто возражал против такого прессинга, было очень мало», — вспоминал В. Н. Игнатенко³. А. Н. Яковлев, А. С. Черняев, Е. М. Примаков, Г. Х. Шахназаров приехали, не сговариваясь, ночью в помещение секретариата президента. «Все очень резко реагировали на случившееся. Но надо было что-то делать. Буквально утром принимать какое-то решение. И все, конечно, думали о М. С. Горбачеве. Что он чувствует? Как поступит? Мы все считали, что Михаил Сергеевич должен немедленно вмешаться в ход событий, всех виновных в кровопролитии отстранить от службы и строго наказать. Но утром мы поняли, что события будут развиваться не по этому сценарию», — вспоминал В. Н. Игнатенко⁴.

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 902–903. Дневниковая запись от 14 января 1991 г.

² Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко. Москва. 2018. 17 октября.

³ Игнатенко В. Не меняя лицо под обстоятельства // Аргументы и факты. 1992. № 29–30. С. 2.

⁴ Игнатенко В. Н. Со мной и без меня... С. 216–217.

«Приехал Игнатенко. Рассказал, что вчера вечером он, Яковлев и Примаков стали уговаривать Горбачева съездить в Вильнюс, возложить венки, выступить там на Верховном Совете, пойти в коллективы, к военным и т. д. Горбачев это вроде воспринял. Сказал: сделайте к утру тексты для выступлений там. Написали, утром положили на стол. И весь день Игнатенко бегал, ловил Горбачева чтобы узнать, что же он решил. М. С. сделал вид, что ничего не было и никакого разговора с этими тремя не было. Из этого Игнатенко сделал вывод, что М. С. не “дезинформирован”, как думают многие. Он осуществляет свой план запугивания прибалтов. Днем в Вильнюсе военные заняли еще техническую радиостанцию и не собираются освобождать ни телевизионной башни, ни Дома печати. А в Риге захватили военную школу и разогнали курсантов», — такую красноречивую запись оставил в дневнике А. С. Черняев¹.

Черняев был в отчаянии: домашние были предупреждены о том, что он более не может работать у Горбачева, «надо уходить отсюда к чертовой матери»². Сказано — сделано: явившись утром 15 января 1991 г. на работу, он продиктовал своей помощнице-секретарю Тамаре Александровне «шесть страниц объяснений с Горбачевым, резко и откровенно, наотмашь — с выводом: “я тоже ухожу”. Вот этот текст:

“Михаил Сергеевич!

Поскольку перелом наконец действительно наступил и поскольку трудно было даже предположить, что он станет таким печальным и постыдным, никто не имеет права отмалчиваться.

С некоторых пор мы, помощники, заметили, что Вы в нас не нуждаетесь. Мы ничего не знаем ни о Ваших намерениях, ни о Ваших планах, ни о предполагаемых действиях или кандидатурах... Наше мнение Вас явно не интересует. Но это не значит, что у нас нет своего мнения обо всем этом.

Я, который искренне и верно отдал Вашему делу все, что мог, считаю своим долгом сказать Вам следующее.

Ваша речь в Верховном Совете — это знамение конца. Это совсем не то, что ждали мир и страна. Это — не выступление великого государственного деятеля в момент, когда под вопрос поставлено все его дело. Сумбурная, косноязычная, с какими-то странными впечатлениями от встречи с Прунскене, с “фабулой” событий, о которых весь мир знает в десять раз больше. Было полное ощущение, что Вы просто не в курсе дела или выкручиваетесь, не желая сказать, чего Вы действительно хотите добиться.

В этой речи не было главного — политики. А политика, как Вы сами нас учили, — это всегда выбор. На этот раз выбор таков: либо Вы говорите прямо, что не потерпите отпадения ни пяди Советского Союза и употребите все средства, включая танки, чтобы этого не допустить. Либо Вы призна-

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 903. Дневниковая запись от 15 января 1991 г.

² Архив автора. Интервью А. А. Черняевой, дочери А. С. Черняева. Москва. 2017. 21 декабря.

ете, что произошло трагическое, не контролируемое из центра событие, что Вы осуждаете тех, кто применил силу и погубил людей, и привлекаете их к ответственности.

В первом случае это означало бы, что Вы хороните все то, что было Вами сказано и сделано на протяжении пяти лет. Признаете, что и сами Вы, и страна оказались не готовы к революционному повороту на цивилизованный путь и что придется вести дела и обращаться с народом по-прежнему.

Во втором случае дело еще можно было бы поправить во имя продолжения перестроечного курса. Хотя что-то необратимое уже произошло. Никакие прокуроры и следователи, к каким бы выводам они ни пришли на месте, не изменят той оценки событий, которую дала международная общественность и все политические эшелоны западного мира. Не повлияют они и на наше общественное мнение, которое Вы явно недооцениваете или просто дезинформированы о его действительном содержании.

Вы, видно, не знаете отношения к Вам в народе — на улицах, в магазинах, в троллейбусах, на митингах, в коридорах и курилках. Вас заваливают телеграммами (хотя Вам по опыту прежних лет хорошо известно, как это делается) от тысяч людей. Но мнения других десятков тысяч и миллионов Вы просто “знать не хотите” — они не вписываются в Ваши намерения. Знаете ли Вы, что почти круглосуточно передают сейчас “Эхо Москвы” и даже “Маяк”? Там ведь расхожий уже термин: “Горбачев и его клика”. И это на весь мир. Вчерашняя передача Ленинградского телевидения повергла всех в ужас: гробы, трупы, рыдающие женщины, танки, вращающиеся башнями, девочка, вытаскивающая из-под гусениц зонтик, и т. п. Это что, на политику не должно влиять? Для политики важны лишь телеграммы, лично для Вас подобранные?

Разрушается главное, что было достигнуто в ходе политики нового мышления, — доверие. Вам уже теперь не поверят — как бы Вы отныне ни поступали. Торжествуют те, кто предрешал: все это новое мышление — лишь личина, которая в подходящий момент (или когда туго придется) будет сброшена. Представляю себе сейчас настроение Буша, Бейкера, десятков других, которые искренне доверяли Вам.

Вы дали Ельцину и К° еще один, может быть окончательный шанс обыграть Вас. Ведь то, что он заключил соглашение с прибалтийцами и обратился в ООН, создал “совет четырех” с Украиной, Белоруссией и Казахстаном, где “нет места Центру”, означает, что новое государственное образование, как бы потом ни назывался Советский Союз, понесут они в мировое сообщество — в обход Вас, вопреки Вам и против Вас. Вы начали процесс возвращения страны в цивилизацию, но он уперся в Вашу же установку о “едином и неделимом”. Мне и другим Вашим товарищам Вы не раз говорили, что русские никому не простят “развала империи”. А вот Ельцин от имени России это нахально делает. И мало кто из русских против этого протестует. Даже “полозковники” в его собственном парламенте не осмеливаются сколько-нибудь эффективно протестовать.

В результате Вы обрекли себя на политику, цели которой можно достигнуть только силой. И тем самым вошли в противоречие с провозглашенной Вами самим философией.

Вы ведь не раз публично заявляли, что до тех пор, пока Вы на своем посту, Вы не допустите вооруженного насилия над людьми. Пусть Вы

“не знали”, не разрешали стрелять и давить танками в ту ночь в Вильнюсе. Но то, что произошло, — результат Вашей политики, Вашего нежелания отпустить Литву подобру-поздорову.

В Москве и в других городах, как объявлено вчера по радио, по призыву Совмина РСФСР в среду будет “предупредительная политическая забастовка”. В воскресенье — массовая манифестация во главе с Ельциным, которая завершится на Старой площади. Лозунг: “Горбачева и его команду — в отставку”.

Вы знаете резолюции Президиума Верховного Совета Украины, Моссовета и Ленсовета и прочее и прочее. Но что-то не слышно демонстраций в поддержку действий, осуществленных в Литве. Политику там и раньше было трудно оправдывать, а теперь — после 13 трупов и сотен искалеченных — вообще невысказуемо, если есть совесть.

Единственное обоснование, которое формально звучит для кого-то, впрочем, очень немногих, — это, мол, Ландсбергис и К° нарушают Конституцию СССР. Но ведь кому, как не Вам, знать, что законность бывает “всяка”. И если ее требуется насаждать танками и БТР, то... это мы уже проходили. Это — не законность правового государства, которая, согласно Вашим же утверждениям, может быть результатом лишь демократического процесса.

Полтора года назад в Крыму, когда прибалты выстроили живую тысячекилометровую цепь со свечами, я, если помните, сказал Вам: остановить их уход из СССР можно только танками. Вы от меня отмахнулись. Теперь мы это и наблюдаем. Спрашивается, для чего и для кого это нужно? Перестройка ведь — для человека! И если 150 тысяч или сколько их там из трех с лишним миллионов населения Литвы хотят оставаться в Советском Союзе, то это не значит, что ради них во главе со Шведом и Бурокаявичусом можно так обращаться с представителями другой части республики. Оправдания, которые вчера попытались представить Пуго и Язов, прозвучали жалко и позорно. Они дискредитируют Вас, представляя Центр в нелепом виде. Впрочем, Вы повторили их “логику”. А она — как на деревенской улице: меня, мол, побили (когда депутация Комитета спасения явилась в Верховный Совет Литвы), я позову большого брата, и он вам покажет!

В государстве, которое заявило, что хочет быть и становиться правовым, невозможно заменять политические и юридические оценки рассказом, как общественная организация, возмущенная радиопередачами, позвала на помощь войска и они вместе пошли на штурм телебашни. Это все равно, что какая-то группа в Москве, которой не понравится “Взгляд” или “120 минут”, попросила бы знакомого командира полка или дивизии выделить батальончик, чтобы осадить Останкинскую башню и выгнать оттуда весь персонал. А если бы милиционер у входа стал стрелять, то тогда пошли бы в ход танки. Вот ведь, по существу, чего стоят объяснения, которые услышал наш парламент и весь мир.

Словом, ради сохранения Литвы в СССР Вы собственными руками губите дело, которое, как правильно Вы многократно утверждали, призвано было изменить мир.

У меня такое впечатление, что Вы не читаете даже шифровок из-за границы, которые ломаются от протестов, возмущения, гнева, разочарования и угроз разорвать все намеченные связи с нами — со стороны прави-

тельств, партий, общественности. Картина (в том числе и у оград наших посольств) — какую мы уже вроде бы и позабыли со времен Сахарова в Горьком.

На этом фоне утверждение членов кабинета в Верховном Совете выглядит какой-то странной фантазмагорией: назначается правительство для непонятно какого государства. О Союзном договоре в Вашем варианте можно теперь позабыть.

Я достаточно хорошо Вас знаю, Михаил Сергеевич, чтобы предвидеть, как Вы отреагируете на эту записку: мол, вот и еще один “отвалил”, не выдержал. Пусть так. Но заподозрить меня в каких-то амбициях на 70 году жизни, в тщеславных, честолюбивых соображениях Вам будет очень трудно. Вы ведь меня тоже немножко узнали, хотя и не очень то интересовались мной. Я под себя не греб и ничего лично для себя не искал. Смысл этого моего послания состоит вот в чем: я верой и правдой служил “тому” Горбачеву — великому новатору и автору перестройки. А сейчас я его не узнаю и не понимаю.

Я тяжело пережил Прагу. Осуждал в душе, среди своих друзей и перед дочерью — тогда еще школьницей, сказал ей: “Запомни: великая страна покрыла себя позором, и не будет нам прощенья”. Я не скрывал в кругу сотрудников Международного отдела ЦК своего крайнего возмущения вторжением в Афганистан. Хотя моральную ответственность за политику, которая вела к тем же интервенциям, я нес лишь в той мере, в какой можно ее возложить на, в общем-то, рядового аппаратчика. Но к политике последних пяти лет я имел прямое отношение. Это была политика, которая исключала повторение чего-либо подобного 1968 и 1979 годам. Оказывается, нет. И иметь прикосновение к политике, которая несет в себе возможность измены самой своей сути, я не могу.

Михаил Сергеевич! С тех пор как я оказался “при Вас”, мне никогда не приходило в голову, что мне опять, как при Брежнев и Черненко, придется испытать мучительный стыд за политику советского руководства. Увы! Это произошло... С уважением, А. Черняев»¹.

Заявление это не попало к Горбачеву. Помощница-секретарь Черняева Тамара Александровна, перепечатав заявление, спрятала его в свой сейф и скрылась. Мудрая женщина призывала своего начальника «не бросать Михаила Сергеевича»². Черняев получил обратно свое заявление только через неделю — было время подумать; в итоге Анатолий Сергеевич решил не подавать прошение об отставке. Годы спустя он был убежден, что поступил правильно. «В конце концов, помимо “политических” отношений между людьми, а особенно если речь идет об отношениях между “адъютантом” и “командующим”, которым суждено быть вместе в больших “кампаниях”, существуют еще критерии лояльности,

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 903–906. Дневниковая запись от 15 января 1991 г.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 412.

если угодно — преданности “несмотря ни на что”. Это — раз. А кроме того, я ведь так и не получил (для себя) доказательств — ни фактических, ни психологических — его, Горбачева, причастности к развязыванию и осуществлению “вильнюсской акции” местной компартией и “примкнувшими” к ним военными и спецслужбами»¹.

По убеждению американского исследователя У. Таубмана, автора крупнейшей на данный момент биографии последнего советского лидера, твердые доказательства причастности Горбачева к кровопролитию в столице Литвы отсутствуют², в то время как петербургский историк Р. А. Ялышев, специально занимавшийся изучением этого вопроса, напротив высказывает убеждение, что «войска были введены по приказу М. С. Горбачева»³.

Главный оппонент Горбачева в те дни, Председатель Верховного Совета Литвы В. В. Ландсбергис заявлял, отвечая на вопрос о причастности Президента СССР к событиям в Вильнюсе: «Ему принадлежит слава. Когда иностранные журналисты спрашивают его: “Это вы отдали приказ?”, он отвечает: “Нет”. И все рады: “Горбачев не виноват!” Но и он лжет, и они неправильно спрашивают. Надо ставить вопрос иначе: “Вы разрешили резню?” Да, он ее разрешил. Приказы отдавали командиры или министры — Пуго, Крючков. Но они согласовали с Горбачевым все, что будут делать. И Горбачев сказал им: “Ладно, ребята, попробуйте”. А потом сидел у телевизора и смотрел, что творится в Вильнюсе. И не останавливал. Хотя ему звонил Ельцин и требовал: “Прекратите это безобразие!” Эти слова мне Ельцин позднее сам повторял при разговоре... В общем, Горбачев все знал и позволил убивать людей, от этого ему некуда деться...»⁴. По иному изображает ситуацию Н. И. Дементей, в январе 1991 г. — Председатель Верховного Совета Белорусской ССР, прибывший в Вильнюс во главе делегации 13 января.

«Витаутас Ландсбергис вместе с группой неизвестных нам людей в своем кабинете просматривал видеопленки, на которых были запечатлены события прошедшей ночи, движение военной техники, штурм телецентра. Руководитель высшего органа законодательной власти республики

¹ Там же. С. 412.

² Таубман У. Горбачев и его время. М., 2019. С. 538.

³ Ялышев Р. А. СССР на пути к распаду: январские события 1991 года в Прибалтике и новый Союзный договор // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной конференции: сб. науч. тр. / Под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2021. С. 332.

⁴ Дубнов А. Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик. М., 2019. С. 112.

был (или, возможно, хотел показать нам) очень напуган. Он все время взволнованно говорил, что предстоящей ночью ожидает нового штурма войсками здания Верховного Совета. На мой вопрос, связывался ли Витаутас Витаутович с командованием Прибалтийского военного округа, есть ли у него такая связь сейчас, он ответил, что лично распорядился отключить линию связи и не поддерживает никаких контактов с командирами воинских подразделений, находящихся на территории Литовской Республики.

— Поддерживаете ли Вы связь с Президентом СССР? — спросил я у В. Ландсбергиса.

— Никак не могу дозвониться, в приемной Горбачева отвечают, что его нет в кабинете.

В присутствии Ландсбергиса и членов прибывшей со мной делегации я тут же позвонил по спецсвязи Михаилу Сергеевичу. Он без промедления ответил. Я проинформировал его обо всем, что удалось увидеть и услышать в первые минуты пребывания в Вильнюсе. После этого разговора стало ясно, что Ландсбергис избегает контактов с Президентом СССР и командованием воинских подразделений Прибалтийского военного округа... Оставался вопрос с погибшими во время штурма Вильнюсского телецентра. Ландсбергис и его окружение обвиняли в их смерти военных, те утверждали обратное. Я предложил провести расследование по каждому погибшему с участием работников Прокуратуры СССР, Литовской ССР и экспертов двух сторон. Этому никто не возразил, однако, не успели мы покинуть литовскую столицу, как власти республики, даже не проведя экспертного расследования, быстро захоронили тела погибших. Такая спешка породила у членов нашей делегации сомнение в правдивости обвинений В. Ландсбергиса и его сторонников в адрес военных. Эти сомнения у меня сохранились до сих пор»¹.

На наш взгляд, наиболее взвешенную оценку относительно степени причастности Горбачева к кровопролитию в Литве предложила в своем интервью 1991 г. народный депутат СССР Г. В. Старовойтова: «Я допускаю, что Горбачев знал не все. Сам виноват, если у него такая система информации. Это не снимает с него ответственности. И все-таки нечто о готовящемся ему было известно... Модель, я полагаю, такая. Горбачеву доложили (как всегда, с искажением информации) и запугали: это не мирное выступление, это экстремисты, будут штурмовать и т. д. На это он дал — как всегда — самые неопределенные указания: у вас там есть силы, наведите порядок... — короче, уклончивое, устное распоряжение. Затем оно спустилось ниже, к Язову, но опять было недостаточно четким. И пока оно дошло (через инстанции) к начальнику гарнизона, формулировка стала более жесткой: навести порядок... если

¹ Деметей Н. И. Уроки жизни. Мн., 2005. С. 133.

надо — любой ценой...»¹. «Я не сомневался, — рассказывал автору близкий к Горбачеву в последние годы его жизни народный депутат СССР, известный драматург А. И. Гельман, осудивший события в Вильнюсе, — что танки в Вильнюсе введены не без его согласия»².

«Он рисковал, он не хотел, он надеялся, что обойдется, он хотел на них повлиять. Но как на них можно было повлиять? Влиять можно переговорами, можно и угрозами, можно и пистолет приставить к вашему виску, но это не значит, что я вас застрелю. Набор средств был очень ограничен... Конечно, Горбачев не хотел этих кровавых событий, он хотел, чтобы их не было, но они случились! Он не давал никаких отмашек для этого Крючкову. Отмашку он давал, чтобы там были наши люди и т. д. — это он наверняка знал. Но он не был заинтересован в кровопролитии. От кровопролития-то, кстати сказать, больше всего пострадал Горбачев. Уже по одной этой логике Горбачев не был заинтересован в кровопролитии», — эмоционально защищал Михаила Сергеевича его верный сотрудник Г. С. Остроумов, в 1991 г. — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС, а с осени — заведующий Секретариатом Президента СССР³.

Как бы то ни было, но в политическом отношении вильнюсские события были поражением Михаила Сергеевича: лауреат Нобелевской премии мира 1990 г. окончательно перестал быть кумиром демократов «отечественного разлива»; Президент же, провозгласив готовность силовым путем защищать союзные законы, оказался не готов принимать на себя ответственность за это, навлекая на себя упреки в бездеятельности и недееспособности со стороны «силовиков», от которых, по мнению военных, Президент «открестился». При этом инициатива «наведения порядка» в Литве, скорее всего, исходила именно от Горбачева. Если верить утверждению бывшего министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Т. Язова, «примерно числа 9-го (января 1991 г. — А. П.) Горбачев пригласил меня, Крючкова и Пуго поговорить о том, какие принимать меры, чтобы прекратить этот шабаш антисоветской деятельности. Президент СССР как гарант соблюдения Конституции, безусловно, имел на это право. И на следующий день он приказал навести в Литве порядок...»⁴. По словам генерала В. А. Ачалова, координировавшего

¹ Я уже обеспечила себя мемуарами. (Беседа А. Караулова с Г. Старовойтовой) // Независимая газета. 1991. 30 июля.

² Архив автора. Интервью А. И. Гельмана, народного депутата СССР. Москва. 2020. 3 марта.

³ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова. Москва. 2018. 6 февраля.

⁴ Сапожникова Г. М. Кто кого предал. М., 2016. С. 22–23.

го действия советских воинских частей в Вильнюсе и фактически командовавшего операцией, Горбачев «все пустил на самотек. Жесткие решения пришлось принимать непосредственным исполнителям уже на улице, фактически на ходу»¹. По правомерному утверждению Р. А. Ялышева, «М. С. Горбачев, провозгласив готовность к “силовому курсу”, продемонстрировал слабость в его воплощении. Он не ввел открыто прямое президентское правление в защиту Конституции СССР, а потом не взял на себя ответственность за действия военных. В итоге стало ясно, что Горбачев не готов к силовой защите союзных законов»². Отметим, что в окружении Горбачева до сих пор присутствует твердая убежденность в том, что Президент СССР никаких приказаний относительно применения в Вильнюсе силового сценария не отдавал³.

Пораженный всеобщим категорическим неприятием жестких союзных властей в Литве и проклятиями в адрес Президента СССР, Горбачев принял самое неуклюжее, но, пожалуй, *приемлемое* в той ситуации решение: открестился от всего произошедшего на улицах Вильнюса, заявив, что недавнее кровопролитие ни в коей мере «не являлось выражением линии президентской власти»⁴. Положение, в котором он оказался в тот момент, было таково, что хороших выходов из ситуации не было — все были равно плохими. В итоге «либеральную» часть своей команды Горбачев сохранил, но армия и КГБ, фактически отданные президентом на растерзание демократическим СМИ, эту обиду ему не простили. Думается, что это и стало тем роковым моментом, который предопределил драму августа 1991 г. Президент СССР показал, что не готов принимать на себя ответственность за непопулярные меры силового блока; силовики же после этого не были готовы «защищать Горбачева» — это сыграло свою роль уже в декабре 1991 г. — после подписания Беловежского соглашения, когда армия была демонстративно безучастна.

Горбачев, не считая для возможным открыто вступить в конфликт ни с одной из влиятельных политических сил, и фактически «закрыв глаза на Вильнюс»⁵, продолжил тактику маневрирования, которые подвела его к весне 1991 г. к угрозе отставки. К этому

¹ Ачалов В. А. Я скажу вам правду. М., 2006. С. 297.

² Ялышев Р. А. СССР на пути к распаду: январские события 1991 года в Прибалтике и новый Союзный договор... С. 333.

³ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко, пресс-секретаря Президента СССР в 1990–1991 гг. 2018. 17 октября. Москва.

⁴ Заявление Президента СССР М. С. Горбачева // Правда. 1991. 23 января.

⁵ Архив автора. Интервью А. С. Грачева, в августе-декабре 1991 г. — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 5 июля.

моменту Горбачев многим казался руководителем, каждый шаг которого мистическим образом обречен на неудачу. В таком положении политика без опоры, с распадающейся командой, откровенно враждебным и непримиримым отношением к нему демократической команды во главе с Ельциным, а также национал-сепаратистов из республик, Горбачев пошел на ту меру, которая была обозначена еще на IV-м Съезде народных депутатов СССР. Речь идет о Всесоюзном референдуме 17 марта 1991 г., на котором был поставлен вопрос о сохранении СССР как обновленной федерации. Тем временем Президент СССР продолжал подвергаться жесточайшей критике, от него отходили его некогда преданные соратники. Иллюстрацией этому может послужить пример опубликованное в «Комсомольской правде» «Открытое письмо Президенту СССР», подписанное С. С. Шаталиным, автора известной программы «500 дней», вышедшего в знак протеста из Президентского совета. Критикуя М. С. Горбачева за капитуляцию «перед “черными полковниками” Алкснисом, Петрушенко и Макашовым» и осуждая его за события в Литве и Латвии, С. С. Шаталин требовал от главы государства немедленно:

«1. Вернуться к жесткому варианту программы “500 дней”, прибавив к ней много дельного, сказанного в последнее время.

2. Отказаться от политически тупикового соблазна подписать Союзный договор, ибо это недостижимо и только накаляет межнациональные отношения, катастрофически усиливает центробежные, сепаратистские тенденции, ведет к ускорению развала Союза.

3. Создать Экономический союз политически абсолютно суверенных республик, основанный на принципах программы “500 дней”. Любовь с первого взгляда, любовь все сжигающая хороша и божественна для мужчины и женщины, а в политике лучше любовь по расчету.

4. Вы должны немедленно отказаться от поста Генерального секретаря ЦК КПСС, и она к пользе народной развалится, перестанет претендовать на монопольно-авангардную роль, а если останется, то обычной парламентской партией.

5. Немедленно создать межнациональное, межпартийное, межсословное правительство народного доверия, состоящее из умных, компетентных, честных, известных стране людей. Возможно, в легитимной форме Совета Федерации...

Если, Михаил Сергеевич, Вы всего этого не понимаете, Ваш долг перед народом немедленно уйти в отставку со всем окружением, разумеется. Политик не должен допускать того, чтобы его жалели»¹.

В архиве сохранился любопытный документ — ответ М. С. Горбачева на письмо С. С. Шаталина, составленный, видимо, по-

¹ Шаталин С. С. Прерванный диалог. Тверь, 1998. С. 100–101.

мощником Президента СССР А. С. Черняевым, опиравшимся при подготовке своей записки на высказывания, произнесенные его патроном в узком кругу.

«Я, как Вы знаете, достаточно лояльно отношусь к резким высказываниям в свой адрес. Дело в том, что Ваше выступление в сложившейся сегодня ситуации действительно имеет основополагающее значение, поскольку требует от меня, как Президента страны, четкого самоопределения. Момент для такого самоопределения настал, и Ваше письмо убедило меня окончательно, что медлить с этим нельзя.

Страна — в отчаянном положении. Налицо по сути единый блок радикалов как левых, так и правых, говорящих о крахе перестроечного процесса. Разорвано, причем сознательно и жестоко, единое экономическое пространство страны. Теперь на очереди такой же разрыв и политического пространства. Под угрозой государство, называемое “империей”, “коммунистическим монстром”. На самом же деле это — сложнейший организм с сотнями тысяч обратных связей, хрупкой и действительно весьма далекой от идеала инфраструктурой.

Как специалист по математическим методам, Вы не можете не понимать, к чему приводит разрыв хотя бы одной из коммуникаций в управленческой цепи огромного народнохозяйственного организма. Это, говоря Вашим же языком, чревато рядом резонансных эффектов, причем Вы хорошо понимаете, что в зоне подобного “резонанса” управление прекращается. Так что же такое — на этом языке, которому Вы меня научили, за что я очень Вам благодарен, — означает война законов, разве это — не ввод в режим резонансных процессов, — сознательно. И что это значит для населения страны? Это значит, что прекращается управление подачей тепла, электроэнергии, товаров, медикаментов, продуктов питания, горючего. Это значит — системный кризис с необратимыми последствиями, выход из которого будет только один — кровавая и беспощадная диктатура. Это может быть, так называемая “правая” диктатура, которая отбросит страну не к эпохе застоя, а к гораздо более страшному времени. Это может быть и диктатура “левая”, антикоммунистическая, со столь же страшными последствиями для общества. И, наконец, это может быть и гражданская война — еще более страшное зло, чреватое опасностью не только для нас, но и для мировой цивилизации.

Я и мои товарищи, подвергаясь бесконечным нападкам и оскорблениям, угрозам и справа, и слева, стремимся провести корабль между Сциллой и Харибдой, между диктатурой и хаосом, между леворадикальной элитой, зовущей население по сути к войне, и нарастающим с каждым днем консервативным синдромом, догматической “упертостью” правых, ждущих своего часа, чтобы вернуть старый “порядок”. Судьба демократии, судьба реформ, судьба государства оказалась висящей на волоске. И в этот час Вы предъявляете нам ультиматум, как бы от лица всей науки, и требуете ответа.

Если бы я был “справа”, то я ответил бы проклятьями в адрес профессоров и стал бы во главе антиинтеллектуальной волны. Если бы я был “слева”, я начал бы расшаркиваться в извинениях, говорить, что для меня наука “прежде всего” и что я без нее ничего не в состоянии сделать. Еще вчера — я бы уклонился от ответа и не из робости, не из всеядности,

а просто потому, что многое еще не было мною понято, осознано до конца. А я не люблю, да и не имею права, в отличие от многих, чересчур определенно высказываться о недостаточно обдуманых мною проблемах. Отсюда та уклончивость, которая многими воспринимается просто как слабость. Но это — уклончивость из вчерашнего дня.

А сегодня многое для меня стало ясным, в том числе и благодаря Вашему заявлению. Я не хочу обвинять Вас в предательстве. Я и сейчас по-прежнему уважаю Вашу искренность и профессионализм. Но я должен ответить по существу. Главный для меня вопрос, возникший в связи с Вашим письмом — это вопрос об отношении к науке и о соотношении между нею и государственным управлением. Именно такой ответ на этот вопрос и определит сегодня политический центризм, как то единственно верное направление, которое я буду отстаивать до конца. <...>

Начиная перестройку, мы постарались сделать все возможное для того, чтобы возникла открытость, хотя бы наверху, чтобы стал возможным режим обсуждения принимаемых решений, режим свободного обмена идеями. И слишком поздно мы увидели, что созданную нами форму стали превращать в цель, подменяя обсуждение игрой в дискуссию, а попросту говоря, академической болтовней. Свежих идей мы от Вас, простите, не дождались, особенно идей того масштаба, на который мы рассчитывали. Вы — честный, искренний человек. И я прошу Вас, не для печати, а для себя лично, ответьте, неужели средняя калька с программы Международного валютного Фонда, средняя, как Вы сами неоднократно говорили кандидатская диссертация, известная под названием “Программа Явлинского” и есть та программа, которой заслуживает великая и во многом трагическая страна?

<...> Рано или поздно перед Вами встанет эта дилемма и придется ее решать. И я желаю Вам мужества и честности в поисках этого решения. Желаю Вам искренности и глубины. Что же касается пяти конкретных вопросов, то отвечать буду так же кратко, как Вы их поставили.

Первое. В кратчайшие сроки мы произведем реформу, сочетающую структурную модернизацию и переход к смешанной рыночной экономике, реформу, гораздо более отвечающую интересам людей и общества в целом, нежели пресловутые “500 дней”.

Второе. В тяжелейших условиях мы тем не менее завершим переход к нормальному федеративному государству.

Третье. Страна едина и будет оставаться единой, ибо этого хочет народ. Референдум это покажет, Истина выйдет наружу, как бы ни пытались манипулировать сознанием общества.

Четвертое. В кратчайшие сроки партией будет принята новая программа, в которой удастся, я думаю, ответить на коренные вопросы, волнующие общество, и, думаю, что после этого партия не развалится, а окрепнет, став обычной правлящей парламентской партией.

Пятое. Что касается “умных и компетентных людей”, предлагаемых Вами в правительство, то мы, я Вас заверяю, их ищем и находим среди тех, кому дорого это общество, эта страна, это государство, этот народ»¹.

¹ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 309. Л. 58–71. На листе 58 — помета: «Должено. 27.03.1991».

В ближайшие месяцы Советский Союз неумолимо приближался к краху: «война законов» шла полным ходом — не только в Прибалтике или в Грузии, но и в РСФСР начали один за другим приниматься законы и постановления, которые противоречили законам СССР¹; открытая борьба Ельцина против Горбачева и требование Борисом Николаевичем отставки союзного президента; падение уровня жизни населения и многое-многое другое — из той же негативной категории. «Грядет крах. Референдум 17 марта может стать детонатором», — записывал Черняев в своем дневнике². «Референдум: “Быть или не быть Отечеству”? Хотя на самом деле такая постановка вопроса — очередная демагогия: ничего не будет, чем бы этот референдум не кончился», — полагал Анатолий Сергеевич³. По мнению Черняева, Президент СССР к тому моменту уже исчерпал себя «интеллектуально как политик. Он устал. Время обогнало его, его время, созданное им самим»⁴.

К весне 1991 г. Горбачев находился на грани отставки: политика лавирования между право-коммунистическим и демократическим лагерями привела Президента СССР к тому, что база его поддержки сократилась до минимума. «К началу весны 1991 года мрак на политическом небосклоне Горбачева сгустился до предела. Демократическая оппозиция по-прежнему не прощала ему дрейф навстречу реакции, происшедший с октября по январь (с октября 1990 по январь 1991 г. — *А. П.*), а партийный аппарат старого закала все злее нападал за то, что этот дрейф остановился, не дойдя до желанной реакции предела. Пространство традиционного маневра между двумя крайними полюсами сузилось до такого узенького просвета, в каком, казалось, уже невозможно было шевельнуться... Горбачев между тем тянул и тянул свою лямку, казалось, совсем уже в безнадежных условиях: пытался продвигать реформы, по-прежнему не вступая в открытый конфликт ни с одной из политических сил», — вспоминал О. Р. Лацис⁵.

В этой ситуации Горбачеву удалось, казалось бы, выйти из политического пике — способствовали этому результаты Всесоюзного референдума 17 марта, на котором ставился вопрос о существовании обновленного Советского Союза. Горбачев шел ва-банк: в слу-

¹ *Медведев Р. А.* Советский Союз: Последние годы жизни. М., 2015. С. 274.

² *Черняев А. С.* Совместный исход... С. 927. Дневниковая запись от 10 марта 1991 г.

³ Там же. С. 929. Дневниковая запись от 17 марта 1991 г.

⁴ Там же. С. 930. Дневниковая запись от 20 марта 1991 г.

⁵ *Лацис О. Р.* Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 335–337.

чае отрицательного ответа на вопрос референдума о сохранении СССР Президенту страны не оставалось ничего другого, кроме как уйти в отставку, в этом случае было бы понятно, что гражданское большинство не принимает исповедуемую главой государства политику центризма, а в обществе наметилась тенденция к возобладанию крайних сил¹. О своей готовности оставить свой пост в случае отрицательного голосования граждан Горбачев откровенно говорил в присутствии своего помощника А. С. Черняева². При этом Михаил Сергеевич высказывал твердую уверенность в успешном для судьбы страны результате голосования: закрытые опросы показывали, что большинство людей выскажется за сохранение Союза³.

«Раз взялись за реформирование Союза — поскорее заключить новый Союзный договор, перераспределить полномочия... Надо идти по пути распределения полномочий, обеспечения реального суверенитета в рамках обновленного Союза. Эта цель достижима. Уверен, что люди 17 марта на референдуме выскажутся именно за это. Те, кто хочет поставить референдум под сомнение и даже пойти вопреки воле народной, ставят под сомнение формулу референдума: она-де сложная, непонятная, давайте ее упростим... А что там непонятного? Речь идет об СССР, об обновленной федерации суверенных государств-республик, о том, чтобы всем народам, всем гражданам, какой бы национальности они ни были и где бы ни проживали, гарантированы Конституцией, Союзным договором равные права и возможности», — заявил М. С. Горбачев по поводу референдума⁴.

17 марта 1991 г. состоялся первый в истории страны Всесоюзный референдум. Из пришедших на избирательные участки советских граждан 76,4% ответили — «Да» на предложенный к ответу вопрос референдума «Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности»⁵. Как сам референдум, так

¹ Три вопроса перед референдумом. Интервью заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС А. Я. Дегтярева // *Московская правда*. 1991. 12 марта.

² *Черняев А. С. Совместный исход. Дневник двух эпох, 1972–1991 годы*. М., 2008. С. 965. Дневниковая запись от 23 июля 1991 г.

³ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова, помощника Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Москва. 2018. 6 февраля.

⁴ Пребывание М. С. Горбачева в Белоруссии // *Московская правда*. 1991. 28 февраля.

⁵ ГАРФ. Ф. 7522. Оп. 13. Д. 134. Протокол Центральной избирательной комиссии референдума СССР. Л. 6.

и формулировка вопроса, предложенного на нем, имели немало недостатков: по мнению В. Б. Исакова, занимавшего в ту пору должность Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР, «референдум испортили сложным и маловнятным вопросом, который выглядел как политический трюк, хотя референдум и выражал волю народа»¹. Г. Э. Бурбулис был убежден, что А. И. Лукьянов — автор вопроса, вынесенного на Всесоюзный референдум, «переборщил с формулировкой референдума, ввиду чего «референдум не сыграл той консолидирующей роли, на которую надеялась команда Горбачева»². С. С. Шушкевич считал, что формулировка референдума была столь невнятной, что была, по сути, обманом народа, а сам референдум — «фальшивым»³. «Было очевидно, — полагает народный депутат СССР Н. С. Петрушенко, — что голосование 17 марта не имеет обязательного характера...»⁴. «Филькиной грамотой» называл Всесоюзный референдум и один из лидеров демократического лагеря Г. Х. Попов⁵. «Горбачевский референдум не стоил и ломаного гроша», — прибавляет народный депутат РСФСР Л. А. Пономарев⁶.

Референдум бойкотировали 6 из 15 союзных республик (республики Прибалтики, Армения, Грузия и Молдавия), не видевших свое будущее в составе реформированного Союза, лидер одной из них, Армении, Л. А. Тер-Петросян прямо говорил о том, что воспринимает референдум как «чисто пропагандистскую акцию Центра для укрепления своей власти. В реальной жизни это абсолютно ничего не изменит. Сегодня ни одна из республик не откажется от своих завоеваний, что совершенно не учитывается центральными властями...»⁷. Своим согласием на проведение референдума в таком составе республик союзное руководство фактически признавало, что прежнего Союза больше нет и нужно стремиться к сохранению ядра страны.

Учитывая общее положение в стране, у референдума было небольшое количество противников — даже из числа тех, кто активно выступал за сохранение Союза — им казалось, что проведение

¹ Архив автора. Интервью В. Б. Исакова. Москва. 2019. 2 октября.

² Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, государственного секретаря РСФСР, народного депутата СССР. Москва. 2019. 11 февраля.

³ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича. Минск. 2019. 30 августа.

⁴ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко. Орша. 2019. 31 августа.

⁵ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова.

⁶ Архив автора. Интервью Л. А. Пономарева, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 6 июля.

⁷ Левон Тер-Петросян в российской прессе. М., 2018. С. 38.

референдума еще больше «раскачает» ситуацию в СССР. Так, например, народный депутат СССР В. А. Писаренко в письме Горбачеву предупреждал Президента СССР: «в разогретом, расстрепанном как улей обществе “референдум” может принести катастрофические результаты, а если учесть то положение, которое сложилось в отдельных республиках и регионах с радио, телевидением, печатью. Прошу, будьте осторожны с “референдумом”, возможна непредсказуемая ситуация»¹.

Референдум был несомненно своевременным и чрезвычайно сильным политическим маневром М. С. Горбачева²; его результаты окрылили Президента³, отразив объективное стремление большинства граждан Советского Союза к сохранению единого государства⁴. Референдум усилил позицию Горбачева, а его результаты выступали, казалось, в качестве надежной опоры линии Михаила Сергеевича на сохранение единого государства: Президент СССР предстал в роли политического лидера, выражающего волю большинства населения своей страны.

Позиции Президента СССР укрепились. «Думаю, без этого голосования не могло быть и встреч в Ново-Огареве, разрядивших на время обстановку в стране и создавших предпосылки для преодоления кризиса», — обоснованно утверждает М. С. Горбачев⁵. Но есть и другой взгляд на проблему: нужен ли вообще был Президенту и его стране Союзный договор после *всенародного голосования*? Может быть, власть недоценила юридическую силу референдума? Результаты мартовского референдума давали Горбачеву политическую и юридическую возможность быстро заключить новый Союзный договор, при этом А. В. Руцкой вообще убежден, что Президент СССР, опираясь на результаты референдума, имел право арестовать наиболее рьяных сепаратистов⁶. В. И. Щербаков, занимавший в 1991 г. пост первого заместителя Премьер-министра СССР В. С. Павлова, убежден, что результаты Всесоюзного рефе-

¹ РГНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 615. Л. 114.

² Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова, в 1991 — члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС. Москва. 2018. 14 ноября; Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева, в 1991 — члена Политбюро, 1-го секретаря МГК КПСС. Москва. 2020. 17 февраля.

³ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко, в 1990–1991 — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 17 октября.

⁴ *Яльшиев Р. А.* Проблема нового союзного договора и его роли в распаде СССР: Автореф. дис. ... к. и. н. СПб., 2011. С. 20.

⁵ *Горбачев М. С.* В меняющемся мире. М., 2018. С. 203.

⁶ Архив автора. Интервью А. В. Руцкого, с лета 1991 г. — вице-президента РСФСР. Москва. 2019. 10 июля.

рендума были настолько убедительны, что Центру и Президенту СССР вовсе не нужно было начинать никакого Новоогаревского процесса и искать компромисса с республиками во имя подписания нового Союзного договора¹. «Затеявая Новоогаревский процесс, Горбачев начал процесс развала», — утверждал С. А. Филатов². В беседах с автором этих строк историки Р. А. Медведев и В. В. Калашников, оба в 1991 г. — члены ЦК КПСС, подчеркивали, что Горбачев не использовал тех законных прав, которые давали ему итоги Всесоюзного референдума: он должен был немедленно, после подведения итогов референдума, вводить чрезвычайное положение и добиваться, опираясь на результаты всенародного голосования, скорейшего подписания нового Союзного договора³. Не склонный по самому складу своего характера к решительным мерам советский лидер прибегнул к излюбленной тактике «кунштатора», погрузившись в изнурительную схватку с лидерами республик в Ново-Огарево: по каким-то одному ему известным причинам Горбачев даже не пытался изображать из себя хозяина положения, отказавшись воспользоваться результатами своей мартовской победы и в известной степени предопределяя свою грядущую неудачу.

Пользуясь шахматной терминологией, Всесоюзный референдум обеспечил выигрышную позицию в партии, которую вел Горбачев, теперь, для окончательной победы, от Президента СССР, уже выигравшего партию позиционно, требовалось выиграть ее тактически, для чего требовалось найти решающую комбинацию. Может быть, Михаил Сергеевич ее и нашел, но на введение — для обеспечения скорейшего подписания Союзного договора — чрезвычайного положения он не решился, отдав, как всегда, предпочтение осторожным политическим маневрам. «Референдум был почему-то воспринят властью всего лишь как *мнение* народа, расширить толкование Горбачев почему-то не решился», — удивлялся народный депутат СССР Н. А. Куценко⁴. Была и еще одна тонкость. Обычно упомина-

¹ Архив автора. Интервью члена ЦК КПСС, первого заместителя Премьер-министра СССР В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября.

² Архив автора. Интервью С. А. Филатова, народного депутата РСФСР, в 1993–1996 гг. — глава администрации Президента Российской Федерации. Москва. 2019. 22 марта.

³ Архив автора. Интервью Р. А. Медведева, в 1990–1991 гг. — члена ЦК КПСС. Село Немчиновка, Московская область. 2018. 21 июля; Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в 1990–1991 гг. — члена ЦК КПСС, в июле-августе 1991 г. — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург, 2018. 31 октября.

⁴ Архив автора. Интервью Н. А. Куценко. Москва. 2021. 23 марта.

ется лишь о Всесоюзном референдуме, однако, одновременно с ним проходил и всероссийский референдум, на который, в частности, был вынесен вопрос о введении поста Президента РСФСР. Свыше 75 процентов жителей РСФСР, принявших участие в голосовании, поддержали эту инициативу, открыв тем самым, как оказалось, дорогу Б. Н. Ельцину... Несмотря на чрезвычайно тяжелые личные отношения, Ельцин и Горбачев обменивались мнениями по целому ряду вопросов, используя в качестве посредников — С. М. Шахрая и С. Б. Станкевича со стороны Ельцина, и А. Н. Яковлева и Г. Х. Шахназарова — со стороны Президента СССР. Накануне проведения Всесоюзного референдума Горбачев и Ельцин договорились о том, что Борис Николаевич не будет призывать россиян бойкотировать референдум о сохранении обновленного Союза, но Михаил Сергеевич «добавляет в бюллетень вопрос о Президенте РСФСР. Личные контакты, — рассказывал автору Сергей Борисович Станкевич, — были редки, у Ельцина и Горбачева была психологическая непереносимость»¹. Может быть, именно из-за опасения нового разрыва с Ельциным, которому Президент СССР пообещал *не мешать избраться российским президентом*, а выборы были назначены на 12 июня 1991 г., — Горбачев не решился настаивать на подписании Союзного договора весной 1991 г. — сразу после того, как прошел Всесоюзный референдум². Это было его крупной, хотя, возможно, и вынужденной ошибкой.

Так или иначе, но Центр и Горбачев не сумели воспользоваться всеми плодами своей победы, а Россия и Ельцин в результате Всероссийского референдума усилили свои позиции. «В марте 1991 года я снова оказался в больнице, так что оттуда лишь наблюдал баталии вокруг союзного и российского референдумов. Первый, как стало ясно позднее, был довольно бесполезным. Хотя большинство и высказалось за сохранение Союза, центробежные силы в республиках и автономиях уже было не удержать. Местная элита, в основном коммунистическая и чиновничья, почувствовала вкус к власти. Всем захотелось своих президентских самолетов, ковровых дорожек и... независимости от Центра. А российский референдум, вроде бы пристегнутый к первому, дал главный результат: стало возможным избрание в июне Президента России на всеобщих вы-

¹ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича. Москва. 2019. 1 апреля.

² По поводу отношений Ельцина и Горбачева и их полемики в прессе и на телевидении см. замечательную по своей информативной ценности книгу: Горбачев — Ельцин: 1500 дней политического противостояния / Сост. Л. Н. Доброхотов; Предисловие и послесловие: М. К. Горшков, Л. Н. Доброхотов. М., 1992.

борах и, стало быть, легитимизация власти Ельцина и укрепление новых российских политических и государственных структур. Это позволило Ельцину пойти на некоторое сближение с Горбачевым, правда, этого не заметили как лидеры, так и большинство сторонников двух формировавшихся в стране и вступавших уже в открытую конфронтацию лагерей», — вспоминал замечательный литературовед, народный депутат СССР Ю. Ф. Карякин¹.

«Я, может быть, выскажу крамольную мысль, но когда Михаил Сергеевич задумал проведение референдума о единстве Союза в марте 1991 года, я подумал, что если вообще есть какой-то смысл в референдуме, то при получении как минимум 70 процентов голосов «за» (а может быть, и меньше), видимо, последует разгон Советов во всех республиках и на всех уровнях, введение чрезвычайного положения и установления прямого президентского правления по всей стране. Иначе я не видел никакого смысла в референдуме. После того как этого не было сделано, все пошло по нарастающей, и, конечно, август — это логическое завершение того, что должно было быть», — обоснованно утверждал один из самых известных политологов перестроечной эпохи А. М. Мигранян².

Благодаря результатам референдума начался многомесячный Новоогаревский процесс³, в ходе которого Горбачев продемонстрировал исключительное искусство политического маневрирования, добившись большого количества промежуточных тактических побед. Примечательно, что В. В. Рябов, занимавший в 1991 г. пост заведующего гуманитарным отделом ЦК КПСС, расценивал Всесоюзный референдум как «последнюю активную акцию партии», особо оговаривая, что «итоги референдума... рассматривались в ЦК как победа Горбачева, и прежде всего *генсека, а не президента* (выделено мной. — А. П.)»⁴.

Новоогаревский процесс по своему драматизму может быть сравним с бессмертными шекспиновскими историческими хрониками — это были, по выражению очевидца и участника событий Ю. М. Батурина, своего рода политические шахматы, в которых присутствовали и комические и трагические моменты — причем подчас одновременно⁵. Ставкой в этой игре была судьба огромного

¹ Карякин Ю. Ф. Перемена убеждений (От ослепления к прозрению). М., 2007. С. 248.

² Россия, которую мы обретаем // Новый мир. 1993. № 1. С. 24.

³ Brown A. The Gorbachev Factor. Oxford, 1997. P. 286.

⁴ Рябов В. В. Жизнь в ЦК, или ЦК изнутри. М., 2005. С. 169.

⁵ Baturin Y. Chess-like diplomacy at Novo-Ogarevo. An eyewitness account to the drafting of the USSR Union Treaty in 1991 // Demokratizatsiya.

государства — это в равной степени понимали все те, кто по манию судьбы принимал участие в этой удивительной партии, результат которой определился лишь в самом конце 1991 г., когда один из игроков — Горбачев — признал свое поражение, а вместе с его падением прекратил свое существование и Советский Союз. Ничто из этого не было предопределено в апреле 1991 г.; напротив, казалось, что союзный Президент успешно навязывает свою волю лидерам республик, вынужденных искать компромисса с Горбачевым¹. В эти месяцы — до путча, — по словам Г. Х. Шахназарова, Ново-Огарево «стало символом единственно рациональной политики в условиях нараставшего всеобщего кризиса», здесь, на заседаниях в подмосковной резиденции Президента СССР, участники переговоров искали «формулу согласия»².

Переговоры в Ново-Огарево стали возможны благодаря тому, что 23 апреля 1991 г., за сутки до начала работы Пленума ЦК КПСС, Горбачеву удалось собрать в Ново-Огарево руководителей девяти союзных республик и побудить их признать заключение нового Союзного договора первоочередной задачей. В переговорах приняла участие и Украина, лидер которой, Л. М. Кравчук, откровенно пояснил в воспоминаниях свою позицию: «Несмотря на то, что Горбачеву безусловно были присущи противоречивость и непоследовательность, он представлял собой залог относительной демократии на советской территории. Реакционные силы, которые рвались к власти, были намного опаснее. Поэтому в интересах участников “ново-огаревских” переговоров (подавляющая большинство из нас небезосновательно надеялись на быстрое и бескровное обретение нашими республиками независимости) было поддержать Горбачева»³. Документ был подписан накануне пленума ЦК КПСС, на котором должен был быть поставлен вопрос о снятии Горбачева с поста Генсека. В свою очередь, и руководители республик — а все они были членами ЦК — понимали, что если Горбачев будет снят, то к власти придет человек, который по своим взглядам будет гораздо консервативнее Горбачева и сделает ставку на силовое удержание республик, вплоть до решительного применения вооруженных сил. Вслед за утратой поста генсека

Демократизация. The journal of Post-Soviet Demokratization. Spring 1994. V. 2, Number 2. P. 212, 221.

¹ Жизнь после Ново-Огарево: либо что-то будет, либо кого-то не станет // Коммерсант. 1991. 27 мая — 3 июня.

² Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 275–276.

³ Кравчук Л. М. Маємо те, що маємо: Спогади і роздуми. Київ, 2002. С. 81.

Михаил Сергеевич неминуемо бы потерял в самые ближайшие месяцы и пост президента СССР. Для республиканских же лидеров лишь Горбачев казался единственно приемлемой фигурой на посту президента страны. «Горбачев еще раз показал, что он — политик не того полета, как окружившие его третьесортные аппаратчики. Он и не искал себе опоры на предстоявшем пленуме (что, впрочем, было, пожалуй, неосмотрительно). За два дня до пленума в печати появился ошеломляющий документ: Совместное заявление о безотлагательных мерах по стабилизации обстановки в стране и преодолению кризиса, подписанное президентом СССР и руководителями девяти союзных республик. Среди подписавших был и Ельцин. Начался Новоогаревский процесс переговоров о Союзе Суверенных Государств. Ельцин в последующие дни подтвердил готовность сотрудничать с Горбачевым и призвал шахтеров прекратить политическую забастовку. Партийный аппарат мог еще раз убедиться, что затеял возню на второстепенной политической позиции, где в принципе не способен нанести серьезный ущерб президенту СССР. Аппаратчикам дано было понять, что они потеряют многое от разрыва с президентом, а он от разрыва с ними, может быть, только выиграет», — вспоминал член ЦК О. Р. Лацис¹.

В результате было подписано знаменитое общее Заявление «9+1»: девять республик и Центр в лице Президента СССР начали работу над текстом нового договора. Заявление, названное «Не допустить углубления кризиса, ввести жизнь в нормальное русло», провозглашало, что «важнейшим условием выхода страны из кризиса является заключение нового Союзного договора с учетом итогов проведенного всесоюзного референдума», а участники встречи признавали необходимым просить Верховные советы республик «завершить рассмотрение проекта нового Союзного договора с тем, чтобы можно было уже в мае окончательно согласовать его на заседании Совета Федерации и подписать делегациями республик»².

Итак, в сложной для Горбачева ситуации республики сочли наиболее выгодным для себя поддержать союзного Президента. «Так называемое заявление “9+1”, обнародованное перед самым началом работы Пленума, укрепило позиции Горбачева, фактически спасая его от достаточно реальной угрозы отставки с поста Генерального секретаря КПСС. Приход к власти консервативных кругов и связанной с этим угрозы большевистского реванша удалось предотвратить», — вспоминал Л. М. Кравчук³.

¹ *Лацис О. Р.* Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 338.

² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 297. Л. 75.

³ *Кравчук Л. М.* Маємо те, що маємо: Спогади і роздуми... С. 81.

«Некоторое время соглашение “9+1” было источником своеобразной эйфории. Словно в момент, когда два войска готовы были сойтись в яростной рукопашной схватке, вожди их вняли гласу народа и договорились жить дружно. Даже отметили это событие бокалом шампанского. Как рассказывал потом Михаил Сергеевич, за обедом они с Борисом Николаевичем, чокнувшись, выпили за здоровье друг друга. Сильно помог успеху, по словам Президента, Нурсултан Назарбаев. Но если сами лидеры были довольны, этого нельзя сказать об их “командах”. Наиболее воинственные “демороссы”, полагавшие, что Центру нельзя давать передышки, надо его добить, обрушили шквал упреков на Ельцина. Прозвучали даже обвинения в предательстве демократического лагеря. Экстремисты вынудили Бориса Николаевича выступить с оговорками, которые ставили под сомнение прочность достигнутого компромисса. Роптала и консервативная часть президентского окружения. “Что же вы, братцы, сделали? Отдали власть, а с нею Союз”, — сказал мне в сердцах один из членов Политбюро. Бесплезно было объяснять, что речь идет о компромиссе, которому в тот момент не было альтернативы, и что новоогаревская встреча лишь привела содержание государства в соответствие с его конституционной федеративной формой. Так, через пень колоду, вынужденные чуть ли не ежедневно отбиваться от нападков слева и справа, то и дело отступаясь и возобновляя перебранку, мы втягивались в новоогаревский процесс», — рассказывал помощник Президента СССР Г. Х. Шахназаров¹.

Заявление «9+1» имело широкий резонанс в стране и вселяло определенные надежды на скорую стабилизацию обстановки в Советском Союзе². По словам Президента Казахской ССР Н. А. Назарбаева, это общее заявление являлось «мощной базой для сохранения государства: в этих республиках сосредоточено 90% экономического потенциала страны... на основе этого заявления и будет заключен Союзный договор...»³. «Очень большое, по-моему, достижение — это, я убежден, еще будет записано в истории, — что президент Горбачев и высшие руководители девяти республик 23 апреля провели целый день в дискуссиях и вышли на общее заявление», — заявлял Н. А. Назарбаев, подчеркивая, что Союзный договор «надо ускорять, идти к нему как можно быстрее. А он в свою очередь станет основой будущей Конституции. В связи с новой Конституцией мы определили, что она будет принята примерно через шесть месяцев после подписания договора — начнется изменение всей структуры власти»⁴.

¹ Шахназаров Г. Х. Цена свободы. Реформация Горбачева глазами его помощника. М., 1993. С. 224–225.

² Станкевич З. А. Советский Союз. Обрыв истории. М., 2016. С. 257.

³ Караулов А. В. Вокруг Кремля — 2 / Книга политических диалогов. М., 1992. С. 379. Интервью Н. А. Назарбаева, 29 июля 1991 г.

⁴ Я не могу поддержать то, что мы тянем с реформами. (Беседа А. Кутепова с Н. Назарбаевым) // Независимая газета. 1991. 28 мая.

В научной литературе сложилось скорее отрицательное отношение к Заявлению «9+1». Так, комментируя это Заявление, Ю. М. Батулин, принимавший участие в работе над составлением Союзного договора, от самого начала и до самого конца Новоогаревского процесса, отмечает, что «заявление стало фактическим отказом от воссоздания Советского Союза в прежнем виде, (что, впрочем, уже было невозможно) ... Что же касается “9+1”, то вместо “стабилизации” и “преодоления кризиса” это заявление только углубило его»¹. Автор рецензии на книгу Ю. М. Батурина, З. А. Станкевич, также участвовавший в работе над подготовкой Договора, солидарен с Юрием Михайловичем, высказывая мнение о том, что и Всесоюзный референдум, и «Заявление “9+1” лишь усилили дезинтеграцию страны, сделав Президента СССР, по сути, «заложником республиканских лидеров»². В другой своей работе Зигмунд Антонович называет «Заявление “9+1” — «точкой невозврата», предопределившей судьбу СССР и советского строя, поскольку при помощи этого «Заявления» были фактически перечеркнуты результаты Всесоюзного референдума о сохранении СССР от 17 марта 1991 г.»³

В исследовательской литературе и мемуаристике существуют разные точки зрения относительно политических перспектив Ново-Огаревского процесса. Имел ли шанс Горбачев спасти единое государство в случае подписания нового Союзного Договора, текст которого был согласован лидерами республик накануне рокового для первого и единственного Президента СССР отъезда в отпуск в августе 1991 г.? Проявил ли он себя в ходе многомесячных Ново-Огаревских бдений как эффективный переговорщик? Не была ли найденная им в ходе весенне-летних переговоров с республиканскими лидерами формула консенсуса в действительности лишь узаконением распада страны? Был ли вообще нужен стране новый Союзный Договор? Была ли скороспелая акция ГКЧП благородной попыткой спасения союзной государственности, продлившей ей жизнь на несколько месяцев свыше отведенной в результате согласованных в конце июля 1991 г. условий Договора, или же, если бы не ГКЧП, Союз в том или ином составе республик уда-

¹ Батулин Ю. М. Союз (не) возможный. Документированная хроника Ново-Огаревского процесса. 1990–1991. М., 2021. С. 397.

² Станкевич З. А. О важности документирования, или что значит «дописать историю»? // История государства и права. 2022. № 7. С. 63–64.

³ Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной конференции: Сб. науч. тр. / Под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2021. С. 172.

лось бы сохранить? Словом, ГКЧП — невольный убийца Союза или его незадачливый спаситель? Был ли у Горбачева шанс после путча заключить Союзный Договор? Все эти вопросы активно обсуждаются в исследовательской литературе, мемуаристике и публицистике. Очевидно одно: в 1991-м г. Советский Союз распался, вопреки ясно выраженному желанию *большинства* его граждан сохранить свое государство.

«Было понятно, что предстоит развязывать тугой узел межнациональных отношений на натянутом канате государственности, в котором от напряжения уже стали рваться отдельные нити. Распутывание всего узла политических, экономических, социальных, национально-культурных и других проблем требовало длительного времени, которого не было. Но ослабить напряжение, чтобы канат не лопнул, требовалось быстро. О подходе к задаче, как гордиеву узлу, не думали», — рассказывает Ю. М. Батуриин о начале работы над подготовкой нового Союзного Договора¹. По правомерному утверждению Батурина, самим фактом начала разработки Договора «руководство страны показало, что оно готово начать поиск новых форм сотрудничества с учетом интересов и позиций каждой из республик»². Учитывая сложность задачи, велись и поиски переговорной стратегии. При этом принципиальная новизна подхода, выбранного М. С. Горбачевым, состояла в том, что в новый Союзный договор изначально закладывалась возможность разных вариантов отношений Союза и республик, каждая из которых выбирает приемлемый для себя путем всенародного референдума.³ «Было понятно, — вспоминает Ю. М. Батуриин, — что работа над новым Союзным договором займет длительное время. Она должна была носить характер поиска взаимоприемлемых решений, притирки позиций, компромиссов. Это будет снижать напряженность, предотвращать взрыв»⁴.

Комментируя позицию республик, характер их предложений по поводу Союзного договора, Ю. М. Батуриин приходит к выводу о том, что переговоры с самого начала шли непросто — позиции республик, уровень их подготовленности к переговорному процессу, ожидания от будущего обновленного Союза, масштаб полномочий, запрашиваемых ими у Центра, были совершенно разными. Союзное руководство, и в первую очередь М. С. Горбачев, исключительно внимательно следили за перипетиями проходивших во второй

¹ Батуриин Ю. М. Союз не (возможный) ... С. 118.

² Там же. С. 118.

³ Там же. С. 121.

⁴ Там же. С. 124.

половине 1990 г. консультаций, пытаясь одновременно и выявить найденную в переговорах «область согласия» между республиками и Центром, и «на ходу парировать негативные последствия “парада суверенитетов” и “войны законов”»¹. Основу всей дальнейшей работы над проектом нового Союзного договора, по крайней мере со стороны союзного Центра, как раз-таки и составляло стремление путем переговоров последовательно расширить эту «область согласия», что нередко встречало упорное, а порой и ожесточенное стремление республик².

Проводимые консультации показывали заинтересованность республик именно в обновленном Союзе, Союзе без весельного Центра. Комментируя общую позицию союзных республик по отношению к обновленному Союзу, первый президент Украины Л. М. Кравчук в одном из своих последних интервью признавался, что «без Ново-Огарёвского процесса нельзя понять последующих событий. Мы же не сразу хотели всё развалить (выделено мной. — А. П.). Мы предлагали Горбачеву перейти от федерации к конфедерации, по принципу Швейцарии. Для этого потребовались бы серьезные изменения в управлении страной...»³. До поры до времени будущие президенты независимых государств — Л. М. Кравчук, А. А. Акаев, И. А. Каримов и др. признавали необходимым принимать участие в подготовке того варианта Союзного договора, которой был бы выгоден и республикам, и Центру. Выработать формулу согласия, которая позволила бы осуществиться политическим родам такого Союза, было трудно, но возможно. «Новый Союзный договор создавал хорошие предпосылки для того, чтобы перестроить структуру государственной власти в стране, обеспечить ее рациональность и экономичность. Но для этого, — признается Ю. М. Батулин, — предстояло еще вернуть доверие к Центру и принципам федерации и договориться»⁴. Первая версия проекта договора, подготовленная группой Шахназарова-Ревенко, была разослана в адрес республик 18–19 октября 1990 г. и представлена на обсуждение членам Совета Федерации 2 ноября 1990 г. На заседании Совета Федерации присутствовали далеко не все лидеры республик, однако явно вы-

¹ Там же. С. 218.

² Станкевич З. А. О важности документирования, или что значит «дописать историю»? // История государства и права. 2022. № 7. С. 62.

³ Кравчук Л. Мы с Ельциным предлагали Горбачеву перейти к конфедерации // Литературная газета. 2021. 31 марта — 6 апреля. № 13 (6778). С. 4.

⁴ Батулин Ю. М. Союз не (возможный) ... С. 226.

явилось изменение в их позициях. «Большинство, — констатирует Ю. М. Батури́н, — выступают за Союз, но начинает проявляться тенденция к отсрочке Союзного договора»¹. Вскоре по поводу проекта стали поступать многочисленные замечания. «К январю 1991 года руководство СССР располагало обобщенными предложениями и замечаниями к опубликованному проекту, объем которых составлял свыше 200 страниц печатного текста. Такой значительный материал требовал глубокого изучения и проработки», — пишет Ю. М. Батури́н². Работу по исправлению проекта Договора приходилось проводить в условиях продолжающегося кризиса страны и роста центробежных устремлений республик. Не взирая ни на какие трудности, Михаил Сергеевич стремился к максимально быстрому подписанию Договора. «Поставленные перед выбором: Съезд и Конституция СССР или политический ход, формально выходящий за рамки права, но способный привести к быстрому подписанию Союзного договора и тем остановить дезинтеграцию страны, М. С. Горбачев и его круг “по-суворовски” предпочли быстроту и натиск», — вспоминает Ю. М. Батури́н³.

По справедливому утверждению Батурина, проблема подписания Союзного договора, в основном, зависела от характера взаимоотношений «Союз — Россия — автономные республики»⁴, конфликты, возникавшие в этой плоскости, требовали быстрого и оперативного разрешения. Однако с начала 1991 г. стало очевидной тактика Б. Н. Ельцина на затягивание процесса⁵, что, с учетом его огромной популярности и полномочий как главы государствообразующей республики Союза, не могло не сыграть свою негативную роль в Ново-Огаревском процессе.

Уже на первых заседаниях Новоогаревского процесса стало ясно, что Ельцин не даст подписать Договор до выборов президента РСФСР, назначенных на 12 июня⁶. При этом в демократическом лагере осознавали, что Ельцин и Горбачев «идут в стороне друг от друга. Конфронтация между ними не закончилась; “9+1” — это просто перемирие»⁷. Успеху переговоров мешало огромное

¹ Там же. С. 259.

² Там же. С. 274.

³ Там же. С. 395.

⁴ Там же. С. 404.

⁵ Там же. С. 422.

⁶ *Калашиников В.* Демонтаж СССР: взгляд четверть века спустя // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 19 августа.

⁷ Я уже обеспечила себя мемуарами (Беседа А. Караулова с Г. Старовойтовой) // Независимая газета. 1991. 30 июля.

взаимное недоверие, разделявшее позиции Ельцина и Горбачева: они были совсем разные люди¹. До конца жизни Ельцин сохранил по отношению к Горбачеву «ревниво-негативное отношение»²; в свою очередь, Михаил Сергеевич вплоть до смерти относился к Ельцину резко недоброжелательно, именуя Бориса Николаевича «авантюристом» и т. д.³ Однако, весной — летом 1991 г. отношения Ельцина и Горбачева были на подъеме. Б. Н. Ельцин тогда все еще побаивался М. С. Горбачева, не желал идти с ним на открытый конфликт, опасаясь, вероятно, что Президент СССР придумает предлог и отложит выборы Президента РСФСР; к тому же, как мы уже говорили, в руках у М. С. Горбачева был могучий козырь — результаты Всесоюзного референдума 17 марта 1991 г. Все это приводило к тому, что весной-летом Б. Н. Ельцин и М. С. Горбачев преимущественно изображали видимость совместной работы, отложив на несколько месяцев решающий раунд борьбы за власть. Курс на «мирное сосуществование» Ельцина и Горбачева был закреплен результатами голосования на выборах Президента РСФСР 12 июня 1991 г., на которых Б. Н. Ельцин одержал убедительную победу. «Кремлевские кандидаты» — Н. И. Рыжков, В. В. Бакатин — серьезной конкуренции Ельцину оказать не смогли. Победившая команда демократов посчитала нужным пригласить М. С. Горбачева на инаугурацию Ельцина.⁴ Присутствовавший на инаугурации Б. Н. Ельцина на пост Президента РСФСР 10 июля 1991 г. М. С. Горбачев был подавлен, его присутствие явно вносило дисгармонию в общее торжество. Наблюдавший за М. С. Горбачевым в те минуты народный депутат РСФСР С. В. Степашин вспоминал, что он «никогда не видел у Михаила Сергеевича такого трагического выражения лица, как на инаугурации Ельцина»⁵. Как иронично заметила в те дни ленинградская газета «Смена», теперь в одной Москве теперь проживало целых два президента⁶.

¹ Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных, в январе-августе 1991 г. министра иностранных дел СССР. Москва. 2019. 21 марта; Архив автора. Интервью А. В. Рудкого, с лета 1991 г. — вице-президента РСФСР. Москва. 2019. 10 июля.

² Архив автора. Интервью В. В. Костикова, в 1992–1995 пресс-секретаря Президента России Б. Н. Ельцина. Москва. 2020. 30 января.

³ Архив автора. Интервью М. С. Горбачева, в 1990–1991 гг. — Президента СССР. Москва. 2019. 11 июля.

⁴ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 615. Л. 113. Записка Р. И. Хасбулатова М. С. Горбачеву. 1991. 6 июля.

⁵ Архив автора. Интервью С. В. Степашина, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 18 февраля.

⁶ Смена. Ленинград. 1991. 11 июля.

Долго ли между ними будут нормальные отношения? Невольно вспоминалась крылатая фраза про Боливара из рассказа О'Генри. На инаугурации перед собравшимися выступил народный артист СССР О. В. Басилашвили, воспринимавший избрание Ельцина как историческое событие — первые в истории России свободные выборы главы республики привели к победе политика из лагеря демократов¹.

После избрания Ельцина Президентом РСФСР в окружении Горбачева появилось уныние: казалось, что удержать Б. Н. Ельцина на пути к единоличной власти уже невозможно². Ельцин же и не думал скрывать своей эйфории, его чувство передавалось и сподвижникам российского лидера. На импровизированном банкете в честь победы на выборах, который был устроен по предложению Ельцина, новоиспеченный вице-президент РСФСР А. В. Руцкой поднял тост: «За Царя Бориса!», который был с удовлетворением поддержан виновником торжества³.

Однако и после избрания Б. Н. Ельцина разрыва между ним и М. С. Горбачевым не произошло. Вплоть до августовского путча наблюдалась тенденция к установлению определенного статус-кво в отношениях между двумя политиками: «Мы с Горбачевым вдруг ясно почувствовали, — писал в своих воспоминаниях Б. Н. Ельцин, — что наши интересы наконец-то совпали. Что эти роли нас вполне устраивают. Горбачев сохранял свое старшинство, я — свою независимость. Это было идеальное решение для обоих»⁴. С подачи Горбачева политики пытались наладить и личные отношения: «после общих встреч в Ново-Огарево Горбачев и Ельцин всегда оставались вдвоем и выпивали»⁵. Позиция мудрого и выступавшего в роли своеобразного волнореза в конфликтах между Центром и республиками Н. А. Назарбаева⁶, также сглаживала

¹ Архив автора. Интервью О. В. Басилашвили, народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург, Репино. 2022. 3 сентября.

² Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, члена ЦК КПСС в 1990–1991 гг., секретаря ЦК КПСС в июле-августе 1991 г. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

³ Архив автора. Интервью А. Ф. Дунаева, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 4 декабря.

⁴ *Ельцин Б. Н. Записки президента.* М., 1994. С. 54.

⁵ Архив автора. Интервью А. В. Коржакова, начальника Службы безопасности Президента России Б. Н. Ельцина.

⁶ На вопрос журналиста А. В. Караулова о будущем СССР как единого государства, Назарбаев отвечал: «Вспомните 24-й год (правильно — 1922 г. — А. П.): Союз начинался с подписи четырех республик. А сейчас начинается с подписи девяти. Двери открыты. Для тех республик,

на тот момент острые углы: на положение Горбачева как Президента страны никто не покушался, а Ельцин в «допутчевый» период Новоогаревского процесса временами даже подыгрывал Михаилу Сергеевичу.

«Обычно переговоры в Ново-Огареве, одной из подмосковных резиденций Президента СССР, происходили примерно по одинаковому сценарию. Сначала выступал Горбачев, говорил в своей манере: долго, округло, неторопливо. Затем приглашал к обсуждению нас. Как правило, в конце мне приходилось брать инициативу на себя, если речь шла о принципиальном вопросе. И спорить. Это всех устраивало. Нужно было видеть обстановку в небольшом торжественном зале, где все блистало правительственным великолепием, когда за длинным столом нависала тяжелая пауза и присутствующие пытались прятать глаза... При существовании двух полюсов всем остальным было удобно выбирать свою позицию, маневрировать. Мы с Горбачевым брали всю моральную тяжесть выяснения спорных проблем на себя... Как ни странно, это никогда не приводило к скандалам, к каким-то неприятным сценам. Почему? Ведь, по сути, мы договаривались об ограничении полномочий союзного центра. Происходила вещь, вроде бы нестерпимая для такого человека, как Горбачев: ограничение власти. Но тут нужно было учитывать ряд обстоятельств. Во-первых, внешне он шел как бы во главе этого процесса, сохраняя «отцовскую» позицию, инициативу и лидерство — по крайней мере, в глазах общественного мнения. Никто не посягал на стратегическую роль Президента Союза: все глобальные вопросы внешней политики, обороны, большая часть финансовой системы оставались за ним. Во-вторых, с Горбачева разом снималась ответственность за национальные конфликты! Вернее, изменялась его роль в распутывании этих безумных кровавых клубков — из «человека с ружьем» он сразу превращался в миротворца, в третейского судью. В-третьих, ему нравилась беспрецедентная в мировой практике роль: руководителя не одного, а множества демократических государств. Это был очень хороший полигон для гибкого вхождения в роль мирового лидера», — рассказывал Б. Н. Ельцин¹.

Сотрудничество Президента Союза и лидеров России и Казахстана продолжилось и на конфиденциальной встрече в Ново-Огареве, проходившей 29–30 июля 1991 г.² На ней, по пред-

которые ставят свои подписи под Союзным договором, создается особое экономическое пространство и режим наибольшего благоприятствования — во всем» (*Караулов А. В.* Вокруг Кремля — 2... Интервью Н. А. Назарбаева, 29 июля 1991 г. С. 387).

¹ *Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994. С. 53.

² Не видим больших расхождений между нами. Есть, конечно, свои особенности, связанные с позициями по некоторым вопросам, с условиями работы в центре и в республиках. Но все это не препятствие для тесного органичного сотрудничества.

Важнее всего — согласовать основные шаги.

ложению Бориса Николаевича, на пост Президента союзного государства было решено выдвинуть М. С. Горбачева, а на роль

Грубо говоря — не преподносить друг другу сюрпризов. Это тем более необходимо, что есть такие силы — и справа, и слева, — которые хотели бы нас расколоть, разрушить достаточно хрупкое пока согласие Давайте всякий раз советоваться. Не договорились — встретимся еще раз, поищем другие решения, подходящий для всех вариант всегда можно найти. С учетом этого можно на данной встрече обсудить и договориться по наиболее неотложным вопросам.

1. Союзный Договор. Мы исходим из того, что он окончательно согласован. Вопрос такой: когда и как подписывать. Задерживает Украина. С другой стороны, откладывать плохо. Народ нервничает. Заключение Договора внесло бы определенное успокоение в общественную атмосферу.

Варианты:

а) объявить от нашего общего имени, что все готово, ждем Украину. Рассчитываем подписать где-то в сентябре;

б) начать подписывать в ближайшие дни. Не обязательно всему Союзу. Давайте выбирать. Есть плюсы и минусы у того и другого. Во втором случае есть опасность, что на Украине это может быть использовано для разговора, что-де с республикой не считаются.

Не стоит ли создать распоряжением Президента СССР рабочую группу по вопросам подписания Договора. Ее мог бы возглавить один из советников Президента, а в состав войти представители республик. Задача: рассмотреть и внести предложение по всему комплексу вопросов, связанных с процедурой подписания (выбор места, перевод на национальные языки, порядок подписания, участие делегации и т. д.).

2. Департизация. Возникло много острых проблем в обществе. Есть опасение, что это может подорвать обозначившиеся позитивные перемены. Комитет конституционного надзора даст свое заключение. Но желательно не доводить до обострения. Лучший вариант — снять напряжение административным путем, разъяснив, что вопросы ликвидации парткомов должны решаться в коллективах.

В конечном счете дело идет в этом направлении. Такова логика реформ. Но важно не форсировать искусственно эти процессы, тем более ведь затрагиваются интересы и судьбы многих тысяч и даже миллионов людей.

3. Экономическая стабилизация.

Антикризисная программа охватывает практически все вопросы — стабилизация хозяйственной жизни, финансовой системы, разгосударствление, приватизация и т. д. По существу, здесь нет разногласия. Осталось согласовать вопрос о государственных заказах.

Если еще нужно провести какие-то туры согласования — давайте сделаем. Но не будем тянуть, потому что сейчас все на пределе и необходимо действовать согласованно по всем направлениям.

На первом месте сейчас — вопросы продовольствия и подготовки к зиме. Сегодня начинается визит Дж. Буша — буду вести с ним переговоры, ссылаясь на общее мнение, что процесс «9+1» будет продолжен.

Буш встретится с Б. Н. Ельциным — очень важно, что у нас будет общая позиция» (Архив Горбачев-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18145. Записка Г. Х. Шахназарова. 1991. 29 июля).

премьер-министра Союза — Н. А. Назарбаева. В ответ Горбачев обещал убрать из руководства страны вице-президента СССР Г. И. Янаева, министра внутренних дел Б. К. Пуго, министра обороны СССР Д. Т. Язова, председателя КГБ СССР В. А. Крючкова, руководителя Гостелерадио СССР Л. П. Кравченко. Кроме того, как вспоминал Борис Николаевич, Горбачев впервые не отверг его предложения отказаться от совмещения постов Генерального секретаря ЦК КПСС и Президента Союза, и даже посоветовался: «А может быть мне пойти на всенародные выборы?»¹ Называя вещи своими именами, Горбачев «сдавал» свою прежнюю команду в обмен на сохранение за ним высшей должности в стране. «Согласие руководителей РСФСР и Казахстана подписать Договор было фактически обменено Президентом СССР на его готовность «сдать» практически всех своих ближайших соратников по государственному руководству СССР и бросить на произвол судьбы КПСС, Генеральным секретарем ЦК которой он по-прежнему являлся», — резюмирует З. А. Станкевич². В разгар разговора Ельцин забеспокоился, почувствовав, что сверхсекретная беседа записывается КГБ. Интуиция не подвела президента России.

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 55.

² Станкевич З. А. Советский Союз. Обрыв истории. М., 2016. С. 314. Примечательно, что в беседе с начальником своего президентского Аппарата В. И. Болдиным Горбачев рассказал ему о содержании своей беседы с Б. Н. Ельциным и Н. А. Назарбаевым, подчеркнув, что «Ни Крючкова, ни Язова этим вождям я не отдам. Скорее вместе уйдем с постов...». «Я понял, — вспоминал В. И. Болдин, — что Горбачева очень волновало, знает ли о его разговоре с Ельциным и Назарбаевым Крючков. И если нет, то он, видимо, надеялся, что при случае я могу передать Крючкову слова Горбачева о его решимости отвергнуть предложения Ельцина и Назарбаева. Но моя реплика о том, что Крючкову уже подготовлена замена, заставила Горбачева страстно убеждать меня, что “Володя ему больше, чем друг”, и эти домыслы подброшены, чтобы рассорить его со своими соратниками. Был дан и адрес, по которому председателю КГБ следовало обратиться гнев. Лишь спустя два или три года я узнал от Крючкова, что он ничего не знал о содержании разговора Горбачева, Ельцина и Назарбаева, как и не знал вообще, что президент СССР плетет против него интриги. Мое замечание о возможном назначении Бакатина на место Крючкова вызвало поток заверений генсека в лживости информации. Главным его аргументом было то, что Бакатин бездарно работал в МВД, восставив против себя многих опытных работников, потерял авторитет среди избирателей, которые поняли, что стоит этот человек.

— Нет и нет. Выброси это из головы, — убеждал меня Горбачев.

И чем он был красноречивее, тем больше я убеждался, что попал в точку и дыма без огня не бывает» (Болдин В. И. Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 13).

Быть может, «эта запись и стала спусковым крючком августа 91-го года», — предполагал Ельцин¹. «Я думаю, — писал Борис Николаевич, — многое сложилось бы иначе, если бы то, о чем мы договорились втроем, удалось осуществить. История могла пойти совсем по другому пути»².

Кроме того, на закрытой встрече Горбачева, Назарбаева и Ельцина решили начать процесс подписания договора уже 20 августа, не дожидаясь Украины, позиция которой по вопросу о согласии к присоединению к Договору была не до конца ясна³. В судьбо-

¹ Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 56. В современных исследованиях ставится под сомнение утверждение Ельцина и Горбачева о том, что их разговор с Назарбаевым был подслушан и записан на магнитофонную пленку ведомством Крючкова (см.: Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было / Игнац Лозо; пер. с нем. А. К. Камкин. М., 2014. С. 96–107.)

² Ельцин Б. Н. Записки президента. С. 56.

³ Примечателен анализ событий, предпринятый Г. Х. Шахназаровым при согласии Г. И. Ревенко, накануне судьбоносной встречи в Ново-Огарево Ельцина, Назарбаева и Горбачева: «Еще раз поразмыслив над ситуацией с Союзным договором, мы считаем оптимальным сейчас такой вариант действий.

Если объявить, что Договор открыт к подписанию, то это может сыграть на руку его противникам на Украине. Окажут: «видите, совсем не уважают республику, не хотят месяц подождать, пока она окончательно определится. Больше того, загоняют нас в угол. Ведь объявив, что Договор к подписанию готов, тем самым дают понять, что никаких замечаний и поправок Украина уже делать не вправе.

Но едва ли правильно и делать вид, что задержка с подписанием не связана с Украиной, что просто идет последнее редактирование. Такой вариант позволит украинским оппозиционерам говорить: «чего торопиться, если они сами еще не готовы!»

Поэтому целесообразно прямо и честно дать понять, что восемь республик, готовые подписать Договор, ждут Украину. Это будет расценено как проявление уважения к республике. Логический вывод из такой позиции: «нам не надо задерживать движение, нужно поторопиться и вместе с другими поскорее подписать Договор».

Найдутся, конечно, такие, кто заявит: «видите, они без нас ничего не могут. Но в целом, как нам кажется, плюсов больше, чем минусов.

Подходящим случаем для соответствующего заявления может стать визит Буша. Либо в речи, либо на пресс-конференции, на вопрос о том, какова перспектива подписания Союзного договора, наш Президент мог бы сказать примерно так.

Договор готов: как уже об этом заявлялось, в ближайшее время намечается открыть его к подписанию. Вместе с тем мы ожидаем решения Верховного Совета Украины. Не мыслим Союза без этой крупной республики, которая всегда составляла важнейшую часть нашей государственности. Народ Украины всегда вносил огромный вклад в дела и славу нашего

носный для его политической карьеры момент Горбачев, инициировавший демократические преобразования в СССР, предпочел действовать исключительно келейно, в обход всех прописанных в законе процедур, руководствуясь при этом *своими* соображениями. «Перенос срока позволял поставить Верховный Совет СССР перед фактом и избежать протеста против компромиссного текста, согласованного тремя лидерами 29 июля. А протест был неизбежен, поскольку уже название нового союза — Союз Советских Суверенных Республик — прямо нарушало волю народа, проголосовавшего за прежнее название — Союз Советских Социалистических Республик. Сменой названия устранялась базовая характеристика государственного строя как социалистического. Термины “социализм”, “социалистический” в тексте договора не употреблялись. Юридически авторы текста не имели права изменить название государства, закрепленное референдумом. Итоги Всесоюзного референдума имели обязательную силу», — пишет петербургский историк В. В. Калашников¹.

Видимым изъяном нового Союзного договора было согласованное в Ново-Огареве название государства: Союз Советских Суверенных, (а не социалистических!) Республик. По поводу названия шли долгие споры, в итоге саму аббревиатуру «выбрали скорее из принципа благозвучия, а не содержания»². Уже одно это беспокоило как партийную элиту, так и Верховный Совет СССР, призывавших участников переговоров к результатам Всесоюзного референдума, подтвердившего решимость сохранить Союз Советских *Социалистических* республик. Был ли Ново-Огаревский процесс «неконструктивный», а предложенный к подписанию проект Союзного договора — «плохой, противо-

Отечества. Свой выбор он подтвердил еще раз на референдуме. Так что есть все основания надеяться, что украинские парламентарии, как и намечено, в сентябре рассмотрят и решат этот вопрос. (А затем добавить несколько слов о значении скорейшего подписания Союзного договора и о возможности присоединения к нему других республик — Армении, Молдовы и т. д.)» (Архив Горбачев-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 18137. Докладная записка Г. Х. Шахназарова. М. С. Горбачеву об оптимальном варианте действий по Союзному договору. 1991. 27 июля). Записка была доложена Горбачеву, который в общих чертах согласился с ее содержанием, однако после встречи «на троих» Ельцин — Горбачев — Назарбаев — Союзный договор было решено открыть к подписанию уже 20 августа.

¹ Калашников В. Демонтаж СССР: взгляд четверть века спустя // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 19 августа.

² Архив автора. Интервью Ю. М. Батурина, в 1991 г. — сотрудника аппарата Президента СССР, эксперта по подготовке нового Союзного Договора. Москва. 2018. 30 июня.

речивый», как считает Р. И. Хасбулатов¹, или же, как убежден помощник Горбачева В. К. Егоров, это была отчаянная «попытка исправить колоссальную ошибку 1922 года — заложенное в то время деление страны по национальным квартирам, а не по административно-территориальному признаку»², — определить крайне трудно. Позиция Председателя Президиума Верховного Совета А. И. Лукьянова, которого Горбачев, по его словам, «за волосы тянул вверх», и считал «серым кардиналом» будущего ГКЧП³, была достаточно логична: Лукьянов утверждал, что в наименовании и основных принципах Договора необходимо отразить «результаты Всесоюзного референдума, в ходе которого абсолютное большинство граждан страны поддержало сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик»⁴, Впоследствии, А. И. Лукьянов утверждал, что «у проекта Союзного договора было как бы два лица. Перед референдумом он обладал значительным созидательным потенциалом, который в случае приведения проекта в точное соответствие с итогами референдума создавал бы базу для сохранения и обновления Союза ССР. В ходе же Ново-Огаревских встреч этот проект в результате многочисленных уступок и компромиссов превратился в инструмент разрушения, который, вопреки ясно выраженной воле народа, мог привести только к одному — фактической ликвидации Советского союзного государства»⁵. По мнению Лукьянова, решение Всесоюзного референдума было «напрочь перечеркнуто ново-огаревскими деятелями. Вместо Союзного государства — федерации союзных республик ново-огаревский или, как называет его экс-президент, “горбачёвский” проект договора предусматривал превращение нашего государства в союз государств. Думаю, что нет смысла особо доказывать, что “Союзное государство” и “Союз государств” — вещи совершенно разные. В первом слу-

¹ Архив автора. Интервью Р. И. Хасбулатова, в 1990–1991 гг. — первого заместителя Председателя Верховного Совета РСФСР, с октября 1991 г. — председателя Верховного Совета РСФСР. Москва. 2016. 12 августа; *Хасбулатов Р.* Переворот способствовал дискредитации государства // *Историк.* 2016. № 7–8. С. 114.

² Архив автора. Интервью В. К. Егорова, помощника президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

³ *Горбачев М. С.* «Хочу предостеречь...»: М. Горбачев в президентской избирательной кампании 1996 года. М., 1996. С. 29–30.

⁴ *Лукьянов А. И.* В водовороте российской смуты (размышления, диалоги, документы). М., 1999. С. 53.

⁵ *Лукьянов А. И.* Переворот мнимый и настоящий. М., 1993. С. 56.

чае речь идет о единой федерации, во втором — об аморфной конфедерации...»¹. Позицию Лукьянова разделял и Верховный Совет СССР, который имел «*minimum minimumum*» информации, о том, как идет работа над Союзным Договором². У Верховного Совета и депутатского корпуса вызывало недоумение, почему Президент с определенного момента фактически отстранил высший орган советской власти от участия в подготовке договора. «Депутаты фактически ничего не знали о Новоогаревском процессе. Переговоры Горбачева никем не были санкционированы. Высший орган власти был отторг от этих переговоров, Горбачев даже не брал с собой Лукьянова», — рассказывал автору член Верховного Совета А. Н. Крайко³. Кроме того, Президент СССР не считал нужным уведомлять Верховный Совет об изменениях в тексте договора, которые были внесены участниками Новоогаревского процесса⁴. «Тот текст договора, который был подготовлен к подписанию 20 августа, не имел ничего общего с тем, который готовился нами изначально. Это была личная корректировка Михаила Сергеевича. Мы были не согласны с этим, это была позиция не только Лукьянова, но и коллективная позиция Верховного Совета», — вспоминает профессор Г. В. Атаманчук, возглавлявший работу экспертов по проекту Союзного договора в Верховном Совете СССР⁵. Вероятно, иллюстрацией взглядов консервативного крыла КПСС можно назвать обращение Пленума Тюменского обкома КПСС в Верховный Совет СССР, в котором было высказано недоумение по поводу нового названия будущего государства — Союз Советских суверенных республик. «Из названия страны исключено слово “социалистический”, что противоречит итогам референдума СССР... Пленум обкома КПСС считает, что попытка изменить название государства является антинародным актом, игнорирующим волю граждан о социалистическом выборе и обращается в Верховный Совет СССР с пред-

¹ Лукьянов А. И. Август 91-го. Был ли заговор? М., 2010. С. 136.

² Архив автора. Интервью И. И. Заславского, народного депутата СССР, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2021. 22 сентября; *Шкабардня* М. С. Россия. Народ и власть. М., 2008. С. 322.

³ Архив автора. Интервью А. Н. Крайко, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2021. 29 апреля.

⁴ Атаманчук Г. В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности. М., 1996. С. 36.

⁵ Архив автора. Интервью профессора Г. В. Атаманчука, в 1991 г. — заместителя заведующего отделом по вопросам международных отношений Верховного Совета, руководителя группы экспертов Верховного Совета по подготовке нового Союзного договора. Москва. 2018. 9 июня.

ложением сохранить название Союза»¹. Иллюстрацией взглядов будущих членов ГКЧП может служить опубликованное за 4 дня до путча интервью писателя А. А. Проханова, находившегося с О. Д. Баклановым в дружеских отношениях. «Мы против Союзного договора, который подписывается в этой фантастической, никому не понятной тайной форме. Не знаю, почему судьба государства перенесена в какую-то подмосковную усадьбу. Все эти серьезные акции, которые имеют стратегическое значение для СССР, делаются тайно, малой группой лиц. Несколько звездочетов собираются на свои радения и тайно, при свечах, решают судьбы империи и мира», — возмущался А. А. Проханов². Все эти сигналы доходили и до Горбачева, однако Президент СССР продолжал неуклонно проводить свою линию, ориентированную на скорейшее подписание нового Союзного договора, не взирая ни на какие препятствия даже юридического толка.

Сверхзадача нового Союзного договора была выражена Горбачевым формулой: сильный Союз — сильные республики³. Президент СССР «сам возглавлял процесс разработки нового Союзного договора»⁴. К работе над Союзным договором Горбачевым были привлечены лучшие эксперты — З. А. Станкевич, Ю. М. Батурин, А. А. Сазонов, В. Н. Кудрявцев, которыми были подготовлены разные варианты проектов Союзного договора. Сам состав экспертов был крайне узкий; по старой партийной традиции, вечером, закончив основные занятия, Горбачев лично проводил «смотр» тех наработок, которые эксперты успевали сделать за день.

«Перед каждым заседанием шла скрупулезная работа по учету замечаний республик к проекту Договора. Их сортировали, распределяли по темам, сводили в реестр, позволявший видеть поправки к каждой статье. Одновременно предлагалось несколько вариантов уточненной редакции. Работа была объемная, но делалась она силами небольшой группы... Засиживались в Волынском за полночь. Горбачев регулярно звонил, иногда приезжал на несколько часов. Затем назначалась дата очередной встречи и подготовленный материал рассылался от его имени руководителям республик. Мы приезжали в Ново-Огарево загодя, чтобы проверить готовность техники, наличие документов, удостовериться в готовности вспомогательных служб. С утра собирались журналисты, старавшиеся вытянуть из нас хоть какую-то информацию до появления

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 6. Д. 288. Л. 176.

² Авторы «Слова к народу» готовят программы действий // Независимая газета. 1991. 15 августа.

³ Шахназаров Г. Х. С вождями и без них. М., 2001. С. 417.

⁴ Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славным / Автор-сост. Б. Славин. М., 2001. С. 54.

главных действующих лиц. Один за другим начинали прибывать президенты и председатели Верховных Советов. У входа в дом, выстроенный при Хрущеве в стиле русской помещицкой усадьбы XIX века, они давали короткие интервью, обмениваясь впечатлениями и, столпившись на балюстраде, ожидали Горбачева. Михаил Сергеевич приезжал, как правило, минут за пять — десять до назначенного времени, а вслед за ним перед самым началом заседания Ельцин. Мне кажется, за этим стоял расчет: подчеркнуть, что он ничем не уступает Президенту. Поздоровавшись и обменявшись первыми репликами, направлялись в небольшой нарядный зал на втором этаже, ярко освещенный хрустальными люстрами и обставленный добротной мебелью, но в общем-то не отличавшийся особой роскошью. Первые десять — пятнадцать минут проходили в ожидании момента, когда Президент займет председательское место и пригласит начать работу. Большинство собравшихся выходило на просторный балкон, где, разбившись на группы, обсуждали последний вариант Договора либо насущные свои проблемы», — вспоминал Г. Х. Шахназаров¹.

Работы по подготовке Союзного договора Горбачев полностью замкнул на себе и своем аппарате: о том, как проходят переговоры в резиденции союзного Президента, не имели представления ни в Центральном комитете КПСС, ни в Совете безопасности, ни в Политбюро, — сделано это было Горбачевым абсолютно сознательно: президент и генсек в одном лице желал поставить своих подчиненных по партийному и государственному аппарату в известность лишь после подписания соглашения, при этом Михаил Сергеевич особо оговаривал, что выступает «в Ново-Огареве как президент», а не как Генеральный секретарь². Оговорим еще раз: от «гласности» в освещении нюансов переговорного процесса в Ново-Огареве Горбачев сознательно отказался — подробности переговоров были известны считанному количеству лиц, Михаил Сергеевич считал необходимым сохранить тайну вплоть до самой процедуры подписания нового Договора.

В сложнейших и крайне напряженных переговорах Президент СССР, по словам В. В. Бакатина, «демонстрировал нечеловеческое терпение»³, вновь и вновь возвращаясь к обсуждению различных спорных пунктов Союзного договора. Партия от участия в Ново-огаревском процессе была устранена. До высокопоставленных цековских работников лишь доходили неясные слухи о том, что Горбачев на переговорах уступает инициативу

¹ Шахназаров Г. Х. Цена свободы... С. 225–226.

² Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 413.

³ Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. М., 2015. С. 322.

республикам¹; конкретного представления как о перипетиях переговоров, так и о содержании согласованного лидерами республик и готового к подписанию проекта нового Союзного договора в ЦК КПСС не имели², отношение ЦК КПСС к Новоогаревскому процессу было «резко отрицательным»³. По словам помощника Горбачева В. К. Егорова, «Новоогаревский процесс и в горбачёвском окружении, и в союзных республиках воспринимали скептически»⁴.

Информацией о содержательной стороне переговоров в Новоогарево не обладали даже очень высокопоставленные руководители. Так, секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро А. С. Дзасохова с проектом готового к подписанию Союзного договора «по старой дружбе и конфиденциально» ознакомил советник Президента СССР Г. И. Ревенко⁵. В прессе Союзный договор был опубликован лишь 15 августа 1991 г., и то благодаря утечке, которая произошла со стороны Премьер-министра СССР В. С. Павлова⁶. Парадоксально, но текст договора впервые попал в руки В. С. Павлова и его заместителя В. И. Щербакова лишь «14 или 15 августа как совершенно секретный документ без права размножения. Валентин Сергеевич решил его опубликовать, несмотря на гриф “совершенно секретно”, чтобы перевести борьбу из “подковерной” стадии в открытую»⁷. 17 августа 1991 г. на закрытом заседании президиума Кабинета министров СССР В. С. Павлов выступил с речью, в которой отметил, что «с такими пробелами договор не следует подписывать»⁸. Показательно, что в тот же день В. И. Щербакову в машину позвонил М. С. Горбачев, обрушивший яростную матерную брань в адрес Владимира Ивановича и В. С. Павлова, упрекая их в желании сорвать подписание Договора. На следующий день, 18 августа, Президент СССР вновь позвонил по обычному городскому телефону Щербакову, а затем и А. И. Вольскому, жалуясь

¹ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 г. — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2018. 31 октября.

² Архив автора. Интервью Б. П. Гуселетова, в 1990–1991 гг. члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 19 декабря.

³ *Назарбаев Н.* Любые пограничные претензии сегодня — это неминуемое кровопролитие // Независимая газета. 1992. 6 мая.

⁴ Архив автора. Интервью В. К. Егорова. Москва. 2018. 6 февраля.

⁵ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

⁶ *Павлов В. С.* Упущен ли шанс. Финансовый ключ к рынку. М., 1995. С. 12–13.

⁷ *Щербаков В. И.* Катастрофы могло и не быть. Гибель СССР: взгляд изнутри последнего Союзного правительства. М., 2016. С. 235.

⁸ Там же. С. 235.

на неважное самочувствие¹. Учитывая то, что именно в этот день к Горбачеву «пожаловали» нежданные визитеры из Москвы — О. Д. Бакланов, В. И. Болдин, В. И. Варенников и О. С. Шенин, предъявившие Президенту СССР, по сути, ультиматум и потребовав от него отложить подписание Союзного договора, звонок Михаила Сергеевича его верным соратникам, состоявшийся, то ли перед приездом московской делегации, то ли после — может быть, воспринят иносказательно — как жалобы на плохое «политическое самочувствие», а вовсе не на радикулит и не на боли в ноге.

Кураторами работ по подготовке нового Союзного Договора от президентского аппарата были Г. Х. Шахназаров и Г. И. Ревенко. Переговоры шли крайне тяжело: Горбачев с трудом, но сдавал позиции республикам. «Республики играли “первым номером”, поскольку к началу “Ново-огаревского процесса” Центр уже находился в сильно ослабленном состоянии — Горбачев потерял поддержку большинства партии, Съезда нардепов и ВС СССР, значительной части центрального госаппарата, армии, КГБ и правоохранительных органов. Республики же, наоборот, только набирали силу, чему способствовала консолидация местных элит и местной общественности на фоне небывалого национального подъема. Все это не могло не отразиться на ходе переговоров. К тому же, свою негативную роль сыграл категорический отказ участвовать в процессе целого ряда союзных республик», — вспоминал З. А. Станкевич². По словам Ю. М. Батурина, «после каждой встречи в Новом Огареве от Союза отпадало что-то существенное... Республики играли на переговорах первым номером»³. О новом понимании республиками своей значимости говорила и сказанная президентом Узбекской ССР И. А. Каримовым откровенная реплика, произнесенная еще в 1990 г. не кому-нибудь, а министру внутренних дел СССР В. В. Бакатину: «Знаешь что. Захотим — и не будет никакого центра. Пятнадцать плюс ноль. Вот и вся ваша горбачёвская “схема”. Уважать надо республики. Уважать людей»⁴. За без малого год, прошедший с момента того разговора, самооценка республик стала еще выше: для них было очевидно, что Центр находится по отношению к ним в роли просителя, которому можно в любой момент безнаказанно отказать. В чем-то,

¹ Там же. С. 238–239.

² Архив автора. Интервью доктора юридических наук З. А. Станкевича, в 1991 г. — заместителя руководителя информационно-аналитического центра при Президенте СССР. Москва. 2019. 31 января.

³ Архив автора. Интервью Ю. М. Батурина. Москва. 2018. 30 июня.

⁴ Бакатин В. В. Дорога в прошедшем времени. М., 2015. С. 321–322.

по убеждению Батурина, новый Союзный договор напоминал «процедуру развода с непроставленным сроком»¹.

Каковы будут особенности отношений между Центром и республиками, какие прерогативы за собой оставляет Центр и президент, а что из компетенций Союза уходит к республикам — оставалось тайной до самого последнего момента. Вероятно, Горбачев, соглашаясь, по определению своего помощника А. С. Черняева, «фактически на свободную конфедерацию»², понимал уязвимость положений Союзного договора, аморфность структур Центра в новом государственном образовании, но надеялся в дальнейшем наполнить их политическим содержанием в свою пользу³. Вряд ли можно утверждать, подобно осведомленному Г. Л. Смирнову, что в «первой половине августа 1991 года ситуация сложилась таким образом, что процессы вряд ли могли остановиться и пойти вспять. Игра была сыграна. Все, что можно было проиграть, — проиграно»⁴. Нельзя, на наш взгляд, и согласиться с позицией С. Н. Бабурина, по утверждению которого, подписание договора «было бы юридическим убийством СССР, это был бы тот же самый СНГ только во главе с Горбачевым»⁵. Думается, что подписание нового Союзного договора все же давало реальный шанс на сохранение единого государства. На 20 августа 1991 г. Союзный договор планировалось открыть к подписанию. В своем итоговом виде он «носил очень противоречивый характер, но открывал шанс сохранить союзное государство в составе, по крайней мере, девяти республик. На основе данного проекта можно было строить как федеративное, так и конфедеративное государство. Все зависело от того, кто и с какими целями будет претворять проект в жизнь», — пишет петербургский историк Р. А. Ялышев⁶.

¹ Архив автора. Интервью Ю. М. Батурина.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 969. Дневниковая запись от 3 августа 1991 г. Другое определение дал народный депутат РСФСР М. Г. Астафьев: «очень мягкую конфедерацию» (см.: Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР М. Г. Астафьева. Москва. 2022. 11 мая).

³ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева, в 1991 г. — заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. Москва. 2017. 14 марта.

⁴ Смирнов Г. Л. Уроки минувшего. М., 1997. С. 294.

⁵ Архив автора. Интервью С. Н. Бабурина, в 1991 г. — народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 8 июля.

⁶ Ялышев Р. А. «Новоогаревский процесс» выработки нового союзного договора весной — летом 1991 г.: федерация или конфедерация? / Отв. ред. В. В. Калашников // Межвузовская научная конференция «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии». Сборник докладов. Санкт-Петербург. 27 ноября 2015. СПб., 2016. С. 279.

Вторит Р. А. Ялышеву В. В. Калашников, занимавший в июле-августе 1991 г. пост секретаря ЦК КПСС: «Союзный договор был документ, который можно повернуть по-разному. Все зависело от того, у кого реальная власть. А у Горбачева до путча была реальная власть. И Ельцин его еще боялся»¹. Принципиально важным было то обстоятельство, что до августовского путча население союзных республик в массе своей еще опасалось решительного размежевания и полной независимости от Союза=России. До путча, рассказывал автору А. С. Грачев, еще было «впечатление, что ему удастся склеить все, потому что все боялись страха неизбежности. Ново-огаревская формула позволяла превратить союзное государство в конфедерацию...»².

«К концу 1990 года стало ясно, что “парад суверенитетов” зашел слишком далеко и начал прямо угрожать единству страны. Но поскольку Союзный центр не принял жестких правовых мер в самом начале процесса и признал сам принцип суверенитета республик, ему ничего не оставалось, как идти по этому пути до конца. А это означало необходимость уйти от конфронтации органов государственной власти Союза и союзных республик, а затем и автономных республик, тем более, что в соответствии с действующим законодательством, Президент СССР был неправомочен своими указами отменять или приостанавливать действие высших представительных органов государственной власти республик, особенно после утверждения ими своего государственного суверенитета. Отсюда и возникла тактика бесконечных переговоров, обсуждений, согласований, которая, в принципе, не имеет конца, потому что совершенствование — процесс бесконечный», — пишет Ю. М. Батулин, отмечая, что согласованный 23 июля 1991 г. «Союзный договор мог бы быть подписан несколькими республиками (например, РСФСР, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Узбекистаном, Таджикистаном и Туркменией), причем Союз в усеченном составе продолжал бы самореформироваться (правда, с трудно прогнозируемым результатом). Но это уже область альтернативной истории»².

В известной степени все участники переговоров не могли игнорировать результаты Всесоюзного референдума 17 марта, но в то же время оказывали давление на Президента СССР, пытаясь выбить из него все новые и новые уступки. Центр, в лице

¹ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

² Архив автора. Интервью А. С. Грачева. Москва. 2018. 5 июля.

² Батулин Ю. М. Союз не (возможный). С. 558–559.

Горбачева, отводил себе роль своеобразного арбитра в отношениях между республиками, представителя страны на мировой арене, за Центром сохранялось руководство внешней политикой, вооруженными силами, эмиссионное право.

Судьба Союза зависела от того, сколь заинтересованы были в нем Россия и Украина, а Ельцин по состоянию на 19 августа 1991 г. договор подписывал¹, выступив в печати с соответствующим заявлением², — это в известной степени предопределяло позицию и Белоруссии. Думается, что, если бы не было путча, согласилась бы, вероятно, на особых условиях, на подписание договора и Украина. Остальные республики, в первую очередь, представлявшие Среднюю Азию, очень боялись распада единой страны, поскольку не представляли экономической основы своего существования без материальной поддержки Москвы.

При всей масштабности уступок, которые Центр делал в адрес республик, на переговорах настойчиво проводилась мысль о необходимости сохранении Союза как единого государства. Уже одно это позволяет говорить о том, что Новоогаревский процесс мог привести Горбачева к политическому триумфу³. В случае подписания Союзного Договора в «горбачёвской вёрстке», Михаил Сергеевич обрел бы репутацию спасителя единого государства, сумевшего изменить советское общество гласностью, раскрепостить людей, покончить с холодной войной, сохранить союзное государство как обновленную федерацию и при этом фактически сохранить компартию у власти. 23 июля текст Союзного договора был согласован. «До путча подготовили новый Союзный договор, в котором оставалось место и Союзу, и республикам, было четко оговорено место Центра. Лидеры республик хотели в первую очередь кадровую и экономическую самостоятельность. Горбачев великодушно отдал республикам все это. Путч сорвал подписание нового договора», — рассказывал автору А. А. Акаев, в 1991 г. — Президент Киргизской ССР⁴.

¹ Архив автора. Интервью С. Н. Красавченко, народного депутата РСФСР. Москва. 2022. 31 марта; Архив автора. Интервью С. М. Шахрая, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 12 февраля; Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича, народного депутата СССР. Москва. 2019. 1 апреля.

² *Ельцин Б.* Подписание нового Союзного Договора не ставит под сомнение суверенитет республики // Независимая газета. 1991. 13 августа.

³ Архив автора. Интервью С. Б. Станкевича.

⁴ Архив автора. Интервью А. А. Акаева, в 1991 г. — Президента Киргизской ССР. Москва. 2020. 26 ноября.

Горбачев надеялся, что он обо всем договорился с лидерами союзных республик, заключив договор в обход и Съезда народных депутатов СССР, и Верховного Совета, и ЦК КПСС, и поставит их всех перед фактом. *Каким* будет текст Союзного договора, на каких условиях республики соглашаются остаться в составе Союза — об этом не знал почти никто. Итоговый вариант готовящегося к подписанию документа видело перед его опубликованием в печати чрезвычайно ограниченное количество лиц — с ним были знакомы далеко не все даже высшие руководители государства: Горбачев *сознательно* скрывал текст договора от товарищей по партии и парламентариев, считая, что время работает против него и неизбежная полемика и острая критика в адрес договора, если он будет опубликован в прессе до подписания, приведет к его срыву и крушению Союза. Промедление смерти подобно, полагал Михаил Сергеевич. Будет договор подписан, рассуждал Горбачев, сохранится государство; «шероховатости» в договоре республики и Центр будут общими усилиями устранять уже после его подписания — логика в его словах, несомненно, присутствовала. Горбачев полностью сосредоточил политическую работу по подготовке договора на себе, желая выступить в глазах общества в качестве его главного и единственного творца и, тем самым, спасителя единого государства. Понятно, что это существенно укрепило бы его авторитет. Сам Союзный договор, подписание которого было намечено на 20 августа, был документом по своему содержанию чрезвычайно сложным и противоречивым. В результате перераспределения полномочий республики получали реально гораздо большую независимость по отношению к Москве, чем прежде, однако, в дальнейшем Горбачев, видимо, рассчитывал на то, что с помощью имеющихся у него властных возможностей изменить соотношение сил в свою пользу. Есть основания полагать, что подписание Договора не смогло бы прекратить процесс «перетягивания каната» между республиками и Центром, о чем написал один из авторов Договора, видный юрист Э. А. Станкевич:

«Поступивший в республики и опубликованный затем в печати “согласованный” проект Договора о Союзе суверенных государств, подписание которого РСФСР, Казахстаном и Узбекистаном было намечено на 20 августа 1991 года, по разным причинам и в разной степени не устраивал ни сторонников, ни противников сохранения дееспособного союзного государства... Сторонники Союза имели все основания опасаться продолжения дезинтеграции страны, полного разрушения единого правового пространства и системы централизованного государственного управления СССР... Не меньше опасений было и у противников Союза. Их, на наш взгляд, больше всего тревожило то, что с момента подписания, тем более “одобрения” нового Договора будет утрачен главный предлог для даль-

нейшей “суверенизации” республик... Таким образом, в недопущении подписания Договора в том виде, в каком он был подготовлен в результате “ново-огаревского процесса” были объективно заинтересованы как сторонники, так и противники существования СССР»¹.

Сейчас, спустя более чем тридцать лет после завершения драмы Новоогаревского процесса, о том, как могли развиваться события в случае подписания Договора в том виде, в каком он был согласован республиками и Президентом СССР, можно только догадываться. Выскажем лишь свое мнение: подписание Союзного договора в той версии, которая была согласована республиками и Центром, создавало реальный шанс на сохранение единого государства.

Как уже говорилось выше, Договор был по своему содержанию чрезвычайно противоречивым документом, его положения никак не могли удовлетворить сторонников сохранения сильного государства. Именно поэтому предстоящее заключение Союзного договора и спровоцировало путч. Содержание готовящегося к подписанию договора было неизвестно стране; полноценного представления о нем не было ни в ЦК КПСС, ни в Верховном Совете СССР, ни в Кабинете министров СССР — Горбачев не считал нужным ставить об этом их в известность, договариваясь с руководителем каждой из республик, по сути, единолично, ни с кем не согласовывая и не обсуждая свои действия. Партийно-государственная элита и общесоюзные органы власти были предельно раздосадованы подобной позицией Горбачева, у них присутствовали опасения, что для них не найдется места в новых органах власти после подписания Союзного договора — его подписание предусматривало необходимость формирования новых органов власти. Отсутствие достоверной информации о Ново-Огаревском процессе порождало всевозможные слухи, при этом было известно, что на переговорах «дают» именно республики, а не Президент СССР, который понемногу сдает позиции Центра под их напором, но была надежда, что проект Договора будет «доведен до ума» в Верховном Совете СССР. Тот факт, что Президент СССР решил на визирование проекта своей личной волей, не согласовывая его ни с кем, казался его оппонентам — удивительным образом все они занимали ответственные должности — партийные или государственные — в *его команде* казалось — ошеломительным и едва ли не преступным. Горбачев же надеялся, что, договорившись обо всем с лидерами союзных республик, он заключит договор в обход и Съезда народных депутатов СССР, и Верховного Совета, и ЦК КПСС, и поставит их всех перед свершившимся

¹ Станкевич З. А. Советский Союз. Обрыв истории. М., 2016. С. 315–318.

фактом — фактом того, что он — *один* — сумел вновь сплотить страну и спасти ее от распада; это неминуемо усиливало позиции Президента СССР, превращая его в сверх-лидера и спасителя Отечества. Оговорим еще раз: заключение Союзного договора было для Горбачева тождественно спасению единой страны, это было сверхзадачей момента, все остальное казалось ему несущественным. Любая дискуссия по поводу текста договора на уровне более низком, чем уровень руководителей республик и Президента СССР, полагал Горбачев, приведет к срыву договорного процесса и торпедированию Союза. Любое промедление в подписании договора смертельно опасно — завтра лидеры республик могут передумать. Логика в рассуждениях Горбачева, несомненно, присутствовала, правда, Президент СССР не считал нужным даже информировать о ней представителей партийно-государственной элиты, видимо, не особо доверяя ее представителям и не слишком высоко оценивая ее интеллектуальные и деловые качества.

Сам Михаил Сергеевич в беседе с автором этих строк высказал твердую убежденность в том, что в случае подписания Союзного договора в той редакции, которая была открыта к подписанию на 20 августа, сохранился бы не только Советский Союз в обновленном виде, но и КПСС удержала бы за собой командные высоты и осталась бы у политической власти¹. 2 августа 1991 г. Горбачевым был разослан текст согласованного Договора, открытого к подписанию с 20 августа. Подписание Договора предполагалось в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, где с начала августа сотрудники Аппарата Президента СССР проводили репетиции подписания Договора². 20 августа Договор должны были подписать — РСФСР, Казахстан, Узбекистан, 3 сентября — Белоруссия, Таджикистан, 20 сентября — Туркмения, Киргизия, 10 октября — Украина, Азербайджан, другие республики, союзная делегация³.

2 августа 1991 г., накануне своего рокового отъезда в отпуск, Горбачев разослал «Президентам, Председателям Верховных советов Республик» «текст проекта Договора о Союзе Суверенных Государств, завизированный руководителями полномочных делегаций республик 23 июля 1991 года в Ново-Огарево»⁴. 20 августа планировалось открыть Договор для подписания «государствен-

¹ Архив автора. Интервью М. С. Горбачева. Москва. 2019. 11 июля.

² Сазонов А. А. Кто и как уничтожил СССР? Архивные документы. М., 2010. С. 134.

³ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 298. Л. 16.

⁴ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 298. Л. 16.

ными полномочными делегациями»¹. «Были решены вопросы, связанные с правами и полномочиями республик и Союзного центра, единой денежно-кредитной политикой, налогами. В июле же началась реализация антикризисной экономической программы. Тяжело она нам далась, но в конце концов удалось прийти к варианту, который поддержали республики, готовность выполнять ее положения выразили даже прибалты. Все, что “сошлось” в июле 1991-го, явилось итогом длительных поисков и усилий на пути, начатом в апреле 1985-го. Складывались реальные предпосылки для того, чтобы вытащить страну из кризиса и масштабно продвинуть начатые демократические преобразования», — вспоминает М. С. Горбачев². При подготовке Союзного договора Горбачев работал как одержимый, его силы были на пределе, но ему казалось, что все будет в порядке, а кризис удастся преодолеть. Ни у кого из его ближайшего окружения в те месяцы не возникало и тени сомнения, что Михаил Сергеевич сумеет удержать власть — до путча все нити управления государством были у него в руках. «Все шло к тому, что все будет нормально: Михаил Сергеевич работал чрезвычайно напряженно, казалось, что ему обо всем удалось договориться. Никому и в голову не могло прийти, что может случиться что-то подобное ГКЧП», — вспоминает начальник личной охраны Президента СССР генерал В. Т. Медведев³. «Основная часть команды осталась в августе в Москве — на хозяйстве, — рассказывал автору начальник службы протокола Президента СССР В. Н. Шевченко, — никаких предчувствий плохих не было, когда он (М. С. Горбачев. — А. П.) уехал в отпуск»⁴.

Президент СССР сделал большое дело — вывел страну на подписание нового Союзного договора, подписание которого давало шансы на преодоление разногласий, существующих между Центром и республиками. Однако Союзный договор так и не был подписан. Произошел путч — спасти Советский Союз не удалось.

15 августа 1991 г. в газете «Правда» был опубликован проект согласованного 23 июля «Договора о Союзе суверенных государств»⁵, лишь в этот момент текст Договора стал достоянием широких масс, до этого с ним было знакомо крайне ограниченное

¹ Там же. Л. 16.

² Горбачев М. С. Понять перестройку. Отстоять «новое мышление». М., 2022. С. 35.

³ Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева, начальника личной охраны Президента СССР М. С. Горбачева. Москва. 2020. 16 сентября.

⁴ Архив автора. Интервью В. Н. Шевченко. Москва. 2019. 18 декабря.

⁵ Договор о Союзе Суверенных государств // Правда. 1991. 15 августа.

количество людей. «Хреновый сам по себе документ, но надо подписывать, хотя он не блистательный. Если подписываем, то как-то удерживаемся» — так ответил заведующий отделом межнациональных отношений ЦК КПСС В. А. Михайлов на вопрос секретаря ЦК КПСС О. С. Шенина об оценке опубликованного в печати проекта Союзного договора¹. «Удержаться» Союзу не удалось — путч обрушил все прежние договоренности между Центром и республиками, дорога к демонтажу СССР была открыта. Путчисты, исходившие из того, что Договор — «это бракоразводный процесс»², а вместо Союза возникает «облако в штанах»³, пошли на то, чтобы осуществить «авантюрный государственный переворот»⁴, добивший союзное государство. «Раскол между элитами не был преодолен. Союзный договор был обнародован Павловым против воли Горбачева. Прочитав, руководители увидели, что вместо Союза — какая-то аморфная масса. Было видно, что Союз разрушен. При этом было непонятно, за кем армия, внешняя политика и т. д. Больше всего шокировало, что из 15 республик остается 6 или 7. Кто дал такие полномочия? Действия Горбачева и людей, которые готовили Союзный договор, были антиконституционны», — высказывал автору свое мнение Владимир Иванович Щербаков, первый заместитель и личный друг Премьер-министра СССР В. С. Павлова, в августе 1991 г. примкнувшего к ГКЧП⁵. Только лишь после ознакомления с финальной версией текста Договора будущие члены ГКЧП, единодушно посчитавшие, что подписание Договора *в таком виде* означает незамедлительную гибель государства, *окончательно* решились на выступление, организовав его в лихорадочной спешке⁶. «Если бы был подписан новый Союзный договор, то уже 20 августа 1991 года вместо страны мы имели бы “облако в штанах”. То, что и свершилось впоследствии. Возвращаясь к вопросу о проекте договора, повторяю, что он готовился келейно. Мы впервые ознакомились с его формулировками 17 августа благодаря публикации в “Московских новостях”. Не узнали бы — может, и не было бы никакого

¹ Архив автора. Интервью В. А. Михайлова, в 1991 г. — заведующего отделом межнациональных отношений ЦК КПСС. Москва. 2018. 24 января.

² Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 г. секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

³ Архив автора. Интервью О. Д. Бакланова, в 1991 г. — заместителя Председателя Совета обороны, члена ГКЧП. Москва. 2018. 15 августа.

⁴ Архив автора. Интервью М. С. Горбачева. Москва. 2019. 11 июля.

⁵ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября.

⁶ Архив автора. Интервью О. Д. Бакланова. Москва. 2018. 15 августа.

ГКЧП. Ведь никто из нас новоогаревских встречах, где готовили этот проект, не присутствовал. Для нас их результат был как снег на голову. Поэтому мы ничего фундаментально к созданию ГКЧП не прорабатывали. Да, были встречи, но на уровне “поговорили — разошлись”. И все. Спонтанно. А тут вдруг выяснилось, что проект договора полностью противоречит мартовскому референдуму 1991 года, что о социализме речь в нем практически не идет, что республики фактически становятся суверенными государствами. При этом заключение Совета министров по проекту Союзного договора было отрицательное, а заключения Верховного Совета не было вовсе. А по закону оно должно было быть. Я весь текст проекта в “Московских новостях” прочел. Мне позвонил Крючков, потом и Язов. Начали обсуждать, что происходит. Всем стало понятно, что 20 августа Горбачев с Ельциным отдадут нас на заклятие», — вспоминал О. Д. Бакланов¹. О том, что главная задача ГКЧП было «предотвратить намеченное Горбачевым на 19 (правильно — 20-е. — А. П.) августа подписание Союзного договора, разваливающего страну, в обход Верховного Совета, в обход Съезда народных депутатов», говорил и В. С. Павлов, оговаривающий, что «эта задача была решена — подписание не состоялось»². О том, что выступление ГКЧП было обусловлено стремлением сорвать подписание Союзного договора в той редакции, которая была согласована Горбачевым с лидерами республик в июле 1991 г., писал в своей книге и Председатель КГБ СССР В. А. Крючков, убежденный в том, что пучисты «своей акцией продлили жизнь нашего государства на четыре месяца», а в «августе 1991 года нельзя было поступить иначе...»³. Не лишним будет привести и оценку В. И. Алксниса, высказавшего твердое убеждение в том, что выступление ГКЧП было спровоцировано готовившимся подписанием Союзного договора, а «Договор фактически ликвидировал бы Союзное государство. Спровоцировал на создание комитета сам Горбачев. Он пошел на необоснованные уступки, нарушая решение референдума 17 марта и Верховного Совета СССР»⁴. Итак, еще раз подчеркнем, что затеянная Горбачевым эпопея по заключению нового Союзного договора, рассорила

¹ Мы проявили мягкотелость. (Беседа А. Замостьянова с О. Баклановым) // Историк. 2016. № 7–8. (19–20). С. 113.

² Павлов В. Мы пошли бы другим путем // Десять лет, которые потрясли... 1991–2001. М., 2002. С. 110.

³ Крючков В. Каждому свое // Десять лет, которые потрясли... С. 35, 43.

⁴ Алкснис В. Горбачев уже вышел в тираж // Московский комсомолец. 1991. 24 августа.

Михаила Сергеевича с его командой, создав непосредственный повод для выступления ГКЧП.

Однако помимо работы по подготовке нового Союзного договора, за время, предшествующее августовскому путчу, прошли три Пленума ЦК КПСС — в январе, апреле и в июле. Каждый из них наглядно иллюстрировал всю сложность обстановки, сложившейся внутри партии — отсутствие идейного единодушия, явственно обозначившаяся склонность к фракционности, недопонимание партией политической линии генсека и стремление консерваторов то ли избавиться от Горбачева, то ли поставить его под их контроль. Словом, в последний год существования Советского Союза жизнь партии кардинально отличалась от доперестроечной поры — наиболее, пожалуй, влиятельный элемент партийного аппарата — консерваторы — и Горбачев не желали идти на какие-то уступки друг другу.

Кризис, переживаемый советской государственностью, непопулярность партии в обществе были очевидны для всех. В этой ситуации номенклатура — при всей ее критике в адрес генсека — все же рассчитывала на то, что Горбачев защитит ее и ее положение; то, что Михаил Сергеевич «зарылся» в своих президентских обязанностях ее не устраивало и порождало новый повод для критики инициатора перестройки. К началу 1991-го года в партийных кругах сложилось убеждение, что «президент живет своей жизнью, а партия своей»¹. Количество твердых сторонников Михаила Сергеевича в аппарате ЦК было не столь велико, сопротивление его линии продолжало усиливаться — все это порождало недоверие лидера к собственной партии, определенное стремление дистанцироваться от нее. Горбачев понимал, что опереться на партию в полной мере он не может, ошибкой генсека было то, что он, стремясь обновить партию, делал ставку на подчеркнутую безликих людей, при этом, надо признать, что успеть создать ядро сторонников реформирования партии Михаил Сергеевич не сумел².

31 января 1991 г. состоялся однодневный совместный Пленум ЦК и ЦКК, на котором прямо заявлялось об отставании партии от текущих политических событий. Ю. А. Прокофьев в своем выступлении обратил внимание на то, что под видом борьбы против партии демократические силы ведут атаку на «основные

¹ Архив автора. Интервью В. В. Рябова, члена ЦК КПСС, заведующего гуманитарным отделом ЦК КПСС. Москва. 2018. 24 января.

² Архив автора. Интервью Б. П. Гуселетова, в 1990–1991 гг. члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 19 декабря.

жизненные структуры нашего общества»¹. Лидер московских коммунистов призвал партию не быть безучастной к происходящему, а ринуться с головой в политическую борьбу. Однако перед этим, по мысли Ю. А. Прокофьева, КПСС должна определить свою социальную базу и завершить работу над своей Программой, о необходимости подготовки которой принял решение еще XXVIII съезд КПСС. «Надо форсировать разработку Программы партии. Партия без Программы — не партия. Партия должна выступить гарантом стабильности в стране, как та единственная сила, которая отстаивает сохранение государства», — подчеркнул Ю. А. Прокофьев². Другой член Политбюро, И. К. Полозков, объявил, что перестройка нанесла тяжелый удар по социалистической идее, верность которой подтвердил XXVIII съезд КПСС, а партия за время перестройки отошла от своей главной задачи — защиты рабочего класса³. И. К. Полозков призвал партию бороться за умы и души людей, специально оговорив при этом, что «дрожащими руками и... дрожащим голосом политику не делают»⁴. Фактически это был прямой выпад против курса Горбачева. Однако январский Пленум не может быть по своему напряжению даже сравним с апрельским Пленумом, на котором Михаил Сергеевич едва не ушел в отставку.

К весне 1991 г. обе стороны — президент и консервативная часть ЦК — пошли в бой друг против друга с открытым забралом.

Апрельский Пленум 1991 г., по словам секретаря ЦК и члена Политбюро А. С. Дзасохова, оказался самым скандальным за все годы перестройки, с самого начала в его атмосфере царил беспрецедентное напряжение⁵. Фактически Пленум, по словам Горбачева, был превращен в «судилище над перестройкой»,⁶ отдельные члены ЦК устроили настоящую «психическую атаку» против генсека⁷, а выступления целого ряда ораторов были продиктованы, по словам А. И. Вольского, стремлением «свести все к персональному делу коммуниста Горбачева», без здравого пред-

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1352. Стенографический отчет совместного Пленума ЦК и ЦКК КПСС. 31 августа 1991 г. Л. 13.

² Там же. Л. 16.

³ Там же. Л. 37–38.

⁴ Там же. Л. 40.

⁵ Дзасохов А. С. Человек и политика. М., 2009. С. 176.

⁶ Горбачев М. С. Наедине с собой. М., 2012. С. 559. «Судилище над Горбачевым» уточняет один из лидеров оппозиции генсеку член Политбюро и 1-й секретарь МГК КПСС Ю. А. Прокофьев (см.: Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева, члена Политбюро ЦК КПСС. Москва. 2020. 30 января).

⁷ Горбачев М. С. После Кремля. М., 2014. С. 10.

ставления о том, «какие последствия для КПСС, да и для страны в целом наступят за этим»¹. На Пленуме воедино сошлись все противоречия и критика в адрес генсека. «Партийные секретари буквально кипели, внутри них все скрежетало. Вероятно, в провокации участвовал Лигачев, сохранивший, по сути, контроль над Орготделом», — вспоминал В. И. Щербаков, в 1991 г. — первый заместитель премьер-министра В. С. Павлова². В разгар одного из выступлений Горбачев прервал оратора и предупредил о том, что он сейчас возьмет слово и ответит на критику: «потому что, я думаю, уже подошло время, что я должен сказать. Хватит. Все», — заявил генсек³. В. А. Ивашко, заместитель Горбачева по партии, видя настроение Михаила Сергеевича, обратился к залу с предложением устроить перерыв «примерно на час, полтора», но был остановлен генсеком. «У меня короткое выступление, — сказал Горбачев, — вы успеете и на перерыв, и пообедать. Я думаю, что нам не надо впадать ни в эмоции, ни во что. Спокойно обсудить ситуацию, как она складывается в партии, и как она проявляется сегодня в ходе работы Пленума Центрального комитета партии. Практически здесь 70 процентов, если не больше, выступивших заявили о том, что сегодня положение такое, что уровень и авторитет Генерального секретаря ЦК КПСС пал до нуля, и что это уже сегодня связано с доверием, а по сути дела, с недоверием, и в таком состоянии, вы понимаете, оставлять человека, который сегодня не пользуется доверием партийной массы, как вы говорите здесь, и я не ставлю это под сомнение, это ваше право, но я принимаю к сведению, так именно здесь прозвучало, я думаю, что оставлять партию в таком состоянии, руководство партии нельзя. Дело не в Горбачева, ни в ком. Это просто преступно. Поэтому я ставлю вопрос таким образом. Сейчас на этом Пленуме прекратить прения, поскольку все сводится к этому, и решить вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Между съездами Пленум должен решить. Потому что раз речь идет об этом, надо решать. Потому что для меня интересы партии, интересы нашего дела великого революционного обновления не менее дороги, чем некоторым тут появившимся в последние две недели на политической арене. И я ставлю выше этого. Поэтому

¹ Материалы Объединенного Пленума Центрального Комитета и Центральной Контрольной Комиссии КПСС, 24–25 апреля 1991 г. М., 1991. С. 89.

² Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября.

³ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1354. Стенограмма пленума ЦК КПСС. 25 апреля 1991. Л. 139.

я ставлю вопрос о том, что подаю в отставку. (Аплодисменты)»¹. По словам присутствовавшего на Пленуме первого секретаря Крымского рескома Л. И. Грача, Горбачев просто «психанул»², такую же характеристику поведения генсека применил и московский партийный лидер Ю. А. Прокофьев, вспоминая, что никому из присутствующих «не было понятно, почему Горбачев так завелся»³. Не ожидавший от Горбачева подобного шага его заместитель по партии В. А. Ивашко обратился к делегатам Пленума: «Надо просчитать просто, что может такое заявление означать для партии...», на что Михаил Сергеевич ответил: «Ничего, партия не умрет... Надо решить вопрос так, Владимир Антонович, чтобы не было в Центральном Комитете партии вот этого, что происходит у нас каждый Пленум. Значит, когда мы видим, что у нас уже тут две-три-четыре партии. Нужно найти фигуру, которая бы получила полное доверие. В таком состоянии Генеральный секретарь не может работать. И партия не может в таком состоянии...»⁴. В сбивчивой и путаной речи Горбачева явно сквозили нотки обиды, что генсек и не пытался скрывать. По словам помощников Президента СССР В. К. Егорова, Михаил Сергеевич был абсолютно искренен в этот момент: есть предел человеческому и эмоциональному терпению⁵.

«Все эти людишки пальца Горбачева не стоили. Все они аппаратные интриганы не больше... Горбачев — фигура, и его, конечно, это все задело. Был объявлен перерыв и начали его уговаривать. Не ожидал никто, что он так сделает, хотя к тому и вели. Все они, конечно, испугались, потому что никто из них не мог взять смелость на себя, да и ума у них не было... Каждый из них сам по себе — политическое ничтожество, но когда они вместе, они — критическая масса и они многое могли сделать и сделали с этим путчем», — рассказывал автору заведующий секретариатом Президента СССР Горбачева, а весной 1991 г. — помощник Генерального секретаря ЦК КПСС Г. С. Остроумов.⁶ Генсек, видимо, безумно устал от ситуации, в которой ему необходимо было беспрестанно

¹ Там же. Л. 143–144.

² Архив автора. Интервью Л. И. Грача, в 1991 г. — Первого секретаря Крымского рескома КПСС. 2016. 27 сентября. Симферополь.)

³ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 30 января.

⁴ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1354. Л. 144.

⁵ Архив автора. Интервью В. К. Егорова, в 1991 г. — помощника Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

⁶ Интервью Г. С. Остроумова, в 1991 г. — заведующего Секретариатом Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

преодолевать сопротивление партийного аппарата¹, его просто «довели», как полагал свидетель событий член ЦК А. В. Бузгалин².

«Выслушав очередную злобную речь, Горбачев объявил об отставке. Мы повскакивали с мест и кинулись в зал... Мы проходили к своим местам перед президиумом, и я видел еще не остывшее от возбуждения красное лицо Горбачева — никогда прежде я не видел его до такой степени выведенным из равновесия. И когда потом меня много раз спрашивали, не было ли заявления об отставке заранее обдуманной инсценировкой, я уверенно отвечал: нет, не было. Конечно, опытный политик, видя нарастающее перед пленумом напряжение, не мог не обдумывать возможность и такого поворота событий, но заранее обдуманного решения у него явно не было, это был спонтанный выкрик», — вспоминал член ЦК О. Р. Лацис.³ «Слушая всю эту критику, Горбачев все больше заводился. В конце он уже был просто красный как рак. Он психанул. Далеко не всегда Михаил Сергеевич держал удар», — рассказывал автору народный депутат СССР Ю. В. Голик, входивший в ту пору в команду Горбачева.⁴

«После выступления Горбачева воцарилась тишина. Никто ничего не мог сказать», — вспоминал присутствовавший на том совещании член ЦК В. И. Щербаков⁵. Ошарашенный демаршем своего лидера ЦК призадумался: заместитель генсека В. А. Ивашко объявил двухчасовой перерыв. Члены ЦК разбрелись по отдельным группам, обсуждая, что делать, при этом никакой альтернативы Горбачеву даже в разговорах не выдвигалось⁶. За время перерыва 72 члена Центрального комитета во главе с А. И. Вольским, бывшие приверженцами Горбачева, официально подали в президиум записку, где заявили, что если пленум примет отставку Генераль-

¹ Архив автора. Интервью В. В. Рябова, в 1991 г. — заведующего гуманитарного отдела ЦК КПСС. Москва. 2018. 24 января.

² Архив автора. Интервью А. В. Бузгалина, в 1991 г. — члена ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2017. 18 декабря.

³ Лацис О. Р. Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 343.

⁴ Архив автора. Интервью Ю. В. Голика, народного депутата СССР. Москва. 2019. 16 мая.

⁵ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября.

⁶ Архив автора. Интервью Р. А. Медведева, в 1991 г. — народного депутата СССР, члена ЦК КПСС. 2018. 21 июля. Село Немчиновка, Московская область; Архив автора. Интервью Б. П. Гуселетова. По убеждению спичрайтера Горбачева по вопросам внешней политики профессора В. Б. Кувалдина, к весне 1991 г. «номенклатура пришла к выводу, что Горбачев представляет смертельную опасность для номенклатуры, но видимой альтернативы не было» (см.: Архив автора. Интервью В. Б. Кувалдина. Москва. 2018. 21 июля).

ного секретаря, то они выйдут из состава ЦК¹. Назревал раскол в составе партии². Одним из тех членов ЦК, кто наиболее активно поддерживал Горбачева на апрельском Пленуме 1991 г., был А. И. Вольский. «Меня поддержал Нурсултан Назарбаев. И еще семьдесят два человека подписали. Я-то по наивности решил, что противостоянию конец. Ан нет! Меньшинство отправилось готовить путч», — вспоминал Вольский³.

В течение всего перерыва, объявленного после заявления М. С. Горбачева об отставке, партия фактически была без лидера⁴, а ближайшие к Горбачеву члены Политбюро В. А. Ивашко и А. С. Дзасохов успокаивали Михаила Сергеевича⁵. Член Политбюро И. Т. Фролов вспоминал: «Горбачев шел ва-банк. Риск? Да. Смелость? Да. Но еще и тонкий расчет. Насколько я помню, никто открыто предложения об отставке не вносил. Горбачев сам пошел на обострение. С его стороны это был, если хотите, продуманный превентивный удар, демарш, рассчитанный на людей осторожных и сомневающихся, чтобы они почувствовали чрезвычайную серьезность положения. Я позже со многими разговаривал. Если суммировать все, то настроение вот такое: “Горбачев — человек авторитетный. А кто придет вместо него? Этот кемеровский секретарь, которые больше всех тут кричал? Михаила Сергеевича мы знаем. Мы его покритиковали, он критику учтет и в партии станет работать активнее, а не уходить с головой в президентские структуры”. Те, кто хотел устранить Горбачева, таким образом, потерпели поражение»⁶.

Близкий в то время к Михаилу Сергеевичу В. И. Щербаков рассказывал автору, что встретил Горбачева, только что объявившего о своей отставке и прогуливающегося в коридоре рядом с залом заседаний Пленума. «Ты видишь, что они делают? Нет, ты видишь, что они делают?» — спросил Михаил Сергеевич В. И. Щербакова. Несмотря на крайнее раздражение Горбачева, Михаил Сергеевич,

¹ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова, в 1991 г. — члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС. Москва. 2018. 14 ноября; Архив автора. Интервью А. С. Грачева, в апреле 1991 г. — члена ЦК КПСС. Москва. 2018. 5 июля.

² *Ненашев М. Ф.* Заложник времени: Заметки. Размышления. Свидетельства. М., 1993. С. 126.

³ *Завада М., Куликов Ю.* Диалоги с Аркадием Вольским. «Попробуйте меня от века оторвать...». М., 2006. С. 140.

⁴ *Калашников В.* Полтора часа без Генсека // Ленинградская правда. 1991. 27 апреля.

⁵ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

⁶ *Фролов И.* Альтернатива // Журналист. 1994. №. С. 46.

как подметил Щербаков, прогуливался практически на виду у членов ЦК, «видно, чтобы быть на глазах у тех, кто принимал решения. То ли у Горбачева чисто по-человечески не выдержали нервы, то ли Михаил Сергеевич все просчитал и решил сыграть на раскол партии, рассчитывая сохранить за собой поддержку своих сторонников»¹. О том, что в заявлении об отставке была «рисовка» со стороны Горбачева, знавшего, что партия не решится пойти на неизбежный раскол в случае ухода Михаила Сергеевича с поста генсека, заявлял автору и бывший первый заместитель управляющего делами ЦК КПСС В. М. Мишин, также признававшийся, что какой-то иной фигуры — на замену Горбачеву в период его неожиданной отставки — членами ЦК не называлось². «Партию страшил раскол. Партия и погибла оттого, что хотела остаться единой. Вот поэтому, хотя большинство членов ЦК уже негативно относились к Горбачеву и его деятельности, но партия продолжала за него цепляться: как же так, он свой, хороший мужик. Он исправится! Да и Горбачев боялся раскола партии», — вспоминал В. М. Мишин³. Уже задним числом секретарь ЦК КПСС, а впоследствии Президент Молдовы П. К. Лучинский говорил: «Было очевидно, что сохранить партию единой не удастся. Тем не менее на формальный раскол не пошли, хотя идейное размежевание существовало уже давно. ЦК, который должен был стимулировать тогда раскол, на это не решился, и в этом его ошибка. С позиций сегодняшнего дня я понимаю, что это надо было тогда сделать...»⁴.

«Не думаю, что это (заявление об отставке. — А. П.) был порыв. Чему-чему, а выдержке Михаила Сергеевича можно позавидовать. Я предполагаю, что здесь имел место взвешенный шаг. Шаг, необходимый и партии, и Генеральному секретарю. Чтобы еще раз проверить силу действительного авторитета, заручиться поддержкой коммунистов», — рассказывал в интервью «Независимой газете» член ЦК КПСС Н. С. Столяров⁵. «В перерыве 72 члена ЦК КПСС официально подали в президиум записку, где заявили, что если пленум примет отставку, то они выйдут из состава ЦК. Назревал раскол в составе ЦК КПСС. В то время я тоже подписал это заявле-

¹ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова, члена ЦК КПСС, первого заместителя Премьера-министра СССР В. С. Павлова. Москва. 2022. 3 сентября.

² Архив автора. Интервью В. М. Мишина. Москва. 2020. 22 октября.

³ Там же.

⁴ Они слишком долго выжидали. (Беседа И. Королькова с П. Лучинским) // Российская газета. 1991. 31 августа.

⁵ Партия освободила вокруг себя политическое пространство. (Беседа А. Зуйченко с Н. Столяровым) // Независимая газета. 1991. 7 мая.

ние, ибо еще верил тогда, как и другие, что уход Горбачева сделает раскол в партии неотвратимым и, следовательно, КПСС должна будет прекратить свое существование в тот ответственный момент, когда еще жила надежда сохранить СССР. Теперь, когда прошло время и можно применить тот самый подход, о котором я уже говорил — а что бы было, если бы раскол в ЦК состоялся, — я прихожу к выводу, что неизбежное размежевание в партии, вызванное отставкой генсека, могло оказаться целесообразным. Оно могло явиться началом действительного обновления партии на основе тех политических течений, которые в ней реально существовали. Это обновление могло вызвать формирование вместо КПСС двух или трех партий социалистической ориентации, и это отвечало бы реальностям времени», — вспоминал член ЦК КПСС М. Ф. Ненашев¹. «Большинство участников Пленума, — констатировала секретарь ЦК КПСС Г. В. Семенова, — составляли люди, которые не позволили бы снять Горбачева, поэтому стоявшие за будущими путчистами участники Пленума на этом не настаивали»².

В перерыве экстренно было собрано заседание Политбюро, на котором никто из членов Политбюро не выступил с критикой Горбачева (сам Михаил Сергеевич на заседании не присутствовал). Председательствующий В. А. Ивашко предложил членам Политбюро считать, что никакого заявления Горбачева и не было. После уговоров генсек согласился «вернуться» на пост генсека³. Политбюро, в свою очередь, предложило на утверждение ЦК резолюцию, в которой заявлялось, что «исходя из высших интересов страны, народа, партии, снять с рассмотрения выдвинутое Михаилом Сергеевичем Горбачевым предложение о его отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС»⁴.

¹ Ненашев М. Ф. Заложник времени: Заметки. Размышления. Свидетельства. М., 1993. С. 126.

² Мы жили в самообмане до последних дней. (Беседа И. Верейкиной с Г. Семеновой) // Российская газета. 1991. 30 августа.

³ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 30 января. Противоположное свидетельство содержится в воспоминаниях И. К. Полозкова, по утверждению которого, «на заседании Политбюро, состоявшемся в перерыве пленума, я, Гуренко, Малофеев и Погосян предложили принять демарш Горбачева за добровольную отставку и избрать нового генсека. Были названы кандидатуры Ивашко, Янаева, Рыжкова, Шенина и Лигачева. Но мы оказались в меньшинстве. Назарбаев, Каримов, Низов, Силлари, Лучинский нещадно раскритиковали нас, и Политбюро обязало всех разойтись по своим делегациям, успокоить распаленных членов ЦК и продолжить работу пленума» (см.: *Полозков И. К. Обманутые надежды, или как разрушали страну. М., 2014. С. 525*).

⁴ РГАНИ. Ф. 89. Оп. 012. Д. 026. Л. 1.

По словам Дзасохова, никто всерьез не думал, что Горбачев уже ушел в отставку: генсек «просто подвесил ситуацию»¹, прекрасно зная, что Пленум ЦК, по уставу, не имел права отстранить генсека, которого напрямую избрал съезд партии. Снятие генсека в нарушении устава автоматически вело к расколу. Чем же был так опасен раскол ЦК? По утверждению члена ЦК В. В. Калашникова, раскол КПСС «развязывал Ельцину руки без всякого ГКЧП. Две или три новые партии стали бы делить имущество прежней КПСС, вести войну “компроматов” и т. д. Это привело бы к массовому выходу рядовых коммунистов из КПСС, и в той ситуации они бы не вступили в новые партии. А главное — все компартии союзных республик ушли бы в “свободное плавание”. Поэтому я и говорил на пленуме, что ЦК не должен делать шагов, способных спровоцировать раскол. Надо было учиться бороться в рамках реальной многопартийности, а не валить все на генсека»².

Несмотря на всю критику — как объективную, так и нет, — Горбачев все же был той фигурой, которая худо-бедно, но все же как-то цементировала партийные комитеты союзных республик. К тому же коммунист Горбачев был Президентом всего Советского Союза, что в условиях возрастающей непопулярности партии позволяло ей оставаться на плаву в качестве фактически, но не юридически (после отмены 6 статьи действующей Конституции СССР), правящей партии, продолжавшей контролировать основные командные высоты — КГБ, армию, правительство. Большинство членов ЦК понимали, что следующий Президент страны, вероятнее всего, не будет коммунистом — как следствие, в апреле 1991 г. в партийной элите были сильны и позиции тех, кто считал, что надо «бороться за Горбачева и его всесоюзный и мировой политический авторитет»³. Член ЦК А. В. Бузгалин писал, вспоминая апрельский Пленум: «тайну силы Горбачева очень точно определил на одном из совещаний в партийных верхах кто-то из секретарей ЦК (по-моему, Ивашко, но не помню точно): если Вы (имелись в виду противники соединения поста генсека и президента в одном лице) отстраните Горбачева от руководства партией, Вас же завтра никто в Кремль не пустит! Похоже, что едва ли не в первую очередь именно этого — последней опоры партийной номенклатуры — президента-генсека, побоялись на Пленуме те, кто

¹ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова.

² Калашников В. Август 1991-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 октября.

³ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова, в 1991 г. — заведующего Секретариатом Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

жаждал его отставки»¹. Член ЦК КПСС И. М. Шабанов, отнюдь не сторонник Горбачева, писал: «Правда... в том, уйдя с поста генсека, Горбачев оставался Президентом, носителем реальной власти. Партия же в конкретно-исторических условиях весны 1991 г. становилась обреченной, мнимой, но не реальной силой, способной остановить уже грозно зримое уничтожение страны... Конечно, партии от Горбачева надо было освободиться до марта 1990 года, до избрания его Президентом»².

Сам Горбачев был убежден, что на апрельском Пленуме был разыгран хорошо подготовленный спектакль, инициированный такими консервативными представителями ЦК КПСС как Ю. А. Прокофьев, и вспоминал про совещание партийных секретарей городов-героев в Смоленске, проходившее незадолго до упомянутых событий и использованное его организаторами «для мобилизации сил в поддержку требований об отставке Горбачева»³. На встрече в Смоленске была предпринята попытка втягивания в заговор руководителей партийных организаций не только Смоленска, но и Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, других городов Украины и Белоруссии⁴. О том, что на этом совещании было принято решение попытаться сбросить Горбачева и заменить его фигурой Ю. А. Прокофьева, рассказывал автору Ю. П. Белов, в 1991 г. — 2-й секретарь Ленинградского обкома КПСС, «среди нас, — откровенно признавался Юрий Павлович, — были разные люди, но в массе своей мы его (М. С. Горбачева. — А. П.) ненавидели»⁵. Член ЦК КПСС в 1990–1991 гг. В. В. Калашников, в июле — августе 1991 г. — секретарь ЦК КПСС, также убежден в том, что в основу атаки на Горбачева в ходе апрельского Пленума был положен сценарий, разработанный Ю. А. Прокофьевым и его соратниками⁶. Примечательно, что Ю. А. Прокофьев в беседе с автором утверждал, что «никакой режиссуры апрельского Пленума не было»⁷.

¹ Бузгалин А. В. Белая ворона. Последний год жизни ЦК КПСС: взгляд изнутри. М., 1993. С. 95.

² Шабанов И. М. Крушение СССР: мифы и правда. Публицистика, интервью. Воронеж, 2014. С. 45.

³ Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 312.

⁴ Архив Горбачев-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 19472. Записка Г. С. Остроумова «О подготовке отстранения М. С. Горбачева с поста генсека в 1991 г.» [1993. 1 марта].

⁵ Архив автора. Интервью Ю. П. Белова. Санкт-Петербург. 2020. 10 декабря.

⁶ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

⁷ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 30 января.

За сутки до открытия Пленума Горбачев сумел добиться серьезного успеха: убедив руководителей девяти союзных республик подписать известное Заявление «9+1». Фактически это был своего рода взаимный вассальный обет, выгодный на том этапе и для Горбачева, и для руководителей республик. «Выступить против Горбачева, поддержанного республиками, члены ЦК КПСС не рискнули», — констатировал И. Д. Лаптев¹. Вместе с тем, как вспоминал Ю. А. Прокофьев, оглашение Заявления «9+1» никак не повлияло на противников генсека, желавших его снять; «Заявление-то это он опять подписал, не посоветовавшись с партией. Настроение было — снять Горбачева!», — говорит Юрий Анатольевич².

Михаил Сергеевич в беседе с автором аттестовал апрельский Пленум 1991 г. как «партийный путч»³. В одном из интервью Горбачев вспоминал: «Я знал: 32 секретаря пошли на сговор. И тогда я заявил, что ухожу в отставку. К тому времени я мог поставить так вопрос, потому что раскол стал неизбежен. Пусть не раскол — размежевание. До этого я не хотел раскола, размежевания»⁴. «Сейчас я думаю, что мое согласие остаться на посту генсека было ошибкой. Партия, как показали дальнейшие события, оставалась консервативной силой, неспособной реформировать себя и участвовать в реформировании страны», — пишет М. С. Горбачев⁵. Думается, что эти слова Михаила Сергеевича не вполне точны: весной 1991 г. все, и в первую очередь сам Горбачев, понимали, что вслед за отрешением Горбачева от партийной власти неминуемо бы последовало и лишение Горбачева поста президента СССР. И Горбачев, и значительная часть его сторонников отчетливо осознавали, что партия нуждается во все еще сохранявшемся общесоюзном политическом авторитете Горбачева, последний же нуждался в партии, все еще продолжавшей контролировать «командные высоты» в стране. «Абсолютное большинство коммунистов согласны с коммунистом Горбачевым, — высказывал свое мнение журналисту А. В. Карау-

¹ *Лаптев И. Д.* Власть без славы. М., 2002. С. 219.

² Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 17 февраля. «Заявление «9+1» не подняло авторитет генсека, хотя бы потому, что это было сделано опять за спиной партии», — подчеркнул в беседе с автором Ю. А. Прокофьев (см.: Архив автора. Москва. 2020. 30 января).

³ Архив автора. Интервью М. С. Горбачева. Москва. 2019. 11 июля.

⁴ Нет иного выхода, как поменять власть (С Михаилом Горбачевым беседует главный редактор «Российской газеты» Валентин Логунов) // Российская газета. 1993. 19 августа.

⁵ *Горбачев М. С.* Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 34.

лову секретарь ЦК КПСС Ю. А. Манаенков, прибавляя, впрочем, что и «несогласные тоже есть»¹. Августовские события показали, что подобная оценка страдала излишним оптимизмом применительно к отношению партии к линии своего генсека.

Размышляя о событиях апрельского Пленума, Черняев оставался верным себе:

«Потом — Пленум. Накануне (24-го) было Политбюро. Когда М. С. показали проект решения Пленума, он взорвался: там речь шла об “антинародной политике” Генсека. Шенину сказал: “Твоя работа”. Но — между прочим — и все эти “молодые”: Гиренко, Лучинский, Семенова, Купцов, Строев, Фалин, которых он выдвинул в секретари ЦК — в большинстве из провинции, пригрел, обласкал, дал путевку в большую политику... Они что? Значит, тоже в душе согласились, что во всем виноват М. С.?.. И будто его смещением или угрозой смещения, в pendant хору обкомовских резолюций, можно решить все вопросы? Во всяком случае — рыльце у них в пушку — недаром же они на Пленуме в рот воды набрали, когда другие покатали на М. С. волны оскорблений и поношений, требовали отставки, предъявляли ультиматумы насчет чрезвычайного положения во всей стране — иначе: ужо тебе! Позорище было смотреть на этих зайчиков... И вообще на весь этот Пленум... Гнали Генсека, а когда он встал и сказал: “Ладно, ухажу!”, все в портки наложили и проголосовали, чтоб “снять вопрос с обсуждения”. Тоже формулировочка! До следующего Пленума что ли?! Честь ЦК спасали такие, как Вольский, Бакатин, не говоря о Назарбаеве... Хотя вообще-то я был за то, чтоб М. С. послал бы всё это кодрло к еб... матери... И от них на другой день ничего не осталось бы. Они, действительно, никому не нужны, кроме номенклатуры... И без М. С. сразу бы оказались “на обочине” — в отвале. Впрочем, Вольский + Бакатин так прямо и сказали. А один рабочий в перерыве подходил к М. С., говорит: “идиоты-самоубийцы”. В самом деле пигмеи. Впрочем, я убежден был, что М. С.’у надо было воспользоваться шансом — и уйти с генсекства, до заключительного слова. Тогда я думал: — это был бы жест деидеологизации высшей государственной власти, сделан был бы окончательный сброс бремени партийности, которую все ненавидят. И можно было бы получить какой-никакой подъем, во-первых, “обывательских” симпатий к Горбачеву, жалости (наподобие эффекта ушедшего, наконец, Рыжкова)... Во-вторых, «определилась бы значительная часть коммунистов, которые не знают, где они находятся, — у Полозкова или где-то еще... И образовалась бы “партия Горбачева”... Произошел бы раскол в КПСС. А это очень нужно... чтоб не отдельные “личности” демонстративно выкидывали партбилет (часто по подоночным соображениям), а миллионы партийцев и “из принципа...”. Остальные все сразу же оказались бы “полозковцами”!»²

¹ Я не считаю, что за годы перестройки обесценено звание коммуниста. (Беседа А. Караулова с Ю. Манаенковым) // Независимая газета. 1991. 2 июля.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 937–938. Дневниковая запись от 27 апреля 1991 г.

Горбачев сохранил за собой пост Генерального секретаря ЦК КПСС, а выступавшая с «охранительных» позиций «Советская Россия» сухо прокомментировала историю с несостоявшейся отставкой Михаила Сергеевича: «В ходе прений М. С. Горбачев в связи с отдельными выступлениями участников Пленума поставил вопрос о своей отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС. После рассмотрения этого вопроса в Политбюро ЦК Пленум принял решение: “Исходя из высших интересов страны, народа, партии, снять с рассмотрения выдвинутое Михаилом Сергеевичем Горбачевым предложение о его отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС”»¹.

Непосредственным результатом апрельского кризиса и демарша Горбачева стало укрепление позиций в партии ее Генсека², хотя, как справедливо констатировал сразу после Пленума сторонник Михаила Сергеевича В. В. Калашников, «кредит доверия в партии к Генеральному секретарю и ЦК КПСС в целом на пределе...»³.

По признанию секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро ЦК КПСС Г. В. Семеновой, «Генеральный секретарь прилагал огромные усилия для сохранения партии, надеялся на ее обновление»⁴. И действительно: даже несмотря на неприятный осадок, оставшийся у него после апрельского Пленума, Горбачев продолжал активно работать над обновлением партии, придавая огромное значение подготовке и принятию новой Программы партии. Обсуждению этой программы был посвящен новый Пленум ЦК КПСС, проходивший 25–26 июля 1991 г. Буквально накануне следующего Пленума ЦК КПСС, 20 июля 1991 г., был опубликован указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина о «департизации», фактически изгонявший партийные организации из государственных структур России. «Исполнение ельцинского указа — удар по компартии куда более сильный, чем в свое время отмена шестой статьи Конституции», — правомерно замечал журналист Д. Остальский⁵. Положение партии в этой связи становилось более чем двусмысленным. Отменить указ Ельцина мог своей властью только Горбачев,

¹ Советская Россия. 1991. 27 апреля.

² Партия освободила вокруг себя политическое пространство (Беседа А. Зуйченко с Н. Столяровым) // Независимая газета. 1991. 7 мая.

³ Калашников В. Полтора часа без Генсека // Ленинградская правда. 1991. 27 апреля.

⁴ Мы жили в самообмане до последних дней. (Беседа И. Верейкиной с Г. Семеновой) // Российская газета. 1991. 30 августа.

⁵ Остальский Д. Указ президента о департизации // Независимая газета. 1991. 23 июля.

однако, Президент СССР понимал, что судьба Союзного договора в огромной степени зависела от позиции российского лидера и никаких ответных действий не предпринимал. «Если действия Ельцина и Горбачева не согласованы, то последнему предстоит нелегкий выбор. С одной стороны, товарищи по партии требуют от своего генсека решительных ответных действий. С другой, какие-либо шаги союзного президента, выходящие за рамки словесного осуждения, могут стать угрозой Ново-Огаревскому процессу. Что в этой ситуации предпочтет Горбачев: ссору с ЦК или ссору с Ельциным? Вопрос, скорее, риторический: в каждой конкретной ситуации нынешний президент СССР предпочитал опираться на более сильного. Сегодня Ельцин, пожалуй, “перевесит” все ЦК, вместе взятые», — констатировал Д. Остальский¹. В итоге, Горбачев не пошел на конфронтацию с Ельциным, по сути, не отреагировав на его указ. Как признался А. С. Черняев, «М. С. предпочел не ставить под удар ново-огаревский курс»². В известной степени Ельцин сделал Горбачеву подарок накануне Пленума ЦК. «Фактически он выбил почву из-под ног российских коммунистов. Теперь защитить их может только президент СССР», — констатировал член ЦК КПСС Р. А. Медведев³. Указ Ельцина несомненно способствовал сплочению партии вокруг фигуры генсека: партийной элите стало ясно, что решить задачу ее политического самосохранения она сможет лишь в том случае, если это будет выгодно для Горбачева⁴.

Пленум ЦК КПСС 25–26 июля 1991 г. вел свою работу в деловой и конструктивной манере, появилось «почти забытое в этом зале чувство партийного товарищества, которое нарушалось лишь отдельными репликами и только двумя-тремя выступлениями»⁵. Анти-горбачёвские настроения, по крайней мере, наружно, уже не выплескивались так, как это было тремя месяцами ранее. Конечно, никакого благодушного настроения в зале не было, «напряжение было загнано внутрь», но противники генсека предпочитали молчать, не высказывая открыто своё неприятие политики Горбачева⁶. «Этот Пленум ЦК КПСС, последний в ее многолетней истории, состоялся в самом конце июля и оказался отчаянной попыткой вывести партию из состояния энтропии», — вспоми-

¹ Там же.

² Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 475.

³ Лебедев Ю. Коммунисты // Независимая газета. 1991. 27 июля.

⁴ Медведев В. А. В команде Горбачева. М., 1994. С. 182.

⁵ Медведев Р. А. Советский Союз: Последние годы жизни. М., 2015. С. 296.

⁶ Архив автора. Интервью А. С. Грачева. Москва. 2018. 5 июля.

нал секретарь ЦК КПСС А. С. Дзасохов¹. По словам помощника Горбачева А. С. Черняева, Михаил Сергеевич работой Пленума остался доволен². «В перестроечном смысле пленум — еще одно запоздалое “преодоление”, осуществленное лично Горбачевым: но не “обновление” партии нужно, а создание новой партии — “во что” уже и пошли Рудкой и проч.», — записывал Черняев в своем дневнике³.

На заседании Пленума ЦК КПСС 26 июля 1991 г. Михаил Сергеевич призвал товарищей по партии к спокойствию, подчеркнув, что будет реагировать на указ Президента РСФСР Б. Н. Ельцина, что «включает в себя все шаги вплоть до указа Президента. Тут у вас сомнений не должно быть»⁴. «Сохраняйте спокойствие», — прибавил генсек, попросив передать эти слова «всем товарищам партийцам, которые работают у нас в стране в партии»⁵. Член ЦК КПСС А. С. Грачев в своем выступлении призвал партию к подлинной консолидации и объединении вокруг новой Программы партии и линии Горбачева. «Мне бы не хотелось дожидаться того, чтобы словосочетание КПСС расшифровывалось как Консервативная Партия Советского Союза, потому что в этом случае место реформистов действительно займут радикалы»⁶. Слова Грачева оказались поистине пророческими, что показал уже ближайший месяц, в беседе с автором этих строк Андрей Серафимович остроумно заметил, что Июльский Пленум, одоббив в качестве основы представленную Программу партии — социал-демократическую по своей сути, — и признав тем самым неизбежность размежевания, может быть назван «Пленумом состоявшегося развода»⁷. Едва ли не самым важным в свете последующих событий стало выступление Председателя Верховного Совета А. И. Лукьянова. «Давайте поставим вопрос честно и прямо: что значит для партии потерять сегодня Президента и что значит для Президента потерять партию. Учитывая нынешние реалии, глубоко убежден, что для Президента Горбачева потерять партию, значило бы лишиться самой серьезной опоры в обществе, опоры в массах со всеми выте-

¹ Дзасохов А. С. Человек и политика. М., 2009. С. 269.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 968. Дневниковая запись от 28 июля 1991 г.

³ Там же. С. 968.

⁴ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1357. Л. 270.

⁵ Там же. Л. 271.

⁶ Там же. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1356. Заседание Пленума ЦК КПСС, 25 июля 1991. Стенографический отчет. Л. 184.

⁷ Архив автора. Интервью А. С. Грачева. Москва. 2018. 5 июля.

кающими отсюда последствиями. (Аплодисменты). Для партии же потерять Президента, значит, утратить ключевую позицию в государственном руководстве, но не только. Это значит, уже сейчас дать возможность оппозиционным, в том числе уже властвующим силам вернуть не просто травлю, а фактически погром партийных организаций. Отсюда вывод: партии терять Президента нельзя, как и Президенту нельзя терять свою партию. (Аплодисменты)»¹. После этого выступления ряд противников Горбачева именно в Лукьянове увидел свое знамя и будущего генсека, а, может быть, и Президента страны. «В целом июльский Пленум по контрасту с апрельским прошел, можно сказать, деловито и даже относительно спокойно, без надрывов и нагнетания страстей. Может быть, кто-то внял увещаниям Генсека не затевать драку между собой и не преподнести тем самым подарок своим противникам. Может быть, люди просто устали от напряженности. Может быть, кого-то заставил одуматься Указ о департизации... А, может быть, кто-то очень хотел, чтобы Горбачев тоже поуспокоился и поскорее ушел в намеченный с 4 августа отпуск, уехал из Москвы в Форос», — вспоминал Георгий Сергеевич Остроумов, помощник Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева².

Избранные на июльском Пленуме секретарями ЦК И. И. Мельников и В. В. Калашников в интервью партийному официозу газете «Правда» высказали твердое убеждение в том, что КПСС необходимо «в кратчайший срок завершить подготовку проекта Программы партии», «оставить свои амбиции, настойчиво искать правильную политику», прийти «к согласию, действовать вместе»³, а деятельность Центрального комитета должна быть подчинена «главной цели» — подготовке к внеочередному партийному съезду, намеченному на ноябрь-декабрь 1991 г.⁴

Программная комиссия ЦК КПСС возглавлялась М. С. Горбачевым, а рабочая группа — В. А. Ивашко и И. Т. Фроловым. В рядах рабочей группы выделялись А. Я. Дегтярев, В. В. Калашников, А. С. Дзасохов, В. В. Рябов, В. А. Медведев⁵, работали они,

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1357. Заседание Пленума ЦК КПСС, 26 июля 1991 г. Стенографический отчет. Л. 24–25.

² Архив Горбачев-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 19472. Записка Г. Остроумова «О подготовке отстранения М. С. Горбачева с поста генсека в 1991 г.». [1993. 1 марта.].

³ Калашников В. И доверие чего-то стоит // Правда. 1991. 31 июля.

⁴ Мельников И. Главное дело — предстоящий съезд // Правда. 1991. 1 августа.

⁵ Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 января.

по словам Дегтярева, в условиях «пожара»¹, успешно завершив свою работу над проектом новой программы партии, лозунгом которой были слова «Социализм, Демократия, Прогресс». Проект был опубликован в газете «Правда» 8 августа 1991 г.², и позволяя КПСС плавно трансформироваться в социалистическую партию, от которой на предстоящем съезде могло отколоться ортодоксальное крыло³. Как вспоминал И. Т. Фролов,

«М. С. Горбачев отдельно поручил мне (без официальных решений) создать, как это он часто делал, творческую группу и объединиться во все том же Волынском для работы. С января 1991 г. такая группа из 14 известных наших ученых-обществоведов (не стану называть их фамилии, так как не знаю, как к этому отнесутся многие из них сегодня) приступила к работе, которой я руководил, имея постоянный контакт с М. С. Горбачевым. Мы сделали пять вариантов, они рассылались М. С. Горбачевым членам Программной комиссии, которые давали свои замечания... Это очень растянуло работу по времени, но иначе было нельзя. Я исходил из того, что ХХІХ съезд, на котором должна была приниматься новая Программа партии, следует провести как можно раньше, чтобы разжегаться с «правыми» и «левыми» и создать, по существу, новую партию из реформаторов во главе с М. С. Горбачевым, но многие секретари ЦК сопротивлялись этому. В итоге съезд был принят назначен на конец 1991 г., а проект новой Программы КПСС был принят для обсуждения июльским Пленумом ЦК. После утверждения на Программной комиссии 5 августа 1991 г. (М. С. Горбачев уже был в отпуске в Крыму, поэтому заседание вели А. С. Дзасохов и я) 8 августа проект был опубликован в «Правде». Но было уже поздно: назревали события 19–22 августа, которые привели к прекращению деятельности, а потом и запрету КПСС»⁴.

В итоге по проекту прошлись пером известные ученые В. А. Тишков, В. В. Калашников, А. Я. Дегтярев (именно ему принадлежала финальная версия той заготовки Программы, которая обсуждалась на Пленуме — в дальнейшем ее обработали В. В. Рябов и В. В. Калашников)⁵, И. Т. Фролов, Г. Х. Шахназаров, который вносил в ее текст последние стилистические правки⁶, и многие

¹ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева. Москва. 2017. 14 марта.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза. Проект // Правда. 1991. 8 августа.

³ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева. Москва. 2017. 14 марта.

⁴ Фролов И. Т. Жизнь и познание (Вместо автобиографии) // Академик Иван Тимофеевич Фролов: Очерки. Воспоминания. Избранные статьи. М., 2001. С. 90.

⁵ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

⁶ Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Сам Г. Х. Шахназаров, судя по его воспоминаниям, исходил из того, что он является фактическим автором

другие. Программа действительно представляла собой проект коллективного творчества. Как писал незадолго до путча академик В. А. Тишков, входивший в состав комиссии по подготовке Программы КПСС, «первые варианты проекта размером в 100, 70, а затем 40 страниц, помимо многословности, страдали все той же фундаментальной слабостью, что и прошлые программы находившейся у власти партии. Всё та же претензия на единственно верное, “научное” мировидение и мессианское предназначение политической партии руководить советским обществом, указывая ему верный путь, а заодно и путь всему человечеству. И в этот раз была попытка сочинить философский трактат с изрядной долей риторики и неприкрытой полемики с политическими оппонентами. Философски-методологические основы этого трактата отражали взгляды той части советской школы обществензнания, которая хотя и сохраняет в высших партийных и академических структурах влиятельные позиции, но на самом деле находится на периферии современного гуманитарного знания и мировой политической мысли»¹. Первый вариант программы отличался излишней наукообразностью, после капитальной переработки, Программа заиграла новыми красками: «в получившемся документе более отчетливо проступил комплекс объявленных целей и конкретных задач по двум основным направлениям — улучшение социальных условий жизни людей и демократизация общества. Появилось напугавшее часть выступавших на Пленуме определение партии как партии демократических реформ, что вполне на данном этапе можно было бы рассматривать как вариант нового названия партии. КПСС понимается еще не как парламентская, но все же достаточно открытая организация, допускающая свободное членство, внутренние фракции и внешние коалиции. По сути, в документе сделан шаг в сторону современной социал-демократической и социалистической идеологии и практики... В этом документе наконец проявляется трудное осознание того, что реальная действительность в стране сложилась так, что само название “коммунистическая” почти гарантирует ей на достаточно длительный срок место политической оппозиции, а в некоторых республиках нет и этой гарантии», — писал В. А. Тишков².

Программа была спорным документом, она не могла удовлетворить в полной мере сторонников всех тех течений, которые суще-

проекта, вынесенного на Пленум, что далеко от истины (см.: *Шахназаров Г. Х. С вождами и без них. М., 2001. С. 435–436.*).

¹ *Тишков В. Между прошлым... и будущим? Размышления о проекте новой Программы КПСС // Известия. 1991. 9 августа.*

² Там же.

ствовавали в партии. На Июльском Пленуме программу подвергли серьезному обсуждению, критикуя ряд ее положений. «Программу громили по всем позициям — за то, что в ней нет слов “коммунизм”, “колхозно-совхозный строй”, за то, что коммунистам разрешается не быть атеистами, за то, что КПСС собирается на равных бороться за власть с другими политическими партиями, за социал-демократический уклон, за провозглашение равноправия всех форм собственности, в том числе — частной, да почти за все. Впрочем, даже если бы она была идеальной, шума и крика было бы не меньше. Потому что обсуждали не ее, обсуждали Горбачева, требуя его отчета и предлагая на очередном съезде партии решить вопрос о целесообразности совмещения постов генсека КПСС и президента СССР», — вспоминал видный государственный деятель И. Д. Лаптев¹.

На наш взгляд, Программа была составлена с учетом реалий того времени и являлась достаточно сбалансированным документом, адаптированным к условиям новой политической реальности — многопартийности и плюрализму. С новой программой партия получала возможность сохранить себя в качестве влиятельнейшей политической силы в стране,² «социал-демократизация КПСС»³, по мысли Горбачева, отвечала логике развития не только самой партии, но и истории нашего государства.

«Плюрализм мнений в партии достиг к весне и лету 1991 года критической точки, когда дальнейшее ее сохранение как сообщества единомышленников стало невозможным да и нецелесообразным. Определились и перспективы размежевания: оно должно было произойти в связи с обсуждением и принятием новой программы КПСС, проект которой, реформаторский в своей основе, был выработан и 8 августа опубликован в печати для общенародного обсуждения... Благодаря усилиям М. С. Горбачева и его сторонников, партийной интеллигенции и печати, в частности, журнала “Коммунист”, шаг за шагом постепенно создавались предпосылки для усиления позиций реформаторских сил в партии, объединения вокруг них основного массива партии с тем, чтобы размежевание имело своим результатом образование крупной политической силы, выступающей за обновление общества», — вспоминал последовательный сторонник Горбачева В. А. Медведев⁴.

¹ *Лаптев И. Д.* Власть без славы. М., 2002. С. 159–160.

² Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

³ *Горбачев М., Икеда Д.* Моральные уроки XX века. 2-е изд. М., 2011. С. 192.

⁴ *Медведев В.* Предал ли Горбачев КПСС? // Независимая газета. 1992. 25 июня.

К августу 1991 г. партия, конечно, не была уже единым организмом, хотя в ее рядах, включая политическую элиту, и сохранялось все еще очень сильное ядро сторонников обновления КПСС, предводителем которых был Генеральный секретарь, предпринимавший огромные усилия к тому, чтобы превратить КПСС в ту силу, которая будет готова к остро-конкурентной борьбе в условиях реальной многопартийности, разнузданной критики в адрес партии со стороны СМИ и ее возрастающей непопулярности в глазах общества. Конечно же, привыкнув к тем условиям, которые ей предлагал генсек, партии и *аппарату* было трудно, а наступившая реальность казалась *обратимой* и порожденной только ошибками Горбачева. Этот конфликт тлел уже долгие месяцы, разгоревшись в августовские дни 1991 г.

Можно гадать о том, как сложился бы для Горбачева XXIX съезд партии, если бы он состоялся, — остался бы он генеральным секретарем партии, как предполагает А. С. Дзасохов¹, или же нет, а был бы удален со своего поста и заменен либо Ю. А. Прокофьевым, либо О. С. Шениным, либо А. И. Лукьяновым², — что, на наш взгляд, сомнительно, важно другое: акция ГКЧП, целью которой было возвращение КПСС безоговорочных «командных высот», привела к прямо противоположному результату — удалению Коммунистической партии Советского Союза из политического поля на несколько лет и развалу единой страны.

В тот момент большое внимание привлекло опубликованное в «Советской России» за два дня до начала Пленума ЦК, «Слово к народу», подписанное ведущими деятелями консервативного крыла советских интеллигентских, партийных и военных кругов. «Слово», первоначальный проект которого был составлен А. А. Прохановым, оповещало страну о том, что СССР «погружается во тьму и небытие»³, и содержало, по словам Э. А. Шеварднадзе, «прямой призыв к мятежу»⁴. Прочитав «Слово», Горбачев был возмущен его содержанием. В окружении Президента СССР «Слово» было воспринято как сигнал к началу атаки правых на Горбачева⁵. «Слово к народу» стало идеологическим манифестом будущего ГКЧП, по определению

¹ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

² Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 30 января.

³ Слово к народу // Советская Россия. 1991. 23 июля.

⁴ Шеварднадзе Э. А. Мой выбор. М., 1991. С. 357.

⁵ Архив автора. Интервью В. С. Гусенкова, в 1991 г. — референта Президента СССР. Москва. 2018. 23 января.

Горбачева опубликование этого заявления было «прелюдией августовского путча»¹.

Среди подписантов «Слова» были будущие члены ГКЧП В. А. Стародубцев и А. И. Тизяков, первый из которых в интервью, данном незадолго до смерти, говорил о том, что это воззвание, подписанное «знаменитыми людьми», в том числе писателями Ю. В. Бондаревым, В. Г. Распутиным, певицей Л. Г. Зыкиной, было отчаянной попыткой остановить силы, ориентированные на распад СССР². «Наше “Слово к народу”, — подчеркивал В. А. Стародубцев, — звучало как предупреждение перед надвигающейся всенародной бедой... В те дни 1991 года мы даже не могли себе представить, насколько наше “Слово к народу” окажется пророческим»³. «Пророческим» назвал это обращение к народу и генерал армии В. И. Варенников, также подписавший «Слово», а в августе 1991 г. отправившийся на дачу Президента СССР в Форос с фактическим ультиматумом⁴. По словам А. А. Проханова, «Слово к народу» стало своего рода манифестом, обращенным против Горбачевского курса и «Горбачевщины»⁵. Обстановка в стране накалялась. Среди подписантов был и Герой Советского Союза генерал Б. В. Громов, известный всей стране по войне в Афганистане и занимавший в ту пору должность заместителя Министра внутренних дел и будущего члена ГКЧП Б. К. Пуго. «В мае [1991 г.] ко мне на прием пришел Г. А. Зюганов, тогда он уже был секретарем Компартии РСФСР. Он принес мне проект “Слова к народу” и показал, кто подписал это обращение. Среди многих — мои любимые писатель Валентин Распутин и народная артистка СССР Людмила Зыкина, генерал армии Варенников.

— Вы согласны подписать? — спросил Геннадий Андреевич. Я согласился, за исключением нескольких угрожающих формулировок, которые мне не понравились. Я подписал, поставив в скобках “с учетом замечаний”. В начале июля “Слово к народу” появилось в газете “Советская Россия”. К сожалению, мои замечания учтены не были. “Слово к народу” разделило руководство страны на два лагеря. Все, кто поддерживал Горбачева, реагировали

¹ Горбачев М. В 1991 году я был слишком самоуверен // Независимая газета. 1995. 29 декабря.

² Стародубцев В. Мы пытались сохранить государство // Невское время. Санкт-Петербург. 2011. 18 августа.

³ Стародубцев В. А. На крутых поворотах судьбы. М., 2014. С. 83–84.

⁴ Варенников В. И. Судьба и совесть / Лит. запись Б. Куркина. М., 1993. С. 8.

⁵ Архив автора. Интервью писателя А. А. Проханова. Санкт-Петербург. 2021. 27 мая.

крайне отрицательно», — вспоминал Б. В. Громов¹. За считанные недели до путча Г. А. Зюганов признавался, что «не со всеми резкими выражениями в письме (“Слове к народу”. — А. П.) можно согласиться», но главное, подчеркивал Геннадий Андреевич, — «это призыв к единению всех здоровых сил в стране»². Спустя два года после августовских событий, Г. А. Зюганов признавался, что его называли «идеологом ГКЧП», указывая на то, что «Слово к народу», с которым он выступил «с группой товарищей», «очень созвучно обращению к советскому народу, с которым выступили 19 августа члены ГКЧП»³. «Слово к народу» было подписано известными в стране людьми, «этот колокол звучал мощнее, чем тот, который ударил Шеварднадзе. Но Горбачев снова сделал вид, что ничего не происходит. И благополучно отбыл в Крым», — писал А. Е. Бовин⁴.

Публикации «Слова к народу» предшествовало и известное открытое письмо Г. А. Зюганова А. Н. Яковлеву, получившее громкое название «Архитектор у развалин». «Наш государственный корабль без руля и ветрил болтается в бушующем политическом море и вот-вот налетит на рифы... В стране раздор, развал, распад, разложение. Основой бытия стали конфронтация и безответственность... То, что мы видим сегодня, называется национальным бедствием, сопоставимым с гражданской войной или нашествием гитлеровского фашизма. Но даже фашизму не удалось перессорить народы и поколения, отцов и детей, горожан и селян, а сегодня это стало горьким и трагическим фактом нашей действительности», — писал Г. А. Зюганов⁵. Яковлев, подвергаемый в то время беспощадной критике со стороны консерваторов, был в данном случае фигурой прикрытия — все понимали, что Зюганов сотоварищи оповещают Президента страны о начале нового наступления консерваторов.

В последующие месяцы страна, казалось бы, начала жить нормальной жизнью: шла достаточно плодотворная работа по подписанию нового Союзного договора; Б. Н. Ельцин был избран Президентом РСФСР и в его отношениях с Президентом СССР вроде бы начал происходить какой-то конструктивный перелом;

¹ Громов Б. В. Три жизни одного человека. Правда и ничего другого. М., 2021. С. 213–214.

² Головкин А. Приглашение в окопы // Огонек. 1991. № 32. С. 6.

³ Зюганов Г. Вспоминая август-91 // Советская Россия. 1993. 17 августа. С. 2.

⁴ Бовин А. Е. XX век как жизнь. М., 2003. С. 501.

⁵ Зюганов Г. Архитектор у развалин // Советская Россия. 1991. 7 мая.

М. С. Горбачев с большим успехом выступил в Осло с лекцией по случаю присуждения ему Нобелевской премии мира, «обмыв» после этого на банкете высокую награду, как и полагается в таких случаях по русскому обычаю¹.

С момента августовских событий 1991 г., перевернувших не только нашу страну, но и в какой-то мере весь мир, прошло более четверти века. На многие вопросы, связанные с путчем, мы, вероятно, так никогда и не получим ответа. Очевидно лишь одно: путч, обрушивший союзное государство, можно было предотвратить. В этом был убежден и помощник Президента СССР А. С. Черняев. По его мнению, «не уйди Горбачев в отпуск, то и путча не было»². Аналогичной точки зрения придерживаются и секретарь ЦК КПСС В. В. Калашников, и пресс-секретарь Горбачева В. Н. Игнатенко. Оба они подчеркивают, что Горбачев удержал бы власть, если бы не его отъезд в Крым и последующий путч; и Калашников, и Игнатенко заявляют о крайней усталости как самого Горбачева, так и его команды, большая часть которой ушла в отпуск вместе со своим шефом³. О том, что «если бы Горбачев не уехал в отпуск, никакого ГКЧП бы не было», — говорил автору и привлеченный по делу ГКЧП генерал В. В. Генералов, начальник охраны резиденции Горбачева в Форосе⁴. Своим отъездом, полагает историк Р. А. Медведев, Горбачев «спровоцировал события августа 1991-го и несет свою долю ответственности

¹ Ковалев А. Г. Искусство возможного. Воспоминания. М., 2016. С. 442.

² Черняев А. Горбачев очень добрый // Московский комсомолец. 1995. 11 апреля.

³ Архив автора. Интервью В. Н. Игнатенко. Москва. 2018. 17 октября; Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2018. 31 октября. «В. А. Ивашко, О. С. Шенин, О. Д. Бакланов, другие из окружения Горбачева вместе со мной не раз пытались убедить Михаила Сергеевича, что он играет с огнем. В ближайшее время Ельцин явится в Кремль и с позором выдворит его оттуда. Он слушал молча, обещал предпринять меры, но ничего не делал. Всем было видно, что наш генсек утратил волю и упустил власть. Он выглядел подавленным и беспомощным, часто даже в беседах впадал в прострацию, глотал какие-то таблетки», — вспоминал И. К. Полозков (*Полозков И. К. Обманутые надежды, или как разрушали страну.* М., 2014. С. 515). Примечательно, что генерал В. Т. Медведев, начальник личной охраны Горбачева, находившийся с Президентом СССР безотлучно, в категорической форме заявил, что накануне августа 1991 г., «Михаил Сергеевич был в прекрасной форме, он не так чтобы уж очень устал. Мне кажется, что он не очень и хотел ехать в тот момент в Крым. Его уговорила Раиса Максимовна, это при мне было» (Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева. Москва. 2020. 16 сентября).

⁴ Архив автора. Интервью генерала В. В. Генералова. Московская обл. СНТ «Бутынь». 2022. 9 февраля.

за ГКЧП»¹. Об ответственности Горбачева за события путча говорил в 1991 г. и Э. А. Шеварднадзе².

Некоторые участники событий утверждают, что отъезд Президента СССР в Форос был своего рода провокацией — приглашением заговорщикам выступить против подписания нового Союзного договора и частичного демонтажа прежнего Центра. Так, рассуждал государственный секретарь РСФСР Г. Э. Бурбулис, по словам которого, «странный отъезд [Горбачева] в Форос накануне подписания нового союзного договора выглядел как молчаливое согласие с заговорщиками, — мол, пусть попробуют сделать свое дело...»³. Удивительным образом солидарен с Бурбулисом был и Г. И. Янаев, предположивший, что Горбачев “заигрался” с союзным договором и хотел нашими руками решить проблемы и с собой, и со страной»⁴. Народный депутат РСФСР В. В. Аксюциц также убежден, что Горбачев желал руками путчистов расправиться с Б. Н. Ельциным. «Горбачев устранился, ожидая любого результата — если бы ГКЧП победил, он бы вернулся “царем”, — утверждает Виктор Владимирович⁵. «Можно сказать, что Горбачев остался совсем один, а Ельцин, напротив, набирал силу. Угроза диктатуры не исчезал. Не могу поверить, что Горбачев ничего не знал. Я не верю, что кто-то отважился утаить информацию от генерального секретаря партии. Я не мог понять, как это он не видит опасности, почему он не принимает соответствующих мер, если он ее все-таки видит? О том, что Горбачев был прекрасно осведомлен, свидетельствует его заявление, которое он сделал, выступая перед партийным активом в Минске в начале 1991 г., через несколько месяцев после моей отставки: “Опасность диктатуры реальна, и я обращаюсь к каждому, кто поддерживает перестройку: будьте бдительны”. Так говорил Горбачев. И что он сделал? Уехал отдыхать в Крым», — высказывал свою позицию Э. А. Шеварднадзе⁶. «На глазах рушилась страна — это видели будущие гэкачеписты. Горбачев уехал в Крым, поставив всех перед дилеммой — надо что-то делать», — рассуждает А. В. Руцкой,

¹ *Медведев Р.* Интеграция неизбежна // Литературная газета. 2022. № 4. С. 6.

² *Шеварднадзе Э. А.* Когда рухнул железный занавес... С. 204; *Шеварднадзе Э.* Я не хотел быть министром иностранных дел // Политический журнал. 2005. № 14. С. 66.

³ *Танками по свободе // Аргументы и факты.* 2011. №27. С. 41.

⁴ *Из мягкого кресла на нары // Аргументы и факты.* 1993. № 42. С. 3.

⁵ Архив автора. Интервью В. В. Аксюцица. Москва. 2020. 6 июля.

⁶ *Шеварднадзе Э. А.* Когда рухнул железный занавес. Встречи и воспоминания / Пер. с нем. Г. Леоновой. М., 2009. С. 193–194.

также считающий, что путчистов, по сути, спровоцировал на выступление именно сам Горбачев¹.

Признавал, что его уход в отпуск был крайне несвоевременен и сам Горбачев². «Сейчас я думаю, что, пожалуй, в 1991 году был самоуверен. Мне казалось, что моя задача дотянуть до решающих перемен, и я дотянул. Была составлена антикризисная программа, которую подписали все республики, был подготовлен проект Союзного договора, который одобрил и Верховный Совет СССР, и все делегации, и был июльский Пленум ЦК, который утвердил Программу реформирования партии в социал-демократическом направлении. Все, думал я, теперь все пойдет в русле нормальных демократических процессов. Труднейший был этап — сколько раз и на пленумах, и на съездах, и на площадях я слышал: “Долой!” Как между Сциллой и Харибдой удалось проскочить, удалось все подготовить к броску вперед, и тут — путч. Путч готовился заранее, людьми вроде Прокофьева. Их не устраивали перемены, им дороже была своя номенклатурная кормушка», — вспоминал М. С. Горбачев³. Накануне отпуска Горбачев производил впечатление усталого, но довольного человека: по словам А. А. Бессмертных, занимавшего в то время должность министра иностранных дел СССР, у Михаила Сергеевича появилось ощущение, что «большая работа сделана, распад приостановился и можно отдохнуть»⁴. На предупреждения о путче, исходившие от А. Н. Яковлева, Михаил Сергеевич нехотя отбрехивался: «Ты, Саш, преувеличиваешь их ум и храбрость»⁵.

Умышленно не погружаясь в разговоры о предыстории августовского путча, об основной мотивации путчистов — оба эти сюжета достойны отдельной книги⁶, все же обратим внимание на ключевые моменты, предшествующие попытке государственного переворота.

¹ Архив автора. Интервью Героя Советского Союза А. В. Рудкого, в 1991–1993 гг. вице-президента РСФСР — России. Москва. 2019. 10 июля.

² *Горбачев М. С.* Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 249.

³ *Горбачев М.* В 1991 году я был слишком самоуверен // Независимая газета. 1995. 29 декабря. С. 5.

⁴ Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных. Москва. 2019. 21 марта.

⁵ Нам было не до Европы (Беседа М. Калашниковой с А. Яковлевым) // Коммерсантъ-Власть. 2005. № 8. 28 февраля. С. 46.

⁶ Самое добросовестное и основательное на данный момент исследование августовского путча 1991 г., написанное с привлечением большого количества документов и интервью ведущих участников событий, принадлежит перу немецкого исследователя И. Лозо (см.: *Лозо И.* Августовский путч 1991 года. Как это было / Игнац Лозо; [пер. с нем. А. К. Камкин]. М., 2014).

О том, что политическая элита выходит из-под контроля Горбачева, разговоры шли уже давно, но «плотью и кровью» они начали обростать ближе к весне-лету 1991 г. Государственническая часть окружения Горбачева, включавшая в себя едва ли не весь будущий состав ГКЧП, настаивала на твердых и решительных действиях Президента СССР, исходя из требований текущего момента и реальной угрозы самому существованию Союза. В частности, влиятельнейший член ГКЧП О. Д. Бакланов еще в июне 1991 г. говорил в интервью о необходимости введения президентского правления, ибо «только в рамках эффективной структуры президентского правления мы можем избежать губительнейшую “войну законов” в нашей стране. От бумажной войны законов льется живая человеческая кровь»¹. Отметим, что вплоть до августа 1991 г. большинство сторонников «наступления диктатуры» исходили из того, что подобная политика будет проводиться именно первым по положению лицом страны — Горбачевым. Однако, были и другие настроения — направленные непосредственно против Президента страны.

Слухи о вызревании на самом вершине политического Олимпа — в высшем руководстве страны — идеи наведения порядка «железной рукой» доходили и до Президента СССР. Еще в июне глава Москвы Г. Х. Попов получил через своего высокопоставленного информатора в КГБ (в беседе с автором Гавриил Харитонович отказался назвать имя этого человека, так как тот уже скончался)² конфиденциальную информацию: в ближайшее время в стране будет введено чрезвычайное положение, «со всеми последствиями, в том числе переходом власти на местах к военным»³. Не мешкая, Попов решил сообщить эту информацию послу США в СССР Джек Мэтлоку, который согласился немедленно встретиться с Гавриилом Харитоновичем. Встреча прошла 20 июня 1991 г. в библиотеке Спасо-хауса. «Весь разговор был на бумажках, так мы знали, что все прослушивается», — рассказывал автору Г. Х. Попов, прибавлявший, что для конспирации он беседовал в этот момент с Мэтлоком на ответственные темы⁴. На листке бумаги Попов написал, что против Горбачева готовится заговор и что необходимо эту информацию сообщить президенту РСФСР Ельцину, который

¹ Бакланов О. Отечество в опасности // Комсомольская правда. 1991. 10 сентября). (Интервью Бакланова, подготовленное к печати в июне, было опубликовано «Комсомольской правдой» уже после путча).

² Архив автора. Интервью Г. Х. Попова.

³ Попов Г. Х. Снова в оппозиции. М., 1994. С. 204.

⁴ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова.

тогда был с визитом в Вашингтоне. Мэтлок на том же клочке бумаги написал: «Я доложу, но кто это организует?» В ответ Попов написал четыре фамилии: «Павлов, Крючков, Язов, Лукьянов»¹. После того, как Мэтлок ознакомился с содержанием записки Попова, последний взял листок, разорвал его на части и спрятал клочки себе в карман². В тот же день информация была доведена до президента США Джорджа Буша, который передал ее находившемуся в этом момент в Вашингтоне Ельцину. Последний, к слову, буквально пел на встрече с американским президентом ослану Горбачеву, заявив Бушу о том, что не может работать отдельно от советского лидера³.

Буш потребовал, чтобы Мэтлок передал имеющиеся у него данные также и Горбачеву. После этого Мэтлок, которого Горбачев называл «Товарищ посол», считая его «членом местной команды, занимающейся гармонизацией отношений между двумя станами, и как твердого сторонника углубления взаимопониманий между Америкой и СССР», был принят Горбачевым, принявшим его в присутствии А. С. Черняева⁴.

«Вошел Мэтлок. Лица на нем нет. М. С. — как сговорились (я тоже начал с похвал послу, когда он пришел ко мне с сожалением, что он уезжает) — стал ему говорить всякие добрые слова: что он хорошо, честно работал, был настоящим партнером, много помог в этот самый сложный период отношений, очень ценим здесь вашу деятельность и т. д. Мэтлок стоял, перебирая ногами: не терпелось выложить — с чем пришел. А пришел вот с чем: Господин президент, я получил только что личную закрытую шифровку от своего президента. Он велел мне тут же встретиться с Вами и передать: американские службы располагают информацией, что завтра (т. е. сегодня, 21. VI) будет предпринята попытка отстранить Вас от власти. Президент считает своим долгом предупредить Вас. М. С. засмеялся. (Я — тоже!) Мэтлок смутился: мол, глупость принес на такой верх. Стал извиняться: я, мол, не мог не выполнить поручения своего президента, хотя сказал ему (как?), что у меня в Москве таких сведений нет и вряд ли это — правда. М. С.: Это невероятно на все 1000%. Но я ценю, что Джордж сообщает

¹ Мэтлок Д. Товарищ посол // Итоги. 2011. № 30. 25 июля. С. 29.

² Там же. С. 29.

³ Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим. Пер. с англ. М., 2004. С. 448–449. Одновременно государственный секретарь США Дж. Бейкер сообщил эти сведения министру иностранных дел СССР А. А. Бессмертных. (См.: Baker James A. Politics of diplomacy. New York, 1995. P. 470–471).

⁴ Мэтлок Д. Товарищ посол... С. 30.

мне о своей тревоге. Раз поступила такая информация — долг друга предупредить. Успокойте его. Но повторяю — в этом его сообщении я вижу подтверждение настоящих наших отношений. Значит, действительно мы далеко ушли вперед во взаимном доверии. Это очень ценно. Говорил он по-доброму, но с внутренней иронией, как бы уверенный в том, что все это чепуха», — записывал в дневнике А. С. Черняев.¹ «Было ли сообщение Попова ложной тревогой (а 22–23 июня так могло показаться) или оно точно отражало планы, осуществление которых было отложено на более благоприятное время, когда Горбачев будет вне Москвы, но в пределах Советского Союза под контролем КГБ? Наверняка это знали лишь упомянутые лица, но некоторые второстепенные факты говорят о том, что правильна вторая версия. Как бы то ни было, оба президента и американский госсекретарь отнеслись к сообщению непрофессионально», — писал Мэтлок в своих воспоминаниях². На вопрос, заданный А. А. Бессмертных Горбачеву в Москве, о том, как он расценил сообщение от американцев о возможном заговоре, Президент СССР ответил главе министерства иностранных дел, что он поговорил с «заговорщиками» и «хорошо им всыпал». «Самоуверенность президента сыграла с ним дурную шутку», — справедливо заключил Бессмертных³. Глава государства не оставил полученную информацию без внимания. По мнению Г. Х. Попова, Горбачев «струсил и поспешил на другой день в Верховный Совет, чтобы отмежеваться от заявлений Павлова о необходимости предоставления ему как премьер-министру дополнительных полномочий. Если бы не предупреждение о путче, — заявил автору Гавриил Харитонович, — он бы произошел на 2 месяца раньше»⁴.

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 952–953. Дневниковая запись от 21 июня 1991.

² Мэтлок Джек Ф. Смерть империи. Взгляд американского посла на распад Советского Союза / Пер. с англ. Т. Кудрявцевой и В. Мисюченко. М., 2003. С. 461.

³ Бессмертных А. Дипломат // Итоги. 2011. №23. 6 июня. С. 35.

⁴ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова. Речь идет о выступлении В. С. Павлова на заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 г., на котором Валентин Сергеевич потребовал «соответствующих полномочий», необходимых правительству в «условиях экономического и политического кризиса» (см.: Верховный Совет СССР. Пятая сессия. Бюллетень № 82 совместного заседания Совета Союза и Совета национальностей. М., 1991. С. 19). На том же заседании с тревожными сообщениями о положении в стране выступили и министр обороны СССР Д. Т. Язов, Председатель КГБ СССР В. А. Крючков, министр внутренних дел Б. К. Пуго. Наиболее серьезные данные привел В. А. Крючков, заявивший о том, что «Отече-

В июле 1991 г. были последние громкие аккорды деятельности Горбачева как проповедника нового мышления: Президент СССР принял участие в саммите большой семерки в Лондоне в качестве специального приглашенного гостя премьер-министра Великобритании Дж. Мэйджора¹. По словам главы английского кабинета, Горбачев, хотя и изменил лицо России, но все же не был способен понять даже основные принципы рыночной экономики². Вместе с тем работа саммита предшествовало направлению Горбачевым послания членам большой семерки, смысл которого заключался в разъяснении того, каким образом Советский Союз собирается интегрироваться в рыночную экономику³. Над посланием Горбачева работали ведущие советские экономисты под руководством В. А. Медведева⁴. Позиция СССР на Лондонской встрече была согласована с руководителями советских республик на совещании в Ново-Огареве, на пресс-конференции по итогам совещания Б. Н. Ельцин заявил, что Президент СССР едет в Лондон с согласованной позицией⁵. Стоит отметить, что в соответствии с общей позицией лидеров большой семерки, Горбачев был приглашен «на встречу с главами правительств, но за рамками основных запланированных мероприятий»⁶. Все же, по признанию Буша, в Лондоне Горбачев «был в центре внимания»⁷. «Все они (главы государств, членов большой семерки. — А. П.), — записывал в дневнике А. С. Черняев, — признают de facto “большую” его значимость, чем свою собственную. Хотя он не представляет уже “послушную” ему сверхдержаву, он — историческая фигура, а они — лишь временно избранные на свои посты... и останутся в истории как деятели “эпохи Горбачева”⁸. На завтраке, проходившем рано утром 17 июля в американском посольстве,

ство на грани катастрофы» и о том, что на повестке дня вопрос — быть или не быть Советскому Союзу (см.: *Воротников В. И.* А было это так... С. 434–435.). Нередко это выступление Крючкова, Язова, Павлова и Пуго называют репетицией августовского путча.

¹ *Major J.* The autobiography. New York, 1999. P. 499.

² *Ibid.* P. 500.

³ *Горбачев М. С.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 321.

⁴ Там же. С. 319.

⁵ *Медведев В. А.* Испытание историей. Об экономической теории марксизма. М., 2015. С. 184; «Президент берет с собой наше согласие» // *Известия.* 1991. 10 июля.

⁶ *Буш Дж., Скоукрофт Б.* Мир стал другим... С. 447.

⁷ Там же. С. 450.

⁸ *Черняев А. С.* Совместный исход... С. 964. Дневниковая запись от 20 июля 1991 г.

Горбачев в неожиданном задиристом тоне обратился к Бушу, призывая его оказать СССР крупную финансовую помощь, которая поможет «изменить Советский Союз, чтобы он достиг нового, иного качества, стал органической частью мировой экономики, мирового сообщества, не как противодействующая сила, не как возможный источник угрозы...»¹. Во время выступления Горбачева, Буш, как писал Черняев, «насупливался и багровел, пряча раздражение “в процедуре еды”»². Крупной финансовой помощью от Запада, в которой так нуждался СССР, наша страна в Лондоне не получила. «Группа (лидеров стран большой семерки. — А. П.) восприняла план Горбачева с осторожностью. Мы хотели, чтобы реформы приняли более осязаемую форму, и решили, что лучшим вариантом будет предложить конкретное техническое содействие такого рода, которое я уже предлагал по двусторонней линии в области энергетики, конверсии, сельского хозяйства, распределения продовольствия. Мы также поддержали предоставление (СССР) статуса “особого ассоциированного члена” в МВФ и Всемирном банке. Тем не менее до тех пор, пока Советы не завершили работу над своим Союзным договором и не разобрались в экономических отношениях между республиками, особой помощи из-за рубежа им ждать не приходилось», — вспоминал Дж. Буш³. «Лондонская встреча, естественно, не привела к получению страной каких-то непосредственных экономических выгод и облегчению финансового бремени, но она ясно прочертила перспективу развития экономических отношений с Западом. Она была призвана стать поворотным пунктом вхождения Советского Союза в систему мировых экономических и финансовых структур и институтов, создала более благоприятную обстановку и для решения конкретных проблем, в том числе проблемы внешнего долга. Тем самым создавались необходимые предпосылки для дальнейшего движения страны по пути демократизации, рынка, экономических и политических реформ. По своему духу и сути она была неразрывно связана с Новоогаревским процессом», — справедливо пишет В. А. Медведев⁴. Более пессимистичное заключение о результатах Лондонской встречи можно найти в воспоминаниях Е. М. Примакова: «Было совершенно ясно, что Запад не собирался спешить поддержать СССР. Может быть, уже имелась информация о чем-то готовившемся наподобие ГКЧП — встреча в Лондоне действительно была

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 455–456.

² Там же. С. 456.

³ Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим... С. 451.

⁴ Медведев В. А. Испытание историей... С. 186.

накануне путча. Но скорее всего, все-таки сказалась неготовность и нежелание Запада помочь “подняться” Советскому Союзу, войти *на равных* в мировое сообщество. Это была грубая ошибка»¹. Посол Великобритании в СССР Р. Брейтвейт также признал, что встреча Горбачева с лидерами большой семерки в общем-то получилась «бессодержательной»². Сам Президент СССР, выступая перед журналистами, подчеркнул, что «самое главное — политический итог этой встречи. Ведь в самом деле, я говорил в Москве, что это же не встреча министров финансов... Задача была совсем другой. Речь шла о том, чтобы Советский Союз сделал выбор в пользу органичного включения в мировые хозяйственные связи...»³. «Никакие деньги нам бы не помогли — поезд ушел», — вспоминал О. И. Ожерельев, помощник Президента СССР, принимавший участие в лондонской встрече⁴.

В самом конце июля 1991 г. в Москве состоялась встреча М. С. Горбачева и Дж. Буша, ставшая, по словам Президента СССР, «“звездным часом” нового мышления и соответствующей ему внешней политики»⁵. Результатом этой встречи стало подписание Договора по стратегическим наступательным вооружениям, вынашивавшегося более девяти лет⁶. Официальной части переговоров сопутствовала и неформальная встреча «без галстуков», проходившая в Ново-Огареве, на которой присутствовал и А. С. Черняев.

«Съехались утром. Бейкер и Скоукрофт, Бессмертных и я, Палажченко и Дима (американский переводчик, русский по происхождению). Буш шел пешком от дома, который ему отвели на ново-огаревской территории. У главного здания уже ждали Горбачев, Раиса Максимовна и другие. Когда-то, может быть, будут опубликованы записи того, что было сказано на открытой солнечной веранде и во время прогулок по аллеям. Самое существенное и знаменательное — характер общения. Вопросы шли вперемежку, то и дело экстраполировались на нашу внутреннюю ситуацию... Диалог вели президенты, но он часто превращался в общий обмен мнениями, перемежался репликами, взаимными вопросами, отступлениями, шутками: кто-то что-то вспоминал вдруг к случаю, кто-то напоминал о чем-то, что раньше обсуждалось иначе, дополнял сказанное президентами и т. д. Это было нечто совершенно не похожее на переговоры или даже официальную беседу. Скорее совместное размышление. Но по ряду вопросов тут договаривались, как действовать,

¹ *Примаков Е. М.* Встречи на перекрестках. М., 2015. С. 97.

² *Брейтвейт Р.* За Москвой-рекой. Перевернувшийся мир... С. 461.

³ Интервью Президента СССР М. С. Горбачева // *Правда*. 1991. 20 июля.

⁴ Архив автора. Интервью О. И. Ожерельева, помощника Президента СССР по экономике. Москва. 2018. 4 июля.

⁵ *Горбачев М. С.* Понять перестройку... Почему это важно сейчас. С. 325.

⁶ Там же. С. 324.

о каких-то совместных шагах. Я не могу и не буду воспроизводить оценки, которые давались в каждом конкретном случае, какие предложения выдвигались относительно ситуации в той или иной части мира. Тут много, кстати, и привходящего, теперь уже потерявшего актуальность. Важен был обоюдный подход к проблемам. Горбачев предложил порассуждать о новой концепции стратегической стабильности в глобальном масштабе, ибо прежний ее фундамент — ядерный паритет двух “супердержав” — терял и смысл, и значение. У меня было ощущение, что я присутствую при апофеозе огромной работы, которая была проделана в русле нового мышления. Тем поразительнее была эта демонстрация совершенно нового характера участия двух сверхдержав в мировой политике, что она представляла в обличье непринужденного, “простого и серьезного” разговора, лишённого какой бы то ни было формальности, чопорности, “престижности”... В плетёных креслах, за маленьким круглым “дачным” столиком. Техасец и ставрополец по мере перемещения солнца переставляли свои кресла на “жаркую” сторону, а мы, остальные, — в тень. Если журналистам, историкам, политологам станут доступны материалы этой встречи, убежден: найдутся среди них примитивные циники, которые будут взвешивать на аптекарских весах каждую фразу, подсчитывать, кто был ярче или убедительнее, кто был смелее или рассудительнее, кто ловчее отстаивал интересы своего государства. Но я, живой свидетель, должен сказать: о чем бы ни говорили два президента и те, кто там был, ничто — даже когда возникало несогласие или спор — не напоминало прежнего “перетягивания каната”. Речь шла о формировании общей политики на мировой арене, о партнерстве — уже не в абстрактном, а в реальном содержании этого понятия, о практическом взаимодействии во имя достижения *общей* цели в каждом конкретном вопросе. И я ни в одном случае не заметил, чтобы кто-то выпячивал на первый план “свой” интерес. Он, этот интерес, присутствовал как *следствие* урегулирования конфликтов, согласования подходов к проблемам других государств в интересах прежде всего их самих, ради оздоровления международной обстановки в целом. В этом я вижу колоссальный морально-политический капитал на будущее. Свою роль в его накоплении сыграли Тэтчер, Коль, Миттеран, Андреотти, Гонсалес, Мэйджор и некоторые другие. Но труднее всех было Бушу и особенно Горбачеву — он инициатор. Они возглавляли державы, в решающей степени определявшие мировую политику эпохи конфронтации и “холодной войны”. И им предстояло сделать главное дело, чтобы покончить с этой политикой. Они не только это сделали, но и показали пример совместной работы для новой мировой политики, символом которой навсегда останется их ново-огаревская встреча», — вспоминал А. С. Черняев¹.

31 июля Договор об СНВ был подписан в Георгиевском зале московского Кремля. «Эта церемония произвела на меня сильное

¹ Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 463–465. Часть беседы М. С. Горбачева с Дж. Бушем приведена в книге: Отвечая на вызов времени. Внешняя политика перестройки: документальные свидетельства. По записям бесед Горбачева с зарубежными деятелями и другим материалам. М., 2010. С. 284–287.

впечатление, поскольку была не просто ритуалом: она давала всем молодым людям планеты надежду на то, что идеализм еще жив. Мы соглашались на существенные сокращения межконтинентальных баллистических ракет», — вспоминал Дж. Буш¹. На совместной пресс-конференции по итогам переговоров американский президент поблагодарил «Президента Горбачева за поистине фантастическое гостеприимство» и отметил, что «переговоры были продуктивными, налицо и углубление взаимопонимания. Это — не дипломатичные фразы, это — факт»². На следующий день, 1 августа 1991 г., президент США вылетел в Киев, где, выступая в Верховном Совете Украинской ССР, призвал союзные республики ориентироваться в своей деятельности на Центр, и подписать всем 12 республикам Союзный договор³, о чем немедленно сообщил в личном письме Горбачеву⁴. За две недели до путча две великие державы достигли, пожалуй, пика своих отношений за все время перестройки. Буш и Горбачев сумели добиться высокого уровня взаимопонимания, их политическое партнерство могло принести бы миру еще немало пользы, однако наступил трагический для страны август 1991 г.

4 августа 1991 г. Горбачев, производивший по словам очевидца «впечатление вконец измотанного человека»⁵, уехал в отпуск в Крым. 2 августа Президент СССР выступил по Центральному телевидению, объявив соотечественникам о том, что новый Союзный договор открыт для подписания с 20 августа 1991 г. «Новый Союзный договор, — оптимистично заявил Михаил Сергеевич, — поможет быстрее преодолеть кризис, ввести жизнь в нормальную колею...»⁶. В аэропорту Внуково Президента СССР, по устоявшейся еще со времен Хрущева традиции, провожали высшие руководители страны — Д. Т. Язов, В. А. Крючков, В. С. Павлов, О. С. Шенин, Г. И. Янаев, А. И. Лукьянов, О. И. Бакланов, В. И. Болдин. Уже на пути к трапу Горбачевым были отданы последние распоряжения: «на хозяйстве» в стране оставался вице-президент СССР

¹ Буш Дж., *Скоукрофт Б.* Мир стал другим... С. 456.

² Совместная пресс-конференция президентов СССР и США // Правда. 1991. 1 августа.

³ Мэтлок Д. Товарищ посол... С. 29.

⁴ Bush George H. W. My life in letters and other writings. New York, 2013. P. 530.

⁵ Калашников В. Август 91-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 октября.

⁶ Горбачев М. С. Собрание сочинений. Том 27. Июль-август 1991. М., 2017. С. 210.

Г. И. Янаев, а в партии — О. С. Шенин¹, на которого Михаил Сергеевич, видимо, делал ставку как на своего выдвиженца². Спустя две недели все эти люди выступают против своего Президента, в той или иной форме приняв участие в деятельности ГКЧП.

4 августа борт № 1 с Президентом СССР прибыл на аэродром Бельбек, где главу Советского Союза и его супругу Раису Максимовну встречали Л. М. Кравчук, Председатель Верховного Совета Крымской АССР Н. В. Багров, первый секретарь Крымского рескома КПСС Л. И. Грач, командующий Черноморского флота адмирал М. Н. Хронопуло³. Знамением новых отношений республик с Центром был комичный эпизод: встречающие Президента высокие лица в ожидании посадки самолета решили выпить по бокалу шампанского, через несколько минут из-за солнцепека пот выступил и на рубашках, и на лбу — пришлось снять пиджаки, к тому же на жаре их немного развезло⁴. Раиса Максимовна была неприятно поражена, «прежде встречали официально: только в костюмах»⁵. В гостевом домике в аэропорту был устроен обед в честь прилета Горбачева в отпуск. За столом первый тост произнес Л. М. Кравчук.

«Такого изуверства в словах, такого цинизма, такого возвышения и такого унижения самого себя я не видел. В своем тосте он называл Горбачева самым великим, самым гениальным... Когда он закончил тост, Михаил Сергеевич говорит: “Да, сегодня еще выпью, а то с завтрашнего дня моя домашняя партийная организация (Р. М. Горбачева. — А. П.) мне запретит”. Это была его фирменная поговорка. Но на слове организация Раиса Максимовна его обрывает и говорит: “Нет больше никакой домашней пар-

¹ *Бакланов О. Д.* Космос — моя судьба. Записки из «Матросской тишины». Изд. 3-е. М., 2014. Т. 1. С. 36–39.

² Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 г. — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2018. 31 октября.

³ *Хронопуло М. Н.* Жизнь моя — море...: Вахтенный журнал моей памяти. СПб., 2014. С. 308.

⁴ Архив автора. Интервью Л. И. Грача, в 1991 г. — первого секретаря Крымского рескома. Симферополь. 2016. 27 сентября.

⁵ *Горбачева Р. М.* Заточение в Форосе // Раиса. Воспоминания, дневники, интервью, статьи, письма, телеграммы. М., 2000. С. 118. Свое объяснение, почему Президента СССР встречали без пиджаков, была предложена Председателем Верховного Совета Крымской АССР Н. В. Багровым: «Поскольку стояла страшная жара, я предложил всем встречающим: “Давайте уйдем от официоза, ведь Михаил Сергеевич прибывает на отдых”. Раиса Максимовна оценила этот факт как знак невнимания и чуть ли не как предвестник будущего переворота. Не могу претендовать на подобную наблюдательность и еще раз подчеркну — никаких признаков возможных политических потрясений во время встречи не заметил» (*Багров Н. В.* Крым: время надежд и тревог. Симферополь, 1995. С. 159).

тийной организации, если партия к тебе так относится”. У нее накопело: она же видела, что Горбачева встречали пьяные и одетые не по протоколу. За столом воцарилась мертвая тишина, пауза, и Хронополо, а он был глуховат из-за всяких стрельб, шепнул мне на ухо, а все услышали: “Ни х... себе”. Все услышали, пауза была еще тяжелее... Я как “хозяин территории” встал и заявил, что 146 тысяч коммунистов Крыма рады Вас видеть и желают Вам счастливого отдыха. Раиса Максимовна смотрела на меня свирепыми глазами. И предложил тост: Михаил Сергеевич, я убежден, что Вы меня поддержите! Предлагаю тост за человека, которого Вы любите, за человека, который Вас любит!” Горбачев понял, что я говорю о Раисе Максимовне. Тут он отвечает: “А почему Вы не предлагаете горько?” Ну, я, естественно, и закричал: “Горько!” Они встали, расцеловались, и пошел процесс — за внуков и за детей и т. д.»¹.

После этого обстановка разрядилась, а застолье в итоге закончилось тем, что Михаил Сергеевич сильно перебрал². Горбачевы убыли в Форос, где на объекте «Заря» Президент СССР и провел последний отпуск в качестве главы государства. «В августе 1991 года я поехал отдыхать в Форос. Да, поехал в отпуск. Не надо было ехать... Но я не допускал, что вокруг меня идиоты и случайная публика, которая вообще ничего не соображает! Теперь, конечно, ясно, что зря поехал. Но представляете, какое колоссальное напряжение было, нервы на пределе... Поэтому надо было привести себя в порядок. Такие дела предстояли впереди!», — вспоминал М. С. Горбачев³.

Вместе с Горбачевым в отпуск вылетел и А. С. Черняев. «Ехать в Крым с М. С. жутко неохота — сладкая жаркая каторга. Да еще теперь, видимо, ужмут в комфорте: “Южный” стоит нынче — 4000 рублей в месяц!», — записывал Черняев в дневнике⁴. «Пора ехать. Ох, как неохота... — жить придется в Тессели на этот раз, не в “Южном”, — писал Черняев накануне вылета в Крым⁵. Даже в отпуске Горбачев продолжал напряженно работать; в этот раз, накануне подписания Союзного договора, глава государства, вместе с А. С. Черняевым, готовил большую статью, посвященную промежуточным итогам политики перестройки⁶. Горбачевым было

¹ Архив автора. Интервью Л. И. Грача. Симферополь. 2016. 27 сентября.

² Архив автора. Интервью Л. И. Грача; Архив автора. Интервью В. Т. Медведева.

³ *Горбачев М. С.* Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 249.

⁴ *Черняев А. С.* Совместный исход... С. 969. Дневниковая запись от 1 августа 1991 года.

⁵ Там же. С. 970. Дневниковая запись от 4 августа 1991 г.

⁶ Текст статьи см. в изд.: *Горбачев М. С.* Августовский путч. Причины и следствия. М., 1991. С. 64–90.

намечено время возвращения в Москву: 19 августа, в 13 часов, на следующий день, 20 августа, начало подписания нового Союзного договора, 22 августа Президент СССР должен был вернуться в Крым, «догуливать» отпуск. Ничего этого не случилось: 18 августа, за сутки до возвращения Горбачева в Москву, в Форос, на территорию объекта «Заря», где находилась дача Президента СССР, прибыла представительная делегация: В. И. Варенников, В. И. Болдин, О. С. Шенин, О. Д. Бакланов и Ю. С. Плеханов. Возглавлял делегацию О. Д. Бакланов, заместитель Горбачева по Совету Обороны СССР. Начальник «девятки» генерал Плеханов перечислил начальнику личной охраны Горбачева В. Т. Медведеву имена прибывших. «Перечень имен исключал всякие подозрения, больше того — успокаивал... Все — свои. Самые, самые свои», — вспоминал Медведев и уведомил Президента СССР о визите непрошенных гостей¹. В беседе с автором этих строк Медведев подчеркнул, что Горбачев был крайне удивлен приездом делегации из Москвы, для него их прилет в Крым, в период отпуска Президента страны, был абсолютной неожиданностью². К этому моменту, по приказанию Председателя КГБ СССР В. А. Крючкова, у Горбачева были отключены все виды правительственной связи, чтобы «предупредить развитие ситуации в резиденции в нежелательном направлении»³. Позднее Крючков на вопрос, почему Горбачеву отключили правительственную связь, давал какие-то совсем маловразумительные объяснения: «Отключили связь. Абсолютно верно! Учитывая непредсказуемость его характера, и чтобы его уберечь, мы на такой шаг пошли. Только на этот шаг — больше ни на что...»⁴.

С момента этого памятного разговора Горбачева и группы высших советских руководителей 18 августа 1991 г. прошло уже много лет. Восстановить в полной мере все детали этого разговора уже не получится — скончались все лица, принимавшие участие в этой беседе⁵. Известно одно: визитеры во главе с О. Д. Баклановым, кото-

¹ *Медведев В. Т.* Человек за спиной. М., 1994. С. 275–276.

² Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева, начальника личной охраны Президента СССР М. С. Горбачева. Москва. 2020. 16 сентября.

³ *Крючков В. А.* На краю пропасти. М., 2003. С. 167.

⁴ *Крючков В. А.* Без срока давности. В 2-х кн. М., 2006. Кн. 1. С. 384.

⁵ Разные версии содержания разговора в Форосе приводятся В. И. Болдиным, О. И. Баклановым, В. И. Варенниковым и М. С. Горбачевым (см.: *Болдин В. И.* Крушение пьедестала. Штрихи к портрету М. С. Горбачева. М., 1995. С. 13–16; *Бакланов О. Д.* Космос — моя судьба. Записки из «Матросской тишины». Изд. 3-е. М., 2014. Т. 1. С. 46–49; *Варенников В. И.* Неповторимое. Главнокомандующий. Трагедия отечества 1985–2000 гг. М., 2002. Кн. 6. С. 203–213; *Шенин О.* Надо было Ельцина

рый и вел с Горбачевым основную беседу¹, требовали от Президента СССР отложить подписание нового Союзного договора, который, по их мнению, означал гибель государства, ввести чрезвычайное положение своим указом, а Горбачев на это не согласился. В одной из своих статей О. Д. Бакланов попытался представить беседу с Президентом СССР как рабочую встречу, в которой М. С. Горбачев в общем-то внял резонанс приехавшей делегации: «по ходу доклада М. Горбачев организовал краткую дискуссию и в целом согласился с оценкой создавшегося в стране тяжелого положения. В заключении еще раз заявил, что болен, находится в отпуске, но готов написать любую телеграмму Верховному Совету СССР. Посоветовал ускорить созыв Верховного Совета. Мы попрощались за руку (около 18 часов) и улетели в Москву»².

В действительности разговор велся на повышенных тонах, он был слышен даже на первом этаже президентского особняка, особенно жестко говорил В. И. Варенников, «все остальные, — рассказывал автору руководивший охраной объекта “Заря” генерал В. В. Генералов, стоявший в момент разговора у двери кабинета Горбачева, — говорили, хотя и аргументированно, но очень жестко. Солировали “приезжие” — Бакланов и т. д. Горбачев вспылил только в конце...»³. «Все, кто находился в доме, думали, что Горбачев выгонит их всех... Бакланов вышел весь красный и сказал: “Горбачев валяет дурака”. Было понятно, что это приехали *люди Горбачева* к Горбачеву, все эти люди были преданы Горбачеву до крайности... Делегация, приехавшая в Форос, внушала Президенту, что она приехала, чтобы его поддержать, что она по-прежнему видит в Горбачеве свое знамя и не собирается отставить Михаила Сергеевича от власти... Команда Горбачева дала понять Президенту, что обеспокоена тем, что он потеряет власть и дает ему последний шанс, чтобы принять радикальные меры и спасти страну. Люди приехали, чтобы сказать Президенту, что никакого подписания не состоится, так как такой договор подписывать нельзя», — рассказывал В. В. Генералов, подчеркивавший, что делегация прилетела в Крым, чтобы *выручить Горбачева*, находившегося накануне утраты власти — члены московской делегации опасались, что руководители республик обманут Михаила Сергеевича и он утратит свое

отправить в Африку // Трибуна. 2001. 17 августа; Горбачев М. С. 1) Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 557–559; 2) Августовский путч... С. 9–13; 3) Остаюсь оптимистом... С. 250–254.).

¹ Варенников В. И. Дело ГКЧП. М., 2010. С. 44.

² Неизвестный Бакланов // Советская Россия. 1993. 14 января.

³ Архив автора. Интервью В. В. Генералова.

положение¹. Иное мнение сложилось у генерала В. Т. Медведева, отстраненного по приказу Ю. С. Плеханова и В. В. Генералова от охраны Президента СССР. По мнению Владимира Тимофеевича, заговорщики хотели снять Горбачева с его поста, при этом В. Т. Медведев не понимал, почему к Президенту СССР приехал именно такой состав делегации — ведь было известно, что глава делегации О. Д. Бакланов всегда по-человечески тепло относился к Михаилу Сергеевичу, а Шенин, Болдин и Варенников именно благодаря Горбачеву сделали за последние годы фантастическую карьеру — Валерий Иванович Болдин возглавлял президентский аппарат и пользовался полным доверием главы государства², а Олег Семенович Шенин был самым близким и доверенным лицом Горбачева в последнем составе Секретариата — он часто вел его заседания, когда болел В. А. Ивашко³.

Состав делегации не мог восприниматься Горбачевым как по-настоящему представительный — к Президенту все-таки не приехали такие крупные фигуры, как те же члены ГКЧП В. С. Павлов, Д. Т. Язов, В. А. Крючков — да и они только при Михаиле Сергеевиче вышли на иной — самостоятельный — уровень работы. «Переворотом помощников» назвал путч биограф союзного президента А. С. Грачев⁴.

Это, на наш взгляд, в известной мере предопределяло провал не слишком статусной, по мнению Михаила Сергеевича, миссии Бакланова со товарищи — Горбачев не согласился на их предложения, не воспринимая их как выразителей мнения *советского руководства*, понятно, почему не выразил особого почтения и к самим членам ГКЧП. Было и еще одно — очень человеческое — объяснение: «представить, что руку на него подняли сорвавшиеся с ниток марионетки — те, кто был ему обязан не только должностью, но и известностью, и самым существованием в политике, вроде Шенина, Янаева, Павлова, он не мог даже в дурном сне. Как не мог сразу поверить в измену людей, которых привык за долгие годы считать членами самого близкого круга: Болдина, Плеханова... “Больше всего меня потрясло предательство”, — говорил потом Горбачев. Записывая на листке бумаги под диктовку Бакланова список членов ГКЧП, он не мог сразу поверить в отступничество Лукьянова и поставил вопросительный знак против его фамилии и Язова. “Может быть, они, не спросив, вписали его имя”, — высказывал он сомнения А. Черняеву, интернированному

¹ Там же.

² Архив автора. Интервью генерала В. Т. Медведева, начальника личной охраны М. С. Горбачева. Москва. 2020. 16 сентября.

³ *Полозков И. К.* Обманутые надежды, или как разрушали страну. М., 2014. С. 528.

⁴ Архив автора. Интервью А. С. Грачева. Москва. 2018. 5 июля.

вместе с семьей Горбачева», — описывал реакцию Президента СССР его биограф А. С. Грачев¹.

На прощание Горбачев сказал делегации: «Черт с вами, делайте, что хотите, все равно нам с вами больше не работать», фактически предупреждая визитеров о предстоящем увольнении², а вовсе не об одобрении их предложений, как иногда принято считать. По большому счету встреча завершилась безрезультатно: Президент СССР, выслушав визитеров, не дал им санкции ни на какие действия *от своего имени*. «Дискуссия, всерьез не разгоревшись, угасала, — вспоминал беседу с Горбачевым О. Д. Бакланов, — перед нами сидел уставший, озабоченный человек, возможно, впервые начавший осознавать тяжесть и бремя той огромной власти, к которой он так долго и упорно стремился»³. Вместе с тем О. Д. Бакланову казалось, что во время встречи в Форосе они с Горбачевым в общих чертах все же договорились, получив в завуалированной форме его согласие или благословение на дальнейшие действия⁴. Иначе рассуждал В. И. Варенников. «Словом, наша встреча закончилась ничем. Ее результаты были весьма туманными, как это бывало вообще в большинстве случаев, когда Горбачеву приходилось принимать решение по острым вопросам или просто говорить на тяжелую тему», — резюмировал результаты визита в Форос Валентин Иванович⁵. Отказ Горбачева на сделанные ему путчистами предложения спутал им все карты — отныне их абсолютно внеправовая акция — введение государственного переворота *в обход Президента СССР* — приобретала характер государственного переворота.

«Хотя отказ и не был столь категоричным, каким его представил общественности М. Горбачев *после путча*, важен прежде всего результат. Отказ Горбачева от введения чрезвычайного положения спутал все планы путчистов, что в дальнейшем способствовало их провалу. После августовских событий был поставлен — и прежде всего в России — вопрос: можно ли вообще рассуждать о путче, если с человеком, в руках которого находится власть, велись переговоры, с ним спорили и даже лично обращались к нему. Данная

¹ Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 368.

² Архив автора. Интервью О. Д. Бакланова, в 1991 г. — заместителя Председателя Совета Обороны, в дни августовского путча — члена ГКЧП. Москва. 2018. 15 августа.

³ Бакланов О. Д. Космос — моя судьба. Записки из «Матросской тишины». М., 2014. Т. 1. С. 48.

⁴ Архив автора. Интервью О. Д. Бакланова.

⁵ Варенников В. И. Неповторимое. Главнокомандующий. Трагедия отечества 1985–2000 гг. Кн. 6. М., 2002. С. 212.

точка зрения, правда, упускает из вида то, что еще *до прибытия* делегации в Форос были предприняты все меры, чтобы сделать М. Горбачева недееспособным. Телефонную связь незадолго до начала неожиданного визита отключили, начальника охраны М. Горбачева вызвали в Москву, и таким образом он был заменен на начальника службы безопасности, присланного путчистами. Все это было предпринято с целью *изолировать* М. Горбачева в том случае, если он откажется от взаимодействия с путчистами. При этом не имеет значения, как могли дальше развиваться события, если бы советский президент согласился на сотрудничество. Его изоляция была подготовлена и реализована заговорщиками. Уже по этой причине использования определения «путч» в данных обстоятельствах вполне оправдано», — правомерно пишет германский исследователь И. Лозо¹.

Безусловной ошибкой Президента СССР, на которую ему указывали вплоть до самой смерти, было прощальное рукопожатие, которым он обменялся со всеми членами делегации². «Это рукопожатие с заговорщиками непростительно. Оно погубило политическую судьбу президента СССР. Путчисты все равно его ненавидели, а сторонники демократических преобразований подозревали Михаила Сергеевича в двойной игре», — резонно заметил публицист Л. М. Млечин³.

Делегация вышла, как вспоминал первый секретарь Крымского рескома Л. И. Грач, от Горбачева с «почерневшими, возмущенными лицами». Первая фраза, которую услышал Грач от О. С. Шенина, звучала крайне категорично: «...ак (о М. С. Горбачеве. — А. П.) подставил нас и отказался»⁴. Вся делегация, кроме В. И. Варенникова, немедленно отправилась обратно в Москву, докладывать о результатах поездки к Президенту СССР, а Варенников приказал собрать в Бельбеке командующего Черноморским флотом адмирала М. Н. Хронопуло, главкома ВМФ СССР В. Н. Чернавина и заместителя министра внутренних дел СССР Б. В. Громова, которым сообщил о поездке в Форос к главе государства, в ходе которой, якобы выяснилось, что «Президент тяжело заболел»⁵.

¹ Лозо И. Августовский путч 1991 года. Как это было... С. 130.

² В первый день ГКЧП президент запросил «Московскую» 0,75 (Беседа И. Емельянова с В. Генераловым) // Комсомольская правда. 2022. 20 августа).

³ Млечин Л. М. Кремль. Президенты России. Стратегия власти от В. Н. Ельцина до В. В. Путина. М., 2002. С. 240.

⁴ Интервью Л. Грача для СМИ в связи с 25-летием ГКЧП // Искра правды. Симферополь. 2016. 25 августа.

⁵ Чернавин В. Н. Атомный подводный... М., 1997. С. 442–443.

Прошло уже более тридцати лет после странной акции ГКЧП, которую современники именовали даже «трагифарсом», что само по себе несет некий уничижительный оттенок¹, «политическим дебошем — глупым и трусливым»², «нелепым августовским путчем»³, «фарсом»⁴, «крымским фарсом, продолженным в Москве»⁵, «опереточным ГКЧП»⁶. «Действительно странным был августовский путч 1991 года», — восклицал умный и наблюдательный член Верховного Совета СССР, известный юрист Ю. Х. Калмыков⁷. «Сейчас погружаться в детали этих событий, в силу их отдаленности, с одной стороны интересно, с другой даже бесполезно — все уже пережито. События не развернуть назад. Переворот ГКЧП был очевидным переворотом некоей хунты, состоящей из соратников и сподвижников Горбачева, президента СССР. В то время как сам президент находился в отпуске. Он понимал надвигающуюся опасность и направился в отпуск, причем сделал это совершенно осознанно, не желая быть участником переворота. Он не был отстранен от своих обязанностей. Он был в отпуске, что члены ГКЧП использовали как изоляцию первого лица», — такую версию событий предложил недавно ушедший из жизни народный депутат РСФСР О. М. Попцов⁸. Да, путчисты плохо подготовились; да, они неясно представляли себе *цель* — это очевидно вытекает хотя бы из их противоречивого отношения к М. С. Горбачеву⁹, — одни из них считали, что с Михаилом Сергеевичем в политическом отношении наконец-то покончено, другие, напротив, полагали, что выполняют свою «грязную работу» (выражение О. Д. Бакланова)¹⁰ в интересах Президента СССР, который вскоре вернется и начнет наконец-то работать в комфортной и управляемой политической обстановке. Вспомним хотя бы, как Г. И. Янаев на вопрос А. Г. Ту-

¹ *Афанасьев Ю. Н.* Прошел год // Год после августа. Горечь и выбор. Сборник статей. М., 1992. С. 7.

² *Лозунов В. А.* Бесы в красной гостиной. Свидетельства главного редактора «Российской газеты» (1990–1993 годы). М., 2019. С. 55.

³ *Коротич В.* Уходящая натура, или Двадцать лет спустя. К., 2011. С. 120.

⁴ *Алкснис В.* Мы имели дело с фарсом (Беседа с Н. Ипатовой) // Смена. 1991. 27 августа.

⁵ *Белов В. И.* Внемли себе. Записки смутного времени. М., 1993. С. 24.

⁶ *Умалатова С.* Вне закона: мемуары. Минск, 2021. С. 130.

⁷ *Калмыков Ю. Х.* Повороты судьбы. (В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении). М., 1996. С. 49.

⁸ *Попцов О. М.* Жизнь вопреки. М., 2014. С. 101–102.

⁹ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова, первого заместителя Премьер-министра СССР В. С. Павлова. Москва. 2022. 3 сентября.

¹⁰ *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 558.

леева, что с Горбачевым ответил: «С ним все в порядке, просто немного приболел, мы еще поработаем с ним вместе»¹.

«Сам факт, что в августе власть взял коллективный орган, свидетельствует: на трон никто не посягал, место оставалось свободным, и понятно, за кем оно сохранялось. И опять же — если после первых неудач в Москве, исполнители поехали за советом в Форос — разве это не говорит о том, что ничего не происходило без высочайшего позволения?» — высказывал свое мнение Председатель Верховного Совета Крымской АССР Н. В. Багров².

Понятно, что одной из причин неудач ГКЧП было отсутствие лидера, это были *очень разные люди*, с абсолютно разными целями, на достижение которых они рассчитывали, соглашаясь на участие в заговоре; некоторые из них (например, Г. И. Янаев и Д. Т. Язов) поддались уверениям В. А. Крючкова, что у него «все схвачено» и подготовлено³. Принципиально важно, что все они были люди из команды Горбачева, на абсолютно решительное размежевание с ним никто из них *в полной мере* не был готов, никто из них не был готов даже *возглавить* ГКЧП — психологией первого лица никто из путчистов не обладал. Показательной была реакция Г. А. Зюганова, которому перечислили состав ГКЧП — «они без согласования с Горбачевым ни одного вопроса не решают», заявил Геннадий Андреевич, выслушав фамилии Болдина, Язова, Пуго⁴. «Никто из членов ГКЧП не был ни лидером, ни руководителем — все они боялись взять власть. Не было человека, который готов был бы хотя бы возглавить ГКЧП — это были, совершенно не готовые к перевороту», — подчеркнул В. И. Щербаков, в августе 1991 г. — первый заместитель Премьер-министра СССР В. С. Павлова⁵. В политическом и презентационном отношении члены ГКЧП выглядели как какой-то трагикомический, а для кого-то и страшноватый реликт прошлого — повести за собой людей они не могли. Пример — тот же самый Г. И. Янаев, оказавшийся в центре внимания всего мира на печально памятной конференции, на которой он рассказывал о «своем друге» М. С. Горбачеве. «Вице-президент выглядел глупо. Да и как было не выглядеть глупо в ситуации, когда нечего сказать. Ни одного факта о состоянии здоровья Горбачева!

¹ Тулеев А. Как жить дальше? [Б/м], 1993. С. 94.

² Багров Н. В. Крым: время надежд и тревог. Симферополь, 1995. С. 161.

³ Калашников В. Август 1991-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 октября.

⁴ Зюганов Г. Вспоминая август-91 // Советская Россия. 1993. 17 августа. С. 2.

⁵ Архив автора. Интервью В. И. Щербакова. Москва. 2022. 3 сентября.

Никаких внятных объяснений о ближайшем будущем страны. Публичный, внешне законный, “мягкий” и “плавный” характер путча выявил главную беду — они были неспособны к открытому выходу на люди. Это были аппаратчики, которые откровенно не подходили к роли политических лидеров, не были готовы к выступлениям, какому-то отчетливому, внятному поведению. Лампы юпитеров высветили их отвратительно жалкое, как бы слившееся лицо. Ощущение позора на глазах у всего мира охватило всех, кто видел эту пресс-конференцию», — писал Б. Н. Ельцин¹. Ничем, кроме нелепого и абсурдного выведения танков на улицы Москвы, в немалой степени спровоцировавшего неприятие ГКЧП тысячами жителей столицы, и трансляции «Лебединого озера», путчисты не запомнились. Народ свой они не знали и не понимали².

Последствия ГКЧП были совсем не «трагифарсовые», а более чем осязаемые в политическом отношении — по сути своей, за три дня произошел демонтаж союзной государственности и переход реальной власти в руки республик. Примечательно, что идеологические единомышленники путчистов — скажем, Ю. А. Прокофьев и С. З. Умалатова — единодушно рассматривали путч как политическую провокацию против партии и союзной государственности³, считая, что Горбачев бы и так утратил политическую власть в самые ближайшие месяцы, а акция ГКЧП лишь добила КПСС и Советский Союз. «А я считаю, что тогда, в 1991-м, этот гнилой плод — Горбачева — не надо было трясти, он сам бы вот-вот упал. Готовился съезд КПСС, где должны были снять генсека Горбачева. Готовился съезд народных депутатов СССР, где должны были снять президента Горбачева. Тогда не понадобился бы этот “путч”, — утверждает генерал А. М. Макашов⁴.

Дальнейший ход событий хорошо известен: Президент СССР Горбачев в течение нескольких дней находился без связи и фактически под домашним арестом, что было впоследствии подтверждено

¹ *Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994. С. 108. «У меня все время спрашивали одно и то же: “А почему у Вас руки дрожали на пресс-конференции?” Я хотел бы, чтобы на моем месте кто другой оказался. Я вышел ведь не в цирк, не на арену, я перед всем миром вышел и... И стал говорить о болезни Горбачева... А медицинского заключения-то не было», — вспоминал Г. И. Янаев (Журналист. 2001. № 7. С. 21).

² Почему просчитались «знатоки народа». (Беседа С. Таранова с И. Лаптевым) // Известия. 1991. 26 августа.

³ *Прокофьев Ю. А.* О времени, стране и о себе. Первый секретарь МКГ КПСС вспоминает. М., 2021. С. 189; *Умалатова С. З.* Вне закона: мемуары. Минск, 2021. С. 129.

⁴ *Макашов А. М.* Трагедия СССР. Кто ответит за развал? М., 2012. С. 105.

материалами следствия по делу ГКЧП¹; 19 августа все советские граждане узнали о возникновении ГКЧП и о том, что в «связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем обязанностей Президента СССР» его полномочия переходят к вице-президенту СССР Г. И. Янаеву; президент РСФСР Б. Н. Ельцин возглавил сопротивление ГКЧП, объявив отстранение Горбачева от власти «правым, реакционным, антиконституционным переворотом»; здание российского парламента стало центром сопротивления путчистам, запомнившиеся современнику как «перепуганные алкоголики с трясущимися руками и танцем маленьких лебедей»²; наконец, в ночь с 21 на 22 августа в Москву вернулся М. С. Горбачев. «Все было: недовольство народа, предсказание голода, безработицы, нулевой рейтинг Горбачева, оскорбленная армия, ждущий реванша КГБ, страх перед развалом Союза, неуправляемость атомным потенциалом, объединенный страх партократии и, конечно же, травля набирающего силу Ельцина. Эти девять страхов как бы суммировались, создали иллюзию всеобщего недовольства, которое и должно стать опорой переворота... Странно, в те дни мы все говорили о Горбачеве. Человек, ни на что не влияющий, стал вдруг неким символом законности, которую, опять же вдруг, утратил. Спасали не Горбачева, а некий масштаб, объем демократии», — вспоминал известный журналист О. М. Попцов³.

Освобождали Горбачева из форосского заточения «люди Ельцина» — А. В. Рущкой, И. С. Силаев, Н. В. Федоров и др. Горбачеву эти дни дались нелегко; тяжело ему далось и признание, которое запомнилось помощнику Президента СССР А. С. Черняева, находившемуся рядом с Михаилом Сергеевичем все эти дни: «Убежден, что Борис Николаевич проявит весь свой характер». Анатолий Сергеевич вспоминал, что Горбачев уже в первый день путча заявил ему, что «Ельцин не сдастся и его ничто не сломит»⁴. Наверное, Горбачев в очередной раз укорял себя за отсутствие в его характере той решительности, которая всегда была фирменным знаком Бориса Ельцина.

Оказавшиеся в политическом тупике путчисты, 21 августа 1991 г. посчитали необходимым ехать в Форос, просить Горбаче-

¹ Архив автора. Интервью В. Г. Степанкова, в 1991 г. — Генерального прокурора РСФСР. Москва. 2021. 3 июня.

² *Захаров М. А.* Ленком — мой дом. Лицедейство без фарисейства. Мое режиссерское резюме. М., 2016. С. 423.

³ *Попцов О. М.* Тревожные сны царя Бориса. М., 2011. С. 16–17, 19.

⁴ *Черняев А. С.* Совместный исход... С. 979. Дневниковая запись от 21 августа 1991 г.

ва о прощении — «Они не знали, что делать, верили Горбачеву и надеялись на него. “Вот придет барин, барин нас рассудит...” Барина привезли, но он всех осудил», — вспоминает Ю. В. Голик, работавший в 1991 г. в команде Президента СССР¹. «В дверь вни-зу тесно друг за дружкой — Лукьянов. Ивашко, Бакланов, Язов, Крючков. Вид побитый. Лица сумрачные. Каждый кланяется мне!! Я все понял — примчались с повинной», — записывал в дневнике свидетель событий А. С. Черняев².

Горбачев отказался принимать заговорщиков, дожидаясь российский делегацию во главе с А. В. Рудким, которую он неза-медлительно принял³. «Последовавшая сцена запомнится на всю жизнь. Силаев и Рудкой бросились обнимать Горбачева. Восклицания, какие-то громкие слова. Перебивают друг друга. Тут же Бакатин и Примаков, депутаты. Я гляжу на них. Среди них те, кто и в парламенте, и в печати не раз крыл М. С., спорил, возмущался, протестовал. А теперь несчастье мгновенно высветило, что они нечто единое и именно как таковое необходимо стране. Я даже громко произнес, наблюдая эту всеобщую радость и объятия: “Вот и состоялось соединение Центра и России, без всякого Союзного договора...”»⁴. А. В. Рудкого, возглавлявшего российскую делегацию поразило, что Раиса Максимовна, спускаясь с лестницы и увидев

¹ Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной конференции: сб. науч. тр. / Под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2021. С. 56.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 982. Дневниковая запись от 21 августа 1991 г.

³ Незадолго до того, как подъехала российская делегация, Горбачев успел дать первое за несколько дней интервью — на президентскую дачу сумел дозвониться журналист ленинградской газеты «Смена» Г. Урушадзе. Отвечая на вопрос Г. Урушадзе, имел ли он контакт с представителями ГКЧП, Михаил Сергеевич ответил, что «эти визитеры приняты не будут до тех пор, пока я не переговорю с представителями России. Позиция Президента, позиция граждан России имела решающее значение в сохранении государственного строя». Квалифицировав произошедшие события как государственный переворот, Президент СССР рассказал, что он «готовился к подписанию Союзного договора. Все дни разговаривал с товарищами, в том числе с Янаевым. Я завершил здесь подготовку своего выступления. Ожидалось заседание Совета Федерации, где должны были быть рассмотрены итоги обсуждения Союзного договора, вопрос топлива, финансовые вопросы. Я был в контакте со многими людьми. И вдруг в этой ситуации случилось черт-те что!» (Беседа Г. Урушадзе с М. Горбачевым) // Смена. 1991. 22 августа).

⁴ Черняев А. С. Совместный исход. С. 983. Дневниковая запись от 21 августа 1991 г.

людей, которых он не сразу узнала, плакала: она думала, что Президента и его семью приехали арестовывать...¹ В интервью, данном обозревателю «Огонька» А. Головкову спустя всего несколько часов после возвращения из Крыма, И. С. Силаев вспоминал, что встреча с Горбачевым произвела на него радостное впечатление. «Мы обнялись. Михаил Сергеевич сказал: “Знаю, знаю, о чем вам хочется меня спросить... Да, произошел государственный переворот во главе с горсткой авантюристов. Они заслуживают самой суровой кары”. Президенту пришлось нелегко. Я бы сказал, что драматизм ситуации, в которой он оказался, достиг апогея 21 августа, где-то около 11 часов утра. Когда мы узнали, что подготовлены два самолета во Внукове, на которых заговорщики собираются полететь к нему. Мы тоже предполагали к вечеру добраться до дачи Президента, но теперь откладывать поездку было нельзя. Опасность заключалась в том, что, не добившись успеха ударом в лоб, члены ГКЧП уже не остановятся ни перед чем, чтоб удержаться у власти. Над Горбачевым нависла смертельная угроза. Ему и до этого дня было морально тяжело. Он не сдавался: писал распоряжения, протестовал, волновался за семью. Михаил Сергеевич, волевой человек, конечно, переживал и за семью, которая была рядом. За Раису Максимовну. У нее от нервного потрясения была частичная потеря речи, парализовало руку. Врач делал все, что мог, но, когда мы встретились, она была неузнаваема. Ходить не могла, ее поддерживали за руки... Только в самолете по пути домой стала как-то отходить», — вспоминал И. С. Силаев².

В числе тех, кто вызволял Михаила Сергеевича из-под домашнего ареста, был и его соратник Е. М. Примаков. «Горбачев обрадованно принял нас и категорически отказался встречаться с заговорщиками. Исключение было им сделано только для А. И. Лукьянова, беседа с которым проходила в моем присутствии, — хотел выйти, но Михаил Сергеевич меня удержал. Я до этого никогда не видел Горбачева таким разъяренным: “Почему не собрал незамедлительно Верховный Совет СССР? Как мог ты, человек, которому я доверял (с уст Горбачева сорвалось ругательство), примкнуть к путчистам? Разговор окончен. Выйди и жди своей участи”. Там же в Форосе М. С. Горбачев дал команду арестовать В. А. Крючкова, который возвращался в Москву в нашем самолете, уже конвоируемый офицерами. В момент нашей встречи

¹ Архив автора. Интервью генерала А. В. Руцкого, вице-президента РСФСР. Москва. 2019. 10 июля.

² Довести начатое до конца. (Беседа А. Головкова с И. Силаевым) // Огонек. 1991. № 36. С. 25.

с Горбачевым со второго этажа дачи медленно спускалась, держась за поручни лестницы, его супруга Раиса Максимовна. Дни насильственной изоляции отразились на ее лице — осунувшемся, с мешками под глазами. Летели с Горбачевым в Москву и все два часа говорили. Не мог он играть. Да и я не из тех, кто легко поддается мистификации. Августовский путч сыграл злую роль в истории нашей страны...»¹. 20 августа 1991 г. группа народных депутатов СССР сумела прорваться к А. И. Лукьянову. Анатолий Иванович в развернутой форме объяснил им, что собрать съезд невозможно, при этом «покраснел от счастья буквально до пяток, когда депутаты предположили, что Лукьянова в итоге съезд изберет Президентом СССР...»². Помимо Лукьянова, М. С. Горбачев также согласился принять и В. А. Ивашко, тем самым демонстрируя, что он все *еще рассчитывает на партию как на свою опору*³, несомненно, в тот момент еще не осознавая сколь уязвимой в политическом отношении фигурой он теперь является — и как Президент СССР — а ведь именно союзные структуры — КГБ, армия — оказались дискредитированы за дни путча, и как — Генеральный секретарь КПСС...

Однако в те минуты, принимая российскую делегацию и, как ему казалось, возвращаясь к исполнению своих обязанностей *Президента страны*, Горбачев как искренний оптимист надеялся, что наиболее тяжелые испытания уже позади. Вместе с тем после своего злосчастного отпуска Президент СССР вернулся в страну, в которой он уже не обладал реальной властью: фактически за три дня путча Центр обвалился. Прозорливый В. А. Медведев, мчавшийся вместе с помощником Президента СССР О. И. Ожерельевым в аэропорт встречать Горбачева, пророчески сказал: «Путч — это конец Горбачева как Президента. Завершение его карьеры»⁴. Жестче выска-

¹ *Примаков Е. М.* На пороге перемен. М., 2021. С. 290. Ср. со свидетельством В. В. Бакатина: «На этой встрече я присутствовал. Лукьянов выглядел не лучшим образом. Да это и понятно. Ведь ему предстоял тяжелый разговор не только с Президентом СССР, но и с человеком, с которым его связывала почти сорокалетняя дружба. “Как ты мог?!” — начал Михаил Сергеевич. — Я о тебе такого даже и подумать не смел, а, оказывается, и ты — туда же?” Анатолий Иванович начал оправдываться... Серьезного разговора так и не вышло, как-то по-детски все было. Один напал, другой оправдывался. С трудом удалось сдержаться, чтобы не “встрять” в разговор» (*Бакатин В. В.* Избавление от КГБ. М., 1992. С. 19).

² Архив автора. Интервью В. А. Чельшева, члена Верховного Совета СССР. Москва. 2020. 26 ноября.

³ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 г. — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2019. 12 июня.

⁴ *Ожерельев О. И.* Идеалы и преступления. Новейшая история России: диалектика событий. М., 2016. С. 62.

зался по этому поводу В. В. Рябов, в августе 1991 г. — заведующий гуманитарным отделом ЦК КПСС: «Горбачев, спускаясь с трапа самолета в Москве после возвращения из Фороса, не знал, что он уже не президент в глазах народа, и не генсек в глазах ЦК»¹. По словам В. П. Лукина, в те годы народного депутата России, «Горбачев приехал, но власть не приехала с ним»². Глава государства и выглядел очень непривычно, не по-президентски: Ю. В. Голику запомнилось, что Михаил Сергеевич прилетел из Крыма в каком-то затрапезном свитере с жирным пятном на животе и явно навеселе...³

Из своего последнего *президентского* отпуска Горбачев вернулся в Москву поздней ночью 22 августа: самолет главы государства приземлился во Внуково-2 в 2 часа 22 августа 1991 г. В 2.25 ночи Горбачев выехал из аэропорта на дачу, а уже в 11.50 утра начал работу в своем рабочем кабинете в Кремле⁴. Вряд ли Горбачев понимал, что он вернулся действительно в *другую страну*. Страну, в которой он уже не *хозяин*, страну, в которой наступило уже новое — *не его* — время.

Народный депутат РСФСР, академик Ю. С. Сидоренко писал об этих днях: «Если говорить о личности Президента Горбачева, то динамика изменений этого человека тоже определяется тремя днями, которые наступили сразу же после тех трех дней. Первый момент — его появление сразу же вызвало встречную волну симпатий и сочувствия. Президент увидел другую страну, а страна, казалось, увидела другого Президента. И затрапезный костюм, и человеческие рефлексy, и страдание на лице его жены — все это прорастало новым видением мира. И мне особенно это было видно профессиональным взглядом онколога, знакомого с метаморфозой личности, обусловленной тяжелыми переживаниями. Да, все разом было очеловечено. И казалось, по этому трапу он сошел с недосыгаемой трибуны Мавзолея на землю и оказался вдруг среди нас. Но вот подали роскошный президентский лимузин. У Горбачева есть время привести себя в порядок, отдохнуть, облачиться в строгий темного тона костюм. И в таком виде уже на следующий день, как бы отряхнув чей-то прах, появится он на своей первой пресс-конференции. И здесь страна увидела привычного прежнего Горбачева, который, модулируя голосом и руками, уже защищал социалистический

¹ Архив автора. Интервью В. В. Рябова, заведующего гуманитарным отделом ЦК КПСС. 2018. 24 января. Москва.

² Архив автора. Интервью В. П. Лукина, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

³ Архив автора. Интервью Ю. В. Голика.

⁴ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 301. График работы Президента СССР. Л. 117.

выбор, партию коммунистов как некую абстрактную цельность, как бы отрешенную от злобных заговорщиков. Он говорил о социалистической идее, которая вроде бы владеет сознанием миллионов там, на Западе, а где-то чуть ли не воплощается успешно, великолепно, и значит, нужно дать ей еще один шанс, и далее в таком роде. Результат — всеобщее разочарование, и такое ощущение, что он в самом хвосте нашей общественной мыли, отстал безнадежно, в арьергарде — нам, что ли, его подтягивать? Странное занятие, нелепая форма общения народа со своим лидером. Но так оценить Горбачева значит недооценить его. К чести и славе этого человека надо прибавить, что он умеет молниеносно ориентироваться в обстановке. Это подтвердили события следующего дня, когда он вдруг окунулся в кипящую лаву, в магнитное поле депутатов, которые пережили осаду Белого дома с оружием в руках, спасли демократию, свободу, Россию и самого Президента Горбачева. Нет, справедливости ради скажем: Ельцин не указывал Горбачеву, как нужно вести себя, но его голос был камертоном, который формировал уже иные мелодии в самой натуре нашего высокого гостя. И было ощущение, что это уже и не Ельцин, а что-то более высокое и неотвратимое за спиной его провозглашает: «Истинно говорю Вам...»¹. «В воздухе запахло распадом, Горбачев выглядел разбитым и проигравшим», — таким запомнился президент СССР после возвращения из Крыма А. А. Бессмертных².

Вряд ли это понимал сам Горбачев. «Горбачев свой уход не предчувствовал. Он вообще считал себя всесильным. Не верил, что его могли прослушивать. Думал, что росчерком пера остановит любые события», — вспоминал глава пресс-службы Президента СССР В. Н. Игнатенко³. Горбачеву, однако, пришлось столкнуться с новыми правилами игры: отныне Президент Советского Союза не был полностью свободен в своих решениях, в значительной степени завися от воли Ельцина. «С августа до момента отставки Горбачева у нас с ним состоялось примерно восемь — десять встреч. Не знаю, понимал ли он сам, насколько изменился к тому времени характер наших отношений. Я сказал ему: “У нас уже есть горький опыт, август нас многому научил, поэтому, прошу вас, теперь любые кадровые изменения — только по согласованию со мной”. Горбачев внимательно посмотрел на меня. Это

¹ Сидоренко Ю. С. Три дня, которые опрокинули большевизм: Исповедь свидетеля, показания очевидца. Ростов-на-Дону, 1991. С. 60.

² Архив автора. Интервью А. А. Бессмертных. Москва. 2019. 21 марта.

³ Игнатенко В. Не меняю лицо под обстоятельства // Аргументы и факты. 1992. № 29–30. С. 2.

был взгляд зажатого в угол человека. Но другого выхода у меня не было. От жесткой последовательности моей позиции зависело все», — вспоминал российский президент¹, в директивной форме потребовавший от Горбачева отказаться от уже сделанных им назначений — министра обороны СССР — М. А. Моисеева и Председателя КГБ СССР — Л. В. Шебаршина, заменив их, соответственно, хорошо проявившими себя в дни путча Е. И. Шапошниковым и В. В. Бакатиным². Сразу после этого Горбачев был приглашен Б. Н. Ельциным и Р. И. Хасбулатовым в Белый дом на шедшую уже второй день внеочередную сессию Верховного Совета РСФСР. Вероятно, Горбачев ожидал триумфальной встречи, хотя момент для такой встречи он упустил — депутаты, взвинченные до предела за время осады российского парламента, ожидали, что Михаил Сергеевич поедет в Белый дом сразу после посадки его самолета во «Внуково-2», чтобы засвидетельствовать народным избранникам свою признательность. Демократический лагерь воспринял бы это в качестве своеобразной клятвы верности Горбачева тем идеалам демократии, которые парламентарии сумели отстоять в дни путча. Однако Президент СССР не поехал в Белый дом, сославшись на нездоровье жены. Депутатами это было воспринято как проявление неуважения к подвигу защитников демократии, демонстративное размежевание с ними, черная неблагодарность; аргументация Горбачева ни в какой мере не могла их устроить. Этим и объяснялась обструкция, которую устроил Президенту Союза депутатский корпус России³. «Михаил Сергеевич по дороге из аэропорта должен был захватить к нам, в Верховный Совет России. Мы его вернули домой, никто иной. Это был его человеческий долг!» — высказывал автору свое мнение народный депутат РСФСР О. В. Базилашвили, находившийся в те дни в числе защитников Дома Советов⁴. «Он почему-то считал, что депутаты должны его встретить как героя, не понимая, что именно российские депутаты вели себя как герои, спасая все наши и в том числе и его жизни... А ведь я ему говорил прямо перед этим заседанием: “Михаил Сергеевич, эти депутаты — не ваши союзные, они будут задавать Вам очень жесткие вопросы. Ельцин сидел и хитро улыбался, он-то знал, как депутаты встретят

¹ *Ельцин Б. Н.* Записки президента. М., 1994. С. 143–144.

² *Шебаршин Л. В.* Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М., 1992. С. 291–292.

³ Архив автора. Интервью Б. А. Курковой, в 1991 г. — народного депутата РСФСР. Санкт-Петербург. 2019. 4 марта.

⁴ Архив автора. Интервью О. В. Базилашвили.

Горбачева”, — вспоминал Р. И. Хасбулатов.¹ «У нас (российских депутатов. — А. П.) накопилось бешеное раздражение к Горбачеву и чудовищный стресс трех дней тоже давал о себе знать — депутаты не спали рисковали своей жизнью, и тут появляется Горбачев и все по-старому — я не знаю, мне угрожали и т. д. Горбачев был смешон и жалок, было ощущение, что в тот момент он закончился как Президент. Ельцин испытывал огромное торжество, он наконец-то публично получил реванш и мог публично похлопать Горбачева по плечу», — рассказывал автору российский депутат М. Б. Челноков, присутствовавший на этой сессии².

Вся страна увидела по прямой телевизионной трансляции, как выступление Горбачева постоянно прерывалось репликами с мест, а в конце концов превратилось в унижительный допрос, руководимый лично Ельциным, который, как вспоминал депутат С. А. Полозков, «не скрывая своего злорадства, постоянно перебивал Президента СССР, вставляя различные комментарии в его выступление, всячески подчеркивая свою большую осведомленность в некоторых вопросах»³. Ельцин был *единственным* подлинным триумфатором и победителем тех дней⁴. «Б. Н. Ельцин откровенно и с удовольствием издевался над Горбачевым, а тот, не в силах ничего сделать и не зная, как себя вести, вел себя как нашкодивший мальчишка, униженно принимая отношение Ельцина как должное...», — вспоминал депутат Верховного совета РСФСР М. Б. Челноков⁵. «Выглядело все как экзекуция; многие прятали глаза, морщились», — прибавлял союзный депутат В. А. Логунов⁶. «Горбачева в тот момент было жалко: мерзкая сцена унижения, когда Ельцин торжествовал победу. Он захлебывался в эйфории, безудержно хвастался своим успехом, фактически в открытую говоря Горбачеву: вас все предали, а меня все поддерживали. Ельцин, — полагает В. А. Логунов, — буквально распыл

¹ Архив автора. Интервью Р. И. Хасбулатовым, в августе 1991 г. — и. о. Председателя Верховного Совета РСФСР. 2016. 12 августа. Москва.

² Архив автора. Интервью М. Б. Челнокова, народного депутата РСФСР. Москва. 2020. 2 ноября.

³ Полозков С. Приватизация по Чубайсу. Ваучерная афера. Расстрел парламента. М., 2014. С. 135.

⁴ Архив автора. Интервью Н. И. Травкина, Героя Социалистического Труда, народного депутата СССР и РСФСР. 2019. 30 января.

⁵ Челноков М. Россия без Союза, Россия без России... (Записки депутата расстрелянного Парламента). М., 1994. С. 92.

⁶ Логунов В. А. Бесы в красной гостиной. Свидетельства главного редактора «Российской газеты» (1990–1993 годы). М., 2019. С. 107.

Горбачева на кресте»¹. Еще жестче выразился народный депутат РСФСР В. В. Аксючиц, по словам которого, «допрос» Ельциным Горбачева «выглядел безобразно и гнусно, Ельцин показал свою пасть. Каждый показал себя вполне: Горбачев струсил, а Ельцин зарычал»². Депутат М. М. Молоствов вспоминал о том «тяжелом впечатлении», которая на него произвела сцена, «разыгранная в Верховном Совете, с целью унижить только что вызволенного из Фороса Михаила Сергеевича»; как констатировал мемуарист, депутаты «учуяли», что «в отношении Горбачева теперь “все дозволено”, принялись перебивать его». В итоге М. М. Молоствов ушел с этого заседания — «было стыдно, хотелось бежать. Удерживало чувство ответственности: разве не нас теперь, какие мы ни есть, надеются выдвигавшие нас избиратели?»³

Во время «допроса» на заседании Верховного Совета России, как констатировал Р. И. Хасбулатов, «Ельцин публично мстил Горбачеву за все унижения... С того момента Горбачев фактически стал пленником у Ельцина»⁴. По словам народного депутата РСФСР В. Л. Шейниса, «Зрелище это было ужасное и омерзительное, депутатская кодла буквально визгом встречала Горбачева»⁵, за депутатов было «стыдновато», — прибавлял его коллега М. Н. Толстой⁶. «В Ельцине говорила мстительность», — утверждал С. М. Шахрай, входивший в состав политической команды первого Президента России⁷, в то время как Г. Э. Бурбулис, бывший в ту пору вторым человеком в российском руководстве, признавал, что Ельцин вел себя в тот момент «некорректно» по отношению к Горбачеву⁸. Издевательство Ельцина над Горбачевым имело два объяснения: Борис Николаевич мстил за унижения над ним в октябре 1987 г., которые он никогда не мог забыть и простить генсеку, искренне возненавидев его, а также показывал теперь

¹ Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. А. Логунова. Поселок Березовый парк-2. Московская область. 2020. 16 декабря.

² Архив автора. Интервью В. В. Аксючица.

³ *Молоствов М. М.* Прямые, которые не пересекаются. М., 2000. С. 107.

⁴ Архив автора. Интервью Р. И. Хасбулатова. Москва. 2016. 12 августа.

⁵ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР В. Л. Шейниса. Москва. 2018. 4 июля.

⁶ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР М. Н. Толстого. Санкт-Петербург. 2018. 25 октября.

⁷ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР С. М. Шахрая. Москва. 2019. 12 февраля.

⁸ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса. 2019. 11 февраля.

всему миру — «кто в доме хозяин»¹. Несмотря на то что Михаил Сергеевич держался на этом заседании достаточно мужественно², по его авторитету как руководителя страны был нанесен роковой удар: Президент СССР позволил недопустимое: «Горбачев был “царем”, а как царь себя не вел, позволяя над собой публично смеяться», — справедливо отметил А. В. Руцкой, занимавший в ту пору должность вице-президента РСФСР³. Многие из российских и советских парламентариев думали, что ГКЧП — «провокация Горбачева»⁴, а объяснения Михаила Сергеевича их не устраивали. «Было ощущение, — рассказывал автору народный депутат СССР Ю. Ю. Болдырев, — что, рассказывая о ГКЧП Горбачев привирает, как почти всегда он и делал»⁵. «Это было намеренное унижение (Ельциным Горбачева. — А. П.) и месть за старые обиды. Депутаты были радикально настроены: многие думали, что Горбачев играл двойную роль, его подозревали в недостаточном радикализме, двурушничестве», — вспоминал В. П. Лукин⁶. Для депутатов было очевидно, что «Горбачев заблудился в своих играх», в то же время сторонник Ельцина М. Н. Полторанин понимал, что били не по проштрафившемуся Президенту СССР, «а по стране». «В тот момент опрокинулось государство», — обоснованно утверждает Полторанин⁷. Политическое значение этих унижений для Горбачева было понятно — Ельцин показывал ему, что он больше — *не Президент*. «Встреча в Верховном Совете России была заснята. Те, кто увидел ту телепередачу многое поняли. Ельцин все делал на этой встрече с садистским наслаждением», — вспоминал Михаил Сергеевич⁸, прибавляя, что «когда я уже вернулся из Фороса, он (Б. Н. Ельцин. — А. П.) обнаглел — совал мне бумажки в лицо...»⁹.

¹ Архив автора. Интервью С. В. Степашина, народного депутата РСФСР. Москва. 2021. 18 февраля.

² *Полозков С. А.* Приватизация по Чубайсу. Ваучерная афера. Расстрел парламента. М., 2014. С. 134.

³ Архив автора. Интервью А. В. Руцкого. Москва. 2019. 10 июля.

⁴ Архив автора. Интервью народного депутата РСФСР П. А. Лысова. Москва. 2021. 19 мая.

⁵ Архив автора. Интервью народного депутата СССР Ю. Ю. Болдырева. Москва. 2020. 18 ноября.

⁶ Архив автора. Интервью В. П. Лукина, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

⁷ Архив автора. Интервью М. Н. Полторанина. 2019. 16 мая.

⁸ *Горбачев М. С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 2. С. 577.

⁹ История от Горбачева / Интервью В. Рудакова // Профиль. 2010. № 12. 5 апреля. С. 23.

Та демонстративная порка, которой Ельцин подвергнул Горбачева¹, показала всей многомилионной стране, что власти у союзного Президента больше нет. «Горбачеву — конец, он заигрался», — вспоминал свои впечатления тех дней член Верховного Совета СССР демократ И. И. Заславский². За то время, пока Горбачев находился на «допросе» у Ельцина и российских депутатов, страна увидела, что «СССР де-факто уже не существует», — вспоминал главный редактор крупнейшей оппозиционной «Независимой газеты» В. Т. Третьяков³. «Для разрядки» Ельцин подписал указ о приостановлении деятельности российской компартии, как политической силы, задействованной в путче⁴. По словам соратника Ельцина С. М. Шахрая, «распад партийных структур предопределил лавинообразный распад страны»⁵. В свою очередь, Юрий Анатольевич Прокофьев — последний Первый секретарь МГК КПСС, фактически поддержавший действия путчистов, в беседе с автором квалифицировал ГКЧП как «последнюю точку в развале партии», а значит и *государства*, поскольку, как справедливо отмечает Ю. А. Прокофьев, «партия была системой управления страной, а не политической структурой» — партию убрали, на ее месте новой структуры управления советским государством так и не появилось⁶. Исход известен.

В дни путча ЦК КПСС не сумел проявить себя как инициативная сила и размежеваться с заговорщиками. Более того: Секретариат ЦК КПСС вплоть до 21 августа *публично* не ставил вопрос о необходимости встречи со своим лидером — Генеральным секретарем ЦК КПСС М. С. Горбачевым. Лишь 22 августа в партийном офицозе газете «Правда» было опубликовано заявление Секретариата ЦК КПСС, в котором содержался призыв к проведению срочного Пленума ЦК КПСС «с неперменным участием Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева»⁶.

¹ См. стенограмму встречи с депутатами российского парламента: *Горбачев М. С. Собрание сочинений*. Т. 27. С. 256–277.

² Архив автора. Интервью И. И. Заславского.

³ Архив автора. Интервью В. Т. Третьякова. Москва. 2018. 19 декабря.

⁴ Горбачев М. С. *Собрание сочинений*. Том 27. Июль-август 1991. М., 2017. С. 274.

⁵ Архив автора. Интервью С. М. Шахрая, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 12 февраля.

⁶ Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева, члена Политбюро ЦК КПСС, Первого секретаря МГК КПСС в 1989–1991 гг. Москва. 2020. 30 января.

⁶ Правда. 1991. 22 августа. Автор сознательно опускает рассказ о деятельности в дни путча других партийных структур, в частности, МГК КПСС

Странная пассивность ЦК КПСС в дни путча объяснялась целым рядом причин. Так, например, секретарь ЦК О. С. Шенин, деятельно поддержавший ГКЧП, был оставлен самим Горбачевым «на хозяйстве», то есть фактически волей самого генсека был определен в качестве полномочного лица, в обязанность которого входило определять стратегию ЦК вплоть до момента возвращения Михаила Сергеевича в Москву. Утром 19 августа на заседании Секретариата ЦК Шенин, выглядевший крайне устало¹, заявил, что Горбачев очень болен и ему трудно принимать решения, заверив при этом, что «ни один волос не упадет с головы генсека»; при этом уже сам состав списка членов ГКЧП — ближайших доверенных лиц Горбачева — вызвал у большинства секретарей ЦК мысль о том, что все делается по благословлению генсека.² «Вся информация, — вспоминал секретарь ЦК В. В. Калашников, — была построена так, что у меня не осталось сомнения: команда президента делает “грязную работу” с негласного согласия или “полусогласия” Горбачева»³. Кроме того, как вспоминал Калашников, разговоры о введении чрезвычайного положения велись с весны 1991 г., но «никому и в голову не могло прийти, что это будет делаться без санкции Президента; напротив, все, включая того же Бакланова, ожидали, что именно Президент и введет чрезвычайное положение». Именно поэтому, когда на заседании Секретариата ЦК был зачитан список членов ГКЧП, работники партийного аппарата поначалу и решили, что все делается с ведома Горбачева⁴. «Все дни ГКЧП, — вспоминал В. В. Калашников, — и я, и все секретари ЦК пребывали в уверенности, что все делается с ведома Горбачева».⁵ На просьбу прояс-

и ее первого секретаря Ю. А. Прокофьева, поскольку это — отдельный, и не лишенный любопытства сюжет.

¹ *Полозков И. К.* Обманутые надежды, или как разрушали страну. М., 2014. С. 529.

² Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 года — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля. «Когда состав ГКЧП был оглашен на утреннем заседании ЦК, у всех было ощущение сговора — ведь были названы самые-самые близкие Горбачеву люди», — вспоминал В. В. Калашников (Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля); Об этом же своем ощущении рассказывал автору и присутствовавший на заседании А. С. Дзасохов. (Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова, секретаря ЦК КПСС. Москва. 2018. 14 ноября).

³ *Калашников В.* Август 91-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 октября.

⁴ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля, 2018. 31 октября.

⁵ Там же. Санкт-Петербург. 2016. 21 октября.

нить ситуацию с Горбачевым Шенин уклонялся от ответов, хотя дал понять, что знает намного больше, чем остальные секретари ЦК¹. Словом, Шенин настолько искусно построил свое сообщение, что особой обеспокоенности за судьбу своего лидера у секретарей ЦК не должно было возникнуть. По словам секретаря ЦК КПСС А. С. Дзасохова, Шенин сознательно «дезинформировал секретарей ЦК», не обладавших даже десятой долей той информации о планах ГКЧП, которой обладал Шенин, и вынужденных полагаться на достоверность его сообщения. Как следствие, секретариат ЦК допустил поистине роковую ошибку, не сформулировав сразу своего отношения к путчу². Впоследствии это дало повод обвинить секретариат ЦК в фактической поддержке ГКЧП³. По словам высокопоставленного работника ЦК А. Я. Дегтярева, О. С. Шенин своим поведением в дни путча «зарезал» партию, дав повод обвинить ее в организации государственного переворота⁴.

В своем выступлении Шенин подчеркивал, что ГКЧП представляет государство, а не партию. Впоследствии, уже после ареста, Шенин категорически отрицал то, чтобы «в ЦК хоть какая-то структура работала бы на режим чрезвычайного положения или на ГКЧП»⁵.

Заместитель генсека и второй человек в партии В. А. Ивашко еще не оправился от последствий операции. Ивашко, по природе своей человек крайне осторожный, решил выждать время и не созывать внеочередной Пленум ЦК КПСС. «Время, история рассудят, прав ли я был тогда или нет, но я сразу же пришел к выводу, что собирать пленум в этой обстановке — непоправимая ошибка. У меня перед глазами еще стоял апрельский пленум, на котором (вы, наверно, помните) М. С. Горбачев ставил вопрос о своей отставке.

¹ Дзасохов А. С. Человек и политика. М., 2009. С. 286. В беседе с Ю. А. Прокофьевым О. С. Шенин предложил Юрию Анатольевичу статью его замом, после того, как его изберут Генеральным секретарем ЦК КПСС. Юрий Анатольевич предположил, что большими шансами на избрание генсеком обладал он сам, а Президентом Советского Союза после отставки или снятия Горбачева с должности, стал бы Анатолий Иванович Лукьянов (см.: Архив автора. Интервью Ю. А. Прокофьева. Москва. 2020. 17 февраля).

² Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

³ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1341. Отчет о проделанной работе Парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств государственного переворота в СССР. 1991 г. Л. 152–154.

⁴ Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева, в 1991 г. — заведующего идеологическим отделом ЦК КПСС. Москва. 2017. 17 марта.

⁵ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1335. Диктофонная запись беседы руководителя парламентской комиссии по расследованию деятельности ГКЧП А. М. Оболенского и генерального прокурора РСФСР В. Г. Степанкова с О. С. Шениным. 1991. 5 декабря. Л. 22.

Я председательствовал на этом пленуме, там остался хороший кусок моей жизни, и впечатления были еще живы. Я отчетливо себе представил, что пленум сразу же поставит вопрос: “Где генеральный секретарь?” На этот вопрос я, естественно, ничего вразумительного ответить не мог, тем более что пошли уже всевозможные слухи. Даже сам факт созыва пленума без генерального секретаря означал бы своего рода переворот в партии. Так можно ли было в такой ситуации собирать пленум? Идем дальше. На этом пленуме немедленно бы часть членов ЦК ушла в знак протеста, это уж точно. В то же время, не знаю сколько, но кто-то бы остался, и уж тогда коллективный орган был бы втянут в переворот и в государстве, и в партии», — говорил В. А. Ивашко в интервью «Независимой газете» спустя два месяца после путча¹. «С мест в ЦК уже шли телеграммы с требованием созвать Пленум. Мы собрались Секретариатом в тот же день, 20-го. Сели и говорим: “Ребята, остановитесь, какой Пленум? Для чего, для “одобрямс”? Или же избирать нового генсека?!” И мы поклялись не допускать переворота в партии», — вспоминала секретарь ЦК КПСС Г. В. Семенова². «В эти дни в ЦК были разные мнения и обсуждались разные шаги, но “хороших” шагов в той ситуации уже не было. Поэтому из ЦК утром 19 августа только в адрес первых секретарей обкомов и рескомов ушла секретная телеграмма, в которой им предлагалось оказать “содействие” ГКЧП, но “в практической деятельности руководствоваться Конституцией СССР”. Иными словами, ЦК не давал парторганам санкции на действия, нарушающие Конституцию СССР, и не поддерживал такие действия со стороны ГКЧП. Сейчас эта телеграмма кажется нелепой, но тогда это был тот компромисс, который предотвратил раскол в секретариате ЦК. Отмечу, что ни тогда, ни после, никто из секретарей ЦК КПСС не стал выгораживать себя и топить других. Все органы КПСС, по сути, оказались коллективными заложниками действий ГКЧП. Секретари обкомов, так же, как и секретари ЦК, в условиях уже состоявшегося введения ЧП не могли нанести ему удар в спину. Тем более что никому в голову не приходило, что вице-президент Геннадий Янаев это сделал по собственному почину», — вспоминал секретарь ЦК КПСС В. В. Калашников³. В беседе с автором этих строк Калашников уточнил свою позицию: «Секретариат ЦК действительно занял нейтральную позицию,

¹ *Ивашко В.* Эти люди действовали в условиях глубокой конспирации // Независимая газета. 1991. 17 октября.

² *Семенова Г.* Мы шли сквозь строй улюлюкающей толпы // Комсомольская правда. 1991. 31 августа.

³ *Калашников В.* Август 91-го в личном формате...

не зная, что делать, не имея указаний ни от генсека, ни от его зама... Горбачева не было, а Шенин мог только, не имея полномочий, просить каждого из секретарей вести себя спокойно и не поднимать шума... Было ощущение, что члены ГКЧП были готовы сделать всю грязную работу за Горбачева, а потом дать ему возможность руководить страной»¹.

Как бы то ни было, но Центральный комитет вел себя в дни путча крайне нерешительно, дискредитировав себя и в глазах Горбачева, и в особенности — в глазах противников ГКЧП. Секретарь ЦК КПСС и будущий президент Молдовы П. К. Лучинский писал о том, что руководство партии имело возможность простейшим способом размежеваться с заговорщиками, однако было деморализовано волной событий. Если бы не неожиданность, утверждает Лучинский, «родилось бы самое простое решение. И оно все бы расставило на свои места. Достаточно было В. Ивашко в первый же день поднять шум об “исчезновении” Генерального секретаря. А там пресса — наша и зарубежная — довела бы этот протест до решительного осуждения действий ГКЧП...»². «Главный факт состоит в том, что партийные органы, сохранявшие еще огромное влияние в различных звеньях государства в центре и на местах, не сумели, не нашли в себе силы преградить дорогу путчистам. Более того, известно, что некоторые из них выступили в поддержку антиконституционных решений, а многие, если и не принимали каких-то действий на стороне путчистов, то больше сочувствовали им, чем осуждали. И уж совершенно непостижимо, что партийные организации и руководящие органы, узнав об отстранении лидера партии от обязанностей президента, его фактическом аресте, не выступили с осуждением этих действий, с требованием освободить Горбачева и дать ему возможность выступить с оценкой происходящего перед народом. В те дни, да и после них, вплоть до сегодняшнего дня, особенно в общении с бывшими партийными работниками и активистами, мне не раз приходилось выслушивать антигорбачёвские филиппики, что, дескать, он в трудный момент отвернулся от партии, бросил ее, предал и т. д. Не хочу защищать каждый шаг Горбачева и каждое сказанное им слово, но кто же кого предал, если ни ЦК КПСС с его секретариатом, ни ЦК компартий республик, ни обкомы, насколько известно, в те дни не сделали ни одного публичного заявления, не приняли ни одной резолюции в защиту Горбачева с требованием его осво-

¹ Архив автора. Интервью В. В. Калашникова. Санкт-Петербург. 2016. 1 июля.

² Лучинский П. К. Заложники. Кишинев, 1993. С. 22–23.

бождения? Зато шли телеграммы и звонки с рекомендацией поддержать действия ГКЧП, принимались заявления и резолюции в их поддержку со стороны местных партийных органов», — писал сторонник Горбачева В. А. Медведев¹. Партийная элита — одно измерение, а другое дело — иной уровень, рядовые работники, в памяти которых об августовских днях остался шок и немой вопрос: «как могло случиться, что высшие чины государства восстали против политики самого высокого должностного лица?»² «Одно из наиболее часто звучащих объяснений заключалось в том, что в основе всего лежало стремление КПСС отстоять свою ускользающую власть. Да, это было. Но вряд ли являлось главным. Ведь в составе ГКЧП, если не считать Шенина, не было представителей чисто партийной верхушки. Ни генсек, ни его первый заместитель, ни большинство членов Политбюро ЦК КПСС в событиях активного участия не принимали. Так случилось, что 19 августа 1991 г. я заходил в здание ЦК. Хорошо помню, там царила всеобщая растерянность и проявлений радости от ЧП было немного. Один из знакомых ответработников попался навстречу с большой сумкой. Он бежал в магазин, сердито ворча: “У этих идиотов хватит ума, чего доброго ввести сухой закон”. ЦК меньше всего походил на “штаб восстания”. Штаб был скорее в кабинетах членов ГКЧП, располагавшихся, в основном не на Старой площади, наступление вела не столько компартия, сколько “партия порядка внутри КПСС”, — вспоминал В. А. Никонов³.

23 августа 1991 г. центр событий переместился на Старую площадь, где возле зданий ЦК КПСС скопились огромные толпы людей⁴. Многие москвичи были убеждены в том, что именно партия была руководящей силой государственного переворота. Ответственные работники аппарата, ожидая самого худшего, уничтожали документы. Полы зданий ЦК были устланы толстым слоем уничтоженной текущей документации⁵, тут же без всякой систематизации валялись пачки разных документов, которые не успели уничтожить⁶. Известия об этом доходили и до ближай-

¹ *Медведев В.* Предал ли Горбачев КПСС? // Независимая газета. 1992. 25 июня.

² *Никонов В. А.* Эпоха перемен: Россия 90-х глазами консерватора. М., 1999. С. 46.

³ Там же. С. 46.

⁴ *Медведев Р. А.* Советский Союз: Последние годы жизни. М., 2015. С. 341.

⁵ *Пихоя Р. Г.* Записки археографа. М., 2016. С. 258; В коридорах Старой площади // Известия. 1991. 12 сентября.

⁶ Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 января.

шего окружения Ельцина. Государственный секретарь РСФСР Г. Э. Бурбулис довел об этом до сведения Горбачева, предлагая последнему «временно приостановить деятельность здания ЦК КПСС». Остроту момента усугубляло то, что у Президента СССР проходила конфиденциальная встреча с Ельциным, на которую не мог попасть даже госсекретарь РСФСР. По словам Геннадия Эдуардовича, он по телефону надиктовал сообщение руководителю охраны Ельцина А. В. Коржакову, последний своей рукой переписал слова Бурбулиса, подписался за него, а затем передал записку своему прикрепленному — Президенту России. Борис Николаевич, в свою очередь, попросил Горбачева немедленно ознакомиться с ее содержанием. На записке Бурбулиса-Коржакова генсек поставил размашистую резолюцию: «Согласен. М. Горбачев. 23 августа 1991 г.»¹. «Через 15 минут после написания Горбачевым этой резолюции началась процедура изгнания ЦК со Старой площади. Это было правильно и хорошо», — вспоминает Г. Э. Бурбулис². «Именно эта резолюция, а не указ Ельцина, в котором речь шла только о Компартии РСФСР, позволила начать разгром центральных органов КПСС», — справедливо пишет известный историк, а в то время — член ЦК КПСС Р. А. Медведев³. «Горбачев просто запутался и хотел уйти в тот (демократический. — А. П.) лагерь. Он уже был в руках других людей, которые его в Форосе освободили, но фактически конвоировали в Москву», — справедливо сказал А. С. Дзасохов, в августе 1991 г. — секретарь ЦК КПСС⁴. «Горбачева привезли из Фороса под конвоем людей Ельцина, который размазывал потом Горбачева на съезде», — вторит Дзасохову народный депутат СССР Н. С. Петрушенко⁵. «Горбачев кончился, когда вернулся из Крыма... Его привезли фактически под конвоем Ельцина», — утверждает народный депутат СССР А. Е. Карпов⁶.

В свою очередь, победившая демократия в лице Ельцина и его сторонников решала свой главный вопрос — вопрос о власти. «Весь секретариат ЦК потворствовал путчу. Важнейший вопрос любой революции — вопрос о власти. Нужно было немедленно уничтожить предыдущую власть, нужно было отнять у цековцев все и выгнать их из штаба революции», — откровенно вспоминает Е. В. Саво-

¹ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса, в 1991 г. — государственного секретаря РСФСР. Москва. 2019. 11 февраля.

² Там же.

³ *Медведев Р. А.* Советский Союз: Последние годы жизни... С. 342.

⁴ Архив автора. Интервью А. С. Дзасохова. Москва. 2018. 14 ноября.

⁵ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко. Орша. 2019. 31 августа.

⁶ Архив автора. Интервью А. Е. Карпова. Москва. 2020. 23 декабря.

стьянов, летом 1991 г. занимавший пост генерального директора департамента мэра г. Москвы, закрывший 23 августа 1991 г. здание ЦК КПСС.¹ Его непосредственный начальник, Г. Х. Попов, первый демократически избранный мэр Москвы, признавался, что он придавал захвату здания ЦК КПСС «сугубо символическое значение» и изгнанию оттуда руководящего органа коммунистической партии, понимая все же, что народ воспримет его как «конец советской власти». «Назад покойничков не носят», — прибавляет Гавриил Харитонович, отмечая, что наибольшее значение захвату здания на Старой площади придавал именно Ельцин².

По внутренней линии связи всем сотрудникам аппарата ЦК КПСС было предложено покинуть здание. Как раз в это время известный литературовед Ю. Ф. Карякин позвонил помощнику Горбачева А. С. Черняеву, который находился в здании ЦК КПСС. На вопрос Карякина о том, что происходит, Черняев невозмутимо ответил: «Вон ваши (демократы. — А. П.) нас штурмуют»³. Во время «исхода» работников аппарата ЦК из здания ЦК КПСС ненависть к ним толпы достигла крайнего предела. А. С. Черняев вспоминал: «Наглядным и концентрированным выражением этой ненависти была акция на Старой площади и прилегающих к зданиям ЦК КПСС улицах 23 августа 1991 г. Правда, она была адресована уже перестроечной номенклатуре, тем не менее, воспринималась как “то же начальство”, к тому же опозоренное только что провалившимся путчем. Это акция — целое публичное представление по изгнанию сотрудников ЦК из их помещений — была, конечно, заранее организована ельцинской московской властью, но эмоции толпы были неподдельными. Сквозь узкий проход между шпалерами тысяч людей шли, бежали сотрудники аппарата ЦК, в основном, рядовые — секретарши, машинистки, обслуга, референты, инструкторы... Их оплевывали, кидали в них разные предметы, оскорбляли, освистывали, улюлюкали... И если бы не заблаговременно (!) приглашенная в большом количестве милиция, могли бы случиться и расправы»⁴. Победившая демокра-

¹ Архив автора. Интервью Е. В. Савостьянова, летом 1991 г. — генерального директора департамента мэра г. Москвы. Москва. 2019. 1 октября.

² Архив автора. Интервью Г. Х. Попова, летом 1991 г. — мэра г. Москвы. Московская область. П. Заречье, 2021. 15 апреля.

³ Карякин Ю. Ф. Переделкинский дневник / Сост., предисл., примеч. И. Зориной. М., 2016. С. 60. Дневниковая запись от 23 августа 1991 г.

⁴ Черняев А. С. Советское общество: почему распалось союзное государство // Горбачевские чтения. Вып. 9. Два путча и распад СССР. М., 2011. С. 25. Яркие описания этого дня можно встретить в воспоминаниях Н. А. Зеньковича, Г. В. Семеновича и В. М. Легостаева (см.:

тия предалась безудержному ликованиею. «Меня вдруг обуял приступ радостного неистовства. Я подпрыгивал, взмахивал руками и что-то орал. Здание на Старой площади опечатано! И памятник железному Феликсу свален с пьедестала. Мы дождались чего-то совершенно невероятного», — вспоминал один из руководителей «Демократической России» Л. М. Баткин¹.

Руководящие работники аппарата ЦК КПСС, к слову, подвергались унижительному обыску — у них искали не только документы, но и деньги — пресловутое «золото партии». Партийный аппарат был в те дни главным объектом травли². В опустевшее помещение ЦК КПСС самым первым зашел председатель главного архивного комитета при правительстве РСФСР историк Р. Г. Пихоя, опечатававший печатью Росархива служебные помещения вчерашнего «штаба революции». Иллюстрацией нового соотношения политических сил, сложившихся после путча и фактического обвала Центра, выглядел звонок, поступивший Пихоя от Горбачева: глава государства просил Рудольфа Германовича не опечатывать кабинет генсека, мотивируя это тем, что он — Президент СССР...³

На следующий день, 24 августа 1991 г., в значительной степени под давлением Г. Х. Попова и Ю. М. Лужкова⁴, приглашенных к Президенту СССР, М. С. Горбачев сложил с себя полномочия Генерального секретаря ЦК КПСС. «Секретариат, Политбюро ЦК КПСС не выступили против государственного переворота... Не считаю для себя возможным дальнейшее выполнение функций Генерального секретаря ЦК КПСС и слагаю соответствующие полномочия», — заявлял в специально составленном для этой цели заявлении М. С. Горбачев⁵. По убеждению Лужкова, «то был один из первых результатов разгрома коммунистического путча. Да, именно коммунистического. Терявшая авторитет, по существу разваливавшаяся коммунистическая партия стала, как говаривали

Зенькович Н. А. ЦК закрыт, все ушли... Очень личная книга. М., 1999. С. 5–12; *Семенова Г.* Мы шли сквозь строй улюлюкающей толпы // Комсомольская правда. 1991. 31 августа; *Семенова Г.* Для партии это была катастрофа // Огонек. 1991. № 37. С. 30–32; *Легостаев В. М.* Как Горбачев «прорвался во власть». М., 2011. С. 195–199.

¹ *Баткин Л. М.* Эпизоды моей общественной жизни: воспоминания. М., 2013. С. 174.

² Архив автора. Интервью В. В. Рябова. Москва. 2018. 24 января.

³ Архив автора. Интервью Р. Г. Пихоя, в 1991 г. — главы комитета по делам архивов при правительстве РСФСР. Москва. 2018. 29 марта.

⁴ *Попов Г. Х.* Первый мэр Москвы. М., 2015. С. 246–247.

⁵ *Горбачев М. С.* Собрание сочинений. Том 27. Июль — август 1991. М., 2017. С. 282.

прежде, вдохновителем и организатором этого противозаконного, антиконституционного, крайне опасного переворот. Вдохновляла и организовывала, конечно, не вся многомиллионная партия, с которой рядовые коммунисты давно уже потеряли реальную связь, перестали ходить на собрания, платить взносы, а бюрократическая верхушка...»¹. Сложно не согласиться с Лужковым, по словам которого, «сам факт нашего с Гавриилом Харитоновичем Поповым приглашения говорил о многом»². Президент демонстративно раскрыл объятия лидерам «новой, демократической Москвы», где «решилась в три августовских дня его судьба как государственного деятеля и просто человека»³. «Текст “отречения”, вскоре опубликованного в газетах, обсуждали деловито, спорили без каких-либо предвзятостей. Мы предложили более радикальные формулировки. Михаил Сергеевич остановился на других — помягче, оставив прежней суть. В конце концов это его личное заявление, и он сам был вправе выбирать слова. Но как бы ни звучало отречение, оно поставило точку в вековой истории Коммунистической партии Советского Союза», — вспоминал Лужков⁴.

Вместе с Г. Х. Поповым и Ю. М. Лужковым в обсуждении вопроса об отставке Горбачева с поста генсека приняли участие И. С. Силаев, В. В. Бакатин, В. Н. Игнатенко и В. А. Медведев. Позднее к ним присоединился и А. С. Черняев⁵. В составлении текста заявления генсека приняли участие В. А. Медведев и А. С. Черняев; одновременно с заявлением Горбачева было составлено и близкое к нему по смыслу заявление группы членов ЦК КПСС, авторами которого были, в частности, В. А. Михайлов, О. Р. Лацис, А. С. Грачев, А. Я. Дегтярев. Все они приняли участие и в итоговой редак-

¹ Лужков Ю. М. 72 часа агонии. Август 1991 г. Начало и конец коммунистического путча в России. М., 1991. С. 95.

² Там же. С. 96.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 96–97.

⁵ «Почему “в таком составе” обсуждались такие вопросы, мне до сих пор непонятно. Впрочем, это лишний раз подчеркивает, насколько президент был политически “оголен” в результате путча. Нам с Медведевым поручили “формулировать” на бумаге обсуждавшиеся варианты. Попов и Лужков предлагали вместе с отказом от поста Генсека (это было решено Горбачевым еще до моего появления в кабинете) заявить и о роспуске Центрального Комитета и даже всей партии. М. С. на это не пошел, хотя никто из присутствовавших не возражал. Не пошел, думаю, не только потому, что формально это было вне его компетенции. Но и чтобы еще больше “не подставлять” миллионы членов партии, оказавшихся не по своей воле замаранными путчем», — вспоминал А. С. Черняев (Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым...С. 491).

туре текста заявления Горбачева, первая версия, которого и была подготовлена В. А. Медведевым¹. 24 августа оба заявления были зачитаны по телевидению и радио. Любопытно, что в день «отречения» Горбачева в «Известиях» была опубликована статья члена ЦК КПСС О. Р. Лациса, который задавался вопросом: «Да и надо ли Президенту заниматься созданием партии? Генеральному секретарю, пожалуй, надо освободить Президента от этих забот...»²

Текст заявления был опубликован в прессе.³ «Перестройка — это революция, революция сверху. Но ни одну революцию — снизу ли, сверху ли — никогда не удавалось спрогнозировать, ее результаты были всегда неожиданны, прежде всего для тех, кто ее начинал, и для них же, для зачинателей, оказывались наиболее зловещими. У меня нет на этот счет веских доказательств в пользу того или другого варианта “зачем?” и никогда их, наверное, не будет для многих будущих исследователей. Единственно, что я могу использовать это свои собственные наблюдения. Я думаю, что Горбачев в своих изначальных замыслах не шел дальше того, чтобы обновить и облагородить свою родную партию. И действовал

¹ Архив автора. Интервью В. А. Михайлова. 2018. 24 января. Москва; Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева. 2017. 14 марта. Москва; Архив автора. Интервью А. С. Грачева. Москва. 2018. 13 сентября; Лацис О. Р. Тщательно спланированное самоуправство. М., 2001. С. 380–382; Медведев В. А. В команде Горбачева. М., 1994. С. 211–212.

² *Лацис О.* Горбачев вернулся в другую страну. Понимает ли он это? // Известия. 1991. 24 августа.

³ *Заявление М. С. Горбачева* // Российская газета. 1991. 27 августа. «Внеся в подготовленный текст несколько изменений, возникших по ходу обсуждения, Горбачев еще раз прочитал нам теперь уже окончательный текст. Получилось, что именно под сводом Ореховой гостиной, многие годы собиравшей на сокровенные встречи членов высшего советского партийного руководства, впервые прозвучало официально отречение ее последнего генсека. В тот день никому из присутствовавших на этой скромной церемонии не пришло бы в голову провести параллель между тем, что происходило на наших глазах в Кремле, и отречением от престола последнего российского императора в вагоне царского поезда на псковском разъезде. Полный энергии Горбачев отнюдь не походил на деморализованного Николая, да и наша депутация, хотя и состояла из своего рода разочаровавшихся “монархистов”, явно не имела полномочий Шульгина и Гучкова. Если в чем-то мы их и напоминали, так, пожалуй, в наивной вере, что такими символическими жестами еще можно установить контроль над стихией политических событий», — писал член ЦК КПСС А. С. Грачев, назначенный вскоре после этих событий пресс-секретарем Президента СССР (*Грачев А. С.* Горбачев. М., 2001. С. 390–391). На наш взгляд, если кто и напоминал в этой ситуации Шульгина и Гучкова, то именно Попов и его будущий преемник на посту мэра Москвы Юрий Лужков.

он как истый и “настоящий партиец”. Но партия-то стояла на столь ненадежной точке равновесия и устойчивости, что достаточно было любого, даже самого нежного прикосновения к ней, чтобы она покатилась (с соответствующим ускорением) по наклонной. А раз так, то и Горбачев кончил тем, чем единственно и можно было кончить — он стал едва ли не самым главным ликвидатором партии. Этой роли, на мой взгляд, содействовало и то, что Горбачев достаточно продолжительное время сосредотачивал в своем лице две власти — государственную и партийную. Это вызывало недоумение в Верховном Совете, в депутатском корпусе. Однако же не будь этого совмещения, услужи он пост генсека кому — то другому — партия еще показала бы себя, показала бы всем нам “демократию”. Нет, все это не потому, что Горбачев так хотел и замышлял, а потому что другой логики, другого варианта не оказалось. Разве только путч ради возвращения к прошлому. Но прошлое-то было столь непривлекательным и, несмотря на небольшой срок, *столь невозвратно-далеким* (выделено мной. — А. П.), а общественные силы и пресса уже так сильны, что путч-то могли предпринять самые недалекие люди, и как таковые они и кончили. Самое большее, на что они могли рассчитывать — это на апатию населения, но для контрреволюций, как и для революций, пусть в меньшей мере, но апатия — плохой союзник», — писал народный депутат СССР, член Президентского Совета при Горбачеве, известный писатель С. П. Залыгин¹.

Объясняя в кругу единомышленников свое решение, Горбачев заговорил о судьбе партии: «Они сами перечеркнули шанс ее реформировать, который я им оставлял до последнего дня. У меня совесть... Ведь они же предали своего генсека, не потребовали ни встречи со мной, не собрали Пленум ЦК». На вопрос А. С. Грачева «А кто, по-вашему, мог остановить путч, Михаил Сергеевич, после того как эта машина покатилась?», Горбачев, не раздумывая, ответил: «Два человека — Лукьянов, как спикер парламента, и Ивашко, как второй человек в партии, который замещал меня в мое отсутствие»². Любопытно, что отвечая на вопросы журналистов на пресс-конференции 22 августа 1991 г., устроенной спустя всего несколько часов после возвращения из Фороса, М. С. Горбачев заявил о том, что в дни путча Секретариат ЦК «заметался», но в итоге в нем возобладало здоровое течение. При этом из секретарей ЦК Горбачев особо отметил А. С. Дзасохова, В. А. Ивашко,

¹ Залыгин С. П. Подлинные и мнимые секреты перестройки // Новый мир. 1992. № 12. С. 274.

² Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 388.

«особенно» В. А. Купцова «и других». «В конце концов было вынесено требование, добрались до Генерального секретаря в Крым», — подчеркнул Михаил Сергеевич¹. Как видим, Горбачев в тот момент еще строил на партию определенный расчет. Всего сутки спустя Президент СССР уже делал ставку на совсем другую карту и на совсем других людей, давая руководству партии уже другие оценки. Тот же Ивашко, по словам Горбачева, оказался не готов к своему положению второго человека в КПСС, переживавшей тяжелейший кризис в своей истории. Окончательно «скис» Ивашко в роковые дни августа 1991 г.² О том, что Ивашко был «совершенно безликая фигура» и «такой же безликой была и его позиция в августе 1991 года», — пишет в своих воспоминаниях и кардинально разошедшийся с Горбачевым и его линией в 1991 г. член Политбюро ЦК КПСС Ю. А. Прокофьев³.

В своих воспоминаниях Горбачев пишет о том, что ему довелось выслушать немало упреков в связи с уходом в отставку с поста генсека, однако не считает себя виновным в сложившейся ситуации. «Я до конца, даже в ущерб своему положению Президента, оставался на посту генсека. Если кто кого и предал, то не я партию, а ее руководство и большая часть номенклатуры — своего лидера и вместе с ним — страну».⁴

«Отречение» Горбачева было вынужденным шагом со стороны генсека, с одной стороны, а с другой — фактическим признанием Михаила Сергеевича в том, что после Фороса он уже нигде не имеет опоры, в том числе и в компартии⁵. «К моменту своего отказа от поста генсека Горбачев уже был политическим трупом. Он же прекрасно понимал, что за ним никого нет. Весь вопрос состоял в том, на каких условиях он сдастся Ельцину. Вы видите эти фонари? Спросил я у Горбачева. Михаил Сергеевич, Вы будете висеть на каком-то из этих столбов вместе с членами ЦК, если не откажетесь от партии», — рассказывал автору Г. Х. Попов, прибавляя, что «Горбачева не надо было долго убеждать»⁶.

¹ Пресс-конференция Президента СССР // Правда. 1991. 23 августа.

² Горбачев М. С. Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1. С. 559.

³ Прокофьев Ю. А. О времени, стране и о себе. Первый секретарь МГК КПСС вспоминает. М., 2021. С. 110–111.

⁴ Горбачев М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас. М., 2006. С. 335.

⁵ Архив автора. Интервью О. И. Ожерельева, помощника Президента СССР. Москва. 2017. 14 ноября.

⁶ Архив автора. Интервью Г. Х. Попова.

Справедливости ради, скажем, что «отречение» Горбачева от партии вызвало поистине шок у секретарей ЦК.¹ Горбачев «покинул партию в самом критическом ее положении. Я не могу его понять ни с человеческой, ни с политической точки зрения», — писал Е. К. Лигачев, немало сделавший в 1985 г. для избрания Михаила Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС². «Вспоминаю, как был шокирован Ивашко, Строев, Гиренко, Семенова, Купцов — все, кто пришел, заявлением Горбачева об отставке. Каждого охватило чувство возмущения и негодования», — вспоминал секретарь ЦК КПСС П. К. Лучинский³. «Горбачев преклонял колени перед своим политическим соперником Ельциным. По форме, однако, он изображал свой акт как сведение счетов с “партией путчистов”. В банальной уловке М. С. Горбачев уподоблялся монарху, что обещал царство за коня», — писал секретарь ЦК КПСС В. М. Фалин, прибавлявший, что в последний день пребывания Горбачева на посту Президента СССР, к Михаилу Сергеевичу явился пользовавшийся всеобщим уважением народный депутат СССР профессор А. А. Денисов, которому экс-генсек с горечью сказал: «Наверное, я поторопился сложить с себя обязанности Генерального секретаря. Сейчас партия мне даже очень пригодилась бы...»⁴ Сам А. А. Денисов вспоминал, что Горбачев ему посетовал при встрече на предательство Ельцина и сказал печально: «Наверное, я зря отказался от поста генсека. Сейчас можно было бы опереться на коммунистов...»⁵

Партия сошла с исторической сцены, ее развал, как свидетельствовал старожил аппарата ЦК КПСС Л. А. Оников, был «безропотный, постыдный, мгновенный...»⁶. «Никто из оставшихся после ухода Горбачева руководителей не захотел да, пожалуй, уже и не смог бы созвать хотя бы пленум. Партия ушла в небытие даже без официального обряда. А ведь несколькими месяцами раньше могла бы и не уходить совсем, цивилизованно разделиться на несколько организаций, распределить между ними имущество, оставить законных преемников. Но только — преемников в де-

¹ Гуренко С. Живу поддержкой товарищей // Правда. 1991. 22 октября; Архив автора. Интервью В. В. Калашникова, в июле-августе 1991 г. — секретаря ЦК КПСС. Санкт-Петербург. 2018. 31 октября.

² Суд над КПСС на улице и в зале // Аргументы и факты. 1992. № 25–26. С. 1.

³ Лучинский П. К. Заложники. Кишинев, 1993. С. 42.

⁴ Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999. С. 457–458.

⁵ Денисов А. А. Глазами народного депутата СССР. Выпуск 1. Как это начиналось. СПб., 1994. С. 113.

⁶ Оников Л. А. КПСС: Анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М., 1996. С. 160.

мократической парламентской конкуренции, а не в сохранении единоличной власти. На это реакционный аппарат не соглашался, это лишало его шансов на возврат прошлого. Следовательно, партия была обречена, бесславный самоубийственный конец был неизбежен», — писал бывший член ЦК КПСС О. Р. Лацис, последовательно поддерживавший линию Горбачева по реформированию партии¹.

Писатель Д. А. Гранин, посетивший в те дни опустевшее здание ЦК КПСС, вспоминал: «Что-то в этом знакомом здании на Старой площади показалось мне необычным. Был солнечный будничный день, много прохожих, все как всегда, не было только длинного блестящего ряда черных “Волг” напротив этого дома. Опустошенный, и серое здание это показалось мрачным... Решение пришло внезапно — я зашел. Охране показал свое депутатское удостоверение. В здании никого нет, предупредили охранники. Они были в штатском. Тем более, сказал я, интересно посмотреть, просто так, писательское любопытство, бывший наш храм. Они усмехнулись. Это были дни безвластия. Рядом на площади снесли памятник Дзержинскому. Лубянка притихла... Рядом был кабинет какого-то из секретарей ЦК. Кого, неизвестно, вывеску сняли. Объемные кожаные кресла. Телефоны, толпа телефонов: вертушки, междугородние, прямые, и туда, “к самому”. Повсюду валялись изорванные бумаги. За стеклом огромного книжного шкафа — нетронутые собрания сочинений Маркса, Ленина, старое издание Большой советской энциклопедии. Разбитый графин. Свисала порванная портьера. Пахло куревом, застоялый, непроветренный воздух конторы. “Штаб ленинской гвардии”, “Наш родной ЦК”, а чаще всего со значением, с угрозой — “Старая площадь” — остался мрачный, замусоренный. Безмолвные телефоны. Развалины империи, великой империи, символ ее абсолютной власти, он стал символом катастрофы, вдруг она предстала передо мной явственно, я увидел ее останки, труп. Никогда не думал, что доживу до этого... Много позже многие цекисты — “цикачки”, вроде Лигачева, каялись: “Ах, почему мы не отстаивали своих взглядов”, проклинали Горбачева — предателя, предал партию. Действительно, почему не отстаивали? Не вышли на улицу? Но было ли что отстаивать? Кровавая история Коммунистической партии оказалась без защитников... Выйти из партии никто не мог. И вдруг она исчезла, растаяла как мираж. Под ногами валяются обрывки бумаг, папки “для служебного пользования” — ДСП, “секретно”. Развалины Бастилии, обломки Империи... А ликования не было, было удив-

¹ Лацис О. Р. Тщательно спланированное самоубийство. М., 2001. С. 382.

ление — неужели дожил? Увидел, как эта власть пала, бесшумно рассыпалась. Итак, все разбежались, бросили свою цитадель...»¹ Воистину, как справедливо выразился Р. А. Медведев, «это был семнадцатый год наоборот»².

Демонтировав партийный аппарат, Ельцин и его команда получали возможность приступить к разрушению СССР. Начался закат эпохи правления Горбачева, потерявшего свою привычную уверенность в себе. Три дня в августе психологически сломали его³.

«Я сижу в том самом кабинете Михаила Сергеевича, где бывал много раз, и удивляюсь перемене. Пространство, окружающее президента, оказалось вдруг гулким, бесхозным и пустым, как покинутый дом. Нет той напряженности в воздухе, той “государственной энергетики”, что составляет главную притягательность власти для людей, зараженных политикой. Всматриваюсь в лицо хозяина кабинета. Как оно изменилось! Исчезла самоуверенность, артистичность. Ушло обаяние — та скрытая демоническая веселость, что пряталась раньше за каждой фразой, создавая второй план разговора и подавляя в собеседнике способность возражать. Все через силу. Взгляд с поволокой. “Он больше не президент”, — подумал я. И припомнилось — нет, не то выражение потаенного страха, что было на фороской видеопленке, когда он, перепуганный, обращался к нам, здесь за него борющимся. А другое, которое проявилось в российском парламенте, когда Ельцин буквально вынуждал его перед гикающим залом зачитывать запись заседания кабинета министров, где каждый отрекался от своего президента и изменял ему с ГКЧП. “Унижение, — подумал я, — вот что оставляет печать на лице президента. Теперь его уход лишь вопрос времени”, — таким запомнился Президент СССР Ю. М. Лужкову 27 августа 1991 года⁴. Преданного сторонника Горбачева А. С. Грачева при встрече с Михаилом Сергеевичем, вернувшимся из Фороса, «поразил контраст между его прекрасным южным загаром, видом здорового, отдохнувшего человека и непривычным выражением лица. “Южные”, с живым блеском глаза, на которые чаще всего обращали внимание те, кто впервые встречался с ним, как бы потухли и выдавали серьезную внутреннюю перемену, прошедшую с ним всего за одну неделю: он потерял прежнюю несокрушимую уверенность в себе, которой так заражал своих сторонников и подавлял оппонентов»⁵.

Президент СССР был подавлен и растерян, оказавшись не только без реальной власти, но и оставшись без *команды*. Многочисленные

¹ Гранин Д. А. Причуды моей памяти. М., 2010. С. 391–394.

² Архив автора. Интервью Р. А. Медведева, в 1991 г. — члена ЦК КПСС. Село Немчиновка, Московская область. 2018. 21 июля.

³ Калашников В. Август 91-го в личном формате // Санкт-Петербургские ведомости. 2016. 21 октября.

⁴ Лужков Ю. М. Мы дети твои, Москва. М., 1996. С. 185.

⁵ Грачев А. С. Горбачев. М., 2001. С. 388.

историки и публицисты, упрекающие Горбачева в нерешительности и непоследовательности предпринятых им шагов в последние месяцы его президентства, предают забвению тот очевидный факт, что на завершающем этапе его карьеры как главы государства «его растерянность, колебания и сомнения во многом были порождены предательством, неискренностью, лестью ближайшего окружения, бесконечными закулисными интригами...»¹ По словам народного депутата СССР и России М. А. Бочарова, «в последний период его президентства Горбачева предали все»².

Горбачев понимал, что соотношение сил после путча изменилось не в его пользу. В качестве *хозяина* огромной страны его теперь не рассматривало не только окружение Ельцина, но и кремлевские царедворцы. «Поведение бюрократии — это самый чуткий термометр, особенно в таких ситуациях. После Фороса у многих, даже в ближайшем окружении, на смену неизменному (за глаза) почтительному “Михаил Сергеевич” пришло короткое “Горбачев”, — вспоминал мудрый и многоопытный аппаратчик К. Н. Брутенц³. Короткий порыв народной любви к Президенту СССР в августе был недолог: молва считала бывшего генсека причастным если не к заговорщикам, то к возникновению причин, породивших заговор. Вопросов к Президенту СССР у людей накопилось немало. Известный драматург А. И. Гельман писал вскоре после путча: «Почему, когда мы увидели и услышали вызволенного из крымского заточения Михаила Горбачева, почему его первые слова, его первые рассказы и оценки вызывали досаду, даже раздражение? Он говорил как чужой, как посторонний... Первейший вопрос — окружение. Трудно, невозможно поверить, что президент просто не разбирается в людях, и поэтому вокруг него оказалось столько совершенно отъявленных мерзавцев... Люди хотят до конца понять, осмыслить, почему Горбачев проводил политику демократизации, опираясь на сотрудничество с противниками демократии?»⁴ Далекий от обывательских сплетен и абсолютно лояльный к Горбачеву Председатель Совета Союза Верховного Совета СССР И. Д. Лаптев писал в октябре 1991 г.:

«Сейчас появилось немало трактовок того, что главный путчист — это пустой прилавок в магазине, что именно плохое состояние рынка товаров

¹ Власов А. И. Записки из рухнувшего дома. М., 1998. С. 175.

² Архив автора. Интервью М. А. Бочарова, народного депутата СССР и РСФСР. Москва. 2019. 18 июня.

³ Брутенц К. Н. Несбывшееся. Неравнодушные заметки о перестройке. М., 2005. С. 618.

⁴ Гельман А. Горбачев и свобода // Московские новости. 1991. 1 сентября.

народного потребления вызвало это антиконституционное, антинародное выступление. Мне кажется, что это не так, что пустой прилавок, равно как и другие наши экономические проблемы, был лишь одним из поводов, но отнюдь не причиной и тем более не главной причиной событий 19 Немчиновка 21 августа. Главная причина, на мой взгляд, состояла и состоит в том, что десятилетиями правившие этой страной структуры начали ощущать реальную потерю реальной власти. Эти структуры известны — КГБ, МВД, армия и в центре — партия, точнее ее руководство. Можно даже сказать, это была единая структура, потому что одни и те же люди составляли и Политбюро ЦК партии, и возглавляли “силовые” министерства. Положения проекта Союзного договора, будь он подписан, окончательно закрепили бы для них потерю власти. Вот почему, мне кажется, 19–21 августа был просто отчаянный бросок за ускользающей властью, хотя вернуть ее прежним носителям стало практически невозможно уже ранее, может быть, после выборов Президента РСФСР. Но, видимо, здесь они сами поверили той дезинформации, которую гнали “наверх” и образцы которой представили нам, когда Павлов требовал дополнительных полномочий. Особого осмысления заслуживает роль “главных” властей страны: законодательной, исполнительной, судебной. Конечно, слабость исполнительной власти, ее некомпетентность объективно работали на путч. Но вряд ли есть смысл адресовать исполнительной власти основной упрек — ведь путч по сути дела именно исполнительную власть возводил на пьедестал верховной власти, снова срачивая власть политическую и экономическую и снова отбрасывая всякие представления о правовых основах этой власти. Можно даже сказать, что исполнительная власть в том виде, в каком она у нас была, не могла не оказаться участником путча, ибо реформы разрушают прежде всего тоталитарный режим, а значит — пирамиду исполнительной власти. Судебная власть, по сути дела, себя никак не проявила ни в участии в путче, ни в защите от него, ибо до сих пор остается — во многом из-за Верховного Совета СССР — властью бессильной, зависимой, неустроенной, необеспеченной и потому неэффективной. Самые сложные вопросы мы должны задать себе — представителям законодательной власти. Был бы путч возможен, если бы у заговорщиков не было серьезной надежды на законодательное оформление своих действий? На правовую индульгенцию совершаемого греха? На поддержку законодателями антиконституционных шагов, коль скоро они “во благо страны”? Мне кажется, есть не так уж мало оснований ответить на эти вопросы утвердительно. Покорность, управляемость Верховного Совета, постоянные призывы самих депутатов к твердой руке, к твердому порядку, звучавшие с трибуны союзного парламента, предложения ввести чрезвычайное положение в отдельных регионах, президентское правление и т. п. — не могло ли все это морально содействовать возникновению идеи путча? И никто из нас не может с полной уверенностью сказать, в каком составе был бы собран Верховный Совет, скажем, 19 или 20 августа, или какое решение он принял бы. Наконец, хочу записать еще одно свое наблюдение. Оно касается нашего отношения к страшным словам. Здесь слова страшные не приходится брать в кавычки. Сколько раз и мы, и Президент, находясь в нашем зале, слышали заявления о том, что надо, наконец, проявить решительность, о том, что когда-то надо и власть, т. е. силу употребить, о том, что Президент должен

навести порядок. Хотя все понимали, что речь идет о применении принуждения — эти слова ведь находили немалое сочувствие в зале. А из него летели на всю страну и убеждали народ, что, да, так и надо поступить. На эти слова и требования не реагировал Президент, не реагировал в том смысле, чтобы показать их неприемлемость, недопустимость. И постепенно многие и многие свыкались с мыслью: а может быть, только в этом и заключается выход? Думаю, что это назойливое навязывание силовых решений, эта молчаливая реакция Президента, наверное, иными принимаемая за согласие, тоже должны быть проанализированы и рассмотрены с полной объективностью. И последнее. Одной из причин путча, — это для меня несомненно, — явилась кадровая политика Президента. Позволяя расчищать вокруг себя “кадровое пространство” и соглашаясь на удаление людей мыслящих, смелых, “неудобных”, — он заполнял это пространство людьми послушными, несамостоятельными, не беря в расчет, что именно послушные и несамостоятельные бывают самыми завистливыми и злобными. Атмосфера серости, которая сложилась вокруг Президента и в которой он должен был осуществлять политический анализ обстановки и принимать решения, установленная, как мы теперь знаем, его ближайшими сотрудниками практика неполного информирования или даже дезинформации, по-видимому, создали у Президента ошибочные представления о положении в стране и “в высших эшелонах власти”, а у членов ГКЧП представление, что в этой мутной воде именно они являются главными щуками и позвали их “на охоту”. Но частью этой кадровой политики была ведь и процедура утверждения в Верховном Совете. Это тоже нельзя сбрасывать со счетов. Верховный Совет оказался удивительно доверчив к “министерским сказкам”. Рассуждения о легионах шпионов, лезущих в нашу страну со всех сторон, о готовности бесчисленных врагов в любую минуту напасть на Советский Союз и поработить нас, об организованной преступности, на борьбу с которой мы наперебой звали товарища Пуго, не озадачивая себя требованием представить и хоть какие-то результаты борьбы, все это как бы пресекало возможности дальнейшего анализа и, главным образом, не давало родиться вопросу: а является ли этот кандидат самым лучшим или все-таки надо еще подумать? Голосование шло почти всегда под конец дня, в спешке, а если кто-то отклонял кандидатуру, то тут же поднимались доброжелатели и начали рассказывать о том, какого замечательного человека мы недооценили, недопоняли, недоголосовали. Переголосуем? И зал дружно отвечает: “Переголосуем”, так комплектовалась “команда”. А теперь наступило время задать себя проклятые вопросы: кто виноват в том, что она так комплектовалась? Виноват Президент и виноват Верховный Совет. Они создали команду, которая была призвана охранять государство, охранять Конституцию, а вместо этого — решила опрокинуть Конституцию и как итог окончательно разрушила государство. Я не буду вдаваться в рассуждения о состоянии общественного сознания, которое во многом остается сознанием люмпенизированным, сугубо восприимчивым к поиску врага, виноватого, “не нашего” человека, которое по характеру своему всегда отзывчиво к идее “большого хозяина”, “крепкого кулака” или, по Оруэллу, “старшего брата”. Рецидивы такого сознания весьма сильные, и, наверное, надежды на него во многом вдохновляли гэкачелистов. И хотя эти надежды не оправдались, вряд ли стоит данное обстоятельство расценивать как уже

свершившееся изменение массового сознания. И расхожее выражение “народ уже не тот” не должно никого успокаивать в этом отношении. Когда речь идет о сотнях миллионов людей, то, как правило, оказывается, что где-то “уже не тот”, а где-то еще ой, как “тот”! Вот таковы мои соображения. Разумеется, неполные и, как я уже отмечал, субъективные. При этом я не касаюсь проблем организации Верховного Совета — они были у всех на глазах и каждый может судить о них сам»¹.

Сам Михаил Сергеевич в последние месяцы своего президентства хранил по поводу августовского путча многозначительное молчание. Свидетелем, подтверждающим его непричастность к афере ГКЧП, стал А. С. Черняев, находившийся в дни путча вместе с Горбачевым в Форосе и видевший все своими глазами. Черняев крайне болезненно воспринимал неумолимо надвигавшийся политический крах Горбачева, нападки на него, в особенности, измышления разного рода, касавшиеся роли Михаила Сергеевича как скрытого режиссера и едва ли не главного участника путча². Вместе с Горбачевым и его семьей Черняев был интернирован в «Заре», вся картина заговора — от появления на даче Президента СССР непрошенных гостей и до его освобождения российской делегацией во главе с А. В. Рудским и И. С. Силаевым — прошла у него перед глазами. Судьба распорядилась так, что Черняев мог и *должен был* как по служебной надобности, так и по долгу совести, выступить в качестве главного свидетеля непричастности Горбачева к заговору. «Реабилитация» Горбачева и доказательство его непричастности к аванюре путчистов было чрезвычайно важно политически: показывая истинное лицо заговорщиков Президент СССР решительно размежевывался как с ними самими, так и с их целями, обретая вновь образ главного поборника свободы в охваченной кризисом стране. Кроме того, опубликование дневниковых записей Черняева и брошюры воспоминаний М. С. Горбачева о путче позволяло гражданам СССР получить первую за прошедшие после форосского заточения полтора месяца информацию о заговоре из уст самого Президента и члена его команды, интернированных на госдаче в Крыму. До этого Президент СССР хранил по поводу путча многозначительное молчание (если не считать памятной

¹ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1340. Письмо И. Д. Лаптева народному депутату СССР А. М. Оболенскому. 18 октября 1991. Л. 1–4.

² Об ответственности Горбачева за ход событий, приведших к путчу, говорил даже Э. А. Шеварднадзе (см.: *Шеварднадзе Э.* Парадоксы в стиле «путч» // Московский комсомолец. 1991. 10 сентября.

пресс-конференции 22 августа 1991 г.)¹, что порождало в свою очередь массу слухов.

1 октября 1991 г. на страницах газеты «Известия» были опубликованы отрывки из дневника Анатолия Сергеевича, которые по сей день являются главным доказательством правдоподобности изложенной самим Горбачевым версии форосского заточения. «Я не собирался публиковать эти заметки. Делая их по привычке вести дневник и уповая на то, что “рукописи не горят”, хотя на этот раз надежды было не так уж много. Если же все-таки уцелеют, хотел оставить их для “мемуаров в отставку”. Но нелепости, недоразумения и преднамеренные гнусности в отношении Президента в средствах массовой информации заставили меня изменить свое намерение», — такими словами Черняев предварил опубликование своего форосского дневника². Публикация дневника Черняева стала своеобразной сенсацией: никогда еще имя Анатолия Сергеевича не обладало столь широкой известностью. Дневник Черняева дошел и до «сидельцев» — членов ГКЧП. Так, в частности, А. И. Тизяков писал о «сплошных противоречиях» и о том, что версия путча, предложенная Черняевым, выглядит крайне «наивно» и «видно, что направлено на одно: оправдать свои действия, но какие действия, от кого и для чего? А почему не расчет: чужими руками создать себе авторитет? Сразу “герой”, “пленник”, “обиженный” — на Руси их всегда любят. Что ожидало Президента СССР в ближайшее время? Может в этом, главный ответ?»³

Надо сказать, что Черняев был литературным обработчиком и фактическим соавтором брошюры М. С. Горбачева «Августовский путч»⁴, в которой Президент СССР излагал свою точку зрения на попытку государственного переворота⁵. Черняев настаивал на скорейшем выпуске «Августовского путча», выход которого в свет был необходим, чтобы «заявить позицию — против новой волны затаптывания, политический смысл которой, скорее всего,

¹ Пресс-конференция Президента СССР // Правда. 1991. 23 августа.

² Черняев А. Форос, август 91 // Известия. 1991. 1 октября.

³ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1340. Письмо члена ГКЧП А. И. Тизякова в комиссию Верховного Совета СССР по расследованию причин и обстоятельств государственного переворота. 1991. [4] октября. Л. 85–86.

⁴ В открытом письме корреспонденту газеты «Правда» В. Большакову Черняев скромно охарактеризовал степень своего участия в «Августовском путче»: «Я тот самый “из секретариата Горбачева”, который имел отношение к вычитке его текста...» (Черняев А. Я тот самый... // Правда. 1991. 14 ноября).

⁵ Черняев А. С. Совместный исход... С. 986. Дневниковая запись от 20 сентября 1991 г.

убрать символ Союза (президента), единственный, слабенький, но другого уже нет...»¹ Отметим, что как Черняев, так и Горбачев, были единственными участниками событий 18–21 августа 1991 г., которые не изменили своей оценки путча за все время, которые прошло с момента крымского заточения Президента. В общем-то можно утверждать, что Черняев и Горбачев — соавторы *канонической* на настоящий момент версии путча. Взгляд Черняева на августовское заточение в Форосе был изложен в целом ряде работ Анатолия Сергеевича². Надо сказать, что ни у кого, кто был в тот момент рядом с Черняевым, например, у Ю. А. Красина, жившего с Анатолием Сергеевичем в одном санатории и обедавшего с ним за одним столом в столовой, не возникло никаких сомнений в правдоподобности того изложения событий, которое было предложено Анатолием Сергеевичем на страницах его записок, — все было именно так, как и описано Черняевым³.

До конца жизни Черняев считал путчистов преступниками. Пожалуй, в наиболее отчетливой форме его оценка путча и участников заговора ГКЧП была дана им в одной из публикаций в «Независимой газете», в 2010 г., ставшую своеобразным ответом на статью А. И. Лукьянова, опубликованную в мае того же года, в которой звучала совершенно определенная линия на оправдание путчистов⁴, в августе 1991 г., именуемых Анатолием Ивановичем не иначе как «мерзавцами» и «авантюристами»⁵. К слову, Лукьянов накануне того, как он был арестован, говорил, что с Горбачевым его «связывают самые тесные отношения, я его люблю, я не могу ему изменить», «не могу предать человека, с которым меня связывают сорок лет жизни»⁶. Статья Лукьянова возмутила своим содержанием Черняева, он счел долгом чести ответить бывшему Председателю Верховного Совета бывшего СССР:

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 986. Дневниковая запись от 19 сентября 1991 г.

² Черняев А. 1) Форос, август 91 // Известия. 1991. 1 октября; Черняев А. С. Шесть лет с Горбачевым... С. 477–488; 2) Совместный исход... С. 970–984; 3) Избранное — 2... С. 139–142.

³ Архив автора. Интервью Ю. А. Красина, в 1991 г. — ректора Академии общественных наук при ЦК КПСС. Москва. 2017. 5 декабря.

⁴ Лукьянов А. Это была отчаянная попытка спасти Союз // Независимая газета. 2010. 18 мая.

⁵ ГАРФ. Ф. 9654. Оп. 7. Д. 1368. Допросы помощника А. И. Лукьянова В. В. Иванова. 11 ноября 1991 и охранника А. И. Лукьянова В. А. Кузнецова. Л. 43, 64.

⁶ Караулов А. В. Вокруг Кремля — 2... С. 445, 452–453. Интервью А. И. Лукьянова, 28 августа 1991 г.

«18 августа 1991 года в 4 часа дня я вместе с Горбачевым и его семьей был арестован на этой даче в момент “невинного”, по изложению Лукьянова, визита туда “четырех”. (Хотя я был народным депутатом СССР, то есть пользовался неприкосновенностью. Но чего уж тут, когда арестовали самого президента!) Спустя минут 10 после того, как эти четверо прошли мимо служебного домика, где был мой кабинет (мергах в 80 от самой дачи), я почувствовал неладное: мне надо было позвонить в Москву, в МИД, по текущим делам. Снял трубку — телефон молчал. Снял другую трубку правительственной связи — молчит. Отключены, оказалось, и обычный телефон, и даже внутренний по территории дачи. По отъезде визитеров Горбачев меня позвал и рассказал, что произошло. Начал он с того, что всякая его связь с внешним миром отключена начисто (мобильников тогда не было. Она была отключена у всех сотрудников, оказавшихся в тот момент на территории дачи, даже у врачей). Явились, рассказал мне Горбачев, Шенин — секретарь ЦК КПСС, Бакланов — зав. оборонным отделом ЦК, секретарь ЦК, генерал Варенников — командующий Сухопутными войсками, зам. министра обороны, Болдин — зав. Отделом в аппарате ЦК КПСС. Провел их прямо к Горбачеву, сквозь все контрольные пункты, Плеханов — начальник “девятки”, кремлевской охраны КГБ. Всех их, включая Болдина и Плеханова, Лукьянов называет “руководителями”. Очень, впрочем, “удачно”! Они приехали по поручению ГКЧП. Крючкова — инициатора и организатора путча — среди приехавших не было. Лукьянов ошибочно его назвал, показав лишний раз свою “осведомленность” в событиях, которые он “детально” изложил. Крючков приехал потом, после разгрома путча в Москве, уже — с повинной. В кабинет зашли четверо — Шенин, Бакланов, Варенников и Болдин, которого Горбачев выгнал сразу же, как только тот стал “объяснять ситуацию в стране”. Плеханов остался за дверью: его “святая обязанность” охранять президента, которого он предал вместе со взводом кагэбэшников, которых он привез с собой, чтобы заменить внутреннюю охрану на территории дачи и осуществить интернирование президента. Перед Горбачевым, таким образом, сидели трое — секретари ЦК и генерал, нарушивший воинскую присягу и офицерскую честь, посягнув на свободу главнокомандующего и президента страны. Он и предъявил Горбачеву ультиматум: “Либо подписываете указ о чрезвычайном положении, либо уходите”. Горбачев послал их не к черту, как потом было написано в мемуарах, а подальше. Сказал, что вы затеяли авантюру, которая погубит и вас, и страну. Может, и правда, автоматически подал руку, чего те не заслуживали. Вернувшись к себе после разговора с Горбачевым, я увидел возле своего кабинета генерала Генералова (тоже удачное сочетание!). Он привезен был Плехановым возглавлять “окупационную” команду. Горбачеву были оставлены три личных “телохранителя”, которые рыцарски отказались оставить президента, не последовав примеру своего непосредственного начальника, который смотался вместе с Плехановым в Москву. Генералов пришел, чтобы объявить мне о “моем положении”. Он сказал, что дача окружена плотным кольцом войск и что “мышь не проскочит наружу” (его слова). Кстати, как заявили потом причастные к ситуации тогда в Форосе адмирал и генерал, ни они сами, ни подчиненные им офицеры и солдаты не знали, зачем им был дан приказ обложить с моря и с суши резиденцию Горбачева. Может

быть, предположили они, опасались внешней диверсии против президента СССР. “Пожаловался” мне Генералов, что не знает, как он будет кормить несколько десятков местных женщин, которые ухаживали за растениями на территории дачи и оказались запертыми в момент “визита четырех”. Выпустить с территории он-де “не имеет права” никого. На вопрос, каким образом я могу добраться до санатория (в 13 км от дачи Горбачева, где я жил и ночевал, на службу на дачу приезжал только днем), Генералов мне ответил: “А вы никуда не поедете. Мы вам коечку вот здесь поставим”. Вскоре действительно принесли в мой кабинет раскладушку, где я и коротал три ночи. Насчет телефонов он мне соврал, будто у него самого связь только “на вход”, то есть если ему позвонят, сам он звонить якобы не имеет возможности. Когда на другой день после нескольких попыток я добился у Генералова, чтобы он разрешил позвонить в Москву Ольге Ланиной (референт, стенографистка, у нее малыш был болен, и она тоже оказалась взаперти), он распорядился посадить ее в машину и отправил под охраной за 25 км на пункт правительственной связи, где ей дали одну минуту поговорить с отцом. Но запретили связаться с моей женой. Это — к вопросу о вранье Лукьянова, будто “средства связи работали”. А что касается блокады, которой, по его словам, тоже “никакой не было”, то достаточно было выйти на улицу, чтобы увидеть, насколько хватало глаз, солдат в кустах по всему периметру дачи и несколько фрегатов на рейде. На каждом повороте дорожек на территории стояли часовые. Гаражи были на замке (сам видел). И тоже — часовые у ворот. К машинам, на которых были системы связи, не подпускали даже шоферов (один был мне знаком — муж Оли Ланиной). Часовые демонстративно были поставлены под окнами дачи. Громко переговаривались, напоминая о своем присутствии. Когда я выходил из служебного помещения, за мной сразу же пристравивался сержант с собакой. Когда я приходил к Горбачеву, видел, как мечется Раиса Максимовна в страхе за мужа, дочь, внучек. В нервном потрясении у нее отнялась рука. Она потом долго не могла выйти из шока. И скорее всего этот “невинный”, по Лукьянову, визит четырех “руководителей” приблизил ее безвременную смерть. Горбачеву, чтобы произнести свое обращение к внешнему миру, пришлось ночью диктовать в подвальном помещении на маленькую камеру своего зятя. Пленка с этой записью обошла весь мир. Видел ли ее Лукьянов — хранитель уникальных изданий русских поэтов и любитель поэзии?! Если видел и может публично болтать вздор о Форосе, значит, этот бывший интеллигент начисто лишен совести. На третий день, после того как путч провалился и погибли, по словам Лукьянова, в ДТП всего-навсего (!) три парня недалеко от Белого дома, на дачу в Форос явились Язов, Крючков, Лукьянов, Ивашко (зам. генсекретаря ЦК КПСС) — с повинной. Я лично видел, как маршал, весь потный в своем мундире, сидел, согнувшись на стуле на нижнем этаже служебного помещения, фуражка у ног на полу. И бормотал: “Старый дурак! Связался с этой шантрапой!” Еще бы! Это потом, после ельцинской амнистии, он строит из себя спасителя Отечества. А тогда, видно, скребло на душе: ведь он, министр обороны, тоже, как генерал Варенников, нарушил воинскую присягу и пограл офицерскую честь. Если не было блокады и не было опасности для жизни президента и его семьи, зачем же тогда Верховный Совет РСФСР послал в Форос большую группу очень известных

тогда депутатов и министров во главе с Руцким, при котором было 40 офицеров с автоматами — вызволять Горбачева и вернуть его в Москву?! После того как Горбачев бурно и радостно пообщался с Руцким и депутатами, встал вопрос, что делать с Крючковым, Язовым, Ивашко и Лукьяновым, прибывшими в Форос по двое в разных самолетах и теперь сидевшими внизу в моем служебном домике. Горбачев отказался принимать Крючкова и Язова, но с Лукьяновым и Ивашко он встретился. Жалко было смотреть на этого испуганного человека, противно слушать его оправдательный лепет, когда Горбачев «шлепал» его как мальчишку за то, что он, будучи председателем Верховного Совета СССР, не собрал тут же заседание и не потребовал оценки путча, не призвал к порядку самозванцев. (Горбачев тогда еще не знал, но подозревал, что Лукьянов — самый непосредственный участник путча). При этом присутствовали я, Примаков и Бакатин. Могут подтвердить. Невозможно забыть дрожащие руки объявленного и. о. президента Янаева на знаменитой пресс-конференции гэкачепистов на Зубовской площади, где они соврали на весь мир о недееспособности президента СССР и объявили себя верховной властью. Можно дискутировать — был ли заговор, соответствовал ли путч всем формальным признакам таких акций. (Лукьянов считает, что не было ни того, ни другого, а одной дивизии, которая была введена в Москву, маловато для такого города!). Но все, кто в здравом уме, давно признали, что была узурпация власти в государстве, которая и привела к тому, что оно быстро покатилося к своему разрушению. Ярчайшим свидетельством узурпации было и то, что на другой день с дачи был вывезен и «ящичек с ядерной кнопкой». Два офицера, которые ее охраняли и отвечали за ее неприкосновенность, располагались в том же, что и я, служебном помещении на втором этаже в 10 метрах по коридору от моего кабинета. И я видел, как под моим окном с этим «чемоданчиком» — страшным орудием ядерной войны — они усаживались в автомобиль и выехали из ворот. Уже одно это — как обшлись с «кнопкой», распорядиться которой имел решающее и окончательное право только президент СССР, — есть государственное преступление даже международного масштаба. Так на самом деле выглядели и путч, и захват резиденции президента»¹.

Однако и после путча жизнь продолжалась. Дневниковые записи, которые вел Черняев в последние месяцы пребывания Горбачева у власти, — уникальная хроника заката советской Империи. «Пора возобновлять дневник. После трехсуточного заключения в “Заре”, после путча, после того, как перестало фактически существовать прежнее государство — Советский Союз и ликвидирована КПСС, после чудовищного всеохватывающего, но не неожиданного предательства и после того, как Горбачев стал, наконец, тем, чем ему следовало бы “стать” два года назад, и чем он давно, 3–4 года на-

¹ Черняев А. Горбачев «шлепал» его как мальчишку // Независимая газета. 2010. 1 июня.

зад хотел бы стать, но не решался... А теперь “стал”, но, потеряв власть и авторитет»¹.

Между возвращением Горбачева из Фороса и его уходом в отставку прошло четыре месяца и три дня. Все эти дни были насыщены активной работой, по словам заместителя руководителя аппарата Президента СССР А. А. Сазонова, Горбачев «выглядел потерянным всего один день после возвращения из Крыма, а все оставшее время работал как заведенный, пытаюсь выправить ситуацию»². Однако уже ничего не получалось. Да и могло ли получиться? По словам руководителя секретариата Горбачева Г. С. Остроумова, «Путч напугал все союзные республики — неужели и у нас может быть такое? Республики стали разбегаться, Центр утратил свой авторитет»³. Вторит Остроумову С. Б. Станкевич, в 1991–1993 гг. советник Президента Ельцина, по утверждению которого, акция ГКЧП превратила закономерный закат государственного проекта в катастрофу», не позволив «республикам создать объединение — добровольное и подкрепленное референдумом, с огромным хозяйственным потенциалом и с уровнем интеграции на голову выше, чем в нынешнем Евросоюзе». Именно после путча, полагает Станкевич, «республики, накануне еще готовые объединяться, бросились буквально врассыпную»⁴. Об этом же говорит и С. А. Цыпляев, убежденный в том, что после путча республики «побежали из Союза, а Беловежье лишь зафиксировало уже свершившуюся к тому моменту смерть СССР»⁵.

«До путча лидеры республик готовы были подписать его (Новый Союзный договор. — А. П.) без каких-либо оговорок, но теперь ситуация в сравнении с июлем поменялась кардинально... А ведь подготовленный к подписанию 20 августа проект Союзного договора был серьезным документом — грамотным и жизнеспособным. В нем удалось закрепить разумный компромисс в распределении полномочий между центром и республиками. Чего хотели от Москвы лидеры союзных республик? Во-первых, самим назначать республиканские кадры, без согласования с Кремлем, во-вторых, иметь экономическую свободу. За союзным руководством должна была остаться внешняя политика, оборонная промышленность, наука и так

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 984. Дневниковая запись от 14 сентября 1991.

² Архив автора. Интервью А. А. Сазонова, в 1991 г. — заместителя руководителя аппарата Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

³ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова, в 1991 г. — руководителя Секретариата Президента СССР. Москва. 2018. 6 февраля.

⁴ Страну не удержали // Аргументы и факты. 2016. № 33. С. 8.

⁵ Архив автора. Интервью С. А. Цыпляева, члена Верховного Совета СССР. Санкт-Петербург. 2020. 26 августа.

далее... Заложенный в документе компромисс позволял сохранить единую страну на конфедеративной основе. И ГКЧП сыграл роковую роль в сохранении страны, похоронил все благие намерения... После ГКЧП спасти единую страну уже не представлялось возможным», — признается А. А. Акаев¹.

«После августа Горбачев страной не управлял, она была неуправляемой», — утверждает С. С. Шушкевич². «После Фороса все пошло под откос», — полагает А. В. Руцкой³. «После августовских событий 1991 года в Москве центральная (союзная) власть стала распадаться буквально на глазах... Союзное правительство практически было ликвидировано», — пишет Р. И. Хасбулатов⁴. «В первые недели после путча Советский Союз фактически перестал существовать», — подводит итоги трех августовских дней известный историк Р. Г. Пихоя⁵.

Ситуация осложнялась тем, что капитана корабля=Президента СССР предала его команда, а новую набрать ему не удавалось — желающих идти работать «к Горбачеву» после путча было немного — Михаил Сергеевич был слишком в политическом отношении ослаблен, к тому же против него играло то обстоятельство, что, как считалось, он не слишком выделяет из прочих — «своих», да и вообще не очень хорошо разбирается в людях. «Команда Президента» до путча не была идеологически монолитной, в ней были *абсолютно разные люди* — Горбачев пытался работать с ними со всеми, проявляя феноменальную толерантность и способность к компромиссу и улаживанию конфликтов. Возможно, что едва ли не самая сильная сторона Горбачева — умение запрячь в одну упряжку коня и трепетную лань и заставить делать общее дело тех, кто не является его единомышленниками, подчиняя всех своей воле — в конкретных условиях августа 1991 г. сыграла с ним злую шутку: Михаил Сергеевич не заметил, как экипаж управляемого им корабля-государства разделился на несколько частей, одна из которых подготовила выступление против своего капитана. Привычка Горбачева к маневрированию привела к тому, что каждая из частей его команды была обижена на своего капитана, считая, что он слишком прогибается под давлением другой

¹ Акаев А. Союз можно было спасти // Литературная газета. 2021. № 38. С. 5.

² Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича. Минск. 2019. 30 августа.

³ Архив автора. Интервью А. В. Руцкого. Москва. 2019. 10 июля.

⁴ Хасбулатов Р. И. Великая российская трагедия. М., 1994. Кн. 1. С. 5.

⁵ Пихоя Р. О периодизации системного кризиса Советского Союза // Российская история. 2019. № 2. С. 27.

части, игнорируя ее интересы, и наоборот. Словом, демократическая часть команды полагала, что Михаил Сергеевич слишком прислушивается к мнению консервативной, а консерваторам было не по себе от заигрываний Горбачева с либералами. «Путч и произошел из-за стремления Горбачева усидеть сразу на двух стульях», — вспоминает Г. А. Явлинский, работавший в 1991 г. в команде Президента СССР¹. Хорошо об этом сказал в целом поддерживавший в 1991 г. линию Горбачева Н. С. Столяров: «Трагические, драматические события августа снова сорвали договор. Пришли первые “защитники истории” — герои ГКЧП. А что же, собственно, произошло? Некая группа высокопоставленных чинов, приближенных к Горбачеву, видя его мягкость и нежелание ссориться с лидерами республик, решила сделать это за него. Отодвинула Горбачева (на время или навсегда, это уже как получилось бы), чтобы не допустить конца СССР, и эта группа, если смотреть правде в глаза, отражала, живущее в стране и по сей день, мощное массовое несогласие с потерей единой великой Родины. То, что именно эту группу давно обанкротившихся правителей мало кто хотел бы видеть у власти — это совсем другой вопрос. Потом в ноябре Союзный договор не парафировали на Госсовете. Тогда уже и я подумал, что не кто-нибудь, а сама история против. А история вышла такая... Президент Горбачев, всегда плохо воспринимавший идеи конфедерации, наконец согласился с нею, хотя знал, что конфедерация — хрупкое образование и вряд ли сможет послужить инструментом сдерживания имеющихся противоречий. Знал, но согласился. И в этом была его последняя трагическая ошибка. Великий мастер компромисса, Горбачев слишком глубоким заходом в него проиграл... страну»².

Горбачев понимал, что единственный шанс удержать страну — скорейшее заключение Союзного договора. Сделать это было уже чрезвычайно трудно: республики, после путча, уже не считали себя связанными договоренностями с Центром. Уникальный шанс на заключение нового Союзного Договора между еще не дискредитированным Центром и республиками был упущен по милости путчистов, ставших невольными убийцами СССР. 18 августа 1991 г. — день, когда Президент СССР был изолирован на госдаче «Заря» и объявлен недееспособным, — стал точкой невозврата, днем *действительной* гибели Советского Союза. Незадачливые «спасители Отечества» похоронили надежду на сохранение обновленного советского государства.

¹ Архив автора. Интервью Г. А. Явлинского. Москва. 2020. 2 марта.

² Столяров Н. С. Политика — дело не грязное. М., 1995. С. 76–77.

«Парадоксально, но окончательный приговор Союзу был вынесен как объявленными намерениями путчистов восстановить путем введения чрезвычайного положения прежнее единое государство, так и их плачевным провалом три дня спустя. И то, и другое в течение нескольких дней спровоцировало каскад официальных деклараций союзных республик с объявлением их суверенитета... Фиаско путча, вернувшее Горбачева в Кремль и формально восстановившее его в должности президента, стало, тем не менее, его политическим поражением и, радикально поменяв места двух политических соперников, разрешило спор между центристами и радикалами в пользу последних. Проблема состояла не только в том, что, освободившись от статуса заложников путчистов, Горбачев оказался де-факто политическим пленником Ельцина. Из-за того, что в авантюру ГКЧП оказалась вовлечена вся верхушка государственной власти, а также партийное руководство и глава парламента, Президент СССР оказался лишенным каких-либо политических инструментов и силовых рычагов, которые он мог бы противопоставить своему сопернику. Путч, таким образом, отдал судьбу союзного государства в руки сторонников его скорейшего демонтажа и радикальных реформаторов, торопившихся поскорее перевернуть страницу десятилетий советской истории излечить от его наследия с помощью “шоковой терапии”. Прожив несколько десятилетий в системе, скроенной по лекалам “военного коммунизма”, российское общество оказалось брошенным, по существу, в стихию “военного капитализма”. Попытки Горбачева с помощью перелицованного “новоогаревского процесса” — путем замены формулы союзного государства с федерации на конфедерацию, — уже не могли заделать пробоину в корпусе советского корабля, пробитую августовской катастрофой», — справедливо утверждает пресс-секретарь последнего советского лидера А. С. Грачев¹.

И действительно, как вспоминал Б. Н. Ельцин, «после 19 августа Союза не стало в один день»². По словам российского президента, путч не только сорвал подписание Союзного Договора, он привел к обвалу Центра³, став, по выражению Г. Э. Бурбулиса, «политическим Чернобылем» Советского Союза⁴. «Вероятно, Союз бы распался и так, даже если бы подписали Союзный Договор 20 августа — ведь каждый князек хотел распоряжаться всем сам, без Центра, без Горбачева — тон в распаде задавали республики. Миллионы людей ведь еще до путча выходили на улицы и были против сохранения СССР... А после путча, а в особенности после

¹ Грачев А. С. Распад СССР — закономерность, случайность? Кто виноват? // Россия в эпоху революций и реформ. Проблемы истории и историографии. Демонтаж СССР: 1991 год. Материалы международной научной конференции: сб. науч. тр. / Под ред. канд. ист. наук Д. Н. Меньшикова. СПб., 2021. С. 256–257.

² Ельцин Б. Н. Записки президента. М., 1994. С. 54.

³ Ельцин Б. Происходит обвал союзного Центра // Куранты. 1991. 31 августа.

⁴ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса. Москва. 2019. 11 февраля.

Беловежья больше не было никаких приводных ремней...», — утверждает Н. С. Петрушенко, представитель депутатской группы «Союз», борющейся за сохранение единого государства¹.

О роковом для судьбы Советского Союза значении августовского путча писал и М. С. Горбачев. «Уже к тому времени завершили работу над Союзным договором и приняли решение о его подписании. Зачем начинать разгон и мешанину, если на основе нового договора это должно произойти конституционным путем? И тут — путч, который опрокинул договор. Здесь — истоки Беловежского соглашения. Ельцин не мог переступить через результаты мартовского референдума, а путчисты преподнесли ему подарок на блюдечке с голубой каемочкой, сделали из него героя», — писал М. С. Горбачев². «Получив поддержку людей, Ельцин в первом же туре был избран президентом России. Он принял это на свой счет и начал крутить колесо вот таким образом. Очень много пришлось работать над тем, чтобы он участвовал в создании нового Союзного Договора, чтобы он участвовал в Ново-Огаревском процессе. А ведь еще в феврале он предлагал гнать Горбачева. Потом он увидел опасность того, к чему призывает, и участвовал в Ново-Огаревском процессе, и участвовал очень серьезно. То, что этот Договор не был подписан — мое политическое поражение. Тут поработали гэкачеписты, которые дали карты в руки Ельцину. А он ведь не такой смелый. Он ведь боялся пойти против мартовского референдума по вопросу сохранения Союза, а гэкачеписты, подтолкнув к дезинтеграции, открыли дорогу Ельцину», — рассказывал Горбачев журналисту А. В. Морозову³. По убеждению экс-президента СССР, «заключение Договора было единственной реальной альтернативой развалу страны, но оно было сорвано... Подписание Договора обеспечивало разумный политический баланс между интересами республик и союзного Центра. Сохранение, обновление, реформирование Союза было моей главной политической, если хотите, нравственной задачей... Путч подорвал позиции Президента СССР, авторитет союзной власти», — подчеркивал М. С. Горбачев⁴. В свою очередь, один из «беловежских подписантов», С. С. Шушкевич полагал, что распад СССР уже «фактически произошел в августе 1991 г.

¹ Архив автора. Интервью Н. С. Петрушенко. Орша. 2019. 31 августа.

² Горбачев М. Я прошел конституционный путь до конца // Независимая газета. 1996. 25 декабря.

³ Морозов А. В. Персоны. Йошкар-Ола, 2000. С. 58–59.

⁴ Горбачев М. С. Понять перестройку... С. 334.

после разгрома ГКЧП»¹. Умный и циничный демократ Г. Х. Попов, вспоминая об августовском путче, откровенно писал о целях команды Ельцина: «ГКЧП из всех возможных вариантов избрал такой, о котором мы могли только мечтать — не просто против Горбачева, а еще и с его изоляцией. Получив такой прекрасный пас, Ельцин не мог не ответить великолепным ударом... Теперь о стратегии Ельцина. Воспользовавшись путчем, превратить лидеров ГКЧП в нарушителей законности и разгромить верхушку КПСС. Вместе с верхушкой разгромить структуру КПСС, которая, конечно же, не посмеет выступить против ГКЧП (как минимум), а как максимум — поддержит ГКЧП и тем самым в обоих случаях подставит себя под сокрушительный удар. Вместе с разгромом верхушки и структуры КПСС перехватить у КПСС руководство армией, ГБ, МВД, печатью, ликвидировать самую основу тоталитаризма. В целом — разрушить тот самый Центр, который оказался главным препятствием на пути реформ»². Иначе говоря, чем хуже — тем лучше.

Как известно, Союзный договор так и не был подписан. Крах затеи ГКЧП привел к обрушению союзного Центра, путч девальвировал престиж Горбачева как главы государства. «До ГКЧП Горбачев был президентом СССР. А из Фороса вернулся уже заложником Ельцина: потому что именно возглавленное президентом России сопротивление в столице фактически и позволило его освободить. В Москве возникло двоевластие», — заявляет А. С. Грачев³. «После Фороса, — писал член Верховного Совета Ю. Х. Калмыков, — позиции Президента были настолько ослаблены, что было ясно — отныне он обречен на одни уступки»⁴. «После Крыма Ельцин разговаривал с Горбачевым командным голосом», — свидетельствует начальник личной охраны Ельцина генерал А. В. Коржаков⁵. По сути, в результате августовских событий произошел «контрпереворот», произведенный руководством РСФСР в его борьбе с Центром, Россия произвела «перехват» власти, союзная же власть, и в первую очередь Президент СССР были обескровлены и лишены значительной части своих полномочий⁶.

¹ Шушкевич С. С. *Моя жизнь, крушение и воскрешение СССР*. М., 2012. С. 196.

² Попов Г. Август девяносто первого // *Известия*. 1992. 22 августа.

³ Грачев А. Из Фороса Горбачев вернулся заложником Ельцина // *Собеседник*. 2021. № 7. С. 3.

⁴ Калмыков Ю. Х. Повороты судьбы. С. 50.

⁵ Архив автора. Интервью генерала А. В. Коржакова.

⁶ Алексеев С. С. *Уроки. Тяжелый путь России к праву*. М., 1997. С. 71.

«Это была какая-то оперетка, которой активно воспользовался Ельцин, чтобы быстрее прийти к власти. Он всегда к ней рвался, а тут такой подарок от путчистов. Ельцин был сильным разрушителем и данную ситуацию использовал идеально. Но, получив власть, в первые секунды растерялся и не знал, что с нею делать», — высказал свою позицию Н. И. Рыжков¹.

После путча на глазах у всех в буквальном смысле слова начали «сыпаться» союзные структуры, а Президент СССР стал быстро терять реальную власть², к чему оказалась абсолютно не готова его команда. Буквально отчаяние сквозило в реплике помощника Президента СССР Г. Х. Шахназарова, пытавшегося уверить читателей популярной «Недели» в том, что «возможности у Горбачева не исчерпаны», а по мере того «как потребность в Союзе будет возрастать, потребуются и деятели, способные вести “союзные дела” — в контакте с республиками, гибко и умело...»³

Объем реальных полномочий Горбачева становился все более и более эфемерным; после возвращения из Фороса никто из лидеров республик Президента СССР уже не боялся, заинтересованности в сохранении Союза у них не было: все они увидели — в условиях предельно ослабленного Центра — возможность превратиться из «удельных» князей в «великих», обрести статус полноценных глав государств, без какого-то опостылевшего «начальника» в лице Михаила Сергеевича. «Центр к тому времени действительно был малоэффективен, но на 50% довели его “до ручки” те, чья подпись стояла под Беловежскими документами. После августовских событий с М. Горбачевым можно было договориться о чем угодно. Но желания к тому у “Высоких Договаривающихся Сторон” уже не было. Они хотели получить полную независимость, стать абсолютными властелинами в пределах своих территорий. И никаких Горбачевых», — утверждал крупный юрист, председатель комитета Верховного Совета СССР по законодательству Ю. Х. Калмыков⁴. Скороспелая и плохо продуманная акция ГКЧП сделала подписание нового Союзного договора маловероятным; после путча власть Президента СССР стала во многом иллюзорной, политическая инициатива теперь полностью находилась в руках Ельцина, сде-

¹ Власть. Аналитический еженедельник. 2016. № 32 (1187). С. 7.

² *Kozyrev A.* Firebird: the elusive fate of Russian democracy. Pittsburgh, 2019. P. 37.

³ Шахназаров Г. Возможности Горбачева далеко не исчерпаны // Неделя. 1991. № 37. С. 3.

⁴ *Калмыков Ю. Х.* Повороты судьбы. (В двух парламентах, одном правительстве. В национальном движении). М., 1996. С. 53.

лавшего ставку на ликвидацию союзного Центра в лице Горбачева. Ценой невероятных усилий советскому лидеру удалось возобновить Новоогаревский процесс, но успех его теперь полностью зависел от позиции России и Украины, лидер которой, Л. М. Кравчук, в интервью «Комсомольской правде» весьма откровенно пояснил свое нежелание принимать участие в переговорах по подготовке нового Союзного договора: «Центр себя скомпрометировал. Говорят: и Центр будет не тот, а другой, и создавать его станут республики... А раньше кто создавал? По-моему, если что-то предпринимать, то на принципиально мной, я это особо подчеркиваю, основе. Ново-Огарево завершилось в связи с ГКЧП. Новый этап работы означает создание некоего подобия европейского сообщества»¹. В другом интервью Кравчук намекнул, что не видит никакой перспективы в продолжении Ново-огаревского процесса под началом Горбачева². Фактически в тот момент союзный Центр сохранил за собой курирование только внешнеполитических проблем, администрация Горбачева, по словам его референта В. С. Гусенкова, «была уже оторвана от политики»³, а сам Президент СССР «утратил реальную власть»⁴.

Горбачев всецело зависел от Ельцина, называвшего Президента СССР в своем кругу «политическим трупом»⁵. Вопрос сохранения или несохранения Советского Союза как государства был напрямую связан с позицией «государствообразующей» республики — России. Было понятно, что возможность заключения нового Союзного договора достаточно иллюзорна, однако Горбачев был готов в той ситуации хвататься за любую соломинку, по-прежнему надеясь, что сумеет переиграть Ельцина, ко всеобщему удивлению взявшего паузу после своего триумфа в августе и уехавшего в отпуск — в Юрмалу и в Сочи — Борис Николаевич вернется в столицу только 10 октября 1991 г.; «после переворота 1991 года Ельцин ни психологически, ни политически не был в состоянии активно принимать решения», — констатирует его биограф Т. Колтон⁶.

¹ Кравчук Л. В договор с Россией я верю больше, чем в Союз // Комсомольская правда. 1991. 21 ноября.

² Кравчук Л. Лидер должен подчиниться выбору народа // Известия. 1991. 27 ноября.

³ Архив автора. Интервью В. С. Гусенкова, в 1991 г. — референта Президента СССР. 2018. 23 января. Москва.

⁴ Архив автора. Интервью А. Б. Вебера, в 1991 г. — консультант аппарата Президента СССР. Москва. 2018. 14 ноября.

⁵ Архив автора. Интервью С. А. Филатова, народного депутата РСФСР. Москва. 2019. 22 марта.

⁶ Колтон Т. Ельцин. М., 2013. С. 279.

Очевидная растерянность Ельцина породила определенный оптимизм в стане Горбачева. Трезвее смотрел на ситуацию помощник Президента СССР Черняев, понимавший, что его шеф скоро лишится даже видимости власти:

«Эти дни, наверное, наконец-то все-таки решающие. Проснувшийся и проспавшийся, как следует поивший в отпуску Ельцин показал себя в полном объеме. И этого следовало ожидать... Только М. С. не ожидал... все думал, на уговорах и “хорошем отношении” можно его “канализировать”, как он любит выражаться. Доклад Ельцина на Съезде РСФСР — это, конечно, прорыв. к новой стране, к иному обществу. Хотя все идеи и все замыслы выхода именно “к этому” заложены в “философии” Горбачевской перестройки. Но сам он не сумел вовремя порвать со своими привычками, хотя и не раз признавался: “все мы из прошлого”... Но увы! Не у всех хватило силы порвать с ним до конца, а главное — вовремя! Ельцин, порвав, окружил себя людьми разных мотиваций — карьеристами, нахалами, прохвостами, искренними демократами, даже интеллигентами, умелыми администралами, новыми хозяйственниками и старыми тоже, но перестроившимися — и сумел их употребить на разрыв с эпохой 1917 г. окончательно. Его доклад это: грудь в крестах или голова в кустах. Но в России всегда так делалось. М. С. дальше Мирабо не пошел. Этот выйдет в Наполеоны, перешагнув через дантонизм, робеспьеризм, барассизм и даже “бешеных”... Он бросил народу надежду... Это признак харизмы, при всей примитивности его как личности... Как личность — он посредственность и серость, но как “вождь” в данной конкретной ситуации — он то, что в России легко находит отклик. И ставка — на Россию. Опять и опять повторяю: историческая ошибка Горбачева — что он, повязанный психологией “интернационализма”, не понял роли России. Сочувствую ему сейчас по-человечески, но... Он инстинктивно понимает, что не только бесмысленно противопоставлять себя сейчас Ельцину, но и с точки зрения интересов страны — нельзя. У него нет альтернативы... Ни Явлинский, ни Госсовет, ни МЭК (Межреспубликанский экономический комитет. — А. П.) — не альтернатива. Выход — в иррационализме русской консолидации, в сплачивающем людей отчаянии. Когда раньше Москва оказывалась без хлеба и молока — люди орали на Горбачева. В эти дни нет совсем почти ни того, ни другого — люди сплачиваются вокруг Ельцина... и Попова! Ельцин заявил: МИД сократить в 10 раз! Почему в 10, а не в 2, в 5, в 20? Не важно... Смысл — ликвидировать это дорогое центральное ведомство, последнюю опору реальной деятельности Горбачева...»¹

В ноябре месяце 1991 г. стало очевидно, что Россия будет до последнего момента тянуть с подписанием Союзного договора; точно также было понятно, что Ельцин уже не согласен ни на какие формы даже *номинального верховенства Горбачева* — ссылки на позицию Украины в данном случае были лишь формальным предлогом, используемый Ельциным для решения своей сверхзада-

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 1014–1015. Дневниковая запись от 3 ноября 1991 г.

чи — удаление любой ценой М. С. Горбачева из Кремля. По словам вице-президента РСФСР А. В. Руцкого, «Ельцин люто ненавидел Горбачева»¹. Учитывая это обстоятельство, фактор сохранения единого Союзного государства в глазах Ельцина выглядел менее значимой задачей, чем возможность окончательно восторжествовать над советским Президентом. Сделать это возможно было лишь одним способом — демонтажем Союза, что, по сути, автоматически лишало Горбачева его должности.

Ново-огаревский процесс зашел в тупик. «М. С. — перед выбором: осуществлять угрозу (“уйду!”) или еще тянуть (на помешнице всем). Это не просто поражение. Это — хуже: еще одно унижение по самому главному вопросу, на котором еще остается знак его власти, — о государственности», — записывал Черняев в дневнике². Несмотря ни на что, и в этой ситуации Горбачев пытался реанимировать Ново-Огаревский процесс, не желая признать, что Советский Союз к тому моменту уже «почил в Бозе» (определение А. Н. Яковлева)³.

25 ноября 1991 г. состоялась встреча Черняева с А. Н. Яковлевым. «Вчера я долго разговаривал с Яковлевым. Он вернулся из США... Пришел, сидели часа два друг против друга. Всё перебрали... И главный наш вывод: нравится нам или нет, альтернативы самостоятельному прорывному ходу России нет. Горбачевские усилия спасти Союз — безнадежные судороги. И в общем-то все бы ничего, если б не Украина, не Крым, который невозможно отдать»⁴.

В возобновленном после путча отчаянными усилиями Горбачева Ново-Огаревском процессе уже присутствовала обреченность: «Россия не была согласна на единое государство, а заручиться переговорами об эфемерной конфедерации смысла уже не было», — пишет Ю. М. Батулин, комментируя последнее заседание в Ново-Огарево 25 ноября 1991 г., завершившееся безрезультатно⁵. Стало понятно, что республики не видят резона в сохранении Союза⁶. Ю. М. Батулин сказал в одном интервью: «Как в квантовой механике, когда один атом передает энергию возбуждения другому

¹ Архив автора. Интервью А. В. Руцкого. Москва. 2019. 10 июля.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 1026. Дневниковая запись от 25 ноября 1991 г.

³ Яковлев А. Н. Сумерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2005. С. 505.

⁴ Там же. С. 1027. Дневниковая запись от 26 ноября 1991 г.

⁵ Батулин Ю. М. Союз не (возможный). С. 549.

⁶ См. об этом два интересных сборника: Исаков В. Б. Расчлененка. М., 1998; Союз можно было сохранить. Белая книга: Документы и факты о политике М. С. Горбачева по реформированию и сохранению многонационального государства. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2007;

атому, их описывает общая волновая функция — “(не) возможен”. В начале процесса Союз был реален, но спустя двухлетний период уже нет. Я видел этот процесс изнутри, а для внешнего наблюдателя всего населения огромной страны это должно было выглядеть как мысленный эксперимент типа “Кот Шредингера”. Кот в коробке (Союз) одновременно находится в двух состояниях — и жив, и мертв, а действительный результат станет известен, когда коробку откроют. “Коробку” открыли в конце ноября 1991 года, когда завершились переговоры в Ново-Огарево. С тех пор мы знаем результат», — заявляет Ю. М. Батурин¹.

Результаты проведенного на Украине 1 декабря референдума о независимости 1 декабря 1991 г. стали для Ельцина и его соратников поводом для объявления о том, что переговоры в Ново-Огарево зашли в тупик. По словам М. С. Горбачева, “украинский момент” был использован руководителями России»². Фактически Украина и Россия выступали единым фронтом, заведя осенний раунд переговоров по образованию государства-конфедерации в тупик. В этом плане позиция Кравчука, также не собиравшегося подписывать новый Союзный договор и также не слишком приязненно относившегося к Горбачеву, полностью отвечала интересам Ельцина.³

¹ Батурин Ю. Союз разрушимый // Поиск. Еженедельная газета научного сообщества. 2022. № 19–20. С. 13.

² Горбачев М. Дай бог, чтоб я ошибся // Комсомольская правда. 1991. 13 декабря.

³ «Неужели прав М. С., заподозривший еще давно сговор между Ельциным и Кравчуком — валить Союз с двух сторон?!», — записывал в дневнике Черняев (Черняев А. С. Совместный исход... С. 1030. Дневниковая запись от 1 декабря 1991 г.). «Горбачев был человеком откровенным, — вспоминал Л. М. Кравчук. — Хотя, на мой взгляд, ему бы не помешала капля жесткости. Вот, скажем, у его главного оппонента Бориса Ельцина чего-чего, а жесткости было с избытком. Мне кажется, что если бы в декабре 1991 года Борис Николаевич был бы Президентом СССР, а Михаил Сергеевич Президентом России, то мы бы с Горбачевым после подписания Беловежских соглашений вряд ли бы доехали до дома» (см.: Кравчук Л. М. Маємо те, що маємо: Спогади і роздуми. К., 2002. С. 84). «Меня же не вводил в заблуждение старательно выстраиваемый Ельциным имидж большого демократа. Ну какой он демократ? Даже смешно. При всех своих причудах и “загогулинах” — авторитарен, хватка железная. Горбачеву бы такую. Может, и удалось бы спасти СССР... Ельцин, мне кажется, готов был его (Советский Союз. — А. П.) сохранить лишь в единственном случае: если бы президентом СССР являлся он сам. Тогда всю свою неумную энергию направил бы не на разрушение, а на укрепление государственности. Нашел бы и жесткие, и гибкие методы, чтобы не довести до распада. Будь между Ельциным и Горбачевым хорошие отношения, они могли бы сообща искать примирительные варианты

И Ельцин, и Кравчук, подчеркивая, что без Украины никакого Союза быть не может, откладывали решение до 1 декабря — дня референдума на Украине. «1 декабря на Украине проводилось двойное голосование: по вопросу референдума и по выборам президента республики, первого, как и в России. Победа Л. М. Кравчука не вызвала сомнений. Референдум же решили обезопасить следующим образом: не выносить прямо вопрос о самостоятельности Украины — это может вызвать у людей особую настороженность, а спросить о поддержке Акта провозглашения независимости Украины, принятого парламентом республики в раскаленной политической атмосфере сразу после путча 19 августа. Референдум состоялся, его немедленно представили волеизъявлением народа, отменяющим результаты его же, народа, голосования на всесоюзном референдуме 17 марта. Президентом, как и ожидалось, стал Л. М. Кравчук. Это привело в движение новые механизмы дезинтеграции СССР...» — вспоминает И. Д. Лаптев, председатель Совета Союза Верховного Совета СССР¹. Результаты референдума были истолкованы Кравчуком, которого избрали первым Президентом Украины, как волеизъявление народа о желании выйти из состава СССР, а вовсе не об объявлении независимости, как это напрямую звучало в вопросе референдума. «Там не было формулировки о развале Советского Союза, но из текста вытекало именно такое решение... Ее не было, — оговаривал Кравчук, — потому что мы знали, что нет юридически точной формулировки о возможности выхода из Советского Союза. Мы должны были зафиксировать волю народа — что он выступает за независимость Украины... Ну, от Советского Союза»². «Мы считали, — откровенно признавался Л. М. Кравчук, — что независимость Украины — уже факт. Но я-то понимал: если Украина или любая республика заявит о выходе из Советского Союза, это будет началом ее конца. Так и было бы, если бы Ельцин не подписал Беловежье. Вот представьте себе, мы с Шушкевичем подписали, а Ельцин — нет»³. Позиция Кравчука, фактически саботировавшего возобновление Ново-Огаревского процесса после путча, выглядела более весомо после

консолидации. Но отчуждение нарастало. Борис Николаевич с некоторых пор просто не слышал Горбачева», — вспоминал Р. Н. Нишанов (см.: *Деревья зеленеют до метелей: Рафик Нишанов рассказывает Марине Заваде и Юрию Куликову*. М., 2012. С. 323).

¹ *Лаптев И. Д.* Власть без славы. М., 2002. С. 320–321.

² *Дубнов А.* Почему распался СССР. Вспоминают руководители союзных республик. М., 2019. С. 62–63.

³ Там же. С. 63.

украинского референдума. «Когда я ехал в Беловежье, за мной уже стояла воля украинского народа. Ни за Ельциным, ни за Шушкевичем не стояла, потому что референдум ни Россия, ни Белоруссия не проводили. И вот на эту волю я опирался»¹. Отвечая на вопрос-предложение Ельцина, выступившего в роли эмиссара Президента Горбачева, согласится ли Кравчук подписать «новый Союзный договор об обновленной Федерации», если украинские предложения будут учтены, Леонид Макарович заявил: «нет, не подпишу», потому что народ уже выразил свою точку зрения на референдуме — 90,3% за независимость». Позиция Кравчука нашла полное понимание у Ельцина, заявившего о том, что он поступил бы также, как Кравчук. «То есть у нас было абсолютно одинаковое понимание, что нельзя жонглировать волей народа, который в прямом изъявлении высказал свою политическую, историческую позицию», — вспоминает Л. М. Кравчук².

Лидеры славянских республик, как известно, восприняли неудачу переговоров 25 ноября 1991 г. как повод к торпедированию Ново-Огаревского процесса, начав подготовку к «тайной вечере» в Беловежье. «У нас было ощущение, что у Горбачева ничего не получается — решили, что больше к нему не поедem...», — вспоминал недавно ушедший из жизни С. С. Шушкевич, занимавший в конце 1991 г. должность Председателя Верховного Совета Белоруссии и выступавший в роли «хозяина» известной встречи в Вискулях³. «Я в самолете, — сообщал Шушкевич, — Кравчука пригласил в Беловежскую пущу. В Беловежье я ехал, вовсе не для того, чтобы разрушить страну, а из желания получить поддержку России по поводу энергетики — чтобы Беларусь не замерзла»⁴. Об этом же вспоминал и Л. М. Кравчук: «Договорились мы еще в Ново-Огареве, когда работали над Союзным договором, но не о Вискулях, а просто о встрече в Белоруссии»⁵.

Встреча, как известно, приобрела вовсе не экономический, а самый что ни на есть *политический* характер... О том, что в конце концов «все (президенты союзных республик. — А. П.) поняли, с этим президентом (Горбачевым. — А. П.) нельзя работать», — сразу после подписания соглашения о роспуске СССР говорил белорусский лидер С. С. Шушкевич, утверждавший, что «это (Бе-

¹ Несветов Д. А. Кончина СССР. Что это было. М., 2016. С. 245.

² Там же. С. 245.

³ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича. Минск. 2019. 30 августа.

⁴ Там же.

⁵ Прощай, СССР. (Беседа О. Одноколенко с Л. Кравчуком) // Итоги. 2011. № 33. С. 33.

ловежское соглашение. — А. П.) было предрешено, идея витала в воздухе, только не была сформулирована. Никакой домашней заготовки, когда мы приехали в Вискули, ни у кого не было»¹. «Все формулировки, — сообщал С. С. Шушкевич, — вырабатывались в Беловежской Пуще, основное положение было предложено Геннадием Бурбулисом и не претерпело никаких уточнений»². «Сейчас я понимаю, — рассказывал автору этих строк Станислав Станиславович в августе 2019 г., — что Ельцину надоел Горбачев — он хотел от него избавиться. Видимо, Ельцин и Кравчук договорились о чем-то подобном раньше»³.

После Фороса М. С. Горбачев приложил поистине нечеловеческие усилия, пытаясь реанимировать Ново-Огаревский процесс. В этом отношении ему удалось добиться серьезных успехов: в середине октября восемь республик подписали Договор об экономическом сообществе, начал действовать межреспубликанский экономический комитет. Появилась серьезная перспектива трансформации СССР в *конфедеративное союзное государство*⁴. Примечательно, что Горбачев до конца своих дней *не считал*, что Ново-Огаревский процесс к декабрю 1991 г. зашел в тупик: роковым для судьбы Союза стал вопрос личных амбиций: по словам Горбачева, Ельцин «и его окружение принесли Союз в жертву неудержимому стремлению воцариться в Кремле. Лидеры России, Украины и Белоруссии решили судьбу Союза неправовым путем, вопреки воле народа,

¹ Шушкевич С. Физик, ставший политиком. Беседа с Н. Желноровой // Аргументы и факты. 1992. № 1. С. 4. Ср. с мнением А. В. Козырева, также принимавшего участие в переговорах в Беловежской пуще: «К началу декабря 1991 года шанс на трансформацию СССР в Союз республик был начисто упущен. В республиках накопилось разочарование, раздражение и даже гнев, который мы очень сильно ощущали на встречах с их представителями. Стало ясно, что продолжение агонии Союза может обернуться лишь дополнительными издержками как для самой России, так и для перспектив ее отношений с союзными республиками. И тогда мы начали думать о новых вариантах в духе сообщества или союза суверенных государств. Много было почерпнуто из опыта Европейского сообщества. Нельзя сказать, что к моменту нашей поездки в Белоруссию все эти идеи были окончательно оформлены, но заготовок было много, и основные параметры витали в воздухе» (Козырев А. В. Преображение. М., 1994. С. 168).

² Шушкевич С. Беловежские соглашения — шедевр легитимной дипломатии... // Литературная газета. 2021. № 21. С. 4.

³ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича.

⁴ Горбачев М. Понять перестройку, отстоять новое мышление. М., 2022. С. 39.

выраженной на референдуме 17 марта, за спиной президента СССР, руководствуясь прежде всего стремлением «убрать Горбачева»¹.

«Перестройка, свобода слова всколыхнула людей, и республики потребовали большей самостоятельности, а некоторые — независимости. Мое глубокое убеждение состояло в том, что путь к политическому суверенитету республик, к их экономической самостоятельности, сохранению самобытности, развитию культуры лежал через обновление Союза, превращение его в демократическую, реальную, эффективную федерацию, которой республики делегируют часть своих полномочий. Решающим шагом на этом пути должен был стать новый Союзный договор, подписание которого сорвал путь реакционных сил в августе 1991 года. Как президент я до конца боролся за единство страны. Боролся — хочу это подчеркнуть — политическими средствами, пытался убедить в своей правоте граждан и моих коллег — руководителей республик. И сегодня считаю, что целостность страны можно было сохранить, что новый Союз отвечал бы интересам всех. Но путч ослабил мои позиции. А руководство самой большой республики в составе СССР — России во главе с Борисом Ельциным пошло по пути дезинтеграции. Возобладала линия на расчленение страны и разъединение государства», — подчеркивал Михаил Сергеевич².

Беловежские соглашения лидеров трех славянских республик подвели итог под историей существования Советского Союза, «лапидарная и чеканная формула о том, что СССР прекращает свое существование как субъект международного права и геополитическая реальность», (определение Г. Э. Бурбулиса)³, которую удалось выработать участникам этой встречи, завершила грандиозный и великий советский проект. «В высшей степени легитимный и исторически значимый для мировой истории — Беловежский консенсус» — так охарактеризовал Беловежские соглашения Г. Э. Бурбулис⁴. «Благодаря беловежскому консенсусу нам удалось предотвратить кровавую войну за передел советского наследства по югославскому образцу», — утверждал Геннадий Эдуардович⁵. Формула, предложенная Бурбулисом, позволила участникам переговоров оттолкнуться от чего-то прошлого, выйдя на подписание

¹ Там же. С. 40.

² Горбачев М. С. Что поставлено на карту: будущее глобального мира. М., 2019. С. 107–108.

³ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса. 2019. 11 февраля.

⁴ Бурбулис Г. Ельцин до последнего старался сохранить конфедерацию. Но Кравчук это отверг // Комсомольская правда. 2016. 9 декабря. С. 13.

⁵ От путча до Пуци // Аргументы и факты. 2011. № 49. С. 11.

соглашения¹. «Подписание соглашения, — признавался белорусский премьер В. Ф. Кебич, — отметили “Советским шампанским”»². Крупный юрист С. М. Шахрай, принимавший участие во время переговоров в Беловежской пуще, убежден, что к моменту совещания лидеров трех республик СССР уже фактически перестал существовать, а «в Вискулях мы просто констатировали факт смерти СССР и выписали соответствующее свидетельство»³. Так это или не так — предмет отдельного спора, но постыдным является тот факт, что намеренно или нет, но дозвониться до Президента СССР М. С. Горбачева подписанты сразу не смогли, зато у них получилось уведомить о произошедшем Президента США Дж. Буша-ст. Таким, не слишком приличным способом, лидеры славянских республик посчитали возможным оборвать 69-летнюю историю Союза ССР. «Большая славянская тройка распустила Союз», — констатировал бывший президент Киргизской ССР А. А. Акаев⁴. Мудрый Н. А. Назарбаев отказался от «экспромта», предложенного ему через представителей Б. Н. Ельцина — срочно вылететь в Белоруссию для участия в подписании документов в Беловежской пуще⁵. Г. Э. Бурбулис рассказывал автору об «огромной обиде» Назарбаева, воспринявшего поведение «пущистов» как вероломство и проявление неуважения к среднеазиатским республикам. Примечательно, что Геннадий Эдуардович говорил об «уникальной удаче, что Назарбаев не прилетел. Ельцин обещал Горбачеву, что будет убеждать Кравчука согласиться на мягкую конфедерацию. Назарбаев помог нам, не приехав — 3 республики-учредителя СССР в 1922 г. были налицо. Это позволило нам сформулировать чеканную и лапидарную формулировку»⁶, объявлявшую о прекращении существования Союза. 9 декабря, в присутствии Назарбаева, Ельцин давал последние в своей жизни унижительные пояснения Горбачеву по поводу содеянного в Вискулях, продолжавшиеся в течение полутора часов⁷. «Было обидно за страну и за обоих лидеров, которые могли быть вместе. Однако диалога

¹ *Пушкевич С.* Мы готовились к тому, что Горбачев нас арестует // Комсомольская правда. 2016. 9 декабря.

² *Кебич В. Ф.* Искушение властью: из жизни премьер-министра. Минск, 2008. С. 206.

³ *Шахрай С. М.* Как я написал Конституцию эпохи Ельцина и Путина. М., 2021. С. 120.

⁴ Архив автора. Интервью А. А. Акаева.

⁵ *Назарбаев Н. А.* На пороге XXI века. Алма-Аты, 1996. С. 99.

⁶ Архив автора. Интервью Г. Э. Бурбулиса. Москва. 2019. 11 февраля.

⁷ РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 301. Л. 173.

не получилось», — вспоминал Н. А. Назарбаев¹. «Выволочка», устроенная Горбачевым Ельцину, не имела за собой никаких последствий — Президент СССР не решился ни на арест Ельцина, которого не без оснований опасался Борис Николаевич, ни на созыв чрезвычайного Съезда народных депутатов, как ему предлагал нардеп В. И. Самарин. «Не толкай меня на кровь и Гражданскую войну», — заявил Горбачев Самарину².

«Говорят, что в конце 1991 года, после Беловежского сговора, мне “следовало действовать более решительно”. Отвечаю: я боролся за единое государство до последнего. Нельзя было допустить скатывания ситуации к гражданскому конфликту, а возможно, и к гражданской войне. Понятно, что это могло означать в стране, начиненной оружием, не только обычным, но и ядерным. Поэтому после серьезных размышлений я принял решение, которое и сегодня считаю единственно верным в тех обстоятельствах, — заявил, что прекращаю исполнение обязанностей Президента СССР», — писал М. С. Горбачев³. В другой своей работе Горбачев уточнял свою позицию: «Мне до сих пор задают вопрос: “Вы уверены, что после Беловежья использовали все полномочия Президента для сохранения Союза?” Да, решительно все — **политические** (выделено М. С. Горбачевым. — А. П.). Почему не применил силу, не арестовал участников Беловежского сговора? Может, стоило в тот момент “стать Сталиным” и решить все, как говорится, одним махом? Нет, такое не могло прийти мне в голову. Цепляться за власть ценой гражданской войны и большой крови — это был бы уже не Горбачев»⁴. «Мне до сих пор задают вопрос: вы уверены, что после Беловежского сговора сделали все возможное, использовали все полномочия президента для сохранения Союза? Мой ответ: да, я использовал все политические полномочия, все средства, кроме силовых. Пойти на применение силы, чтобы удержать власть — это уже был бы не Горбачев. И чем это могло бы кончиться? Расколом всего — армии, милиции, гражданским конфликтом, а возможно и гражданской войной. Этот путь для меня был закрыт», — вспоминает Михаил Сергеевич⁵.

¹ Назарбаев Н. А. На пороге XXI века... С. 99.

² Архив автора. Интервью народного депутата СССР В. И. Самарина. Орел. 2021. 3 ноября.

³ Горбачев М. С. После Кремля. М., 2014. С. 13.

⁴ Горбачев М. С. Остаюсь оптимистом. М., 2017. С. 270.

⁵ Горбачев М. Понять перестройку. Отстоять новое мышление. М., 2022. С. 40.

Не будем забывать и еще один момент: Горбачев был ошеломлен самим фактом соглашения в Беловежье — договоре, распускавшем страну, Президента которой об этом не поставили в известность. Вероломство Ельцина, отправившегося в Вискули как эмиссар Президента СССР, и заключившего в итоге соглашение о роспуске огромной страны, просто потрясло Горбачева. Внеправовой, неконституционный характер этого договора был для Михаила Сергеевича абсолютно очевиден. Президент СССР поспешил назвать Беловежские соглашения «инициативой» лидеров трех республик, подчеркивая тем самым нелегитимный характер принятого решения¹. На арест «подписантов» Горбачев не решился, хотя сами участники переговоров в Вискулях этого для себя и не исключали². Деморализованный ударами, нанесенными ему в Форосе и в Беловежье, Горбачев не использовал в полном объеме тех прав, которые предоставляла ему как Президенту СССР Конституция, по сути, смирившись с предательством «пуцистов». «После Крыма, — признавался автору консультант Президента СССР Г. В. Пряхин, — Горбачев был подавленный. Это был уже другой Горбачев»³. Действительно другой. Президент СССР лишь вопрошал А. А. Акаева: «Где же теперь Союз, где теперь мое место?»⁴ Растерянность и деморализация Горбачева были очевидны.

В дневнике Черняева за 8 декабря 1991 г. — день Беловежских соглашений — красноречивая запись: «Нет еще сведений из Бреста: Ельцин, Кравчук, Шушкевич (перепились, наверное, в Беловежской пуще!). Но по тому, что наговорил Ельцин вчера журналистам в белорусском парламенте, ясно: на Союз они не пойдут. И места Горбачеву не оставят...»⁵ Получив известие из Вискулей, где было подписано Беловежское соглашение, Черняев записал в дневнике:

«Только что по радио: Ельцин, Кравчук, Шушкевич договорились о создании Содружества независимых государств... И завтра (+ Назарбаев) будут обсуждать это с Горбачевым. Соглашение открытое — могут присоединиться другие... Вот и все! Назарбаев, прилетев, в аэропорту сожалел о Союзе, взывал хоть бы оборонительный Союз заключить, чтоб единое командование оставалось... М. С., наконец, должен решиться. По ТВ про-

¹ Архив автора. Интервью А. С. Грачева, пресс-секретаря Президента СССР М. С. Горбачева. Москва. 2018. 5 июля.

² *Шушкевич С.* Мы готовились к тому, что Горбачев нас арестует // Комсомольская правда. 2016. 9 декабря.

³ Архив автора. Интервью консультанта Президента СССР Г. В. Прыхина. Москва. 2019. 15 апреля.

⁴ Архив автора. Интервью А. А. Акаева.

⁵ *Черняев А. С.* Совместный исход. С. 1033. Дневниковая запись от 8 декабря 1991 г.

пустили фрагмент из его интервью украинскому корреспонденту, которое он давал вчера. И там опять: “А кто, мол, знает, что я буду выставлять свою кандидатуру?” ... Опять неадекватен: куда выставлять? Кто собирается проводить какие-то выборы? О каком президентстве может идти речь? Для кого?.. Словом, я правильно и давно говорил: Союза не будет. Не верил я в это и до путча... Полночь. Только что — радио: Ельцин, Кравчук, Шушкевич объявили о прекращении существования Советского Союза как субъекта международного права, о недействительности всех законов, относящихся к нему, как государству. Договорились — как совместно финансировать оборону... И экономический механизм — в течение декабря... Словом, с этого момента я живу в другом государстве — России, и я в ней уже фактически безработный...»¹

За Беловежским сговором стоял, конечно, и личный момент — желание подписантов свалить Горбачева, который, по утверждению его пресс-секретаря А. С. Грачева, вплоть до встречи в Вискулях, все еще «оставался в седле, все дело шло пускай и к выморочному, но согласованному всеми лидерами республик, включая Ельцина, проекту Союзного договора, еще более мягкому Союзу, чем это планировалось в августе. Но президентом этого двусмысленного, символического, но все же Союза, вне всякого сомнения оставался Горбачев...»² Последнее ни в какой мере не устраивало участников переговоров в Беловежской пуще. «Очевидны подлинные мотивы брестского сговора: убрать конкурента — Горбачева — можно только развалив СССР, поэтому авторы решились расчленить государство, чтобы захватить власть в отдельных его кусках. Поражает масштабность сделки, ради которой на кон было брошено самое крупное в мире многовековое государство. Конечно же, “Соглашение об СНГ” — это беспрецедентное попрание закона. И всякого права», — писал народный депутат РСФСР В. В. Аксютин³.

После Беловежья, по словам А. С. Грачева, «Начался обратный отсчет времени. Несмотря на то, что первоначально, согласно договоренности между Ельциным и Горбачевым, на переходный период, то есть на церемонию погребения Союза, было решено отвести примерно месяц, с каждым новым публичным заявлением российского президента и его доверенных лиц этот срок неуклонно сокращался. После того как парламенты всех трех республик единодушно, как

¹ Там же. С. 1033–1034. Дневниковая запись от 8 декабря 1991 г.

² Архив автора. Интервью А. С. Грачева, в августе-декабре 1991 г. — пресс-секретаря Президента СССР. Москва. 2018. 13 сентября.

³ Аксютин В. Из воспоминаний: Беловежский переворот (1991). Расстрел парламента (1993) // Русский сборник: Исследования по истории России. М., 2010. Т. IX. С. 249.

в славные брежневские времена, проголосовали за ратификацию Беловежского соглашения, Союз де-факто перестал существовать. О том, чтобы соблюсти приличествующие положению и возрасту усопшего ритуальные процедуры, решили не заботиться. Новые жильцы торопились въехать на еще не освободившуюся площадь и поторапливали родственников покойного»¹. Для горбачёвской команды уже 9 декабря, сразу же после получения информации о соглашении в Вискулях, «стало понятно, что все заканчивается»². Перед каждым возникала необходимость как-то устраивать свою дальнейшую жизнь — было очевидно, что с Ельциным «горбачёвцам» не сработаться — ни по человеческим, ни по профессиональным мотивам.

Последующие дни — дни финала горбачёвской эпохи — помощник Президента СССР А. С. Черняев испытывал чисто человеческое чувство жалости по отношению к своему патрону, не спешившему уходить из Кремля. С точки зрения Черняева, это было унижительно для Горбачева, ибо подрывало его авторитет как *исторической личности*³.

«Николай II имел мужество отречься от престола после 300 лет правления династии. М. С. никак не поймет, что его дело сделано. Давно надо было уходить... беречь достоинство и уважение к сделанному им в истории... Ничтожество Козырев на пресс-конференции заявил: есть два выхода — самоликвидация “союзных” органов (начиная с Президента) и добровольная передача имущества или нецивилизованный способ по типу августовского. Грозится. Я подумал: а за что идти на баррикады? Мы же, команда Горбачева, обосрались “не на данном этапе”. Конечно, отвратителен вид этой интеллигентной банды вокруг Ельцина (всякие Бурбулисы, Козыревы и т. п.). Так же были отвратительны интеллигентным кадетам, эсерам и меньшевикам, не говоря о монархистах, интеллигентные большевики в 1917–20 гг. Но ведь те тоже обосрались. Я не верю, что Ельцин выведет “дело России” на стезю. Но и не вижу альтернативы “отдаться России”. Союз мертв...», — записывал в своем дневнике Анатолий Сергеевич⁴. «Говорили с Грачевым: надо М. С. сосредоточиться на том, чтобы достойно уйти. Все у Ельцина теперь (плюс Кравчук и Шушкевич) направлено на то, чтобы его скинуть. И фактически Ельцин уже сделал это, лишив М. С. всех средств сопротивления. Вчера Ельцин взял под свой контроль всю правительственную связь, т. е. может просто отключить у М. С. теле-

¹ Грачев А. С. Дальше без меня... Уход Президента. М., 1994. С. 209.

² Архив автора. Интервью В. Б. Кувалдина, в 1991 г. — спичрайтера Президента СССР по вопросам внешней политики. Москва. 2018. 21 июля.

³ О своей деятельности в декабре 1991-го года М. С. Горбачев рассказал в книге, опубликованной вскоре после его ухода в отставку с поста Президента СССР (см.: Горбачев М. С. Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992).

⁴ Черняев А. С. С. С. 1035. Дневниковая запись от 10 декабря 1991 г.

фоны, не пустит работников аппарата в Кремль или запрет на замок двери кабинетов. Каждый день цепляния за Кремль — а теперь это именно только так и выглядит — отдаляет день, когда история поставит Горбачева на его место великого человека XX столетия. И не надо ему искать “работу”... Он должен просто удалиться... И продолжить “традицию” всех великих и не очень — Де Голля, Черчилля, Тэтчер... Правда, мы не Франция, не Англия, но... пора создавать “эту модель” ухода. Не мельтешить, не противоречить всему тому, что он сам считал обязательным для всех порядочных и мужественных», — писал А. С. Черняев¹.

Деморализованный предательским сговором лидеров славянских республик Горбачев не сумел предпринять результативных усилий по сохранению союзного государства. «Хотя развал “шьют” мне, я-то до последнего патрона сражался, чтобы Союз продолжал свое существование», — утверждал экс-президент СССР². Верный своему *credo* Горбачев ограничился увещеваниями, продолжая бороться «за сохранение единого государства всеми доступными политическими — подчеркиваю, политическими — средствами»; упрекая беловежских подписантов в «бездумном, авантюристическом “ропуске” Союза»³, Михаил Сергеевич не был готов возложить *всю* ответственность на себя. Поистине преступлением элит по отношению к собственному народу было то, что Союз распался спустя всего 9 месяцев после всенародного изъяснения в его поддержку на Всесоюзном референдуме⁴; в данном случае приходится констатировать, что в силу огромного количества причин Президент СССР не воспользовался *всеми*, данными ему по Конституции СССР правами, для сохранения вверенной его попечению страны. В своем кругу, в марте 1991 г., Горбачев с несвойственным для него пессимизмом говорил: «Ну, год-то мы еще продержимся»⁵.

¹ Там же. С. 1035. Дневниковая запись от 11 декабря 1991 г. По утверждению входившего в окружение Горбачева К. Н. Брутенца, уже после возвращения из Фороса «Горбачев, обладая всеми внешними регалиями власти, реальной власти уже не имел, она большей частью ограничивалась пределами Кремля». Уже в начале октября 1991 года, вспоминая Брутенца, в аппарате Президента заговорили о том, что «Михаилу Сергеевичу не нужно больше тянуть время, надо уходить» (*Брутенц К. Н. Несбывшееся...* С. 618–619).

² *Горбачев М.* Стоила мне эта работа очень дорого // Сноб. 2010. № 10. С. 128.

³ Михаил Горбачев — Виталию Третьякову: Предлагаемая Вами роль «просителя» мне не подходит // Комсомольская правда. 2014. 13 марта.

⁴ Архив автора. Интервью В. Б. Исакова, Председателя Совета Республики Верховного Совета РСФСР. Москва. 2019. 2 октября.

⁵ Архив автора. Интервью Ю. В. Голика, народного депутата СССР. Москва. 2019. 16 мая.

Увы, Советский Союз не смог пережить трагический по своим последствиям девяносто первый год.

Последние надежды Горбачев возлагал на встречу глав бывших (?) союзных республик в Алма-Ате 21 декабря 1991 г., на которую Михаила Сергеевича лидеры республик пригласить не пожелали — на ней он, по их мнению, был бы лишним¹. Итоги встречи оказались плачевны для союзного Президента, хотя главы вчерашних республик и приняли документ о пожизненном обеспечении М. С. Горбачева, «учитывая его деятельность на посту Президента СССР»². Как констатировал А. С. Грачев, «после Алма-Аты в патронташе Горбачева больше не осталось патронов»³, хотя перед встречей в столице Казахстана Михаил Сергеевич надеялся, что руководители союзных республик, вошедшие при нем, Горбачеве, в большую политику, в знак признательности изберут его почетным президентом какой-то новой структуры на месте СССР. Надежды Горбачева не оправдались, Ельцин отыгрался на нем до конца⁴. Примечательно, что народ, конечно же, не уведомили о том, что СНГ — вовсе не новая версия СССР, а распад государства. «Создание сразу же, в декабре 1991 года, СНГ воспринималось, в совокупности с беловежскими соглашениями, как обновление и реформативное переформатирование страны — на еще лучших основах. Это позже будет заявлено, что СНГ и планировался как механизм “мирного развода”. Но тогда ни такой публичной трактовки, ни такого понимания событий у большинства не было», — констатирует народный депутат СССР Ю. Ю. Болдырев⁵. Горькие последствия этого обмана с того времени прочувствовали на себе и своей судьбе миллионы людей.

«Вчера состоялся Алма-Атинский погром. Поворот, видимо, сопоставимый с 25 октября 1917 года и с такими же неопределенными последствиями. Горбачева просто грубо скинули. Даже не приняли специального документа об “упразднении” его как главы государства. К Николаю II хоть посылали “авторитетную делегацию” Думы с просьбой об “сложении с себя”, об отречении. А Горбачеву — лишь на пресс-конференции Ельцин, отвечая на вопрос, объяснил: да, обсуждали его судьбу, не будем поступать так, как раньше с нашими вождями — хоронить, потом перезахоранивать, объявлять преступником. Будем — как в цивилизованном государстве.

¹ Архив автора. Интервью С. С. Шушкевича.

² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 649. Л. 5.

³ Грачев А. С. Последний день СССР. Свидетельство очевидца: воспоминания помощника президента Советского Союза. М., 2022. С. 255.

⁴ Архив автора. Интервью К. Д. Лубенченко, осенью 1991 г. — председателя Совета Союза Верховного Совета СССР. Москва. 2019. 25 мая.

⁵ Болдырев Ю. Избежать краха // Литературная газета. 2016. №48. С. 2.

Определили ему материальное содержание и “вообще” его “положение после отставки”. И произошло это, кстати, ровно 4 месяца спустя после путча и в день рождения Сталина! Советского Союза больше нет. И Россия — член Совета Безопасности ООН... Пойдут-поедут в разные стороны наши “Европа» и «Азия”..., как и, так называемый, “славянский” мир... И Россию придется строить заново... вряд ли в согласии с татарами, бурятами и наследниками Шамиля», — записывал в своем дневнике А. С. Черняев¹.

23 декабря 1991 г. состоялась передача дел от Горбачева к Ельцину — один из наиболее тяжелых дней в жизни Михаила Сергеевича, означавший окончательное признание им своего поражения. «С 12.05–20.55 продолжалась встреча Михаила Сергеевича с Б. Н. Ельциным. Во встрече принимал участие А. Н. Яковлев», — гласит сухая запись журнала посещений Президента СССР². Александр Николаевич Яковлев, слава Богу, оставил подробные воспоминания об этой встрече двух титанов перестройки.

«Так уж случилось, что я оказался свидетелем не только начала, но и конца вершинной карьеры Михаила Горбачева. Волею судьбы я присутствовал на встрече Горбачева и Ельцина в декабре 1991 года, на которой происходила передача власти. Не знаю до сих пор, почему они пригласили меня. Я был третьим. Беседа продолжалась более восьми часов. Была деловой, взаимоважительной. Порой спорили, но без раздражения. Я очень сожалел, что они раньше не начали сотрудничать на таком уровне взаимопонимания. Думаю, сильно мешали “шептуны” с обеих сторон. Горбачев передал Ельцину разные секретные бумаги. Ельцин подписал распоряжение о создании Фонда Горбачева... Беседа втроем закончилась, пошли обедать. Вот тут Михаил Сергеевич начал сдавать, выпил пару рюмок и сказал, что чувствует себя неважно. И ушел — теперь уже в чужую комнату отдыха. Мы с Борисом Николаевичем посидели еще с часок, выпили, поговорили по душам... Я вышел вместе с ним в длинный коридор Кремля, смотрел, как он твердо, словно на плацу, шагает

¹ Черняев А. С. Совместный исход... С. 1039. Дневниковая запись от 22 декабря 1991 г. «21 декабря 1991 года в Алма-Ате состоялось намеченное совещание глав независимых государств. Они подписали Декларацию в поддержку Беловежского соглашения. Там говорилось: “С образованием Содружества Независимых Государств Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование”. Мои соображения, изложенные в послании участникам совещания, остались без последствий. Но в Алма-Ате судьба страны уже никого не занимала: там делили наследство. Все были в состоянии эйфории: еще вчера их мало кто знал, а завтра они — главы независимых государств. Какое дело до того, что они уготовили народам. Это потом станет ясным. И они начнут искать козла отпущения», — вспоминал М. С. Горбачев (*Горбачев М. С. Размышления о прошлом и будущем.* СПб., 2002. С. 183). Текст Алма-атинской декларации был опубликован в газетах. См.: Алма-Атинская декларация // Правда. 1991. 23 декабря.

² РГАНИ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 301. Л. 180.

по паркету. Шел победитель. Вернулся к Горбачеву. Он лежал на кушетке, в глазах стояли слезы. “Вот видишь, Саш, вот так”, — говорил человек, может быть, в самые тяжкие минуты своей жизни, как бы жалуясь на судьбу и в то же время стесняясь своей слабости. Ничего, казалось бы, не значащие слова, но звучали как откровение, покаяние, бессильный крик души. Точно по Тютчеву: “И жизнь, как подстреленная птица, подняться хочет, а не может”. Как мог, утешал его. Да и у меня сжималось горло. Мне до слез было жаль его. Душило чувство, что свершилось нечто несправедливое. Человек, еще вчера царь кардинальных перемен в мире и в своей стране, вершитель судеб миллиардов людей на Земле, сегодня бессильная жертва очередной каприза истории. Он попросил воды. Затем захотел остаться один...»¹

Спустя два дня, 25 декабря 1991 г., М. С. Горбачев объявил о своей отставке. Михаил Сергеевич оставил свой пост, желая избежать раскола страны и гражданской войны, что было бы неизбежно, в случае, если бы он прибегнул к силовым акциям.² Ядерный чемоданчик Президент СССР передал Б. Н. Ельцину через последнего союзного министра обороны Е. И. Шапошникова. Личной встречи президенты посчитали нужным избежать³.

«Совесть моя чиста. Я не воровал, не растаскивал ничего. Для меня самое важное было — желание, стремление обновить, преобразить страну, чтобы народ себя чувствовал по-человечески. Ресурсы огромные, надо обустроить страну и жить. Это главное было. Американцы решили — ага, удачный момент, мы столько десятилетий боролись, чтобы Советский Союз ослабить, а он сам распался. Но мы сами развалили Союз, не кто-то. Сколько слов высказано правильно — но уже после. А тогда не должны были уклоняться от решения. А как решили — известно», — вспоминал М. С. Горбачев⁴.

«Я считал, что я политически потерпел поражение как политик. Но это мало так сказать, что я потерпел поражение. Ведь это драма для всех народов. Ведь самая главная причина того, что так все идет у нас, во всех государствах, бывших республиках, во всех, не только с экономикой, но и во всех делах, — это распад Союза. Потому что это было все-таки плотное государство, это не классическая империя, где была метрополия, это все перемешано. У нас кооперация, интеграция были выше, чем в Европейском Союзе. Энергетика общая, железные дороги общие, связь общая, оборона общая и многое-многое другое. Образование общее и т. д. Поэтому это беда», — эти актуальные и поныне слова были произнесены Горбачевым еще в 1998 г.⁵

¹ Яковлев А. Н. Сумерки. Изд. 2-е, доп. и перераб. М., 2005. С. 506–508.

² Горбачев М. Лукашенко обратился к рабочим... Я тоже так делал. Но поддержки не получил // Комсомольская правда. 2021. 21 августа.

³ Маршал империи. (Беседа А. Никитина с Е. Шапошниковым) // Итоги. 2012. № 1. С. 32.

⁴ Горбачев М. Надо изменить атмосферу // Огонек. 2015. № 4. С. 19.

⁵ Архив Горбачев-фонда. Ф. 1. Оп. 4. Д. 19665. Интервью М. С. Горбачева В. В. Познеру. 1998.

До конца своих дней Горбачев испытывал сожаление, что ему не удалось довести до конца дело реформирования страны. Отвечая на вопрос, что бы стало с Советским Союзом, если бы эти реформы удалось реализовать, Михаил Сергеевич заявлял, что «была бы свободная демократическая страна. Смотрите, что бы сейчас новая власть ни бралась делать, выясняется, что начало этому было положено в перестройку. А значит, что процессы, начатые нами, продолжают. Но если бы у меня была возможность ими заниматься, я бы это делал последовательно, постепенно, а не через колено, ломая шею, как у нас принято. Мы бы не разбазаривали собственность через эту “прихватизацию”, а проводили бы ее в интересах общества. Реформы шли бы медленно, трудно. Вообще, начинать перестройку в такой стране, как наша, — это большой риск. А взять на себя ответственность за эти перемены — бремя просто неподъемное. Я бы посмотрел, кто бы еще с этим справился! А я-то со всех сторон только и слышу: Горбачев нерешительный, Горбачев размазня, кисель... Ну, это оплаченные трепачи, так называемые тролли. Внимания не обращаю...»¹

Последним поручением, которое выполнил А. С. Черняев для *Президента СССР М. С. Горбачева*, было составление текста его обращения к согражданам в связи с уходом в отставку. «В среду, 25-го, М. С. решил выступить с последним Обращением... Готовилось оно сначала как Заявление... В конце концов он взял “за основу” да и почти “в целом” мой текст, даже вернул в последний момент кое-что из предыдущих вариантов (например, что государство надо бы распускать с народного волеизъявления) ... Но и напицкал деталями, которое все равно газеты “не взяли”... Ни одна газета полностью Обращение не напечатала! Все боятся Ельцина», — записывал в дневнике Черняев².

Над прощальным обращением Президента СССР к соотечественникам работало несколько человек. Различные варианты были подготовлены А. Н. Яковлевым, А. С. Грачевым, А. С. Черняевым. В каждый из них Михаил Сергеевич вносил свои рукописные правки, в итоге остановившись на тексте, автором которого был А. С. Черняев³. В итоговом тексте удалось собрать и обобщить весь исторический опыт и значение перестройки. Горбачев от всей души поблагодарил тех, «кто в эти годы вместе со мной стоял за правое

¹ *Горбачев М.* Стоила мне эта работа очень дорого // Сноб. 2010. № 10. С. 126.

² *Черняев А. С.* Совместный исход... С. 1041. Дневниковая запись от 27 декабря 1991 г.

³ Архив Горбачев-фонда. Ф. 5. Оп. 1. Д. 10882.

и доброе дело», посетовав на то, что ему не удалось избежать ошибок и признав, что многое можно было бы сделать лучше. Вместе с тем Михаил Сергеевич высказал твердую уверенность в том, что «раньше или позже наши общие усилия дадут плоды, наши народы будут жить в процветающем и демократическом обществе»¹.

В момент телеобращения А. С. Черняев находился рядом с Президентом СССР: «Я стоял сбоку, метрах в 8–10 от него. Прямой эфир. Он был спокоен. Не стеснялся заглядывать в текст. И получилось “с ходу” хорошо. И потом — сколько не слышал “домашних” опросов — оценки сходились: достоинство и благородство. Действительно, трагическая фигура, хотя мне, который привык его видеть “в обыденности”, трудно прилеплять к нему этот термин, с которым он, конечно, войдет в историю»². В день отставки Президент СССР был очень подавлен и удручен, но в момент записи обращения к советскому народу сумел собраться. Президент сам попросил, чтобы его отставка произошла в прямом эфире. Обращение Горбачева, трансляция которого шла в прямом эфире по Центральному телевидению, было преисполнена чувством собственного достоинства и уважения к своему народу, которому предстояли не менее тяжелые испытания. Да, Горбачев уходил, будучи чрезвычайно непопулярным политиком. Но то благородство, с которым он покидал власть, те сдержанные ноты, которые он сумел найти, последний раз отражаясь к соотечественникам как глава государства, то сопереживание своему народу, которое было для него как руководителя страны всегда характерно, не может не вызывать к нему глубокую симпатию.

В момент записи обращения Михаила Сергеевича одна из камера была поставлена на крышу ГУМа, благодаря чему миллионы телезрителей видели, как с бывшего здания Сената на территории Кремля снимали алый стяг с изображением серпа и молота — государственный флаг Советского Союза и медленно поднимали триколор — флаг Российской Федерации.³ Началась эпоха Новой России. Режиссер трансляции К. В. Кислова рассказывала автору, что после выхода Горбачева из зеленой гостиной, где записывалось его отречение, экс-президент пошел с ней по коридору, который поразил ее своей пустотой — «ни одного часового, ни одного дежурного. Зато были люди у кабинета Горбачева — простые рабо-

¹ Горбачев М. С. Декабрь-91. Моя позиция. М., 1992. С. 120.

² Черняев А. С. Совместный исход... С. 1042. Дневниковая запись от 27 декабря 1991 г.

³ Архив автора. Интервью К. В. Кисловой, главного режиссера программы «Время». Москва. 2021. 1 апреля.

тяги в синих халатах прямо при Михаиле Сергеевиче свинчивали массивную табличку с надписью “Президент СССР М. С. Горбачев”. При этом в приемной Горбачева после отставки уже не сидело ни одного человека, в своем кабинете Михаил Сергеевич какое-то время оставался совсем один, предаваясь тяжелым мыслям¹.

После записи телеобращения и передачи Ельцину ядерной «кнопки» состоялся последний «кремлевский» ужин уже не Президента Горбачева и его соратников, на котором присутствовали Черняев, А. Н. Яковлев, Е. В. Яковлев и А. С. Грачев. «Наверное, президенту хотелось, чтобы в этот исторический вечер прощальный ужин в Кремле выглядел по-другому, не принял форму неофициальной встречи в пустом и неосвященном Кремлевском дворце с оставшимися верными ему товарищами. Но если за этим столом кого-то могло и не хватать, то по крайней мере не было никого лишнего», — писал А. С. Грачев². «Говорили об историческом значении перестройки... Над застольем нависала тень Ельцина. Никто из союзных президентов не осмелился позвонить Горбачеву. За час до заявления об отставке от Горбачева потребовали очистить помещение дачи. Горбачеву пришлось оторваться от текста, который он писал для истории, чтобы повесить голос... У него удивительно устойчивая нервная система. Удары он переносил стоя, как он говорил “по-мужицки”», — вспоминал Андрей Серафимович³.

25 декабря 1991 г. завершилась политическая карьера Президента СССР, объявившего о своей отставке. В этот день прекратил свое существование и Советский Союз, союзные республики ушли в «свободное плавание», начав новый этап своей истории. «Мы сами развалили Союз, не кто-то. Сколько слов высказано правильно — но уже после. А тогда не должны были уклоняться от решения. А как решили — известно», — вспоминал М. С. Горбачев⁴. Не снимая с Горбачева исторической ответственности за распад Советского Союза, следует подчеркнуть, что «империя», как и в 1917 г., распалась при абсолютном равнодушии народа, который по всегдашней национальной традиции «безмолвствовал», уже не веря старым властителям и не успев разувериться в новых.

Первый и единственный Президент СССР раскрепостил наше общество, сделал его свободным, избавил от страха перед властью, при этом за неполные семь лет своего пребывания на вершине политического Олимпа Горбачев сумел произвести процесс демо-

¹ Там же.

² Грачев А. С. Дальше без меня... Уход Президента. М., 1994. С. 248.

³ Архив автора. Интервью А. С. Грачева. Москва. 2018. 5 июля.

⁴ Горбачев М. Надо изменить атмосферу // Огонек. 2015. № 4. С. 19.

кратизации так основательно и необратимо, что августовская эксгумация прошлого, произведенная членами ГКЧП, очень многим показалась не только страшной, но и заведомо абсурдной — всем ведь известно, что прошлого не вернуть. Принципиально важно, что Горбачев сумел освободить страну в одиночку¹, опираясь именно на собственную волю и желание добиться для своих соотечественников достойной жизни, не требуя у них ничего взамен и в общем-то добровольно согласившись оставить власть, в тот момент, когда наступил конец *его эпохи*. Находиться у власти против желания своих граждан, проливая ради этого реки крови и подвергая свою страну опасности Гражданской войны, Михаил Сергеевич не пожелал.

Михаил Горбачев был романтиком, который постарался привнести в политику мораль и гуманизм, взывая к благородным побуждениям сильных мира сего. Наверное, это было наивно; не случайно, что даже доброжелатели Горбачева говорят о времени перестройки как о «наивных годах».² В известной степени правы были и те политические сотрудники Михаила Сергеевича, которые говорили о том, что в нем уживалась редкая порядочность и определенная беспечность, присущая толстовскому Стиве³, — Горбачев, будучи природным оптимистом, всегда рассчитывал на положительный для него итог развития того или иного процесса — до поры, до времени его ожидания почти всегда сбывались. Неистовая вера в свои силы, сопряженная с огромным желанием изменить жизнь не только своей страны, но и всего человечества — на первом этапе перестройки была огромным преимуществом Горбачева, позволившим ему буквально перевернуть, казалось бы, столь крепкое здание миропорядка. Слабой чертой Горбачева была его нелюбовь к рутинным делам и нередкие просчеты в кадровой политике: в решающий момент его политической карьеры рядом с Михаилом Сергеевичем оказалось совсем немного по-настоящему верных людей. Великий шахматист А. Е. Карпов, хорошо знавший Горбачева, говорил о нем как об «очень ловком тактике, но очень слабом стратеге»⁴, наверное, тут есть своя доля правды, но надо учитывать и то обстоятельство, что первый и последний Президент СССР жил и руководил огромной страной, переживая вместе с ней

¹ Архив автора. Интервью народного артиста СССР и народного депутата РСФСР О. В. Басилашвили. Санкт-Петербург, Репино. 2022. 3 октября.

² См.: *Лошак В. Г.* Наивные годы: Егор Яковлев и его газета. М., 2021.

³ Архив автора. Интервью В. С. Гусенкова; Архив автора. Интервью А. Я. Дегтярева.

⁴ Архив автора. Интервью А. Е. Карпова.

невероятную и во многом мучительную трансформацию, последствия которой в тот момент ни он, да и никто в мире не мог и предвидеть. Поэтому упрекать Горбачева — несомненно, ярчайшего и лучшего представителя той политической элиты, с которой Советский Союз встретил 1985-й год, — за то, что он *не сделал*, конечно, необходимо, но с предельной осторожностью. «Михаил Горбачев был последним генсеком ЦК КПСС и первым президентом СССР. В этом ключ к разгадке его политической судьбы. И одновременно — к пониманию олицетворенной им эпохи... Последний генсек оказался самым свободным в своих человеческих проявлениях, самым открытым, а посему и самым уязвимым (и для партаппарата, и для народной молвы) из советских вождей. Предъявлять Горбачеву исторический счет за то, чего он не сделал или сделал не так, можно сколько угодно. Но подобной калькуляцией стоит заниматься только с пониманием тогдашних реалий. И с пониманием человека, на глазах у всего мира совершавшего не просто статусное, но и трудное внутреннее преобразование из руководителя партии, авангардная роль которой была закреплена в Конституции, в президента, отменившего политический монополизм... В сущности, вся горбачёвская эпоха была эпохой полдорожья. Эпохой между “еще” и “уже”», — справедливо пишет публицист В. Выжutowич¹.

Для Горбачева как руководителя была характерна ставшая его фирменным знаком взвешенность, рассудительность, склонность к компромиссам, известная мягкость характера. «Горбачев всегда был предельно собран, пунктуален, необычайно работоспособен. Ни минуты свободного времени — масса встреч, предельно плотный график. Никогда я его не видел в панике. Сосредоточен. Бывали дни, когда видно, что ему трудно, что-то решает для себя, колеблется. Никогда не орал ни на кого. Никогда! Даже в самые критические времена был очень собран. Не трус. Не боялся людей. Лично был мужественный человек. Очень хороший человек! Как никто оболган Горбачев! Сколько вокруг него напраслины, дикости! А ведь надо было доверять Горбачеву! Он так в этом нуждался! Буквально накануне отставки я занимался прописыванием Горбачева — его переселяли из президентской прекрасной квартиры в обычную трехкомнатную квартиру для охраны, которая была в том же доме. Не было у него никакой своей дачи. Никаких счетов. Да и мы получали, работая у него очень небольшую зарплату, накоплений не имели. Ни у кого не было ни дач, ни машин. Не то у нас было обеспечение, что было потом у соратников и помощников Ельцина.

¹ *Выжutowич В.* Человек, который изменил историю // Российская газета. 2022. 1 сентября.

Это — характерная черта Горбачева: он был выше этого, презирал это. Он не покупал никого. В этом смысле он был просто наивен. Ну, что поделывать. Это так было», — рассказывал автору верный соратник Михаила Сергеевича, заведующий Секретариатом Президента СССР Г. С. Остроумов¹.

«Горбачев — романтик. Как человек он не предатель и не изменник. По общему кругозору он превосходил генсеков до него и Бориса Николаевича Ельцина. Он был не по-показному демократичен. Всегда отвечал на записки и предложения — не позднее чем через пару тройку дней. Всегда перезванивал, если просят позвонить. Каждый реформатор считает, что схватил Бога за бороду. Так и он. Для того, чтобы реализовать его задумки, стране нужен был человек калибра Дэна Сяопина, а Горбачев был человеком калибра Хрущева... В определенной мере ему был присущ нарциссизм, наверное, не хватало ему характера и умения принимать решения, что необходимо на таком посту», — говорил о Горбачеве его помощник В. К. Егоров².

Будучи очень добрым и терпимым для политика такого ранга человеком, Горбачев был слепо доверчив по отношению к тем, кто от него затем отвернулся; напротив, те, кто был не только предан Михаилу Сергеевичу, но и разделял его политическую философию, столкнулись с его недоверчивостью, помноженной в свое время на стремление от них избавиться. В результате, к роковому для него августу 1991 г., Президент СССР был в политическом отношении оголён и беззащитен. Не понимая этого и слепо веря в свою звезду, преувеличивая значение своих соглашений с лидерами союзных республик, М. С. Горбачев решил на роковой для него отъезд в отпуск в Крым, спровоцировавший августовский путч, ставший, по сути, концом его политической карьеры. После возвращения из Фороса Горбачев, вроде бы, небезуспешно попытался реанимировать Новоогаревский процесс, однако Беловежский сговор добил союзное государство; в аморфной конструкции СНГ места для Президента СССР не отыскалось — республиканские лидеры с радостью от него избавившись, вмиг превратившись в *президентов независимых государств*. Применить силу и проливать кровь ради сохранения за собой поста в Кремле Горбачев не мог и не же-

¹ Архив автора. Интервью Г. С. Остроумова. Георгий Сергеевич с огромной гордостью показывал подписанную Горбачевым на следующий день после отставки фотографию Президента СССР, на которой Михаил Сергеевич оставил красноречивую и глубоко характерную для него надпись: «Дорогой Георгий Сергеевич! Все еще только начинается, главные события впереди. Но начинали — мы!»

² Архив автора. Интервью В. К. Егорова.

лал — неприятие насилия как политической категории было одной из его базовых ценностей. Не решившись на подавление уже нового путча, — произошедшего в Беловежье, — Горбачев заслужил пожизненные порицания, а еще чаще даже — проклятия — со стороны представителей «государственнического» лагеря. Это был его крест, который он с достоинством нес тридцать лет — вплоть до своей смерти.

«Жизнь его трагична, но и оптимистична. Потеря президентского поста и крушение советской страны были для него большим ударом. Он его выдержал, продолжал бороться, трудиться, выпускать книги, осмысливать прожитое. В нем было больше светлого, чем темного», — написал о Горбачеве его многолетний сотрудник Б. Ф. Славин¹. Глубокое замечание о Горбачеве-политике принадлежит П. Р. Палажченко, также в течение долгих лет работавшему с последним советским лидером: «Сейчас его пытаются рисовать как слабого политического руководителя. Но в открытой борьбе он практически всегда одерживал верх. Его удалось сбросить, только вытащив из-под него страну, и историкам еще предстоит это оценить»². В свою очередь, главный редактор журнала историк В. Н. Рудаков сумел найти, пожалуй, точные слова для характеристики невероятно сложной и поистине многоэтажной личности — Михаила Горбачева: «История — дама капризная» — Горбачев неоднократно повторял это. Даже победителей время от времени судит. Проигравшим же и вовсе выносит приговоры строго и безапелляционно. Однако, возможно, ему она все-таки сделает скидку. За то, что цели, которые он перед собой ставил, были вполне благородны и в момент, когда он принимал главные решения, разделялись большинством его сограждан. За то, что он не был злым человеком. Не расстреливал парламент. Не цеплялся за власть. За то, что искренне переживал из-за распада СССР и поддержал воссоединение Крыма с Россией, полагая, что это хотя бы отчасти восстановит нарушенную в Беловежье историческую справедливость. За то, что, оказавшись на пенсии, остался в своей стране, а не уехал на Запад, где его боготворили, и в итоге лег в родную землю на Новодевичьем погосте»³.

Для названия одной из своих книг, посвященной периоду после отставки, Михаил Сергеевич выбрал предельно точное опреде-

¹ Неоконченная история М. С. (Беседа В. Сухомлинова с Б. Славиним) // Литературная газета. 2022. № 36. С. 13.

² Горбачев открыл миру Россию и России — мир. (Беседа Г. Саркисова с П. Палажченко) // Литературная газета. 2022. № 6. С. 5.

³ Рудаков В. На смерть Горбачева // Историк. 2022. № 10 (94). С. 60.

ление — «После Кремля»¹. Вопреки национальному обыкновению, «После Кремля» Горбачеву предстояла еще долгая жизнь, включившая в себя длившийся в течение нескольких лет период политического забвения, неудачное участие в президентских выборах-96, ожесточенную критику со стороны российских СМИ и всемирное признание как творца нового мышления, человека, сыгравшего ключевую роль в объединении Германии и окончании холодной войны. Все эти годы Михаил Сергеевич жил на государственной даче в небольшой подмосковной деревеньке Калчуге, продолжая работать над своими воспоминаниями и мечтая получить положительную оценку за свою деятельность со стороны соотечественников. О том, что в действительности Россия все эти годы по-настоящему уважала и почитала Горбачева, стало понятно только поздним вечером 30 августа 2022 г., когда было получено известие о смерти политика и в адрес Горбачев-фонда со всех концов страны стали поступать телеграммы и соболезнования от самых разных людей — президенты и министры — действующие и отставные, деятели культуры, да и просто обычные граждане стремились донести до родных умершего Президента СССР и сотрудников фонда всю свою горечь и сожаление в связи с этой утратой.

А солнечным утром 3 сентября — в день похорон Горбачева — со всей очевидностью выяснилось, как Россия любила Михаила Сергеевича. Уже с 10 часов сотни людей выстроились в очередь для того, чтобы отдать последний долг памяти Горбачеву; поток все увеличивался — после полудня для прощания с ним выстроились уже многие тысячи людей, среди которых было немало и тех, кто специально приехал в Москву для того чтобы проститься с Михаилом Сергеевичем. Наверное, у каждого из тех, кто принимал участие в этой печальной процедуре, есть *свой Горбачев*, своя память о нем — память о политике-романтике, искренность и убежденность которого подарили когда-то всему человечеству надежду на лучшую участь.

Среди тех, кто пришел в Колонный Зал Дома Союзов — место, где прощались до этого со Сталиным, Брежневым, Андроповым и Черненко, — были видные деятели культуры — певица Алла Пугачева, тележурналисты Владимир Познер, Дмитрий Крылов и Дмитрий Киселев, народные депутаты СССР Николай Травкин и драматург Александр Гельман, лауреат Нобелевской премии мира Д. А. Муратов, народные депутаты РФСР О. Г. Румянцев и В. Л. Шейнис, известные политики С. В. Степашин, Г. А. Явлин-

¹ Горбачев М. С. После Кремля. М., 2014.

ский и Д. А. Медведев. Накануне простился с покойным Президент России В. В. Путин.

Среди собравшихся были представители разных поколений: были и совсем молодые люди — те, кто появился на свет уже после ухода Горбачева в отставку; были и дети, которых привели на церемонию прощания их родители, вероятно, связывавшие с Президентом СССР свои детские или юношеские воспоминания; были и глубокие старики, с трудом доходившие до ритуального зала, в котором был приглушен свет и играла «Ave, Maria». Наверное, только в этот момент Россия осознала, что лишь с уходом этого выдающегося политика в вечность для нашей страны была окончательно перевернута страница ее истории, связанная с Двадцатым веком. Михаил Сергеевич Горбачев был упокоен рядом с любимой женой Раисой Максимовной на Новодевичьем кладбище столицы. Совсем недалеко от Горбачева — могила Бориса Николаевича Ельцина. Смерть примирила их — Первого Президента России и Первого и единственного Президента Союза Советских Социалистических Республик.

В предлагаемой антологии сделана выборка отдельных мест из тех воспоминаний и дневников, которые, по нашему мнению, дают представление о наиболее характерных моментах политической биографии М. С. Горбачева — читатель получит возможность познакомиться с мнениями и оценками как соратников и единомышленников Президента СССР, так и тех его современников, которых следует аттестовать как его политических оппонентов. Некоторые из воспоминаний специально написаны для настоящего издания по просьбе составителя книги. Принимая во внимание то обстоятельство, что уход из жизни героя антологии произошел в момент подготовки этой книги к печати, автор этих строк, благодаря любезному согласию издательства, счел возможным предпослать подборке мемуаров достаточно большую по объему биографическую статью, посвященную Михаилу Сергеевичу Горбачеву.

